

Е. Гейтманъ

АЛЕКСАНДРЪ ПУШКИНЪ

СОЧИНЕНІЯ А. С. ПУШКИНА

ИЗДАНИЕ ОБЩЕСТВА

ДЛЯ ПОСОБІЯ НУЖДАЮЩИМСЯ ЛИТЕРАТОРАМЪ И УЧЕНЫМЪ,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ И СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМИ ПРИМЪЧАНІЯМИ

П. О. МОРОЗОВА

ТОМЪ I

ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

(1812—1825)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

1887

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предпринимая настоящее изданіе, Комитетъ Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ имѣлъ цѣлью представить, во-первыхъ, по возможности полный и тщательно провѣренный текстъ произведеній великаго поэта и, во-вторыхъ, книгу, которая могла бы служить пособіемъ для занимающихся изученіемъ какъ самого Пушкина, такъ и пушкинской эпохи вообще.

Соотвѣтственно этой цѣли, редакціею пересмотрѣны, исправлены и дополнены по подлиннымъ рукописямъ Пушкина, хранящимся въ Московскомъ Публичномъ и Румянцовскомъ Музеѣ *) и Императорской Публичной Библіотекѣ въ Петербургѣ, всѣ его произведенія, впервые появившіяся въ печати послѣ его смерти; произведенія, требовавшія объясненій, снабжены примѣчаніями біографическаго, бібліографическаго и историко-литературнаго содержанія, въ которыхъ, между прочимъ, указаны заимствованія изъ писателей русскихъ и иностранныхъ и подражанія имъ, сообщены свѣдѣнія о лицахъ и фактахъ, имѣющихъ отношеніе въ данному произведенію или послужившихъ для него поводомъ, и отмѣчены критическіе и полемическіе отзывы, явившіеся въ печати при жизни Пушкина **).

*) Подробное описаніе этихъ рукописей, составленное В. Е. Якушкинымъ, напечатано въ „Русской Старинѣ“ 1884 г. За содѣйствіе, оказанное лично г. Якушкинымъ настоящему изданію, редація считаетъ долгомъ выразить ему искреннюю свою признательность.

**) Изъ числа сочиненій о Пушкинѣ, на которыя дѣлаются ссылки въ примѣчаніяхъ, чаще всего упоминаются книги П. В. Анненкова: „Матеріалы для біографіи А. С. Пушкина“ (сокращенно: Мат.) и „А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху“, Спб. 1874 (сокращенно: Пушк.). „Матеріалы“ цитируются по 2-му изданію (Спб. 1873), въ виду того, что первое составляетъ въ настоящее время бібліографическую рѣдкость.

Подробная программа настоящаго изданія была рассмотрѣна и одобрена Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Общая редакція всего изданія поручена П. О. Морозову, подъ наблюденіемъ комиссіи, въ составъ которой вошли: В. П. Гаевскій, Д. Θ. Кобеко, А. Н. Пыпинъ и Н. С. Таганцевъ.

Сочиненія Пушкина въ настоящемъ изданіи расположены по слѣдующимъ отдѣламъ:

I (т. 1-й и 2-й): мелкія стихотворенія.

II (т. 2-й и 3-й): поэмы, сказки, пѣсни западныхъ славянъ и драматическія произведенія въ стихахъ.

III (т. 4-й): романы, повѣсти и драматическія произведенія въ прозѣ; путешествіе въ Арзрумъ.

IV (т. 5-й): журнальныя статьи и замѣтки; дневникъ; записки и черновыя критическія статьи.

V (т. 6-й): Исторія пугачевского бунта и историческіе матеріалы.

VI (т. 7-й): письма.

Въ каждомъ изъ этихъ отдѣловъ соблюдается строго-хронологическій порядокъ сочиненій; подъ каждымъ отдѣльнымъ произведеніемъ, гдѣ это оказалось возможнымъ, отмѣчено время его написанія, причемъ хронологическія данныя внимательно провѣрены по рукописямъ; за произведеніями вполне законченными помѣщены, подъ соотвѣтствующими годами, черновые отрывки и наброски.

Имѣя въ виду, что между произведеніями Пушкина есть вещи, которыхъ самъ онъ, по ихъ содержанію, не могъ предназначать для печати и которыя притомъ не сохранились въ подлинныхъ рукописяхъ, редакція сочла возможнымъ, не включая ихъ въ текстъ, отнести въ дополнительныя библиографическія примѣчанія, гдѣ помѣщены также и нѣкоторыя поправки къ тексту.

Что касается вариантовъ, то, въ виду возможно правильнаго возстановленія текста, изъ числа ихъ приводятся, въ подстрочныхъ выноскахъ, лишь такіе, которые или допускались самимъ авторомъ въ различныхъ, при жизни его напечатанныхъ, изданіяхъ его сочиненій, или же имѣютъ значеніе автобіографическое и историко-литературное, каковы, на примѣръ, варианты въ посланіи къ Жуковскому 1818 г. (I, 193), въ „Памятникъ“ (II, 190), мѣста, измѣненныя или отброшенныя при печатаніи, но не зачеркнутыя въ рукописяхъ, и т. п.

Въ виду крайней затруднительности, а во многихъ случаяхъ даже и невозможности возстановить подлинное пушкинское пра-

вописаніе, въ текстѣ настоящаго изданія соблюдено правописаніе, нынѣ общепринятое, тѣмъ болѣе, что и самъ Пушкинъ никогда не держался послѣдовательно какой-либо опредѣленной и притомъ заслуживающей вниманія орфографической системы.

Въ приложеніяхъ къ изданію, въ томѣ VII, помѣщены: полный хронологическій и библиографическій списокъ произведеній Пушкина, съ указаніемъ, гдѣ каждое изъ нихъ было въ первый разъ напечатано; алфавитный указатель лицъ и нѣкоторыхъ предметовъ, упоминаемыхъ въ текстѣ и примѣчаніяхъ; указатели стихотвореній (которыя приводятся и по заглавіямъ, и по первому стиху) и писемъ (по фамиліямъ лицъ, которымъ они адресованы).

Въ отдѣлѣ мелкихъ стихотвореній болѣе или менѣе значительныя поправки или дополненія внесены въ 56 стихотвореній (въ оглавленіи отмѣченныхъ одною звѣздочкою) и семь стихотвореній напечатаны здѣсь въ первый разъ, именно: „Мнѣ васъ не жаль“ (I, 230), „Составленъ онъ изъ подлой спѣси“ (I, 263), „Не тѣмъ горжусь я, мой пѣвецъ“ (I, 264), Посланіе Графу О** (I, 334), „Мнѣ жаль великія жены“ (I, 336), „Въ рощахъ карійскихъ“ (II, 28), „Еще одной высокой, важной пѣсни“ (II, 85). Изъ числа стихотвореній, помѣщенныхъ въ изданіяхъ 1880 и 1882 гг., въ настоящее изданіе не вошли приписанныя Пушкину безъ всякаго основанія стихотворенія: „Ахъ, тошно, тошно, помогите!“, „На профессора Черняка“ (такого профессора никогда не было), „Сиротка“, „Могу ль забыть то сладкое мгновенье“, „Старица-пророчица“ и эпиграмма на А. Н. Муравьева: Не всѣхъ бѣснующихъ людей“. Пропуски въ текстѣ стихотвореній, а также и неразобранныя или недописанныя мѣста въ черновыхъ наброскахъ, обозначены точками; слова, поставленныя въ замѣну неразобранныхъ или прочитанныхъ по догадкѣ, заключены въ прямыя скобки [].

Во второмъ отдѣлѣ приведены черновые варианты къ „Кавказскому Пѣннику“, исправлены и дополнены „Приписки“ къ этой поэмѣ (II, 298), значительно дополнена „Программа комедіи“ (II, 310), въ первый разъ напечатана программа „Вадима“ (II, 319), исправлена сказка „Царь Никита“ (II, 340), дополнены „Отрывки изъ поэмы“ (II, 342), восстановленъ первоначальный текстъ „Бориса Годунова“ и сказки о попѣ и его работникѣ, сдѣлано нѣсколько мелкихъ исправленій въ текстѣ „Русалки“ и „Каменнаго Гостя“, приведены черновыя строфы изъ „Домика въ Коломнѣ“, „Родословной моего героя“ и „Евгенія Онегина“.

Въ третьемъ отдѣлѣ, кромѣ самимъ Пушкинымъ напечатанныхъ „Повѣстей Бѣлкина“, „Капитанской дочки“, „Кирджали“ и „Путешествія въ Арзрумъ“, всѣ остальные произведенія, печатавшіяся до сихъ поръ съ пропусками и въ искаженномъ видѣ, значительно исправлены и во многихъ мѣстахъ дополнены по рукописямъ. То же нужно сказать и о четвертомъ отдѣлѣ. Составляющія его произведенія (кромѣ напечатанныхъ самимъ Пушкинымъ) были искажены прежними издателями часто до неузнаваемости, такъ что въ настоящемъ изданіи многія изъ нихъ только впервые являются въ подлинномъ видѣ. Подробностей не указываемъ, такъ какъ интересующійся ими читатель можетъ самъ сравнить текстъ настоящаго изданія съ прежними.

„Исторія пугачевского бунта“, какъ напечатанная самимъ Пушкинымъ, перепечатана безъ всякихъ перемѣнъ и со всѣми приложениями перваго изданія; но примѣчанія, не попавшія при Пушкинѣ въ печать, внесены на соотвѣтствующія мѣста и исправлены по рукописи.

Отдѣлъ писемъ дополненъ, сравнительно съ изданіемъ 1882 года, семейною перепискою Пушкина и нѣсколькими новыми письмами, уже явившимися въ печати или извлеченными изъ черновыхъ рукописей. Стихотворенія, включенныя Пушкинымъ въ свои письма и нераздѣльно связанныя съ содержаніемъ послѣднихъ, напечатаны въ текстѣ писемъ и уже не повторяются въ отдѣлѣ стихотвореній, такъ какъ вообще въ настоящемъ изданіи принято за правило избѣгать повтореній. На этомъ же основаніи стихотвореніе „Клеопатра“ и романсъ „Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный“ перенесены изъ перваго отдѣла въ соотвѣтствующія имъ мѣста: первое—въ отрывокъ изъ „Египетскихъ Ночей“, а второе—въ „Сцены изъ рыцарскихъ временъ“ (т. IV).

Къ настоящему изданію прилагаются три портрета Пушкина: первый—копія съ гравюры, исполненной Е. Гейтманомъ съ оригинала К. П. Брюлова (или С. Г. Чирикова) и приложенной къ 1-му изданію „Кавказскаго Плѣнника“ 1822 г.; второй, являющійся въ настоящемъ изданіи въ первый разъ, — копія съ карандашнаго портрета, рисованнаго въ 1820 г. Жюлемъ Вернэ и подареннаго Пушкинымъ М. И. Осиповой (оригиналъ этого портрета принадлежитъ младшему сыну поэта, Гр. А. Пушкину); третій—копія съ гравюры Н. Уткина по оригиналу О. Кипренскаго, помѣщенной въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ на 1828 г. Первый и третій портреты воспроизведены Экспедиціею заготовленія государственныхъ бумагъ, а второй—фототипіею г. Штейна.

ОТДѢЛЪ I

ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

1812—1836

Пис О. Кипренской. ... 1827

Трис Н. Уткинъ.

1812.

П Ъ С Н Я.

О Делія драгая!
Спѣши, моя краса!
Звѣзда любви златая
Взошла на небеса,
Безмолвно мѣсяцъ покотился;
Спѣши: твой Аргусъ удалился,
И тронулъ сонъ его глаза.

Подъ сѣнью потаенной
Дубравной тишины,
Гдѣ токъ уединенный
Сребристыя волны
Журчить съ унылой Филомелой,
Готовъ пріютъ любви веселой,
И блескомъ освѣщенъ луны.

Накинуть ночи тѣни
Покровы намъ свои,
И дремлютъ рощей сѣни,
И быстро часъ любви
Летить — я весь горю желаньемъ!
Спѣши, о Делія, свиданьемъ;
Пади въ объятія мои!

[Первый опытъ подражательныхъ стиховъ Пушкина, вскорѣ по поступленіи въ Лицей. Пушкинъ написалъ только первую строфу, а съ двумя остальными не могъ сладить. Онѣ окончены и поправлены его товарищемъ, А. Д. Илли-

чевскимъ. Принадлежащія послѣднему выраженія напечатаны съ разрядкой. Первый куплетъ этой пѣсни часто распѣвался въ Лицеѣ на два голоса, на музыку, сочиненную Н. А. Корсаковымъ].

~~~~~

ДЕЛІЯ.

Ты ль передо мною,
Делія моя?
Разлучень съ тобою,
Сколько плакаю я!
Ты ль передо мною,
Или сонъ мечтою
Обольстиль меня?

Ты узнала ль друга?
Онъ не то, что былъ;
Но тебя, подруга,
Все жъ не позабылъ;
И твердить унылый:
Я любимъ ли милой,
Какъ, бывало, былъ?

Что теперь сравнится
Съ долею моею?
Вотъ слеза катится
По щекъ твоей...
Делія стыдится...
Что теперь сравнится
Съ долею моею?

~~~~~

ИЗМѢНЫ.

«Все миновалось!
Мимо промчалось
Время любви.
Страсти мученья!
Въ мракъ забвенья
Скрылися вы.
Такъ, я премѣны

Сладость вкусилъ;
Гордой Елены
Цѣпи забылъ.
Сердце, ты въ волѣ!
Все позабудъ;
Въ новой сей долѣ
Счастливо будъ.
Только весною
Зефиръ младою
Розой плѣненъ;
Въ юности страстной
Былъ я прекрасной
Въ сѣть увлеченъ.
Нѣтъ, я не буду
Впредь воздыхать,
Страсть позабуду;
Полно страдать!
Скоро печали
Встрѣчу конецъ.
Ахъ, для тебя ли,
Юный пѣвецъ,
Прелесть Елены
Розой цвѣтеть?..
Пусть весь народъ,
Ею прельщенный,
Вслѣдъ за мечтой
Мчится толпой;
Въ мирномъ жилищѣ,
На пепелищѣ,
Въ чашѣ простой
Стану въ смиренъѣ
Черпать забвенъе,
И для друзей
Рѣзвой рукою
Двигать струною
Арфы моей.»

Въ скучной разлукѣ
Такъ я мечталъ,
Въ горести, въ мукѣ
Себя услаждалъ,
Въ сердцѣ возженный

Образъ Елены
 Мнилъ истребить.
 Прошлой весною
 Юную Хлою
 Вздумалъ любить.
 Какъ вѣтерочекъ
 Ранней порой
 Гонить листочекъ
 Съ рѣзвой волной —
 Такъ непрестанно
 Непостоянной
 Страстью игралъ;
 Лилу, Темиру,
 Всѣхъ обожалъ;
 Сердце и лиру
 Всѣмъ посвящалъ.
 Что же?.. Напрасно
 Съ груди прекрасной
 Шаль я срывалъ.
 Тщетны измѣны!
 Образъ Елены
 Въ сердцѣ пылалъ!
 Ахъ, возвратися,
 Радость очей;
 Хладна, тронися
 Грустью моей!
 Тщетно зываешь,
 Бѣдный пѣвецъ;
 Нѣтъ, не встрѣчаешь
 Мукамъ конецъ...
 Такъ до могилы
 Грустенъ, унымый,
 Крова ищи;
 Всѣми забытый,
 Терномъ увиты
 Цѣпи влачи...

[Относится, по словамъ гр. М. А. Корфа, къ графинѣ Натальѣ Викторовнѣ Кочубей, вышедшей впоследствии за гр. А. Г. Строганова. Она же, какъ говорилъ Пушкинъ П. А. Плетневу, описана впоследствии въ стихахъ VIII главы «Олегина»:]

Къ хозяйкѣ дама приближалась,
 За нею — важный генералъ, и т. д.].

1814.

КЪ СЕСТРѢ *).

Ты хочешь, другъ безцѣнный,
Чтобъ я, поэтъ молодой,
Бесѣдовалъ съ тобой,
И съ лирою забвенной,
Мечтами окрыленной,
Оставилъ монастырь
И край уединенный,
Гдѣ непрерывный миръ
Во мракѣ опустился,
И въ пустынь глухой
Безмолвно воцарился
Съ угрюмой тишиной!..

.....
И быстрою стрѣлой
На Невскій брегъ примчуся,
Съ подругой обнимуся
Весны моей златой,
И какъ пѣвецъ Людмилы,
Мечты невольникъ милый,
Взошедъ подъ отчій кровъ,
Несу тебѣ не злато —

*) Ольгѣ Сергѣевнѣ, впоследствии по мужу Павлицевой. Подражаніе стихотворенію Батюшкова «Мои Пенаты», и отчасти — посланію Жуковскаго къ Батюшкову, 1810 г.

Чернецъ я не богатый —
 Въ подарокъ пукъ стиховъ.
 Тайкомъ взошедъ въ диванну,
 Хоть помощью пера,
 О, какъ тебя застану,
 Любезная сестра!
 Чѣмъ сердце занимаешь
 Вечернею порой?
 Жанъ-Жака ли читаешь?
 Жанлисъ ли предъ тобой?
 Иль съ рѣзвымъ Гамильтономъ.
 Смѣешься всей душой?
 Иль съ Греемъ и Томсономъ
 Ты пренеслась мечтой
 Въ поля, гдѣ отъ дубравы
 Вдоль вѣтъ вѣтерокъ,
 И шепчетъ лѣсъ кудрявый,
 И мчится величавый
 Съ вершины горъ потокъ?
 Иль моську престарѣлу,
 Въ подушкахъ посѣдѣлу,
 Окутавъ въ длинну шаль
 И съ нѣжностью лелѣя,
 Ты къ ней зовешь Морфея?
 Иль смотришь въ темну даль
 Задумчивой Свѣтланой
 Надъ шумною Невой?
 Иль звучнымъ фортепяно,
 Подъ бѣглою рукой,
 Моцарта оживляешь?
 Иль тоны повторяешь
 Пиччини иль Рамо?

Но вотъ, ужъ я съ тобою!
 И въ радости нѣмой
 Твой другъ разцвѣлъ душою,
 Какъ ясный вешній день.
 Забыты дни разлуки,
 Дни горести и скуки,
 Исчезла грусти тѣнь.
 Но это лишь мечтанье!
 Увы, въ монастырѣ,

При блѣдномъ свѣчѣ сѣньѣ,
 Одинъ пишу къ сестрѣ.
 Все тихо въ мрачной кельѣ;
 Защелка на дверяхъ,
 Молчанье — врагъ веселья —
 И скука на-часахъ!
 Стулъ ветхій, необитый,
 И шаткая постель,
 Сосудъ, водой налитый,
 Соломенна свирѣль —
 Вотъ все, что предъ собою
 Я вижу, пробуждень.
 Фантазія, тобою
 Одной я награжденъ! *)
 Тобою пренесенный
 Къ волшебной Иппокренѣ,
 И въ кельѣ я блаженъ!

Что было бы со мною,
 Богиня, безъ тебя?
 Знакомый съ суетою,
 Пріятной для меня,
 Увлечшись въ даль судьбою,
 Я вдругъ, въ глухихъ стѣнахъ,
 Какъ Леты на брегахъ,
 Явился заключеннымъ,
 На вѣки погребеннымъ —
 И скригнули врата,
 Сомкнувшись за мною,
 И міра красота
 Одѣлась черной мглою!..
 Съ тѣхъ поръ гляжу на свѣтъ,
 Какъ узникъ изъ темницы
 На яркій блескъ денницы.
 Свѣтило дня взойдетъ,
 Лучъ кинетъ позлащенный

*) Описаніе подобной же обстановки и въ такой же формѣ находится в. Л. Пушкина въ его посланіи къ Д. В. Дашкову:

«Рублевая кровать,
 Два стула, столъ дубовый,
 Чернильница, перо —
 Вотъ все мое добро», и пр.

Сквозь узкое окно,
 Но сердце омраченно
 Не радуется оно.
 Иль позднею зарею,
 Какъ ночь на небесахъ,
 Покрытыхъ темнотою,
 Чернѣть въ облакахъ —
 Близъ келіи встрѣчаю
 Я сумрачную тѣнь
 И вздохомъ провожаю
 Скрывающійся день!..

Но время протечетъ,
 И съ каменныхъ воротъ
 Падутъ, падутъ запоры,
 И въ пышный Петроградъ
 Черезъ долины, горы
 Ретивые примчатъ;
 Спѣша на новоселье,
 Оставлю темну келью,
 Поля, сады свои;
 Подъ столъ клубукъ съ веригой
 И прилечу разстригой
 Въ объятія твои!

~~~~~

КЪ ДРУГУ СТИХОТВОРЦУ.

Аристъ! и ты въ толпѣ служителей Парнаса!
 Ты хочешь осѣдлатъ упрямаго Пегаса,
 За лаврами спѣшишь опасною стезей,
 И съ строгой критикой вступаешь смѣло въ бой!

Аристъ, повѣрь ты мнѣ, оставь перо, черниллы,
 Забудь ручки, лѣса, унылыя могилы,
 Въ холодныхъ пѣсенкахъ любовью не пылай;
 Чтобъ не слетѣть съ горы, скорѣе внизъ ступай!
 Довольно безъ тебя поэтовъ есть и будетъ;
 Ихъ напечатаютъ — и цѣлый свѣтъ забудеть.
 Быть можетъ, и теперь, отъ шума удалясь

И съ глупой музою на вѣкъ соединясь,
 Подъ сѣбною мирною Минервиной эгиды
 Сокрыть другой отецъ второй Телемахиды.
 Страшися участи безмысленныхъ пѣвцовъ,
 Насъ убивающихъ громадою стиховъ!
 Потомковъ позднихъ дань поэтамъ справедлива:
 На Пиндѣ лавры есть, но есть тамъ и крапива.
 Страшися безславія! Что, если Аполлонъ
 Услышавъ, что и ты полѣзь на Геликонъ,
 Съ презрѣньемъ покачавъ кудрявой головою,
 Твой геній наградить — спасительной лозою?

Но что? Ты хмуришься и отвѣчать готовъ:
 «Пожалуй», скажешь мнѣ, «не трать излишнихъ словъ;
 Когда на что рѣшусь, ужь я не отступаю,
 И знай, мой жребій палъ, я лиру избираю.
 Пусть судить обо мнѣ, какъ хочеть, цѣлый свѣтъ;
 Сердись, кричи, бранись — а я таки поэтъ.»

Аристъ, не тотъ поэтъ, кто риемы плестъ умѣеть,
 И перьями скрипя, бумаги не жалѣеть,
 Хорошіе стихи не такъ легко писать,
 Какъ Витгенштейну французовъ побѣждать.
 Межъ тѣмъ какъ Дмитріевъ, Державинъ, Ломоносовъ,
 Пѣвцы бессмертные, и честь, и слава россовъ,
 Питають здравый умъ и вмѣстѣ учать насъ,
 Сколь много гибнетъ книгъ, на свѣтъ едва родясь!
 Творенья громкія Риёматова, Графова,
 Съ тяжелымъ Вибрусомъ *) гніють у Глазунова;
 Никто не вспомнить ихъ, не станеть вздоръ читать,
 И Фебова на нихъ проклятія печать.

Положимъ, что на Пиндѣ взобравшися счастливо,
 Поэтомъ можешь ты назваться справедливо:
 Всѣ съ удовольствіемъ тогда тебя прочтуть,

---

*) Кн. Шихматовъ, гр. Д. И. Хвостовъ и С. С. Бобровъ — плохіе стихотворцы того времени. Въ одной рукописной «балладѣ», приписывавшейся прежде Пушкину, говорится:

«Не пой лишь такъ, какъ пѣлъ Бобровъ,
 Ни Шаликова тономъ;
 Шихматовъ, Палицынъ, Хвостовъ
 Прокляты Аполлономъ...»

Но мнишь ли, что къ тебѣ рѣкой уже текутъ,
 За то, что ты поэтъ, несмѣтныя богатства,
 Что ты уже берешь на откупъ государства,
 Въ желѣзныхъ сундукахъ червонцы хоронишь,
 И лежа на боку покойно ѣшь и спишь?
 Не такъ, любезный другъ, писатели богаты;
 Судьбой имъ не даны ни мраморны палаты,
 Ни чистымъ золотомъ набиты сундуки:
 Лачужки подъ землей, высоки чердаки —
 Вотъ пышны ихъ дворцы, великолѣпны залы.
 Поэтовъ хвалятъ всѣ, читаютъ лишь журналы;
 Катится мимо ихъ фортуны колесо;
 Родился нагъ — и нагъ вступаетъ въ гробъ Руссо;
 Камознсъ съ нищими постелю раздѣляетъ;
 Костровъ на чердакѣ безвѣстно умираетъ,
 Руками чуждыми могилѣ преданъ онъ;
 Ихъ жизньъ — рядъ горестей, гремяща слава — сонъ.

Ты, кажется, теперь задумался немного.
 «Да что же», говоришь, «судя о всѣхъ такъ строго,
 Перебирая все, какъ новый Ювеналь,
 Ты о поэзіи со мною толковалъ;
 А самъ, поссорившись съ парнасскими сестрами,
 Мнѣ проповѣдовать пришелъ сюда стихами?
 Что сдѣлалось съ тобой? Въ умѣ ли ты иль нѣтъ?»

Аристъ, безъ дальнихъ словъ, вотъ мой тебѣ отвѣтъ:
 Въ деревнѣ, помнится, съ мірянами простыми,
 Священникъ пожилой и съ кудрями сѣдыми
 Въ миру съ сосѣдами, въ чести, довольствѣ жилъ —
 И первымъ мудрецомъ у всѣхъ издавна слылъ.
 Однажды, осушивъ бутылки и стаканы,
 Со свадьбы, подъ-вечеръ, онъ шелъ немного пьяный;
 Попалися ему навстрѣчу мужики:
 «Послушай, батюшка, сказали простяки:
 Настави грѣшныхъ насъ — ты пить вѣдь запрещаешь,
 Быть трезвымъ всякому всегда повелѣваешь,
 И вѣримъ мы тебѣ; да что жъ сегодня самъ?..»
 — «Послушайте, сказалъ священникъ мужикамъ:
 Какъ въ церкви васъ учу, такъ вы и поступайте;
 Живите хорошо, а мнѣ не подражайте.»

И мнѣ то самое пришлось отвѣчать;
 Я не хочу себя нимало оправдать.
 Счастливъ, кто ко стихамъ не чувствуя охоты,
 Проводитъ тихій вѣкъ безъ горя, безъ заботы,
 Своими одами журналовъ не тягчить,
 И надъ экспромтами недѣли не сидить;
 Не любить онъ гулять по высотамъ Парнаса,
 Не ищетъ чистыхъ музъ, ни пылкаго Пегаса;
 Его съ перомъ въ рукахъ Рамаковъ не страшить;
 Спокоенъ, весель онъ! Аристъ, онъ не пѣтъ!

Но полно разсуждать — боюсь тебѣ наскучить,
 И сатирическимъ перомъ тебя замучить.
 Теперь, любезный другъ, я даль тебѣ совѣтъ.
 Оставишь ли свирѣль, умолкнешь или вѣтъ?
 Подумай обо всемъ и выбери любое:
 Быть славнымъ — хорошо, спокойнымъ — лучше вдвое.

[Первое изъ стихотвореній Пушкина, явившееся въ печати въ «В. Европы» 1814, № 13, за подписью: «Александръ Н. К. ш. п. — С. Д. Полторацкій» сообщаетъ слѣдующія подробности о днѣ появленія этихъ стиховъ въ печати: «Оно появилось въ свѣтъ въ субботу, 4-го іюля 1814 г., потому что XIII-я книжка «В. Евр.», въ которой оно напечатано, вышла и раздавалась подписчикамъ въ этотъ день, что видно изъ «Моск. Вѣд.» 1814, № 53, 4-го іюля, стр. 1320, столбецъ 2. Измайловъ (Владиміръ Васильевичъ), издававшій въ 1814 году «Вѣстн. Европы», получилъ это стихотвореніе еще въ апрѣлѣ, но не хотѣлъ его печатать, не узнавъ прежде имени сочинителя. Это видно изъ слѣдующаго объясненія, напечатаннаго въ «В. Евр.» 1814, № 8, ч. 74, стр. 324:

«Отъ издателя. Просимъ сочинителя присланной въ Вѣстникъ Европы пьесы подъ названіемъ Къ другу-стихотворцу, какъ всѣхъ другихъ сочинителей, объявить намъ свое имя, ибо мы поставили себѣ закономъ не печатать тѣхъ сочиненій, которыхъ авторы не сообщили намъ своего имени и адреса. Но смѣемъ увѣрить, что мы не употребимъ во зло право издателя и не откроемъ тайны имени, когда автору угодно скрыть его отъ публики.»

Это посланіе представляетъ подражаніе двумъ посланіямъ В. Л. Пушкина: къ Жуковскому и къ кн. Вяземскому, а также нѣсколько напоминаетъ посланіе Ватюшкова къ И. М. Муравьеву-Апостолу.]

КОЛЬНА.

(Подражаніе Оссіану).

Фингалъ послалъ Тоскара воздвигнуть на берегахъ источника Кроны памятникъ побѣды, одержанной имъ нѣкогда на семь мѣстѣ. Между тѣмъ, какъ онъ занимался симъ трудомъ, Карулъ, сосѣдственный государь, пригласилъ его къ прршеству. Тоскаръ влюбился въ дочь его Кольну; нечаянный случай открылъ взаимныя ихъ чувства и осчастливилъ Тоскара.

Источникъ быстрой Каломоны,
 Бѣгущій къ дальнимъ берегамъ!
 Я зрю: твои взмущенны волны
 Потокомъ мутнымъ по скаламъ,
 При блескѣ звѣздъ ночныхъ, сверкають
 Сквозь дремлющій, пустынный лѣсъ,
 Шумять и корни орошаютъ
 Сплетенныхъ въ темный кровъ древесъ.
 Твой мшистый брегъ любила Кольна,
 Когда по небу тѣнь лилась;
 Ты зрѣлъ, когда въ любви невольной
 Здѣсь другу Кольна отдалась.

Въ чертогахъ Сельмы царь могучихъ
 Тоскару юному вѣщалъ:
 «Гряди во мракъ лѣсовъ дремучихъ,
 Гдѣ Крона катитъ черный валъ,
 Шумящей прохлажденъ осиною.
 Тамъ рядъ является могилъ;
 Тамъ съ вѣрной, храброю дружиной
 Полки враговъ я расточилъ.
 И много, много сильныхъ пало;
 Ихъ гробы черный вранъ стрежеть.
 Гряди — и тамъ, гдѣ ихъ не стало,
 Воздвигни памятникъ побѣдъ.»
 Онъ рекъ, и въ путь безвѣстный, дальный
 Пустился съ бардами Тоскаръ;
 Идетъ во мглѣ ночи печальной,
 Въ вечерній хладъ, въ полдневный жаръ.
 Денница красная выводитъ
 Златое утро въ небеса,
 И вотъ уже Тоскаръ подходитъ

Къ мѣстамъ, гдѣ въ темные лѣса
 Бѣжитъ съдой источникъ Кроны
 И кроется въ долины сонны.
 Воспѣли барды гимнъ святой;
 Тоскаръ обломокъ горъ кремнистыхъ
 Усильно мощною рукой
 Влечетъ изъ бездны волнъ сребристыхъ,
 И съ шумомъ на высокій брегъ
 Въ густой и дикій злакъ повергъ;
 На немъ повѣсилъ черны латы,
 Покрытый кровью предковъ мечъ,
 И круглый щитъ, и шлемъ пернатый
 И обратилъ онъ къ камню рѣчь:
 «Вѣщай, сынъ шумнаго потока,
 О храбрыхъ познимъ временамъ!
 Да въ страшный часъ, какъ ночь глубока
 Въ туманѣ ляжетъ по лѣсамъ,
 Пришлецъ, дорогой утомленный,
 Возлегли подъ надежный кровъ,
 Воспомнить вѣки отдаленны
 Въ мечтаньи сладкомъ легкихъ сновъ!
 Съ разсвѣтомъ алыя денницы
 Лучами солнца пробужденъ,
 Онъ узритъ мрачныя гробницы...
 И грознымъ видомъ пораженъ
 Вопросить сынъ иноплеменный:
 Кто памятникъ воздвигъ надменный?
 И старецъ, лѣтами согбенъ,
 Речеть: Тоскаръ нашъ незабвенный,
 Герой умчавшихся временъ!»

Небесъ сокрылся вѣчный житель,
 Заря потухла въ небесахъ;
 Луна въ воздушную обитель
 Спѣшитъ на темныхъ облакахъ.
 Ужь ночь на холмѣ. Берегъ Кроны
 Съ окрестной рощею заснулъ.
 Владыка сильный Каломоны,
 Иноплеменныхъ другъ, Каруль
 Призвалъ морвенскаго героя —
 Въ жилищѣ Кольны молодой
 Вкусить пріятности покоя

И пить изъ чаши круговой.
 . . . . .
 Близъ пепелища всѣ възсѣли;
 Веселья барды пѣснь воспѣли;
 И въ пѣнѣ кубокъ золотой
 Кругомъ несется чередой.
 Печаленъ лишь пришелецъ Лоры,
 Главу ко груди преклонилъ:
 Задумчиво онъ страстны взоры .
 На нѣжну Кольну устремилъ —
 И тяжело грудь его вздыхаетъ,
 Въ очахъ веселья блескъ потухъ,
 То огнь по членамъ пробѣгаетъ,
 То нѣгою томится духъ;
 Тоскуетъ, втайнѣ ощущая
 Волненье сильное въ крови;
 На юны прелести взирая,
 Онъ полную чашу пьетъ любви.
 Но вотъ ужъ дубъ престалъ дышиться,
 И тѣнь мрачнѣе становится,
 Чернѣетъ тусклый небосклонъ,
 И царствуетъ въ чертогахъ сонъ.
 . . . . . : . . . . .
 . . . . . , ...
 Рѣдѣетъ ночь — заря багряна
 Лучами солнца возжена;
 Предъ ней златится твердь румяна;
 Тоскарь, покинувъ ложе сна,
 Быстротекущей Каломоны
 Идетъ по влажнымъ берегамъ,
 Спѣшитъ узрѣть долины Кроны
 И внемлетъ плещущимъ волнамъ.
 И вдругъ изъ сѣни темной рощи,
 Какъ въ часъ весенней полунощи
 Изъ облакъ мѣсяцъ золотой,
 Выходитъ ратникъ молодой.
 Мечъ острый на бедрѣ сияетъ,
 Копье десницу вооружаетъ,
 Надвинуть на чело шоломъ,
 И гибкій станъ покрыть щитомъ;
 Зарею латы серебруются
 Сквозь утренній въ долинѣ паръ.

«О юный ратникъ!» рекъ Тоскаръ:
 «Съ какимъ врагомъ тебѣ сражаться?
 Ужель и въ сей странѣ война
 Багрить ручьевъ струисты волны?
 Но все спокойно — тишина
 Окрестъ жилища вѣжной Кольны.»
 — Спокойны дебри Каломоны,
 Цвѣтеть отчизны край златой;
 Но Кольна тамъ не обитаетъ;
 И нынѣ по стезѣ глухой
 Пустыню съ милымъ протекаетъ,
 Плѣннившимъ сердце красотой!
 «Что рекъ ты мнѣ, молодой воитель?
 Куда сокрылся похититель?
 Подай мнѣ щитъ твой!» И Тоскаръ
 Приемлетъ щитъ, пылая мщеньемъ —
 Но вдругъ исчезъ геройства жаръ:
 Что зрить онъ съ сладкимъ восхищеньемъ,
 Не въ силахъ въ страсти воздохнуть,
 Пылая вдругъ восторгомъ новымъ?..
 Лилейна обнажилась грудь,
 Подъ грознымъ дышуща покровомъ...
 «Ты ль это?» вопилъ герой,
 И трепетно рукой дрожащей
 Съ главы снимаетъ шлемъ блестящій —
 И Кольну видитъ предъ собой.

[Переложение въ стихи прозаическаго перевода Е. И. Кострова, напечатаннаго въ М. 1792 подъ заглавіемъ: «Оссіанъ, сынъ Фингаловъ, бардъ III вѣка. Пер. съ французскаго.» Поэма Макферсоновскаго Оссіана навывается «Кольна-Дона», что значитъ: любовь героя].

ЭВЛЕГА.

(Изъ поэмы Ларни: JSNEL ET ASLEGA).

Вдали ты зришь утесъ уединенный?
 Пещеры въ немъ изрылась глубина;
 Темнѣетъ входъ, кустами окруженный;
 Вблизи шумитъ и пѣнится волна.
 Вечоръ, когда туманилась луна,
 Здѣсь милого Эвлега призывала;

Здѣсь тихій гласъ горамъ передавала
Во тьмѣ ночной, печальна и одна:

«Приди, Одульфъ! Ужь роца поблѣднѣла,
На дикій мохъ Одульфа ждать я сѣла,
Пылаеть грудь, за вздохомъ вздохъ летить.
О, сладко жить, мой другъ, душа съ душою!
Приди, Одульфъ! забудусь я съ тобою,
И поцѣлуй любовью возгорить!»

«Бѣги, Осгаръ! твои мнѣ страшны взоры,
Твой грозенъ видъ и хладны разговоры!
Оставь меня, не мною торжествуй!
Уже другой въ ночи со мною дремлетъ,
Ужь на зарѣ другой меня объемлетъ,
И сладостенъ его мнѣ поцѣлуй!»

«Что жъ медлить онъ свершить мои надежды?
Для милаго я сбросила одежды,
Завистливый покровъ у ногъ лежитъ.
Но, чу... идутъ — такъ, это другъ надежный!
Ужь начались восторги страсти нѣжной,
И поцѣлуй любовью возгорить.»

Идетъ Одульфъ, во взорахъ упоенье,
Въ груди любовь, и прочь бѣжить печаль...
Но близъ него во тьмѣ сверкнула сталь,
И вздрогнулъ онъ — родилось подозрѣнье:
«Кто ты?» спросилъ, «почто ты здѣсь, вѣщай!
Отвѣтствуй мнѣ, о сынъ угрюмой ночи!»

— Безсильный врагъ, Осгара убѣгай!
Въ пустынной тьмѣ что ищутъ робки очи?
Страшисъ меня: я страстью воспаленъ;
Въ пещерѣ здѣсь Эвлега ждетъ Осгара. —
Булатный мечъ въ минуту обнаженъ,
Огонь летитъ струями отъ удара.

Услышала Эвлега стукъ мечей,
И бросила со страхомъ кладъ пещерный.
«Приди узрѣть предметъ любви твоей!»
Вскричалъ Одульфъ подругѣ нѣжной, вѣрной.

«Измѣнница! ты здѣсь его зовешь?
 Во тѣмѣ ночной васъ услаждаетъ нѣга:
 Но дерзкаго въ Валгаллѣ ты найдешь.»

Онъ поднялъ мечъ, и съ трепетомъ Эвлега
 Падеть на дернъ, какъ клокъ летучій снѣга,
 Метелицей отторженный отъ скаль!
 Другъ на друга соперники стремятся,
 Кровавый токъ по камнямъ побѣжалъ;
 Въ кустарники съ отчаяньемъ катятся;
 Послѣдній гласъ Эвлегу призывалъ —
 И смерти хладъ ихъ ярость оковалъ.

[Поэма Парни (Evariste Désiré Desforges, vicomte de Parny, 1753—1814) «Jsnel et Asléga», написанная въ подражаніе Оссіану, сдѣлалась, въ свою очередь, источникомъ многихъ подражаній и заимствованій для русскихъ поэтовъ. Изъ нея переводили: Крыловъ (романсъ: «Въ краю чужомъ, Аслега, другъ мой милый»), Давыдовъ (романсъ: «Сижу на берегу потока»), Батюшковъ («Сонъ воинновъ») и, наконецъ, Пушкинъ. Помѣщаемое ниже стихотвореніе «Осгарь» заимствовано изъ той же поэмы, въ которой оно составляетъ отдѣльный эпизодъ.]

ОСГАРЬ.

(Подражаніе Парни).

По камнямъ гробовымъ, въ туманахъ полуночи,
 Ступая трепетно усталую ногой,
 По Лорѣ путникъ шель; его напрасно очи
 Ночлега мирнаго искали въ тѣмѣ густой.
 Пещеры нѣтъ предъ нимъ на берегѣ угрюмомъ;
 Не видитъ хижины, наслѣдья рыбаля;
 Вдали дремучій боръ качаютъ вѣтры съ шумомъ,
 Луна за тучами и въ морѣ спитъ заря.

Идетъ, и на скаль, обросшей влажнымъ мохомъ,
 Зритъ барда стараго—веселье прошлыхъ лѣтъ:
 Склонясь сѣдымъ челомъ надъ воющимъ потокомъ,
 Въ безмолвіи, временъ онъ созерцалъ полетъ.
 Зубчатый мечъ висѣлъ на вѣтви мрачной ивы.
 Задумчивый пѣвецъ взоръ тихій обратилъ

На сына чуждыхъ странъ, и путникъ боязливый
Содрогся въ ужасѣ и мимо поспѣшилъ.

«Стой, путникъ, стой! вѣщаль пѣвецъ вѣковъ минувшихъ:
Здѣсь пали храбрые; почти ихъ бранный прахъ,
Почти геройство чадъ, могилы сномъ уснувшихъ!»
Пришлецъ главой поникъ — и, мнилсея, на холмахъ
Возставшій рядъ тѣней главы окровавленны
Съ улыбкой гордою на странника склонялъ.
— Чей гробъ я вижу тамъ? вѣщаль иноплеменный,
И барду посохомъ на берегъ указалъ.

Колчанъ и шлемъ стальной, къ утесу пригвожденный,
Бросали тусклый лучъ, луною озматаясь.
— Увы, здѣсь палъ Осгаръ! рекъ старецъ вдохновенный.
О, рано юношѣ насталъ послѣдній часъ!
Но онъ искалъ его: я зрѣлъ, какъ въ ратномъ строѣ
Онъ первыя стрѣлы съ весельемъ ожидалъ,
И рвался изъ рядовъ, и палъ въ кипящемъ боѣ...
Покойся, юноша, ты въ брани славной палъ!

Во цвѣтѣ вѣжныхъ лѣтъ любилъ Осгаръ Мальвину;
Не разъ онъ въ радости съ подругою встрѣчалъ
Вечерній свѣтъ луны, скользящій на долину,
И тѣнь упавшую съ приморскихъ грозныхъ скалъ.
Казалось, ихъ сердца другъ къ другу пламенѣли:
Одной, одной Осгаръ Мальвиною дышалъ!..
Но быстро дни любви и счастья пролетѣли,
И вечеръ горести для юноши насталъ!..

Однажды, въ темну ночь, зимы порой унылой,
Осгаръ стучится въ дверь красавицы молодой,
И шепчетъ: «юный другъ, не медли, здѣсь твой милый!»
Но тихо въ хижинѣ. Вновь робкою рукой
Стучить и слушаетъ; лишь вѣтры съ свистомъ вѣютъ;
«Ужели спишь теперь, Мальвина?» Мгла вокругъ,
Валится снѣгъ, волосы въ туманѣ леденѣютъ:
«Услышь, услышь меня, Мальвина, милый другъ!»

Онъ въ третій разъ стучить. Со скрипомъ дверь шатнулась;
Онъ входитъ съ трепетомъ: несчастный, что жъ узрѣлъ?
Темнѣетъ взоръ его; Мальвина содрогнулась:

Онъ зрѣть — въ объятіяхъ измѣнницы Звигнелъ!
 И ярость дикая во взорахъ закипѣла;
 Нѣмѣеть и дрожить любовникъ молодой;
 Онъ грозный мечъ извлекъ — и нѣтъ уже Звигнела,
 И блѣдный духъ его сокрылся въ тѣмѣ ночной!

Мальвина обняла несчастнаго колѣна,
 Но взоры отвративъ: «живи!» вѣщала Осгарь;
 «Живи, ужъ я не твой, презрѣна мной измѣна,
 Забуду, потушу къ невѣрной страсти жаръ.»
 И тихо за порогъ выходить онъ въ молчаньѣ,
 Окованъ мрачною, безмолвною тоской:
 Исчезло сладкое на вѣкъ очарованье!

.....

Я видѣлъ юношу. Поникнувъ головою,
 Мальвины имя онъ въ отчаяннѣ шепталъ;
 Какъ сумракъ, дремлющій надъ бездною морскою,
 На сердцѣ горестномъ унынья мракъ лежалъ.
 На друга дѣтскихъ лѣтъ взглянулъ онъ торопливо:
 Уже недвижный взоръ друзей не узнавалъ.
 Отъ пиршествъ удаленъ, въ пустынѣ молчаливой
 Онъ одиночествомъ печаль свою питалъ.

И длинный годъ провелъ Осгарь среди мученій.
 Вдругъ грянулъ трубный гласъ. Оденовъ сынъ, Фингалъ,
 Велъ грозныхъ на мечи, въ кровавый пылъ сраженій;
 Осгарь слышалъ вѣсть и бранью воспылалъ.
 Здѣсь мечъ его сверкнулъ, и смерть предъ нимъ бѣжала;
 Покрытый ранами, здѣсь палъ на грудь тѣлѣ;
 Онъ палъ; еще рука меча кругомъ искала,
 И крѣпкій сонъ вѣковъ на сильнаго слетѣлъ.

Побѣгли вспять враги — и тихій миръ герою!
 И тихо все вокругъ могильнаго холма!
 Лишь въ осень хладную, безмѣсячной порою,
 Когда вершины горъ тягчить сырая тьма,
 Въ багровомъ облакѣ, одѣянна туманомъ,
 На камнѣ гробовомъ уныла тѣнь сидитъ,
 И стрѣлы дребезжать, стучить броня съ колчаномъ,
 И влечь, зашевелиясь, таинственно шумитъ.

ЛЕДА.

(Кантаты, подражание Ларни).

Средь темной рощицы, подъ тѣнью липъ душистыхъ,
 Въ высокомъ тростникѣ, гдѣ чистымъ жемчугомъ
     Вздувалась пѣна водъ серебристыхъ,
     Колелясь тихимъ вѣтеркомъ,
     Покровъ красавицы стыдливой,
 Небрежно кинутый, у берега лежалъ —
 И прелести ея потокъ волной игривой
     Съ весельемъ орошалъ.

Житель рощи торопливый,
 Будь же скромнѣе, о ручей!
 Тише, струйки говорливы!
 Измѣнить страшитесь ей!

Леда робостью трепещетъ,
 Тихо дышетъ свѣжна грудь,
 Ни волна вокругъ не плещетъ,
 Ни зефиръ не смѣетъ дуть.

Въ роцѣ шорохъ утихаетъ,
 Все въ прелестной тишинѣ;
 Нимфа далѣе ступаетъ,
 Робкой ввѣрившись волнѣ.

Но что-то межъ кустовъ прибрежныхъ восшумѣло,
 И чувство робости прекрасной овладѣло;
 Невольно вздрогнула, не въ силахъ вдохнуть;
 И вотъ пернатыхъ царь изъ-подъ склоненной ивы,
     Расправя крылья горделивы,
 Къ красавицѣ плыветъ: веселья полна грудь
 Съ шумящей пѣною отважно волны гонить,
     Крылами воздухъ бьетъ,
     То въ кольца шею вьетъ,
 То гордую главу, смирясь, предъ Ледой клонить...

Леда смѣется,
 Вдругъ раздается
 Радости кликъ...

Видь сладострастный:
 Къ Ледѣ прекрасной
 Лебедь приникъ.
 Слышно стenanье;
 Нимфа лѣсовъ
 Съ нѣгою сладкой
 Видитъ украдкой
 Тайну боговъ.

Опомнясь, наконецъ, красавица младая
 Открыла тихій взоръ, въ томленьяхъ воздыхая,
 И что жъ увидѣла? На ложѣ изъ цвѣтовъ
 Она покоится въ объятіяхъ Зевеса;
     Межъ ними юная любовь —
 И пала таинства прелестнаго завѣса!

Симъ примѣромъ научитесь,
 Розы — дѣвы красоты;
 Лѣтнимъ вечеромъ страшитесь
 Въ темной рощицѣ воды:

Въ темной рощицѣ таится
 Часто пламенный Эротъ;
 Съ хладной струйкою катится,
 Стрѣлы прячетъ въ пѣнѣ водъ.

Симъ примѣромъ научитесь,
 Розы — дѣвы красоты;
 Лѣтнимъ вечеромъ страшитесь
 Въ темной рощицѣ воды.

[Позднѣйшее подражаніе этому стихотворенію Парни напечатано въ «Мне-мозинѣ», изд. В. К. Кюхельбекеромъ и кн. В. Ѳ. Одоевскимъ, безъ подписи. Оно принадлежитъ кн. П. А. Вяземскому, хотя и пропущено въ последнемъ собраніи его сочиненій.]

ВЕНЕРЪ ОТЪ ЛАИСЫ, ПРИ ПОСВЯЩЕНИ ЕЙ ЗЕРКАЛА.

(Изъ Вольтера).

Вотъ зеркало мое — прими его, Киприда!
 Богиня красоты прекрасна будетъ въѣкъ;
 Съдого времени ей не страшна обида:
     Она не смертный человѣкъ;
     Но я, покорствуя судьбинѣ,
 Не въ силахъ зрѣть себя въ прозрачности стекла
     Ни той, которой я была,
     Ни той, которой нынѣ.

[Этотъ мадригалъ помѣщенъ въ статьѣ: «Объ эпиграммѣ и надписи древнихъ», переведенной И. И. Пущинымъ изъ книги Лагарпа: *Lucee ou Songe de littérature* и напечатанной въ «В. Евр.» 1814, сентябрь, № 18, стр. 115 — 119. Другой переводъ этого стихотворенія Вольтера напечатанъ Д. Саларевымъ въ «Благонамѣренномъ» 1820, № 11, стр. 375. Трудъ Лагарпа переведенъ на русскій языкъ Карабановымъ, Соколовыми и Никольскимъ и изданъ въ Спб. 1810 — 1814 подъ заглавіемъ: «Лицей, или кругъ словесности древней и новой», въ пяти частяхъ. На литературныхъ сужденіяхъ Лагарпа воспитывалось все тогдашнее юношество; курсъ его служилъ въ лицѣ учебнымъ руководствомъ для старшаго возраста.]

КРАСАВИЦЪ, КОТОРАЯ НЮХАЛА ТАБАКЪ.

Возможно ль? вмѣсто розъ, Амуромъ насажденныхъ,
 Тюльпановъ, гордо наклоненныхъ,
 Душистыхъ ландышей, яминовъ и лилей,
 Которыхъ ты всегда любила,
 И прежде всякій день носила
 На мраморной груди своей —
 Возможно ль, милая Климена?
 Какая странная во вкусѣ переѣвна!
 Ты любишь обонять не утренній цвѣтокъ,
 А вредную траву зелѣну,
 Искусствомъ превращонну
 Въ пушистый порошокъ!
 Пускай уже съдой профессоръ Геттингена,
 На старой каедрѣ согнувшись дугой,
 Вперивъ въ латынщину глубокій разумъ свой,

Раскашлявшись, табакъ толченый
 Пихаетъ въ длинный носъ изсохшею рукой;
 Пускай молодой драгунъ усатый,
 Поутру сидя у окна,
 Стаканы сушить всё до дна,
 И чтобъ прогнать остатокъ сна,
 Изъ трубки пенковой дымъ гонить сѣроватый;
 Пускай красавица шестидесяти лѣтъ,
 У грацій въ отпуску и у любви въ отставкѣ,
 У коей держится вся прелесть на подставкѣ,
 У коей безъ морщинъ на тѣлѣ мѣста нѣтъ,
 Чаекъ въ прикуску попиваетъ
 И съ вѣрнымъ табакомъ печали забываетъ.
 Злословить, молится, зѣваетъ;
 А ты, прелестная! Но если ужъ табакъ
 Такъ нравится тебѣ... о, пылъ воображенья!
 Ахъ! если бъ, превращенный въ прахъ,
 И въ табакеркѣ, въ заточеньѣ,
 Я въ персты нѣжные твои попасться могъ;
 Тогда бъ, въ сердечномъ восхищеньѣ,
 Разсыпался на грудь, подъ шалевый платокъ...
 И даже, можетъ быть... но что? мечта пустая!
 Не будетъ этого никакъ!
 Судьба завистливая, злая!
 Ахъ!.. отчего я не... табакъ!

[Написано къ сестрѣ лицейскаго товарища поэта, княжѣ Еленѣ Мих. Горчаковой, вышедшей впоследствии за кн. Г. М. Кантакузена.]

STANCES.

(Княжнѣ Е. М. Горчаковой).

Avez-vous vu la tendre rose,
 L'aimable fille d'un beau jour,
 Quand au printemps à peine éclore,
 Elle est l'image de l'amour?

Telle à nos yeux, plus belle encore,
 Parut Eudoxie aujourd'hui;

Plus d'un printemps la vit éclore,
Charmante et jeune comme lui.

Mais, hélas! les vents, les tempêtes.
Ces fougueux enfants de l'hiver,
Bientôt vont gronder sur nos têtes,
Enchaîner l'eau, la terre et l'air.

Et plus de fleurs, et plus de rose!
L'aimable fille des amours
Tombe fanée à peine éclose!
Il fuit le temps des beaux jours!

Eudoxie, aimez! le temps presse:
Profitez de vos jours heureux!
Est-ce dans la froide vieillesse
Que de l'amour on sent les feux?

КЪ НАТАЛЬѢ.

Такъ, и мнѣ узнать случилось,
Что за птица Купидонъ;
Сердце страстное плѣнилось,
Признаюсь: и я влюбленъ!
Пролетѣло счастья время,
Какъ любви не зная бремя,
Я живаль, да попѣваль;
Какъ въ театрѣ и на балахъ,
На гуляньяхъ, иль въ воксалахъ,
Легкимъ зефиромъ леталь;
Какъ, смѣясь, во зло Амуру
Я писалъ карикатуру
На любезный женскій полъ.
Но напрасно я смѣялся;
Наконецъ и самъ попался:
Самъ, увы, съ ума сошелъ.
Смѣхи, вольность, все подѣ лавку,
Изъ Катонѣвъ я въ отставку,
И теперь я — селадонъ

Милovidной жрицы Тальи;
 Видѣль прелести Натальи —
 И ужъ въ сердцѣ Купидонѣ!

Такъ, Наталья, признаюся:
 Я тобою полоненъ;
 Въ первый разъ еще (стыжуся)
 Въ женски прелести влюбленъ;
 Цѣлый день, какъ ни верчуся,
 Лишь тобою занятъ я;
 Ночь придетъ — и лишь тебя
 Вижу я въ пустомъ мечтанъѣ;
 Вижу, въ легкомъ одѣяньѣ
 Будто милая со мной;
 Робко, сладостно дыханье,
 Бѣлой груди колебанье,
 Снѣгъ затмившей бѣлизной,
 И полуотверсты очи,
 Скромный мракъ безмолвной ночи —
 Духъ въ восторгъ приводятъ мой!..
 Я одинъ въ бесѣдѣ съ нею;
 Вижу дѣвственну лилею,
 Трепещу, томлюсь, нѣмѣю...
 А проснулся — вижу мракъ
 Вкругъ постели одинокой...
 Испускаю вздохъ глубокой;
 Сонъ лѣнивый, томноокій,
 Отлетаетъ на крылахъ;
 Страсть сильнѣе становится;
 И любовью утомясь,
 Я слабѣю каждый часъ —
 Все къ чему-то умъ стремится...

Но, Наталья, ты не знаешь.
 Кто твой нѣжный селадонъ?
 Ты еще не понимаешь,
 Отчего не смѣетъ онъ
 И надѣяться?.. Наталья!
 Выслушай еще меня:
 Не владѣтель я серала,
 Не арабъ, не турокъ я;
 За учтиваго китайца,

Грубаго американца
 Почитать меня нельзя;
 Не представь и нѣмчурою
 Съ колпакомъ на волосахъ,
 Съ кружкой, пивомъ наливою
 И съ цыгаркою въ зубахъ;
 Не представь кавалергарда
 Въ каскѣ, съ длиннымъ палашомъ ---
 Не люблю я бранный громъ:
 Шпага, сабля, алебарда
 Не тягчать моей руки...

Кто же ты, болтунъ влюбленный?
 . . . . .

КЪ МОЛОДОЙ АКТРИСѢ.

Ты не наслѣдница Клероны;
 Не для тебя свои законы
 Владѣлецъ Пинда начерталъ;
 Тебѣ не много Богъ послалъ;
 Твой голосокъ, тѣлодвиженья,
 Нѣмыя взоровъ обращенья
 Не стоятъ, признаюсь, похвалъ
 И шумныхъ плесковъ удивленья.
 Жестокой суждено судьбой
 Тебѣ актрисой быть дурной;
 Но, Хлоя, ты мила собой.
 Тебѣ во слѣдъ толпятся смѣхи,
 Сулятъ любовникамъ утѣхи —
 И такъ, вѣнцы передъ тобой,
 И несомнительны успѣхи.

Ты плѣннымъ зрителя ведешь,
 Когда безъ такта ты поешь,
 Недвижно стоя передъ нами,
 Поешь, и часто не впадаешь;
 А мы усердными руками
 Всѣ громко хлопаемъ. Кричатъ:

Bravo! bravissimo! чудесно!
Свистки сатириковъ молчать,
И всё покорствуютъ прелестной.

Когда, въ неловкости своей,
Ты сложишь руки у грудей,
Или поднимешь ихъ, и снова
На грудь положишь, застыдась;
Когда Милона молодого,
Лепеча что-то не для насъ,
Въ любви, безъ чувства, увѣряешь.
Или безъ памяти, въ слезахъ,
Холодный испуская: ахъ,
Спокойно въ кресла упадаешь.
Краснѣя и чуть-чуть дыша,
Всѣ шепчутъ: ахъ, какъ хороша!
Увы, другую бѣ освистали!
Велико дѣло красота!
О Хлоя, мудрые солгали:
Не все на свѣтѣ суета.

Плѣнная же, Хлоя, красотою!
— Стократъ блаженъ любовникъ тотъ,
Который нѣжно предъ тобою,
Осмѣлясь, о любви поетъ,
Въ стихахъ и прозою, на сценѣ,
Тебя кланется обожать,
Кому ты можешь отвѣчать,
Не смѣя молвить объ измѣнѣ;
Блаженъ, кто можетъ роль забыть
На сценѣ съ миленькой актрисой,
Жать руку ей, надѣясь быть
Еще блаженнѣй за кулпсой!

[Оба эти стихотворенія относятся къ крѣпостной актрисѣ гр. Варвѣоломея Вас. Толстого, игравшей на его домашнемъ театрѣ въ Царскомъ Селѣ.]

ОПЫТНОСТЬ.

Кто съ минуту переможетъ
Хладнымъ разумомъ любовь,
Время тягостныхъ оковъ
Ей на крылья не возложить —
Тоть не смѣйся, не рѣзвись,
Съ строгой мудростью дружись;
Но съ разсудкомъ вновь заспоришь —
Радъ не радъ, а дверь отворишь,
Какъ проказливый Эротъ
Постучится у воротъ.

Испыталъ я самъ собою
Истину сихъ правыхъ словъ.
«Добрый путь! прости, любовь!
За богинею слѣпою,
Не за Хлоей полечу,
Счастье, счастье ухвачу!»
Мнилъ я въ гордости безумной.
Вдругъ услышалъ хохоть шумный,
Оглянулся... и Эротъ
Постучался у воротъ.

Нѣтъ! мнѣ, видно, не придется
Съ богомъ симъ въ размолвкѣ жить,
И покамѣсть жизни нить
Старой Паркой тамъ прядется,
Пусть владѣть мною онъ!
Веселиться — мой законъ.
Смерть откроетъ гробъ ужасный,
Потемнѣютъ взоры ясны,
И не стукнется Эротъ
У могильныхъ ужъ воротъ.

БЛАЖЕНСТВО.

Въ рощѣ сумрачной, тѣнистой,
Гдѣ, журча въ травѣ душистой,
Свѣтлый бродитъ ручеекъ,
Ночью, на простой свирѣли
Пѣль влюбленный пастушокъ;
Томный гуль унылы трели
Повторялъ въ глуши долинь...

Вдругъ изъ глубины пещеры
Чтитель Вакха и Венеры,
Рѣзвыхъ фавновъ господинъ,
Выбѣжалъ Эрміевъ сынъ:
Розами рога обвиты,
Плющъ на черныхъ волосахъ,
Козій мѣхъ, виномъ налитый,
У сатира на плечахъ.
Богъ лѣсовъ, въ дугу склонившись
Надъ искривленной клюкой,
За кустами притаившись,
Слушалъ пѣсенки ночной,
Въ ладъ качая головой.
«Дни, протекшіе въ весельи
(Пѣль въ тоскѣ пастухъ молодой),
Отчего, явясь мечтой,
Вы какъ тѣнь изъ глазъ исчезли
И покрылись вѣчной тьмой?
Ахъ! когда я въ мракѣ ноци,
При таинственной лунѣ,
Въ темну сѣнь прохладной роци,
Сладко спящей въ тишинѣ,
Медленно, рука съ рукою,
Съ нѣжной Хлоей приходилъ,
Кто сравниться могъ со мною?
Хлоѣ былъ тогда я милъ!

«А теперь мнѣ жизнь — могила
Бѣлый свѣтъ душѣ постылъ,
Грустенъ лѣсъ, потокъ унылъ...

Хлоя другу измѣнила!..
Я для милой... ужъ не миль!..»

Звукъ исчезъ свирѣли тихой;
Смолекъ пѣвецъ — и тишина
Воцарилась въ роцѣ дикой;
Слышно, плещетъ лишь волна,
И колышетъ навилкой
Тихо вѣющій зефиръ.
Древъ оставя сѣнь густую,
Вдругъ является сатиръ.
Чашу дружбы круговую
Пѣнистымъ сребря виномъ,
Рекъ съ ослабленнымъ лицомъ:
«Ты уныль, ты сердцемъ мраченъ;
Посмотри жъ, какъ сокъ прозраченъ
Блещетъ, освѣтятся луной!
Выпей чашу — и душой
Будешь такъ же чистъ и ясенъ.
Вѣрь мнѣ: стоишь въ бѣдахъ напрасенъ.
Лучше, лучше веселись,
Въ горѣ съ Бахусомъ дружись!»
И пастухъ, взявъ чашу въ руки,
Скоро выпилъ всю до дна.
О, могущество вина!
Вдругъ сокрылись скорби, муки,
Мракъ душевный вмигъ исчезъ!
Лишь фіаль къ устамъ поднесъ,
Все мгновенно премѣнилось,
Вся природа оживилась:
Счастливъ юноша въ мечтахъ!
Выпивъ чашу золотую,
Наливаетъ онъ другую;
Пьетъ ужъ третью... но въ глазахъ
Видъ окрестный потемнелъ —
И несчастный... утомился.
Томну голову склоня,
«Научи, сатиръ, меня»,
Говоритъ пастухъ со вздохомъ:
«Какъ могу бороться съ рокомъ?
Какъ могу счастливымъ быть?
Я не въ силахъ вѣчно пить.»

— Слушай, юноша любезный,
 Вотъ тебѣ совѣтъ полезный:
 Мигъ блаженства вѣкъ лови;
 Помни дружбы наставленья:
 Безъ вина здѣсь нѣтъ веселья,
 Нѣтъ и счастья безъ любви;
 Такъ поди жь теперь, съ похмѣлья,
 Съ Купидономъ помирись;
 Позабудь его обиды,
 И въ объятіяхъ Дориды
 Снова счастьемъ насладись!

ПИРУЮЩЕ СТУДЕНТЫ.

Друзья! досужный часъ насталь,
 Все тихо, все въ покоѣ:
 Скорѣе скатерть и бокаль!
 Сюда вино златое!
 Шипи шампанское въ стеклѣ!
 Друзья! почто же съ Кантомъ
 Сенека, Тацитъ на столѣ,
 Фольянтъ надъ фоліантомъ?
 Подъ столъ холодныхъ мудрецовъ —
 Мы подемъ овладѣемъ!
 Подъ столъ ученыхъ дураковъ —
 Безъ нихъ мы пить умѣемъ!

Ужели трезваго найдемъ
 За скатертью студента?
 На всякій случай изберемъ
 Скорѣе президента.
 Въ награду пьянымъ онъ нальетъ
 И пуншъ, и грогъ душистый;
 А вамъ, спартанцы, поднесетъ
 Воды въ стаканѣ чистой.
 Апостолъ нѣги и прохладъ,
 Мой добрый Галичъ ¹⁾, vale!

¹⁾ Александръ Ивановичъ Галичъ (1783 — 1848) авторъ «Исторіи философскихъ системъ», преподававшій въ Лицеѣ въ 1814 и 1815 гг. русскую и латин-

Ты Эпикуровъ младшій братъ,
 Душа твоя въ бокалѣ.
 Главу вѣнками убери —
 Будь нашимъ президентомъ,
 И стануть самые цари
 Завидовать студентамъ.

Дай руку, Дельвигъ! что ты спишь?
 Проснись, лѣнивонецъ сонный.
 Ты не подъ каедрой сидишь,
 Латынью усыпленный.
 Взгляни, здѣсь кругъ твоихъ друзей,
 Бутыль, виномъ налита,
 За здравье нашей музы пей,
 Парнасскій волокита!
 Острякъ любезный! ¹⁾ по рукамъ!
 Полнѣй бокалъ досуга,
 И вылей сотню эпиграммъ
 На недруга и друга!
 А ты, красавецъ молодой,
 Сіятельный повѣса! ²⁾
 Ты будешь Вакха жрецъ лихой,
 На прочее — завѣса!
 Хотя студентъ, хотя я пьянъ,
 Но скромность почитаю;
 Придвинь же пѣнистый стаканъ:
 На все благословляю!

Товарищъ милый, другъ прямой! ³⁾
 Тряхнемъ рукою руку,
 Оставимъ въ чашѣ круговой
 Педантамъ сродну скуку.
 Не въ первый разъ мы вмѣстѣ пьемъ,
 Нерѣдко и бранимся,
 Но чашу дружества нальемъ
 И тотчасъ помиримся.

скую словесность. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ преподавателемъ философіи въ Педагогическомъ институтѣ, а впоследствии и въ Спб. университетѣ (осн. 1819), гдѣ во времена Рунича и Магницкаго подвергся гоненію и былъ лишенъ каедръ. О немъ см. статью А. В. Никитенко въ Жур. Мин. Нар. Просв. 1869, № 1.

¹⁾ А. Д. Илличевскій.

²⁾ Гр. Брогліо.

³⁾ И. И. Пущинъ.

А ты, который съ дѣтскихъ лѣтъ
 Однимъ весельемъ дышешь! ¹⁾
 Забавный, право, ты поэтъ,
 Хотя плохо басни пишешь.
 Съ тобой тасуюсь безъ чиновъ,
 Люблю тебя душою,
 Наполни кружку до краевъ;
 Разсудокъ, Богъ съ тобою!
 А ты, повѣса изъ повѣсь ²⁾,
 На шалости рожденный,
 Удамый хватъ, головорѣзъ,
 Пріятель задушевный!
 Бутылки, рюмки разобьемъ
 За здравіе Платова,
 Въ казачью шапку пуншъ нальемъ —
 И пить давайте снова.

Приблизься, милый нашъ пѣвецъ,
 Любимый Аполлономъ ³⁾,
 Воспой властителя сердець
 Гитары тихимъ звономъ:
 Какъ сладостно въ стѣсненну грудь
 Томленье звуковъ льется;
 Но мнѣ ли страстью воздохнуть?
 Нѣтъ, пьяный лишь смѣется.

Не лучше ль, Роде записной ⁴⁾,
 Въ честь Вахвой станицы
 Теперь скрипѣть тебѣ струной
 Разстроенной скрипицы?
 Запойте хоромъ, господа!
 Нѣтъ нужды, что нескладно;
 Охрипли?.. Это не бѣда:
 Для пьяныхъ все вѣдь ладно.
 Но что? я вижу все вдвоемъ:
 Двоится штофъ съ аракомъ,
 Вся комната пошла кругомъ,
 Покрылись очи мракомъ...

¹⁾ М. Л. Яковлевъ.

²⁾ И. В. Малиновскій.

³⁾ Н. А. Корсаковъ.

⁴⁾ М. Л. Яковлевъ (исторично).

соч. А. С. Пушкина, т. I.

Гдѣ вы, товарищи, гдѣ я?
 Скажите, Вакха ради!
 Вы дремлете, мои друзья,
 Склонившись на тетради.

Писатель! за свои грѣхи
 Ты съ виду всѣхъ трезвѣ:
 Вильгельмъ ¹⁾), прочти свои стихи —
 Чтобъ мнѣ заснуть скорѣе.

[Исправлено по автографу, принадлежащему Императорскому Лицею.]

КЪ БАТЮШКОВУ.

Философъ рѣзвый и пѣтъ,
 Парнасскій счастливый лѣнивѣць,
 Харить изнѣженный любимѣць,
 Наперсникъ милыхъ Аонидъ!
 Почто на арфѣ златострунной
 Умолкнулъ, радости пѣвецъ?
 Ужель и ты, мечтатель юный,
 Разстался съ Фебомъ наконецъ?

Уже съ вѣнкомъ изъ розъ душистыхъ,
 Межъ кудрей вьющихся, златыхъ,
 Подъ тѣнью тополей вѣтвистыхъ,
 Въ кругу красавиць молодыхъ,
 Заздравнымъ не стучишь фіаломъ,
 Любовь и Вакха не поешь;
 Довольный, счастливый началомъ,
 Цвѣтовъ парнасскихъ вновь не рвешь;
 Не слышенъ нашъ Парни россійскій.
 Пой, юноша! Пѣвецъ тисскій
 Въ тебя вліялъ свой нѣжный духъ.
 Съ тобою твой прелестный другъ,
 Лилета, красныхъ дней отрада:

¹⁾ В. К. Кюхельбекеръ.

Пѣвцу любви любовь награда.
 Настрой же лиру, по струнамъ
 Летай игривыми перстами,
 Какъ вешній зефиръ по цвѣтамъ,
 И сладострастными стихами,
 И тихимъ попотомъ любви
 Лилету въ свой шалашъ зови;
 И звѣздъ ночныхъ при блѣдномъ свѣтѣ,
 Плывущихъ въ дальней вышинѣ,
 Въ уединенномъ кабинетѣ,
 Волшебной внемля тишинѣ,
 Слезами счастья грудь прекрасной,
 Счастливецъ милый, орошай;
 Но упоенъ любовью страстной,
 И нѣжныхъ музъ не забывай!
 Любви нѣтъ болѣ счастья въ мѣрѣ;
 Люби — и пой ее на лирѣ.

Когда жъ къ тебѣ въ досужный часъ
 Друзья, знакомые сберутся,
 И вина пѣнныя польются,
 Отъ плѣна съ трескомъ свободясь, —
 Описывай въ стихахъ игривыхъ
 Веселье, шумъ гостей болтливыхъ
 Вокругъ накрытаго стола,
 Стаканъ, кипящій пѣной бѣлой.
 И стукъ блестящаго стекла;
 И гости дружно стихъ веселый,
 Бокаль въ бокаль удара въ ладъ,
 Нестройнымъ хоромъ повторятъ.
 Поэтъ! въ твоей предметы воли!
 Во звучны струны смѣло грянь,
 Съ Жуковскимъ пой кроваву брань
 И грозну смерть на ратномъ полѣ:
 И ты въ строяхъ ее встрѣчалъ,
 И ты, постигнутый судьбою,
 Какъ россъ, питомецъ славы, палъ!
 Ты палъ, и хладною косою
 Едва, скопленный, не увялъ!

Иль, вдохновенный Ювеналомъ,
 Вооружись сатиры жаломъ;

Подчасъ прими ея свистокъ,
 Рази, осмѣивай порокъ;
 Шутя, показывай смѣшное,
 И если можно, насъ исправь;
 Но Тредьяковскаго оставь
 Въ столь часто рушимомъ покоѣ.
 Увы! довольно безъ него
 Найдемъ безсмысленныхъ поэтовъ;
 Довольно въ мірѣ есть предметовъ,
 Пера достойныхъ твоего! *)

Скажи, по милости, Грифону,
 Ползкомъ ползущу къ Геликону,
 Чтобъ пересталъ совсѣмъ писать
 И бѣдныхъ насъ морить со скуки;
 Скажи ему, что наши внуки
 Не станутъ вздоръ его читать..
 Все, все позволено поэту!
 Скажи всему, коль хочешь, свѣту,
 Что Висковатовъ **) не впопадъ
 Уродовъ выставилъ на сцену,
 Визжать заставилъ Мельпомену,
 Что Клитъ былъ добрый человекъ,
 Тихонько проводилъ свой вѣкъ,
 Своимъ домкомъ тихонько правилъ,
 И жилъ безъ горя, безъ заботъ,
 Покамѣсть не печаталъ одъ,
 Гдѣ здравый смыслъ вверхъ дномъ поставилъ,
 Гдѣ мы навидѣлись всего,
 Гдѣ «всѣ чудовища геенны —
 На жертву агнцы обреченны»,
 Гдѣ нѣтъ лишь смысла одного.

Но что? Цѣвницею моею,
 Безвѣстный въ мірѣ семъ поэтъ,
 Я пѣсни продолжать не смѣю.
 Прости — но помни мой совѣтъ:

*) Пушкинъ напоминаетъ Батюшкову о его сатиры-пародіи: «Пѣвецъ въ
 Весѣдѣ славяно-россовѣ.»

**) Степ. Ив. Висковатовъ (1786—1831) — авторъ нѣсколькихъ тяжелыхъ
 трагедій въ стихахъ, въ классическомъ родѣ (Ипермнестра, Ксенія и Темиръ,
 Гамлетъ и пр.)

Доколѣ, музами любимый,
 Ты Піэридь горишь огнемъ,
 Доколь, сраженъ стрѣлой незримой,
 Въ подземный ты не снидешь домъ,
 Мірскія забывай печали,
 Играй: тебя, молодой Назонъ,
 Эроть и Граціи вѣнчали,
 А лиру строилъ Аполлонъ.

КЪ НИКОЛАЮ ГРИГОРЬЕВИЧУ ЛОМОНОСОВУ *).

И ты, любезный другъ, оставилъ
 Надежну пристань тишины,
 Челнокъ свой весело направилъ
 По влагѣ бурной глубины;
 Судьба на руль уже склонилась,
 Спокойно свѣтять небеса,
 Ладья крылатая пустилась —
 Расправитъ счастье паруса.
 Дай Богъ, чтобъ грозной непогоды
 Вблизи ты ужасъ не видалъ,
 Чтобъ бурный вихорь не вздувалъ
 Предъ челнокомъ шумящи воды!
 Дай Богъ, подъ-вечеръ, къ берегамъ
 Тебѣ пристать благополучно,
 И отдохнуть спокойно тамъ
 Съ любовью, дружбой неразлучно!
 Нѣтъ, ты не можешь ихъ забыть!
 Но что! не скоро, можетъ быть,
 Увижусь я, мой другъ, съ тобою
 Укромной хаты въ тишинѣ?
 За чашей пунша круговою
 Подчасъ вспомнишь обо мнѣ;
 Когда жъ пойду на новоселье
 (Заснуть вѣдь общій всѣмъ удѣлъ).
 Скажи: дай Богъ ему веселье!
 Онъ въ жизни хотъ любить умѣлъ.

*) Братъ лицейскаго товарища Пушкина, † 1853.

РОМАНСЪ.

Подъ-вечеръ, осенью ненастной.
Въ пустынныхъ дѣва пла мѣстахъ,
И тайный плодъ любви несчастной
Держала въ трепетныхъ рукахъ.
Все было тихо: лѣсъ и горы,
Все спало въ сумракѣ ночномъ;
Она внимательные взоры
Водила съ ужасомъ кругомъ,

И на невинномъ семъ твореньѣ,
Вздохнувъ, остановила ихъ...
«Ты спишь, дитя, мое мученье...
Не знаешь горестей моихъ!
Откроешь очи и, тоскуя,
Ты къ груди не прильнешь моей,
Не встрѣтишь завтра поцѣлуя
Несчастной матери твоей!

Ее манить напрасно будешь!
Мнѣ вѣчный стыдъ — вина моя!
Меня на вѣки ты забудешь...
Но не забуду я тебя.
Дадутъ покровъ тебѣ чужіе,
И скажутъ: ты для насъ чужой!
Ты спросишь: гдѣ мои родные?
И не найдешь семьи родной!

Несчастный! будешь грустной думой
Томиться межъ другихъ дѣтей,
И до конца съ душой угрюмой
Взирать на ласки матерей.
Повсюду странникъ одинокій,
Всегда судьбу свою кляня,
Услышишь ты упрекъ жестокій...
Прости, прости тогда меня!

Ты спишь!.. позволь тебя, несчастный,
Прижать къ груди въ послѣдній разъ.
Законъ неправедный, ужасный,

Къ страданью осуждаетъ насъ.
 Пока лѣта не отогнали
 Невинной радости твоей,
 Спи, милый! горькія печали
 Не тронуть дѣтства тихихъ дней!»

Но вдругъ за рощей освѣтила,
 Вблизи ей, хижину луна.
 Блѣдна, трепещуща, уныла.
 Къ дверямъ приблизилась она,
 Склонилась, тихо положила
 Младенца на порогъ чужой;
 Со страхомъ очи отвратила —
 И скрылась въ темнотѣ ночной.

MON PORTRAIT.

Vous me demandez mon portrait.
 Mais peint d'après nature:
 Mon cher, il sera bientôt fait,
 Quoique en miniature.

Je suis un jeune polisson
 Encore dans les classes;
 Point sot, je le dis sans façon
 Et sans fades grimaces.

Onc, il ne fut de babillard,
 Ni docteur de Sorbonne
 Plus ennuyeux et plus braillard
 Que moi-même en personne.

Ma taille à celle des plus longs
 Los n'est point égalée;
 J'ai le teint frais, les cheveux blonds
 Et la tête bouclée.

J'aime et le monde, et son fracas,
 Je hais la solitude;

J'abhorre et noises et débats,
Et tant soit peu l'étude.

Spectacles, bals me plaisent fort,
Et d'après ma pensée
Je dirais ce que j'aime encore,
Si je n'étais au lycée.

Après cela, mon cher ami,
L'on peut me reconnaître:
Oui! tel que le bon Dieu me fit,
Je veux toujours paraître.

Vrai démon pour l'espièglerie,
Vrai singe par sa mine,
Beaucoup et trop d'étourderie —
Ma foi — voilà Pouchkine.

[Написано лицейскому товарищу, барону Павлу Федоровичу Гревеницу]

ГОРОДОКЪ.

(Къ ***).

Прости мнѣ, милый другъ,
Двухлѣтнее молчанье:
Писать тебѣ посланье
Мнѣ было недосугъ.
На тройкѣ принесенный
Изъ родины смиренной
Въ великій градъ Петра,
Отъ утра до утра
Два года все кружился
Безъ дѣла въ хлопотахъ,
Зѣвалъ и веселился
Въ театрѣ, на пирахъ;
Не вѣдалъ я покоя,
Увы! ни на часокъ,
Какъ будто у наоя

Въ великій четвертокъ
Измученный дьячокъ.
Но слава, слава Богу!
На ровную дорогу
Я выѣхалъ теперь,
Ужъ вытолкалъ за дверь
Заботы и печали,
Которыя играли —
Стыжусь — столь долго мной.
И въ типинѣ святой
Философомъ лѣнивымъ.
Отъ шума вдалекѣ,
Живу я въ городкѣ,
Безвѣстностью счастливомъ.
Я нанялъ свѣтлый домъ:
Съ диваномъ, съ камелькомъ.
Три комнатки простыя --
Въ нихъ злата, бронзы нѣтъ,
И ткани выписныя
Не кроютъ ихъ паркетъ.
Окошки — въ садъ веселый,
Гдѣ липы престарѣлы
Съ черемухой цвѣтуть;
Гдѣ мнѣ въ часы полдневны
Березокъ своды темны
Прохладу сѣнь даютъ;
Гдѣ ландышъ бѣлоснѣжный
Сплелся съ фіалкой нѣжной.
И быстрый ручеекъ,
Въ струяхъ неся цвѣтокъ,
Невидимый для взора,
Лепечеть у забора.
Здѣсь добрый твой поэтъ
Живетъ благополучно;
Не ходитъ въ модный свѣтъ;
На уллицѣ каретъ
Не слышенъ стукъ докучный;
Здѣсь грома вовсе нѣтъ;
Лишь изрѣдка телѣга
Скрипитъ по мостовой,
Иль путникъ, въ домикъ мой
Пришедъ искать ночлега,

Дорожною клюкой
Въ калитку постучится...

Блаженъ, кто веселится
Въ покоѣ, безъ заботъ,
Съ кѣмъ втайнѣ Фебъ дружится
И маленькій Эротъ;
Блаженъ, кто на просторѣ
Въ укромномъ уголкѣ
Не думаетъ о горѣ,
Гуляетъ въ колпакѣ,
Пьетъ, ѣстъ, когда захочетъ,
О гостѣ не хлопочетъ!
Никто, никто ему
Лѣниться одному
Въ постелѣ не мѣшаетъ;
Захочетъ — Аонидъ
Толпу къ себѣ сзываетъ;
Захочетъ — сладко спитъ,
На Риѣмова склоняясь
И тихо забываясь.
Такъ я, мой милый другъ,
Теперь расположился;
Съ толпой безстыдныхъ слугъ
На вѣки распростился;
Укрывшись въ кабинетъ,
Одинъ я не скучаю,
И часто цѣлый свѣтъ
Съ восторгомъ забываю.
Друзья мнѣ — мертвецы,
Парнаскіе жрецы.
Надъ полкою простою,
Подъ тонкою тафтою,
Со мной они живутъ.
Пѣвцы краснорѣчивы,
Прозайки шутливы —
Въ порядкѣ стали тутъ.
Сынъ Мома и Минервы,
Фернейскій злой крикунъ,
Поэтъ въ поэтахъ первый,
Ты здѣсь, сѣдой шалунъ!
Онъ Фебомъ былъ воспитанъ,

Издѣтства сталь питъ;
 Всѣхъ больше перечитанъ.
 Всѣхъ менѣе томить;
 Соперникъ Эврипида,
 Эраты нѣжный другъ,
 Арьоста, Тасса внукъ —
 Скажу-ль?.. отецъ Кандида!
 Онъ все: вездѣ великъ
 Единственный старикъ! *)
 На полкъ за Вольтеромъ
 Виргилій, Тассъ съ Гомеромъ,
 Всѣ вмѣстѣ предстоятъ.
 Въ часъ утренній досуга
 Я часто другъ отъ друга
 Люблю ихъ отрывать.
 Питомцы юныхъ Грацій —
 Съ Державинымъ потомъ
 Чувствительный Горацій
 Является вдвоемъ.
 И ты, пѣвецъ любезный,
 Поэзіей прелестной
 Сердца привлекшій въ плѣнъ,
 Ты здѣсь, лѣнтяй безпечный,
 Мудрецъ простосердечный,
 Ванюша Лафонтенъ,
 Ты здѣсь!.. И Дмитревъ нѣжный,
 Твой вымысль любя,
 Нашелъ пріютъ надежный
 Съ Крыловымъ близъ тебя.
 Но вотъ наперсникъ милый
 Психей златокрылой! **)
 О добрый Лафонтенъ,
 Съ тобой онъ смѣлъ сразиться.
 Коль можешь ты дивиться,
 Дивись: ты побѣжденъ!
 Воспитаны Амуромъ

---

*) Объ этомъ предпочтеніи находимъ свидѣтельство и у В. Л. Пушкина, который въ посланіи къ гр. Ѳ. П. Толстому говорить:

«И Пушкинъ, балагуръ, стиховъ моихъ хулитель,
 Которому Вольтеръ лишь нравится одинъ...»

**) И. Ѳ. Богдановичъ (1743 — 1803), авторъ «Душеньки».

Вержье, Парни съ Грекуромъ *)
 Укрылись въ уголокъ
 (Не разъ они выходятъ
 И сонъ отъ глазъ отводятъ
 Подъ зимній вечерокъ).
 Здѣсь Озеровъ съ Расиномъ,
 Руссо и Карамзинъ;
 Съ Мольеромъ-исполиномъ
 Фонъ-Визинъ и Княжнинъ.
 За ними, хмурясь важно,
 Ихъ грозный Аристархъ
 Является отважно
 Въ шестнадцать томахъ.
 Хоть страшно стихоткачу
 Лагарпа видѣть вкусъ,
 Но часто, признаюсь,
 Надъ нимъ я время трачу **).

Кладбище обрѣли
 На самой нижней полкѣ
 Всѣ школьнически толкл,
 Лежащiе въ пыли:
 Визгова сочиненья,
 Глугона псалмопѣнья,
 Извѣстныя творенья.
 Увы, однимъ мышамъ!
 Миръ вѣчный и забвенье
 И прозѣ, и стихамъ!
 Но ими огражденну
 (Ты долженъ это знать)
 Я спряталъ потаенну
 Сафьянную тетрадь.
 Сей свитокъ драгоцѣнный,
 Вѣками сбереженный,
 Отъ члена русскихъ силъ,
 Дворянскаго брата,
 Драгунскаго солдата,

*) Vergier, одинъ изъ подражателей Лафонтена въ стихотворныхъ сказкахъ эротическаго содержанiя. Jean-Baptiste-Joseph Villaret de Grécourt (1683—1743), также эротическiй писатель.

**) Jean-François de Laharpe (1739—1833). О сочиненiи его: «Lycée ou cours de littérature ancienne et moderne», 1799—1805, 16 томовъ, см. выше, стр. 22.

И даромъ получилъ.
 Ты, кажется, въ сомнѣньѣ...
 Не трудно отгадать:
 Такъ, это сочиненья,
 Презрѣвшія печать.
 Хвала вамъ, чада славы,
 Враги парнасскихъ узъ!
 О, князь, наперсникъ музъ *),
 Люблю твои забавы;
 Люблю твой колкій стихъ
 Въ посланіяхъ твоихъ,
 Въ сатирѣ — знанье свѣта
 И слога чистоту,
 И въ рѣзвости куплета
 Игриву остроту.
 И ты, насмѣшникъ смѣлый **),
 Въ ней мѣсто получилъ,
 Чей въ Адѣ стихъ веселый
 Поэтовъ раздражилъ,
 Какъ, въ юношески лѣты.
 Въ волнахъ туманной Леты
 Ихъ гуртомъ потопилъ;
 И ты, замысловатый
 Буюнова пѣвецъ ***),
 Въ картинахъ столь богатый
 И вкуса образецъ;
 И ты шутникъ безцѣнный,
 Который Мельпомены
 Котурны и кинжалъ
 Игривой Тальѣ далъ! ****)
 Чья кисть мнѣ нарисуетъ,
 Чья кисть скомпоируетъ
 Такой оригиналь?
 Тутъ, вижу я, съ Чернавкой
 Подщипа слезы льетъ;
 Здѣсь князь дрожить подъ лавкой,

*) Кн. Д. П. Горчаковъ (1768—1824), авторъ сказки «Соловей» и сатиры «Святки». Последняя напечатана П. А. Ефремовымъ въ «Искрѣ» 1870, № 49.

**) К. Н. Ватюшковъ. Его стихотвореніе: «Видѣніе на берегахъ Леты», напечатанное въ «Библиогр. Зап.» 1861, № 20.

***) В. Л. Пушкинъ. Его стихотвореніе: «Опасный сосѣдъ».

****) И. А. Крыловъ. Его траги-комедія: «Трумфъ», напечатанная въ «Рус. Стар.» 1871, № 2.

Тамъ дремлетъ весь совѣтъ;
 Въ трагическомъ смятеннѣ
 Плѣненные цари,
 Забывъ войну, сраженнѣ,
 Играютъ въ кубари...
 Но назову ль дѣтину,
 Что доброю порой
 Тетради половину
 Наполнилъ лишь собой?..
 О ты, высотъ Парнаса
 Бояринъ небольшой,
 Но пылкаго Пегаса
 Наѣздникъ удалой!
 Намаранныя оды,
 Убранство чердаковъ,
 Гласятъ изъ рода въ роды:
 Великъ, великъ Свистовъ!
 Твой даръ цѣнить умѣю,
 Хоть, право, не знатокъ;
 Но здѣсь тебѣ не смѣю
 Хвалы сплетать вѣнокъ:
 Свистовскимъ должно слогомъ
 Свистова воспѣвать;
 Но убирайся съ Богомъ!
 Какъ ты, въ томъ клясться радъ,
 Не стану я писать.*)

О вы, въ моей пустынѣ
 Любимые творцы!
 Займите же отнынѣ
 Безпечности часы.
 Мой другъ! Весь день я съ ними —
 То въ думу углубленъ,
 То мыслями своими
 Въ Элизій пренесенъ.
 Когда же на закатѣ
 Послѣдній лучъ зари
 Потонетъ въ яркомъ златѣ,
 И свѣтлые цари
 Смеркающейся ноци

*) Извѣстный эротическій поэтъ Ив. Сем. Барковъ (1732--1768).

Плывутъ по небесамъ,
 И тихо дремлютъ рощи,
 И шорохъ по лѣсамъ —
 Мой геній невидимкой
 Летаеть надо мной,
 И я въ тиши ночной
 Сливаю голосъ свой
 Съ пастушьею волынкой. .
 Ахъ, счастливъ, счастливъ тотъ,
 Кто лиру въ даръ отъ Феба
 Во цвѣтѣ дней возьметъ!
 Какъ смѣлый житель неба,
 Онъ къ солнцу воспарить,
 Превыше смертныхъ станетъ
 И слава громко грянетъ:
 «Безсмертенъ ввѣкъ пить!»

Но ею мнѣ ль гордиться,
 Но мнѣ ль безсмертьемъ льститься?..
 До слезъ я спорить радъ.
 Не бьюсь лишь объ закладъ ..
 Какъ знать? и мнѣ, быть можетъ.
 Печать свою наложить
 Небесный Аполлонъ;
 Сіяя горнимъ свѣтомъ.
 Безтрепетнымъ полетомъ
 Взлечу на Геликонъ.
 Не весь я преданъ тлѣнью;
 Съ моею, быть можетъ, тѣнью
 Полуночной порой
 Сынъ Феба молодой,
 Мой правнукъ просвѣщенный,
 Бесѣдовать придетъ,
 И мною вдохновенный,
 На лирѣ воздохнетъ.

Покамѣстъ, другъ безцѣнный
 Каминомъ освѣщенный,
 Сижу я подъ окномъ
 Съ бумагой и перомъ.
 Не слава предо мною,
 Но дружбою одною

Я нынѣ вдохновенъ...
Мой другъ, я счастливъ ею;
Почто жъ ея сестрой,
Любовію младой,
Напрасно пламенѣю?
Иль юности златой
Вотще даны мнѣ розы,
И лить навѣки слезы
Въ юдоли, гдѣ расцвѣлъ, —
Мой горестный удѣлъ?..
Пѣвца сопутникъ милый,
Мечтанье легкокрыло!
О, будь же ты со мной!
Дай руку сладострастью,
И съ чашей круговой
Веди меня ко счастью
Забвенія тропой;
И въ часъ безмолвной ночи,
Когда лѣтний макъ
Покроетъ томны очи,
На вѣтреныхъ крылахъ
Примчись въ мой домикъ тѣсный,
Тихонько постучись,
И въ тишинѣ прелестной
Съ любимцемъ обнимись!
Мечта! въ волшебной снѣи
Мнѣ милую яви,
Мой свѣтъ, мой добрый геній,
Предметъ моей любви!
И блескъ очей небесный,
Ліющихъ огнь въ сердца,
И Грацій станъ прелестный,
И свѣтъ ея лица;
Представь, что на колѣняхъ
Покоюсь у меня,
Въ порывистыхъ томленьяхъ
Склонилася она
Ко груди грудью страстной,
Устами на устахъ;
Горитъ лицо прекрасной
И слезы на глазахъ!..
Почто стрѣлой незримой

Уже летишь ты вдаль?
 Обманеть — и пропасть
 Бѣглець невозвратимый!
 Не слышитъ плачь и стонъ,
 И гдѣ крылатый сонъ?
 Исчезнетъ обольститель,
 И въ сердцѣ грусть-мучитель!

Но все ли, милый другъ,
 Быть счастья въ упоеньѣ?
 И въ грусти томный духъ
 Находить наслажденье:
 Люблю я въ лѣтній день
 Бродить одинъ съ тоскою,
 Встрѣчать вечерню тѣнь
 Надъ тихою рѣкою,
 И съ сладостной слезою
 Въ даль сумрачну смотрѣть;
 Люблю съ моимъ Марономъ.
 Подъ яснымъ небосклономъ,
 Близъ озера сидѣть,
 Гдѣ лебедь бѣлоснѣжный,
 Оставя знакъ прибрежный,
 Люви и нѣги полянъ,
 Съ подругою своею,
 Закинувъ гордо шею,
 Плыветъ во златѣ волнъ;
 Или, для развлеченья,
 Оставя книгъ ученье,
 Въ досужный мнѣ часокъ,
 У добренькой старушки
 Душистый пью чаекъ;
 Не подхожу я къ ручкѣ,
 Не шаркаю предъ ней,
 Она не присѣдаетъ,
 Но тотчасъ же вѣстей
 Мнѣ, пропасть наболтаеть.
 Газеты собираетъ
 Со всѣхъ она сторонъ,
 Все свѣдаетъ, узнаетъ:
 Кто умеръ, кто влюбленъ,
 Кого жена по модѣ

Рогами убрала,
 Въ которомъ огородѣ
 Капуста цвѣтъ дала;
 Ома свою хозяйку
 Ни-за-что наказаль,
 Антошка балалайку,
 Играя, разломаль —
 Старушка все расскажетъ.
 Межъ тѣмъ какъ юбку вяжетъ
 Болтаетъ все свое;
 А я сажу смиренно,
 Въ мечтаньяхъ углубленный,
 Не слушая ее,
 Ни риемы Удалова...
 Такъ нѣкогда Свистова
 Въ столицѣ я внималь,
 Когда свои творенья
 Онъ съ жаромъ мнѣ читаль.
 Ахъ, видно, Богъ пыталъ
 Тогда мое терпѣнье! *)

Иль добрый мой сосѣдъ,
 Семидесяти лѣтъ,
 Уволенный отъ службы
 Маіоромъ отставнымъ,
 Зоветь меня изъ дружбы
 Хлѣбъ-соль откушать съ нимъ.
 Вечернею пирушкой
 Старикъ, развеселясь
 За дѣдовскою кружкой,
 Въ прошедшемъ углубясь,
 Съ очаковской медалью
 На раненой груди,
 Воспомнить ту баталью,
 Гдѣ, роты впереди,
 Летѣлъ на встрѣчу славы,
 Но встрѣтился съ ядромъ,
 И палъ на долъ кровавый
 Съ булатнымъ палашемъ.
 Всегда я радъ душою

---

*) Графъ Дм. Ив. Хвостовъ (1757—1835), извѣстный метроманъ.

Съ нимъ время провождать,
 Но, Боже, виновать!
 Я каюсь предъ тобою —
 Служителей твоихъ,
 Поповъ я городскихъ
 Боюсь, боюсь бесѣды,
 И свадебны объды
 Затѣмъ лишь не терплю,
 Что сельскихъ іереевъ,
 Какъ папа іудеевъ,
 Я вовсе не люблю;
 А съ ними крючковатый
 Польяческій народъ,
 Лишь взятками богатый
 И ябеды оплотъ.
 Но, другъ мой, если вскорѣ
 Увижусь я съ тобой,
 То мы уходимъ горе
 За чашей круговой;
 Тогда, клянусь богами
 (И слово ужъ сдержу),
 Я съ сельскими попами
 Молебень отслужу.

[Подражаніе стих. Батюшкова: «Мои пенаты». Подъ вліяніемъ этого же стихотворенія и другихъ посланій Батюшкова Пушкинъ написалъ въ 1815 г. посланія къ Пущину, къ Галичу, къ Дельвигу и къ самому Батюшкову.]

ЭПИГРАММЫ.

1.

Аристъ намъ обѣщаль трагедію такую,
 Что всѣ отъ жалости въ театрѣ заревутъ,
 Что слезы зрителей рѣкою потекутъ...
 Мы ждали драму золотую.
 И что же? Дождались — и, нечего сказать,
 Достоинству ея нельзя убавить вѣсу:
 Ну, право, удалось Аристу написать
 Прежалостну піесу.

2.

Подражаніе французскому.

Супругою твоей я такъ плѣнился,
 Что если бѣ три въ удѣлѣ достались мнѣ,
 Подобныя во всемъ твоей женѣ,
 То даромъ двухъ я бѣ отдалъ сатанѣ,
 Чтобъ третью лишь принять онъ согласился.

3.

Несчастье Клита.

(На Кюхельбекера *).

Внукъ Тредьяковскаго Клитъ гекзаметромъ пѣсенки пишетъ,
 Противу ямба, хорей злобой ужасною дышетъ:
 Мѣра простая сія все портитъ, по мнѣнію Клита,
 Смыслъ затмѣваетъ стиховъ, жаръ охлаждаетъ пѣта.
 Спорить о томъ я не смѣю; пусть онъ безвинныхъ поноситъ;
 Ямбъ охладилъ риемача, гекзаметры жъ онъ заморозитъ.

4.

На гр. А. К. Разумовскаго **).

Ты слышалъ вѣсть смѣшную?
 Разумникъ получилъ вѣдъ ленту голубую.
 — Богъ съ нимъ! я недругъ никому:
 Дай Богъ и царствія небеснаго ему.

*) Лицейскій товарищъ Пушкина, Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ (1797—1846) уже въ то время печаталъ свои стихотворенія въ «Вѣстн. Европы» и другихъ журналахъ. Товарищи, особенно Пушкинъ и Иличевскій, осыпали его эпиграммами, которыхъ сохранилась цѣлая тетрадь, и нерѣдко доводили до отчаянія.

**) Графъ Алексѣй Кирилловичъ, министръ народнаго просвѣщенія (1810—1816), попечитель Лицея.

1815.

ВОСПОМИНАНІЯ ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ.

Нависъ покровъ угрюмой ноци
На сводѣ дремлющихъ небесъ;
Въ безмолвной тишинѣ почили доль и роци,
Въ сѣдомъ туманѣ дальній лѣсъ;
Чуть слышится ручей, бѣгущій въ сѣнь дубравы,
Чуть дышетъ вѣтерокъ, уснувшій на листахъ,
И тихая луна, какъ лебедь величавый,
Плыветъ въ сребристыхъ облакахъ.

Плыветъ — и блѣдными лучами
Предметы освѣтила вкругъ;
Аллеи древнихъ липъ открылись предъ очами,
Проглянули и холмъ, и лугъ.
Здѣсь, вижу, съ тополемъ сплелась младая ива
И отразилась въ кристалѣ зыбкихъ водъ;
Царицей средь полей лилея горделива
Въ роскошной красотѣ цвѣтеть.

Съ холмовъ кремнистыхъ водопады
Стекають бисерной рѣкой;
Тамъ въ тихомъ озерѣ плескаются наяды
Его лѣнивою волной;
А тамъ, въ безмолвіи, огромные чертоги,
На своды опершись, несутся къ облакамъ.
Не здѣсь ли мирны дни вели земные боги?
Не се ль Миневры росской храмъ?

Не се ль Элизіумъ полнощный,
 Прекрасный царскосельскій садъ,
 Гдѣ, льва сразивъ, почилъ орель Россіи мощный
 На лонѣ мира и отрадѣ?
 Увы! промчались тѣ времена златыя,
 Когда подъ скипетромъ великія жены
 Вѣнчалась славою счастливая Россія,
 Цвѣтя подъ кровомъ тишины.

Здѣсь каждый шагъ въ душѣ рождаетъ
 Воспоминанья прежнихъ лѣтъ;
 Возрѣвъ вокругъ себя, со вздохомъ росъ вѣщаетъ:
 «Исчезло все, Великой нѣтъ!»
 И въ думу углубленъ, надъ значными берегами
 Сидитъ въ безмолвіи, склоняя вѣтрамъ слухъ:
 Протекшія лѣта мелькаютъ предъ очами,
 И въ тихомъ восхищеніи духъ.

Онъ видитъ: окруженъ волнами,
 Надъ твердой, мшистою скалою
 Вознесся памятникъ. Ширяся крылами,
 Надъ нимъ сидитъ орель молодой.
 И цѣпи тяжкія, и стрѣлы громовыя
 Вкругъ грознаго столпа трикраты обвились,
 Кругомъ подножія, шума, валы сѣдые
 Въ блестящей пѣнѣ улеглись.

Въ тѣни густой угрюмыхъ сосенъ
 Воздвигся памятникъ простой.
 О, сколь онъ для тебя, кагульскій берегъ, поносенъ
 И славенъ родинѣ драгой!
 Безсмертны вы вовѣкъ, о росски исполины,
 Въ бояхъ воспитанны средь бранныхъ непогодъ;
 О васъ, сподвижники, друзья Екатерины,
 Пройдетъ молва изъ рода въ родъ.

О, громкій вѣкъ военныхъ споровъ,
 Свидѣтель славы россиянь!
 Ты видѣлъ, какъ Орловъ, Румянцевъ и Суворовъ,
 Потомки грозные славянъ,
 Перуномъ Зевсовымъ побѣду похищали.
 Ихъ смѣлымъ подвигамъ, страшась, дивился міръ;

Державинъ и Петровъ героямъ пѣснь бряцали
Струнами громозвучныхъ лиръ.

И ты промчался, незабвенный!
И вскорѣ новый вѣкъ узрѣлъ
И брани, новыя и ужасы военны:
Страдать — есть смертнаго удѣлъ.
Блеснулъ кровавый мечъ въ неукротимой длани
Коварствомъ, дерзостью вѣнчаннаго царя;
Возсталъ вселенной бичъ — и вскорѣ лютой брани
Зардѣлась грозная заря;

И быстрымъ понеслись потокомъ
Враги на русскія поля.
Предъ ними мрачна степь лежитъ во снѣ глубокомъ,
Дымится кровію земля,
И села мирныя, и грады въ мглѣ пылають,
И небо заревомъ одѣлося вокругъ,
Лѣса дремучіе бѣгущихъ укрываютъ,
И праздный въ полѣ ржавитъ плугъ.

Идутъ — ихъ силѣ нѣтъ препоны,
Все рушатъ, все свергаютъ въ прахъ.
И тѣни блѣдныя погибшихъ чадъ Беллоны,
Въ воздушныхъ соединясь полкахъ,
Въ могилу мрачную нисходятъ непрестанно,
Иль бродятъ по лѣсамъ въ безмолвіи ночи...
Но клики раздались!.. Идутъ въ дали туманной...
Звучать кольчуги и мечи!

Страшись, о рать иноплеменныхъ!
Россіи двинулись сыны;
Возсталъ и старъ и младъ, летятъ на дерзновенныхъ;
Сердца ихъ мщеньемъ возжены.
Вострепещи, тиранъ! Ужъ близокъ часъ паденья!
Ты въ каждомъ ратникѣ узришь богатыря.
Ихъ цѣль: или побѣдить, или пасть въ пылу сраженья
За вѣру, за царя.

Ретивы кони бранью пышутъ,
Усѣянъ ратниками долъ,
За строемъ строй течетъ, всѣ мечью, славой дышутъ,
Восторгъ во грудь ихъ перешелъ;

Летятъ на грозный пиръ, мечамъ добычи ищутъ,
 И се — пылаетъ брань; на холмахъ громъ гремитъ,
 Въ сгущенномъ воздухѣ съ мечами стрѣлы свищутъ
 И брызжетъ кровь на щитъ.

Сразились — русский побѣдитель!
 И вспять бѣжить надменный галль;
 Но сильнаго въ бояхъ небесный Вседержитель
 Лучемъ послѣднимъ увѣнчалъ:
 Не здѣсь его сразилъ воитель посѣдѣлый;
 О, бородинскія кровавыя поля!
 Не вы неистовству и гордости предѣлы:
 Увы, на башняхъ галль Кремля!..

Края Москвы, края родные,
 Гдѣ на зарѣ цвѣтущихъ лѣтъ
 Часы безопасности я тратилъ золотые,
 Не зная горестей и бѣдъ,
 И вы ихъ видѣли, враговъ моей отчизны,
 И васъ багрила кровь и пламень пожираль!
 И въ жертву не принесъ я мщенья вамъ и жизни...
 Вотще лишь гнѣвомъ духъ пылалъ!

Гдѣ ты, краса Москвы стоглавой,
 Родимой прелесть стороны?
 Гдѣ прежде взору градъ являлся величавый,
 Развалины теперь одни.
 Москва! сколь русскому твой зракъ унылый страшенъ!
 Исчезли зданія вельможей и царей,
 Все пламень истребилъ, вѣнцы затмили башенъ,
 Чертоги пали богачей.

И тамъ, гдѣ роскошь обитала,
 Въ тѣнистыхъ рощахъ и садахъ,
 Гдѣ миртъ благоухаль и липа трепетала,
 Тамъ нынѣ угли, пепель, прахъ;
 Въ часы безмолвные прекрасной лѣтней ночи
 Веселье шумное туда не полетитъ,
 Не блещутъ ужъ въ огняхъ берега и свѣтлы роци —
 Все мертво, все молчить...

Утѣшься, мать градовъ Россіи,
 Возри на гибель пришлеца.

Отяготѣла днесъ на ихъ надменной выи

Десница мстящая Творца.

Взгляни: они бѣгутъ, озрѣться не дерзаютъ,

Ихъ кровь не престаётъ въ снѣгахъ рѣками течъ,

Бѣгутъ—и въ тѣмѣ ночной ихъ гладь и смерть срѣтаютъ,

А съ тыла гонить россовъ мечъ.

О вы, которыхъ трепетали

Европы сильны племена,

О галлы хищные! и вы въ могилы пали...

О страхъ! о грозны времена!

Гдѣ ты, любимый сынъ и счастья, и Беллоны,

Презрѣвшій правды гласъ, и вѣру, и законъ?

Въ гордынѣ возмечтавъ мечемъ низвергнуть троны.

Исчезъ, какъ утромъ страшный сонъ!

Въ Парижѣ россъ! Гдѣ факель мщенья?

Поникни, Галлія, главой!

Но что я зрю? Герой съ улыбкой примиренья

Грядеть съ оливою златой;

Еще военный громъ грохочетъ въ отдаленѣ,

Москва въ уныніи, какъ степь въ полнощной мглѣ —

А онъ несетъ врагу не гибель, но спасенье,

И благотворный миръ землѣ.

Достойный внукъ Екатерины!

Почто небесныхъ Аонидъ,

Какъ нашихъ дней пѣвецъ, славянской бардъ дружины,

Мой духъ восторгомъ не горитъ!

О, если бѣ Аполлонъ питовъ даръ чудесный

Вліялъ мнѣ нынѣ въ грудь! тобою восхищень,

На лирѣ бѣ возгремѣлъ гармоніей небесной

И возсіялъ во тѣмѣ время!

О скальдъ Россіи вдохновенный,

Воспѣвшій ратныхъ грозный строй!

Въ кругу друзей твоихъ, съ душой воспламенной,

Взгреми на арфѣ золотой;

Да снова стройный гласъ герою въ честь пролететь,

И струны трепетны посыплютъ огонь въ сердца,

И ратникъ молодой вскипитъ и содрогнется

При звукахъ браннаго пѣвца.

[Стихотвореніе это читалось на экзаменахъ 4 и 8 января 1815 г. На послѣднемъ изъ нихъ присутствовалъ Державинъ. Пушкинъ вспоминаетъ объ этомъ въ посланіи къ Жуковскому (1817), въ запискахъ и особой замѣткѣ (т. V).

Послѣ экзамена, у гр. А. К. Разумовскаго былъ торжественный обѣдъ, на который, въ числѣ прочихъ гостей былъ приглашенъ и С. Л. Пушкинъ. Обращаясь къ нему, Разумовскій, между прочимъ, сказалъ: «Я бы желалъ, однакоже, образовать сына вашего въ прозѣ.» — «Оставьте его поэтомъ!» пророчески и съ необыкновеннымъ жаромъ возразилъ Державинъ (Анненковъ, Мат., 22). Стихотвореніе было напечатано въ «Росс. Музеумѣ» 1815, № 4, причемъ въ первый разъ явилась въ печати полная подпись автора: Александръ Пушкинъ. При стихахъ была выноска редакціи: «За доставленіе сего подарка благодаримъ искренно родственниковъ молодого поэта, котораго талантъ такъ много обѣщаетъ»].

КАЗАКЪ.

Разъ, полуночной порою,
Сквозь туманъ и мракъ,
Бѣхалъ тихо надъ рѣкою
Удалой казакъ.

Черна шапка на бекренѣ,
Весь жупанъ въ пыли,
Пистолеты при колѣнѣ,
Сабля до земли.

Вѣрный конь, узды не чуя,
Шагомъ выступалъ,
Гриву долгую волнуя,
Углублялся вдаль.

Вотъ предъ нимъ двѣ, три избушки,
Выломанъ заборъ;
Здѣсь — дорога къ деревушкѣ,
Тамъ — въ дремучій боръ.

«Не найду въ лѣсу дѣвицы, —
Думалъ хватъ Денисъ:
Ужъ красавицы въ свѣтлицы
На ночь убрались.»

Шевельнулъ донецъ уздою,
Шпорой прикольнулъ,

И помчался конь стрѣлою —
Къ избамъ завернулъ.

Въ облакахъ луна серебрила
Дальни небеса;
Подъ окномъ сидитъ уныла
Дѣвица-краса.

Храбрый видитъ красну дѣву,
Сердце бьется въ немъ;
Конь тихонько къ лѣву, къ лѣву —
Вотъ ужъ подъ окномъ.

«Ночь становится темнѣе,
Скрылася луна.
Выйдь, коханочка, скорѣе,
Напой коня.»

— Нѣтъ! Къ мужчинѣ молодому
Страшно подойти,
Страшно выйти мнѣ изъ дому.
Коню дать воды.

«Ахъ, небось, дѣвица красна,
Съ милымъ подружись!»
— Ночь красавицамъ опасна.
«Радость, не страшись!

«Вѣрь, коханочка, пустое;
Ложный страхъ отбрось!
Тратишь время золотое;
Милая, небось!

«Сядь на борзаго: съ тобою
Въ дальній ѣду край;
Будешь счастлива со мною:
Съ другомъ всюду рай!»

Что же дѣвица? Склонилась,
Побѣдила страхъ,
Робко ѣхать согласилась,
Счастливы стали казакъ!

Поскакали, полетѣли;
Дружку другъ любилъ:
Быль ей вѣренъ двѣ недѣли,
Въ третью измѣнилъ.

В И Ш Н Я.

Румяной зарею
Покрылся востокъ,
Въ селѣ за рѣкою
Потухъ огонекъ.

Росой окропились
Цвѣты на поляхъ,
Стада пробудились
На мягкихъ лугахъ.

Туманы сѣдые
Плывутъ къ облакамъ,
Пастушки младыя
Спѣшать къ пастухамъ.

Съ журчаньемъ стремится
Источникъ межъ горъ,
Вдали золотится
Во тѣмъ синій боръ.

Пастушка младая
На рынокъ спѣшитъ,
И вдаль, припѣвая,
Прилежно глядитъ.

Румянецъ играетъ
На полныхъ щекахъ,
Невинность блистаетъ
На робкихъ глазахъ.

Искусной рукою
Коса убрана,

И ножка собою
Прельщать создана.

.....

Пастушка приходитъ
Въ вишенникъ густой,
И много находитъ
Плодовъ предъ собой.

Хоть видъ ихъ прекрасенъ,
Красотку манить,
Но путь къ нимъ опасенъ —
Бѣдняжку страшить.

Подумавъ, рѣшилась
Сихъ вишенъ поѣсть,
За вѣтвь ухватилась
На дерево взлѣзть.

Уже достигаетъ
Награды своей
И робко ступаетъ
Ногой межъ вѣтвей.

Бери плодъ рукою —
И вишня твоя,
Но, ахъ! что съ тобою,
Пастушка моя?

Вдали усмотрѣла,
Спѣшить пастушокъ —
Нога ослабѣла,
Скользить башмачокъ.

И вѣтвь затрещала,
Бѣда! смерть грозить!
Пастушка упала,
Но ахъ, какой видъ...

.....

[Печатается съ пропускомъ 8-го и девяти заключительныхъ куплетовъ.]

~~~~~

БОВА.

(Отрывокъ).

Часто, часто я бесѣдовалъ
 Съ болтуномъ страны Эллинскія,
 И не смѣлъ осиплымъ голосомъ,
 Съ Шапеленомъ и съ Риематовымъ *)
 Воспѣвать героевъ Сѣвера.
 Несравненнаго Виргилія
 Я читалъ и перечитывалъ,
 Не стараясь подражать ему
 Въ нѣжныхъ чувствахъ и гармоніи.
 Разбиралъ я нѣмца Клопштока,
 И не могъ понять премудраго;
 Не хотѣлъ я воспѣвать, какъ онъ;
 Я хочу, меня чтобъ поняли
 Всѣ, отъ мала до великаго.
 За Мильтономъ и Камоэнсомъ
 Опасался я безъ крыль парить,
 Въ серафимовъ жарить пушками,
 Съ сатаною обитать въ раю.
 Но вчера, въ архивахъ рося,
 Отыскалъ я книжку славную,
 Золотую, незабвенную,
 Прочиталъ — и въ восхищеніи
 Про Бову пою царевича.

Не запомню, сколько лѣтъ спустя
 Послѣ рождества Спасителя,
 Царь Додонъ со славой царствовалъ
 Въ Свѣтомірѣ, сильнономъ городѣ.
 Царь Додонъ вѣнецъ со скипетромъ
 Не прямой досталъ дорогою,
 Но убивъ царя законнаго,
 Бендокира слабоумнаго.

*) Jean Chapelin (1595—1674), плохой поэтъ, писавшій сонеты и мадригалы, надъ которымъ смѣется Буало въ своихъ сатирахъ; Риематовъ — кн. Шихматовъ, авторъ поэмы: «Пожарскій, Мининъ, Гермогенъ или спасенная Россія»; по разсказу Е. Е. Матюшкина, къ этому заглавію Пушкинъ написалъ:

«Слогъ теменъ, важенъ, напыщенъ
 И тяжки словеса пустыя.»

Царь Додонъ не слабоумнаго
 Былъ достоинъ злого прозвища,
 Но тирана неусыпнаго.
 (Онъ однако не имѣлъ его).
 Лѣтъ мнѣ всѣ его достоинства
 И пороки вамъ показывать;
 Вы слышали, люди добрые,
 О царѣ, что двадцать цѣлыхъ лѣтъ
 Не снималъ съ себя оружія,
 Не слѣзаль съ коня ретиваго,
 Всюду пролеталъ съ побѣдою,
 Міръ крещеный потопилъ въ крови,
 Не щадилъ и некрещенаго,
 И въ ничтожество низверженный
 Александромъ, грознымъ ангеломъ,
 Жизнь проводить въ униженіи,
 И забытый всѣми, кличется
 Нынѣ Эльбы императоромъ...
 Вотъ таковъ-то былъ и царь Додонъ!

Разъ, собравъ бородачей совѣтъ
 (Безбородыхъ не любилъ Додонъ),
 На престолѣ пригорюнившись,
 Произнесъ онъ имъ такую рѣчь:

«Вы, которые совѣтами
 Облегчали тяжесть скипетра,
 Услаждали участь царскую
 (Не горька она была ему),
 Мудрые друзья, сподвижники!
 Къ вамъ прибѣгнуть я рѣшаюся:
 Что мнѣ дѣлать нынѣ? Слушайте.»

Всѣ привстали, важно хмурясь,
 Низко, низко поклонилися
 И поправя усъ и бороду,
 Сѣли на скамьи дубовыя.
 «Вамъ извѣстно, продолжалъ Додонъ,
 Что искусствомъ и неправдою
 Я достигъ престола шаткаго
 Бендокира слабоумнаго;
 Сочетался съ Милитрисою,

Милой женкой Бендокировой,
 И въ темницу посадилъ Бову,
 Принца крови, сына царскаго.
 Легче, легче захватить было
 Слабоумнаго златой вѣнецъ,
 Чѣмъ, надѣвъ вѣнецъ на голову,
 За собою удержать его.
 Вотъ уже народъ безмысленный,
 Ходя въ праздники по улицамъ,
 Межь собой не разъ говариваль:
 — Дай Богъ помочь королевичу;
 Вѣдь Бова уже не маленькій,
 Не въ отца своей головушкой.
 Нужды нѣтъ, что за рѣшеткою, —
 Онъ моимъ опасенъ замысламъ.
 Что мнѣ дѣлать съ нимъ, скажите мнѣ?»

Все собранье призадумалось!
 Всѣ въ молчаньѣ потупили взоръ.
 То-то право золотой Совѣтъ:
 Не болтали здѣсь, а думали.
 Арзаморъ, мужъ старый, опытный,
 Ротъ открылъ-было (совѣтовать,
 Знать, хотѣлось посѣдѣлому),
 Громко крикнулъ, но одумался,
 И въ молчаньѣ закусилъ языкъ.
 Ко лбу персть пристава тщательно,
 Лѣкаръ славный, Эскулапа внукъ,
 Эзелдорфъ, обритый весь, зѣваль,
 Табакеркою поскрипываль,
 Но молчалъ: своей премудрости
 Онъ предъ всѣми не показываль.
 Вихромахъ, Полканъ съ Дубынею,
 Стражи трона, славны рыцари,
 Всѣ сидѣли будто вкопаны.
 Громобуръ, извѣстный силою,
 Но умомъ непроницательный,
 Думаль, думаль — и нечаянно
 Задремаль и захрапѣлъ въ углу.
 Что примѣра лучше дѣйствуетъ,
 Что людьми сильнѣй ворочаетъ?
 Вотъ зѣвнули подъ перчаткою

Храбрый Мирозоръ съ Ивашкою,
И Полканъ, и Арзаморъ сѣдой,
И ко груди приклонилися
Тихо головами буйными.
Глядь — съ Додономъ задремаль Совѣтъ,
Захрапѣли многомыслящи!

Долго бѣ спать было совѣтникамъ,
Если бѣ нѣмцу не пришлось изъ рукъ
Табакерку на полъ выронить.
Табакерка покатилася
И о шпору вдругъ ударилася
Громобуря, крѣпко спавшаго,
Загремѣла, раздвоилася,
Отлетѣла въ разны стороны.
Храбрый воинъ пробуждается,
Озираетъ все собраніе;
Между тѣмъ табакъ разсыпался,
Къ носу рыцаря подѣмлется,
И чихнулъ герой съ досадою,
Такъ, что своды потрясаются,
Окна всѣ дрожать и сыплются,
И на петляхъ двери хлопаютъ;
Пробуждается собраніе.

«Что тутъ думать, закричалъ герой;
Царь! Бова тебѣ не надобенъ,
Ну, и къ чорту королевича!
Рѣшено — ему въ живыхъ не быть.
Послѣ, братцы, вы разсудите,
Какъ съ нимъ надобно раздѣлаться.»
Тѣмъ и кончилъ: храбры войны
Рѣчи любятъ лаконически.

«Ладно, мы тебя послушаемъ!
Царь промолвилъ, протянувшись;
Завтра, други, мы увидимся,
А теперь ступайте всѣ домой.»

Оплошалъ Додонъ отсрочкою;
Не твердилъ онъ вѣрно въ азбукѣ:
«Не откладывай до завтраго,

Что сегодня можешь выполнить.»
 Розошлися всѣ придворные.
 Ночь межъ тѣмъ уже сгущалася;
 Царь Додонъ въ постелю царскую
 Вмѣстѣ съ милой легъ супругою,
 Съ несравненной Милитрисою,
 Къ ней спиною повернувшись:
 Въ эту ночь его величеству
 Не играть, а спать хотѣлося.

Милитрисина служаночка,
 Зоя, молодая дѣвица
 (Ангель станомъ, взоромъ, личикомъ,
 Бѣлой ручкой, нѣжной ножкою),
 Съ госпожи снявъ платье полково,
 Юбку, чепчикъ, ленты, кружева,
 Все подъ ключъ въ комодѣ спрятала
 И пошла тихонько въ дѣвичью.
 Тамъ она сама раздѣлася,
 Подняла съ трудомъ окошечко,
 И легла въ постель пуховую,
 Ожидая друга милаго,
 Свѣтозара, пажа царскаго:
 Къ темной ночкѣ общался онъ
 Изъ окна прыгнуть къ ней въ комнату.
 Ждетъ, пождетъ дѣвица красная —
 Нѣтъ какъ нѣтъ все друга милаго.
 Чу... бьетъ полночь; что же Зоинька?
 Видить: входитъ къ ней въ окошечко —
 Кто же? другъ ли сердца нѣжнаго?
 Нѣтъ, совсѣмъ не то, читатели!
 Видить Зоя привидѣніе:
 Старичишка съ длинной шапкою,
 Въ балахонѣ вмѣсто мантии,
 Опоясанный мочалкою,
 Видъ противный, глазъ на выкатѣ,
 Ротъ разинуть, зубы скалятся,
 Уши длинныя, ослиныя
 Надъ плечами громко хлопають...
 Зоя смотритъ и со трепетомъ
 Узнаетъ она, читатели,
 Бендокира слабоумнаго.

Трепетна, смятенья полная,
 Стала на колѣни Зоинька,
 Съединила ручку съ ручкою,
 Потупила очи ясныя,
 Прочитала скорымъ попотомъ
 Отче нашъ и Богородицу,
 И тихохонько промолвила:
 «Что я вижу? Боже! Господи!
 О Никола, Савва мученикъ,
 Осѣните беззащитную!
 Ты ли это, царь нашъ, батюшка?
 Отчего, скажи, оставилъ ты
 Нынѣ царствіе небесное?»
 Станнымъ смѣхомъ освѣтившись,
 Тѣнь рекла прекрасной Зоинькѣ:
 «Зоя, Зоя! не страшись, мой свѣтъ!
 Не пугать тебя мнѣ хочется,
 Не на то сюда явился я
 Съ того свѣта привидѣніемъ.
 Весело пугать живыхъ людей;
 Но могу ли веселиться я,
 Если сына Бендокирова,
 Милаго Бову царевича,
 На кострѣ изжарятъ завтра же?»

Бѣдный царь заплакалъ жалобно;
 Больно стало доброй дѣвушкѣ.
 — Чѣмъ могу, скажи, помочь тебѣ?
 Я во всемъ тебѣ покорствую.

«Вотъ что хочется мнѣ, Зоинька:
 Изъ темницы сына выручи,
 И сама въ жилище мрачное
 Сядь на мѣсто королевича;
 Пострадай ты за невиннаго;
 Поклонюсь тебѣ низехонько
 И скажу: спасибо, Зоинька!»

Зоинька тутъ призадумалась:
 Это жестко ей казалось;
 Но, имѣя чувства нѣжныя,
 Зоя втайнѣ согласилася
 На такое предложеніе.

Такъ, ты правъ, оракуль Франціи,
Говоря, что жены, слабыя
Противъ стрѣль Эрота юнаго,
Всѣ имѣютъ душу добрую,
Сердце вѣжно-непритворное!

— Но скажи, о царь возлюбленный!
Зоя молвила покойнику:
Какъ могу — ну, посуди ты самъ —
Пренестись въ темницу мрачную,
Гдѣ горюетъ твой любезный сынъ?
Пятьдесятъ отборныхъ воиновъ
Днемъ и ночью стерегутъ его.
Мнѣ ли, слабой, робкой женщиной,
Обмануть ихъ очи зоркія?

«Будь спокойна, случай найдется;
Поклянись лишь только, милая,
Не отвергнуть сего случая
Если самъ тебѣ представится.»
— Я клянусь! сказала дѣвица.
Вмигъ исчезло привидѣніе,
Изъ окошка быстро вылетѣвъ.
Воздыхая тихо, Зоинька
Опустила тутъ окошечко,
И въ постели успокоившись,
Скоро, скоро сномъ забылася...

[По формѣ, эта сказка представляетъ подражаніе сказкѣ Карамзина: «Илья Муромецъ.»]

НАПОЛЕОНЪ НА ЭЛЬБѢ.

Вечерняя заря въ пучинѣ догорала,
Надъ мрачной Эльбою носилась тишина;
Сквозь тучи блѣдныя тихонько пробѣгала
Туманная луна;
Уже на западѣ, сѣдой одѣтый мглою,
Съ равниной синихъ водъ сливался небосклонъ;

Одинъ во тьмѣ ночной надъ дикою скалою
Сидѣлъ Наполеонъ.

Въ умѣ губителя тѣснились мрачны думы:
Онъ новую въ мечтахъ Европѣ цѣпь коваль,
И къ дальнимъ берегамъ возведши взоръ угрюмый,
Свирѣпо прошепталъ:

«Вокругъ меня все мертвымъ сномъ почило,
Легла въ туманъ пучина бурныхъ волнъ,
Не выплыветъ ни утлый въ море челнъ,
Ни гладный звѣрь не вззоетъ надъ могилой.
Я здѣсь одинъ, мятежной думы полнъ...
О, скоро ли, напѣняясь подъ рулями,
Меня помчитъ покорная волна,
И спящихъ водъ прервется тишина?..
Волнуйся, ночь, надъ эльбскими скалами,
Мрачнѣе тьмись за тучами, луна!
Тамъ ждуть меня безстрашныя дружины;
Уже сошлись, уже сомкнуты въ строй!
Ужъ мѣръ лежитъ въ оковахъ предо мной!
Прейду я къ вамъ сквозь черныя пучины,
И гряну вновь погибельной грозой!
И вспыхнетъ брань! За галльскими орлами,
Съ мечемъ въ рукахъ побѣда полетитъ,
Кровавый токъ въ долинахъ закипитъ,
И троны въ прахъ низвергну я громами,
И сокрушу Европы дивный щитъ!..
Но вокругъ меня все мертвымъ сномъ почило,
Легла въ туманъ пучина бурныхъ волнъ,
Не выплыветъ ни утлый въ море челнъ,
Ни гладный звѣрь не вззоетъ надъ могилой —
Я здѣсь одинъ, мятежной думы полнъ...»

О счастье! злобный обольститель!

И ты, какъ сладкій сонъ, сокрылось отъ очей,
Средь бурей тайный мой хранитель
И вѣрный пестунъ съ юныхъ дней!
Давно ль невидимой стезею
Меня ко трону ты вело,
И скрыло дерзостной рукою
Въ вѣнцахъ лавровое чело?
Давно ли съ трепетомъ народы
Несли мнѣ робко дань свободы,
Знамена чести преклоня;

Дымились громы вокругъ меня,
 И слава въ блескѣхъ надъ главою
 Неслась, прикрывъ меня крыломъ?..
 Но туча грозная нависла надъ Москвою,
 И грянулъ мести громъ!..
 Полночи царь молодой, ты двигнулъ ополченья —
 И гибель вслѣдъ пошла кровавымъ знаменамъ,
 Отозвалось могущаго паденье,
 И миръ землѣ, и радость небесамъ,
 А мнѣ — позоръ и заточенье!
 И раздробленъ мой звонкій щитъ,
 Не блещетъ племъ на полѣ браней,
 Въ прибрежномъ злѣхъ мечъ забыть
 И тускнеть на туманѣ.
 И тихо все кругомъ. Въ безмолвіи ночей
 Напрасно чудится мнѣ смерти завыванье,
 И стукъ блистающихъ мечей,
 И падшихъ ярое стенанье.
 Лишь плещущимъ волнамъ внимаешь жадный слухъ;
 Умолкъ сраженій кликъ знакомый,
 Вражды кровавой гаснутъ громы
 И факель мщенія потухъ.
 Но близокъ часъ! Грядетъ минута роковая!
 Уже летитъ ладья, гдѣ грозный тронъ сокрытъ;
 Кругомъ простерта мгла густая,
 И взоромъ гибели сверкая,
 Блѣднѣющій мятежъ на палубѣ сидитъ.
 Страшись, о Галлія! Европа, мценье, мценье!
 Рыдай! твой бичъ возсталъ — и все падетъ во прахъ,
 Все гибнетъ — и тогда, въ всеобщемъ разрушеньѣ,
 Царемъ возсяду на гробахъ!»

Умолкъ. На небесахъ лежали мрачны тѣни,
 И мѣсяцъ, дальнихъ тучъ покинувъ темны сѣни,
 Дрожащій, слабый свѣтъ на западъ изливалъ,
 Восточная звѣзда играла въ океанѣ,
 И зрѣлася ладья, бѣгущая въ туманѣ
 Подъ сводомъ эльбскихъ грозныхъ скалъ.
 И Галлія тебя, о хищникъ, осѣнила!
 Побѣгли съ трепетомъ законные цари.
 Но зришь ли? Гаснетъ день, мгновенно мгла сокрыла
 Лицо пылающей зари,

Простерлась тишина надъ бездною сѣдою,
 Мрачится неба сводъ, гроза во мглѣ виситъ,
 Все смолкло... трепещи! Погибель надъ тобою
 И жребій твой еще сокрытъ!

~~~~~

ЛИЦИНИЮ.

Лициній, зришь ли ты: на быстрой колесницѣ,
 Вѣнчанный лаврами, въ блестящей багряницѣ,
 Спѣсиво развалиясь, Ветулій молодой
 Въ толпу народную летитъ по мостовой?
 Смотри, какъ всѣ предъ нимъ смиренно спину клонятъ;
 Смотри, какъ ликторы народъ несчастный гонятъ!
 Лъстеповъ, сенаторовъ, прелестницъ длинный рядъ
 Умильно вслѣдъ за нимъ стремить усердный взглядъ;
 Ждутъ, ловятъ съ трепетомъ улыбки, глазъ движенья,
 Какъ будто дивнаго боговъ благословенья;
 И дѣти малыя, и старцы въ сѣдинахъ,
 Всѣ ницъ предъ идоломъ безмолвно пали въ прахъ:
 Для нихъ и слѣдъ колесъ, въ грязи напечатлѣнный,
 Есть нѣкій памятникъ почетный и священный.
 О, Ромуловъ народъ, скажи, давно ль ты палъ?
 Кто васъ поработилъ и властью оковалъ?
 Квиристы гордые подъ иго преклонились.
 Кому жъ, о небеса, кому поработились!
 (Скажу ль?) Ветулію! Отчизны стыдъ моей,
 Развратный юноша возсѣлъ въ совѣтъ мужей;
 Любимецъ деспота сенатомъ слабымъ править,
 На Римъ простеръ яремъ, отечество безславить;
 Ветулій — римлянъ царь!.. О стыдъ, о времена!
 Или вселенная на гибель предана?
 Но кто подъ портикомъ, съ поникшею главою,
 Въ изорванномъ плащѣ, съ дорожною клюкою,
 Сквозь шумную толпу нахмуренный идетъ?
 Куда ты, нашъ мудрецъ, другъ истины, Даметъ?
 «Куда? не знаю самъ; давно молчу и вижу;
 Навѣкъ оставлю Римъ: я рабство ненавижу.»
 Лициній, добрый другъ! Не лучше ли и намъ,
 Смиренно поклонясь Фортунѣ и мечтамъ,
 Сѣдого циника примѣромъ научиться?

Съ развратнымъ городомъ не лучше ль намъ проститься,
 Гдѣ все продажное: законы, правота,
 И консуль, и трибунъ, и честь, и красота?
 Пускай Глицерія, красавица младая,
 Равно всѣмъ общая, какъ чаша круговая *),
 Неопытность другихъ въ наемну ловить сѣтъ!
 Намъ стыдно слабости, съ морщинами, имѣть;
 Тщеславной юности оставимъ блескъ веселій:
 Пускай безстыдный Клитъ, слуга вельможъ Корнелій,
 Торгуютъ подлостью и съ дерзостнымъ челомъ
 Отъ знатныхъ къ богачамъ ползутъ изъ дома въ домъ!
 Я сердцемъ римлянинъ; кипитъ въ груди свобода;
 Во мнѣ не дремлетъ духъ великаго народа.
 Лициній, поспѣшимъ далеко отъ заботъ,
 Безумныхъ мудрецовъ, обманчивыхъ красотъ!
 Завистливой судьбы въ душѣ презрѣвъ удары,
 Въ деревню пренесемъ отеческіе лары!
 Въ прохладѣ древнихъ роцъ, на берегу морскомъ,
 Найти не трудно намъ укромный, свѣтлый домъ,
 Гдѣ, больше не страшась народнаго волненья,
 Подъ старость отдохнемъ въ глуши уединенья.
 И тамъ расположась въ уютномъ уголкѣ,
 При дубѣ пламенномъ, возженномъ въ комелькѣ,
 Воспомнивъ старину за дѣдовскимъ фіаломъ,
 Свой духъ воспламеню жестокимъ Ювеналомъ,
 Въ сатирѣ праведной порокъ изображу
 И нравы сихъ вѣковъ потомству обнажу.
 О Римъ, о гордый край разврата, злодѣянья!
 Придетъ ужасный день, день мщенья, наказанья!
 Предвижу грознаго величія конецъ:
 Падеть, падеть во прахъ вселенныя вѣнецъ,
 Народы юные, сыны свирѣпой брани,
 Съ мечами на тебя подымутъ мощны длани,
 И горы, и моря оставлятъ за собой
 И хлынутъ на тебя кипящею рѣкой.
 Исчезнетъ Римъ; его покроетъ мракъ глубокой;
 И путникъ, устремивъ на груды камней око,
 Воскликнетъ, въ мрачное раздумье углубленъ:
 «Свободой Римъ возросъ, а рабствомъ погубленъ.»

*) Пушкинъ рассказывалъ, что эти два стиха приснились ему во снѣ. Анненковъ, Мат., 35).

[Это стихотвореніе Пушкинъ выдавалъ за переводъ съ латинскаго. Оно написано подъ вліяніемъ сатиры Ювенала, которыя Пушкинъ читалъ въ то время во французскомъ переводѣ.]

КЪ АЛЕКСАНДРУ ИВАНОВИЧУ ГАЛИЧУ.

Пускай угрюмый риѣтворъ,
 Повитый макомъ и крапивой,
 Холодныхъ одъ творецъ ретивый,
 На скучный ладъ сплетая вздоръ,
 Зоветъ обѣдать генерала;
 О Галичъ, вѣрный другъ бокала
 И жирныхъ утреннихъ пировъ,
 Тебя зову, мудрецъ лѣнивый,
 Въ пріютъ поэзіи счастливой,
 Подъ отдаленный нѣги кровъ!
 Давно въ моемъ уединенъи,
 Въ кругу бутылокъ и друзей,
 Не зрѣли кружки мы твоей,
 Подруги долгихъ наслажденій,
 Остротъ и хохота гостей.
 Въ тебѣ трудиться нѣтъ охоты:
 Садись на тройку злыхъ коней,
 Оставь Петрополь и заботы,
 Лети въ счастливый городокъ,
 Зайди къ жиду Золотареву *),
 Въ его всѣмъ общій уголокъ;
 Мы тамъ, собравшись въ кружокъ,
 Прольемъ вина струю багрову,
 И съ громомъ двери на замокъ
 Запретъ веселье молодое,
 И хлынетъ пиво золотое,
 И гордый на столѣ пирогъ
 Друзей стѣсненными рядами,
 Сверкая свѣтлыми ножами,
 Съ тобою храбро осадимъ,
 И мигомъ стѣны разгромимъ;

*) Матвѣй Алексѣевичъ — помощникъ лицейскаго эконома, въ котораго не рѣдко швыряли гнилыми пирогами.

Когда жъ, виномъ отягощенный,
 Съ главой, въ колѣни преклоненной,
 Захочешь въ мирѣ отдохнуть,
 И вдругъ, спускаясь на подушку,
 Дабы покойнѣе заснуть,
 Уронишь налитую кружку
 На старый бархатный диванъ,
 Тогда посланія, куплеты,
 Баллады, басенки, сонеты
 Покинуть скромный нашъ карманъ,
 И крѣпокъ сонъ лѣнивца будетъ!..
 Но рюмокъ звонъ тебя разбудить,
 Ты вскочишь съ бодрой головой,
 Оставишь смятую подушку,
 Подымеешь милую подружку —
 И въ кельѣ снова пиръ горой.

О Галичъ! время невозвратно.
 И близокъ, близокъ грозный часъ,
 Когда, послыша славы гласъ,
 Покину кельи кровь пріятный,
 Татарскій сброшу свой халатъ.
 Простите, дѣвственныя музы!
 Прости, пріютъ младыхъ отрадъ!
 Надѣну узкія рейтузы,
 Завью въ колечки гордый усъ,
 Заблещетъ пара эполетовъ,
 И я, питомецъ важныхъ музъ,
 Въ числѣ воюющихъ корнетовъ!
 О Галичъ, Галичъ, поспѣшай!
 Тебя зовутъ и сонъ лѣнивый,
 И другъ ни скромный, ни слѣсивый,
 И кубокъ, полный черезъ край!

[Галичъ, пріѣзжавшій изъ Петербурга иногда болѣе чѣмъ на сутки, останавливался въ отведенной для профессоровъ маленькой комнатѣ нижняго этажа, которая, съ его появленіемъ, немедленно наполнялась молодежью. Здѣсь, вдали отъ докучнаго надзора, можно было побесѣдовать, не стѣняясь, почитать запретныя плоды фантазіи, покурить, а можетъ быть, иногда и поцирковать, хотя описываемыя Пушкинымъ попойки, кажется, всѣ происходили только въ воображеніи, кромѣ одной, за которую, по разсказу Пущина, всѣ участники должны были двѣ недѣли стоять на колѣняхъ во время утренней и вечерней молитвъ, были смѣщены на послѣднія мѣста за столомъ и записаны въ «черную книгу»,

которая была впоследствии, при выпускѣ, предъявлена конференціи и только благодаря директору Энгельгардту не повліяла на будущность юношей. Дядька Оома, покупавшій ромъ, былъ тотчасъ же уволенъ, и Пушкинъ, будто бы, написалъ тогда, въ подражаніе Д. Давыдову, стихотвореніе (отъ имени Малиновскаго, потому что его фамилія не укладывалась въ стихъ), изъ котораго Пушчинъ запомнилъ только одинъ куплетъ:

Мы недавно отъ печали
Пушчинъ, Пушкинъ, я, баронъ,
По бокалу осушали,
И Оому прогнали вонъ.]

СТАРИКЪ.

(Изъ Марота).

Ужъ я не тотъ любовникъ страстный,
Кому дивился прежде свѣтъ:
Моя весна и лѣто красно
Навѣкъ прошли, пропаль и слѣдъ.
Амуръ, богъ возраста младого!
Я твой служитель вѣрный былъ;
Ахъ, если бъ могъ родиться снова,
Ужъ такъ ли бъ я тебѣ служилъ!

[Довольно близкій переводъ стихотворенія Clément Marot (1495—1544) «De sou-mesme». Маро былъ однимъ изъ любимыхъ писателей В. Л. Пушкина.]

КЪ ИВ. ИВ. ПУЩИНУ *).

Любезный именинникъ,
О Пушчинъ дорогой!
Прибрелъ къ тебѣ пустынный
Съ открытою душой.
Съ пришельцемъ обнимися,
Но добраго пѣвца
Встрѣчать не суетися

*) Лицейскій товарищъ Пушкина (1798—1859), оставившій интересныя «Записки», напеч. (не вполне) въ Атенѣ 1859, № 8. См. Библиогр. Зап. 1859, № 8, стр. 251—253.

Съ параднаго крыльца:
 Онъ гость безъ этикета,
 Не требуетъ привѣта
 Лукавой суеты.
 Прими жъ его лобзанья
 И чистыя желанья
 Сердечной простоты!
 Устрой гостямъ пирушку:
 На столикъ вощаной
 Поставь пивную кружку
 И кубокъ пуншевой.
 Старинный собутыльникъ,
 Забудемся на часъ!
 Пускай ума свѣтильникъ
 Погаснетъ нынѣ въ насъ.
 Пускай старикъ крылатый
 Летитъ на почтовыхъ!
 Намъ дорогъ мигъ утраты
 Въ забавахъ лишь однихъ.

Ты счастливъ, другъ сердечный!
 Въ спокойствіи златомъ
 Течеть твой вѣкъ безпечный,
 Проходитъ день за днемъ,
 И ты въ бесѣдѣ грацій,
 Не зная черныхъ бѣдъ,
 Живешь, какъ жилъ Горацій,
 Хотя и не поэтъ.
 Подъ кровомъ небогатымъ
 Ты вовсе незнакомъ
 Съ зловѣщимъ Иппократомъ,
 Съ нахмуреннымъ попомъ;
 Не видишь у порогу
 Толпящихся заботъ;
 Нашли къ тебѣ дорогу
 Веселость и Эроть;
 Ты любишь звонъ стакановъ
 И трубки дымъ густой,
 И демонъ метромановъ
 Не властвуетъ тобой.
 Ты счастливъ въ этой долѣ —
 Скажи, чего же болѣ

Мнѣ другу пожелать?
 Прійдется замолчать...

Дай Богъ, чтобъ я, съ друзьями
 Встрѣчая сотый май,
 Покрытый сѣдинами,
 Сказалъ тебѣ стихами:
 «Вотъ кубокъ, наливай!
 Веселье, будь до гроба
 Сопутникъ вѣрный нашъ,
 И пусть умремъ мы оба
 При стукѣ полныхъ чашъ!»

4 мая.

КЪ БАТЮШКОВУ.

Въ пещерахъ Геликона
 Я нѣкогда рожденъ:
 Во имя Аполлона
 Тибулломъ окрещенъ,
 И свѣтлой Иппокреной
 Съ издѣтства напоенный,
 Подъ кровомъ вешнихъ розъ,
 Поэтомъ я возросъ.

Веселый сынъ Эрмія
 Ребенка полюбилъ,
 Въ дни рѣзвости златыя
 Мнѣ дудку подарилъ.
 Знакомясь съ нею, рано
 Дудилъ я безпрестанно;
 Нескладно хотъ игралъ,
 Но музамъ не сучалъ.

А ты, пѣвецъ забавы,
 И другъ пермесскихъ дѣвъ,
 Ты хочешь, чтобы славы
 Стезею полетѣвъ,
 Простясь съ Анакреономъ,

Спѣшили я за Марономъ,
И пѣлъ при звукахъ лиръ
Войны кровавый пиръ.

Дано мнѣ мало Фебомъ:
Охота — скудный даръ;
Пою подъ чуждымъ небомъ,
Вдали домашнихъ ларъ,
И съ дерзостнымъ Икаромъ
Страшась летать, не даромъ
Бреду своимъ путемъ:
«Будь всякій при своемъ.»

[Подражаніе стихамъ самого Батюшкова, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ будто отвѣтъ на какое-то предложеніе съ его стороны. Въ 1815 г. Пушкинъ дѣйствительно видѣлся съ Батюшковымъ, какъ видно изъ письма его къ кн. Вяземскому, отъ 27 марта 1816 г. Последний стихъ посланія взятъ Пушкинымъ изъ стихотворенія Жуковского, обращеннаго къ Батюшкову же.]

ВОДА И ВИНО.

Люблю я въ полдень воспаленный
Прохладу черпать изъ ручья,
И въ рощѣ тихой, отдаленной
Смотрѣть, какъ плещетъ въ брегъ струя;
Когда жъ вино въ края поскачетъ,
Напѣнясь въ чашѣ круговой,
Друзья, скажите — кто не плачетъ,
Заранѣ радуясь душой?

Да будетъ проклять дерзновенный,
Кто первый грѣшною рукой,
Нечестьемъ буйнымъ ослѣпленный,
О страхъ, смѣсилъ вино съ водой!
Да будетъ проклять родъ злодѣя!
Пускай не въ силахъ будетъ пить,
Или, стаканами владѣя,
Лафить съ цымянскимъ различить.

ПОГРЕБЪ.

О, сжальтесь надо мною
Товарищи, друзья!
Красоткой удалою
Въ конецъ измученъ я!

Всечасно я тоскую;
Горька моя судьба!
Несите жъ круговую,
Откройте погреба.

Тамъ, тамъ во льду хранится
Бутылокъ гордый строй,
И портера таится
Боченокъ выписной.

Намъ Либеръ, заикаясь,
Къ нему покажетъ путь:
Пойдемте всѣ, шатаясь,
Подъ бочками заснуть!

Въ нихъ сердца утѣшенье,
Награда для пѣвцовъ,
И мукъ любви забвенье,
И жаръ моихъ стиховъ.

ВОСПОМИНАНІЕ.

(къ Луцину).

Помнишь ли, мой братъ по чашѣ,
Какъ въ отрадной тишинѣ,
Мы топили горе наше
Въ чистомъ, пѣнистомъ винѣ?

Какъ, укрывшись молчаливо
Въ нашемъ темномъ уголѣ,
Съ Ваххомъ нѣжились лѣнливо,
Школьной стражи вдалекѣ?

Помнишь ли друзей шептанье
 Вкругъ бокаловъ пуншевыхъ,
 Рюмокъ грустное молчанье,
 Пламя трубокъ грошевыхъ?

Закипѣвъ, о сколь прекрасно
 Токи дымные текли!..
 Вдругъ педанта гласъ ужасный
 Намъ послышался вдали:

И бутылки вмигъ разбиты,
 И бокалы всѣ въ окно,
 Всюду по полу разлиты
 Пуншъ и свѣтлое вино.

Убѣгаемъ торопливо...
 Вмигъ исчезъ минутный страхъ!
 Щеки румяныхъ цвѣтъ игривый,
 Умъ и сердце на устахъ,

Хохотъ чистаго веселья,
 Неподвижный, тусклый взоръ —
 Измѣняли чадъ похмѣлья,
 Сладкій Вакха заговоръ!

О, друзья мои сердечны!
 Вамъ клянуся, за столомъ
 Всякій годъ, въ часы безпечны,
 Помянуть его виномъ.

[По выраженіямъ и мотиву напоминаетъ стихотвореніе Батюшкова «Ложный страхъ», переведенное изъ Парни (La Fraueur), не имѣя, однако, съ нимъ ничего общаго по мысли. Это внѣшнее сходство и въ то же время внутреннее различіе обихъ произведеній видно съ первыхъ же строкъ. Батюшковъ начинаетъ свое стихотвореніе словами:

Помнишь-ли, мой другъ безцѣнный,
 Какъ съ Амурами, тишкомъ,
 Мракомъ ночи окруженный,
 Я къ тебѣ прокрался въ домъ?

Подобное сходство мотива приводитъ къ заключенію, что Пушкинъ въ это время подчинялся влиянію Батюшкова даже въ такихъ произведеніяхъ, которыя вызваны окружавшею поэта дѣйствительностью и личными его впечатлѣніями.]

МЕЧТАТЕЛЬ.

По небу крадется луна,
 На холмѣ тьма сѣдѣть,
 На воды пала тишина,
 Съ долины вѣтеръ вѣть;
 Молчить пѣвица вешнихъ дней
 Въ пустынь темной рощи,
 Стада почили средь полей,
 И тихъ полеть полнощи.

И мирной нѣги уголокъ
 Ночь сумракомъ одѣла,
 Въ каминѣ гаснетъ огонекъ,
 И свѣчка нагорѣла;
 Стоитъ боговъ домашнихъ лѣкъ,
 Въ кивотѣ небогатомъ,
 И блѣдный теплится ночникъ
 Предъ глинянымъ пенатомъ.

Главою на руку склоненъ,
 Въ забвеніи глубокомъ,
 Я въ сладки думы погруженъ
 На ложѣ одинокомъ;
 Съ волшебной ночи темной,
 При мѣсячномъ сіяньѣ,
 Слетаютъ рѣзвою толпой
 Крылатыя мечтанья.

И тихій, тихій льется гласъ,
 Дрожать златыя струны.
 Въ глухой, безмолвный мрака часъ
 Поетъ мечтатель юный;
 Исполненъ тайною тоской,
 Мечтаньемъ вдохновенный,
 Летаетъ рѣзвою рукой
 По лирѣ оживленной.

Блаженъ, кто въ низкій свой шалапъ
 Въ мольбахъ не просить счастья!
 Ему Зевесъ надежный стражъ

Отъ грознаго ненастья;
На макахъ лѣни, въ тихій часъ,
Онъ сладко засыпаетъ,
И бранныхъ трубъ ужасный гласъ
Его не пробуждаетъ.

Пускай, ударя въ звучный щитъ
И съ видомъ дерзновеннымъ,
Мнѣ слава издали грозитъ
Перстомъ окровавленнымъ,
И бранны вьются знамена,
И пышетъ бой кровавый,—
Прелестна сердцу тишина;
Нейду, нейду за славой.

Нашелъ въ глуши я мирный кровъ,
И дни веду смиренно;
Дана мнѣ лира отъ боговъ,
Поэту даръ безцѣнный;
И муза вѣрная со мной:
Хвала тебѣ, богиня!
Тобою красенъ домикъ мой
И дикая пустыня.

На слабомъ утрѣ дней златыхъ
Пѣвца ты осѣнила,
Вѣнкомъ изъ миртовъ молодыхъ
Чело его покрыла,
И горнимъ свѣтомъ озарясь,
Влетала въ скромну келью
И чуть дышала, преклонясь
Надъ дѣтской колыбелью.

О, будь мнѣ спутницей молодой
До самыхъ вратъ могилы!
Летай съ мечтаньемъ надо мной,
Расправя легки крылы;
Гоните мрачную печаль,
Плѣняйте умъ... обманомъ,
И милой жизни свѣтлу даль
Кажите за туманомъ!

И тихъ мой будетъ поздній часъ;
 И смерти добрый геній
 Шепнетъ, у двери постучась:
 «Пора въ жилище тѣней!..»
 Такъ въ зимній вечеръ сладкій сонъ
 Приходитъ къ мирной сѣни,
 Вѣнчаннй макомъ, и склоненъ
 На посохъ томной лѣни...

~~~~~

КНЯЗЮ АЛЕКСАНДРУ МИХАЙЛОВИЧУ ГОРЧАКОВУ *).

Пускай, не знаясь съ Аполлономъ.
 Поэтъ, придворный философъ,
 Вельможѣ знатному съ поклономъ
 Подносить оду въ двѣсти строфъ;
 Но я, любезный Горчаковъ,
 Не просыпаюсь съ пѣтухами,
 И напыщенными стихами,
 Наборомъ громозвучныхъ словъ,
 Я пѣть пустого не умѣю
 Высоко, тонко и хитро,
 И въ лиру превращать не смѣю
 Мос гусиное перо!
 Пѣть, нѣтъ, любезный князь. не оду
 Тебѣ намѣренъ посвятить;
 Что прибыли соваться въ воду,
 Сначала не спросившись броду,
 И вслѣдъ Державину парить?
 Пишу своимъ я складомъ нынѣ
 Кой-какъ стихи на именины!

Что долженъ я. скажи, въ сей часъ
 Желать отъ чиста сердца другу?
 Глубоку ль старость, милый князь,
 Дѣтей, любезную супругу,
 Или богатства, громкихъ дней,

*) Лицейскій товарищъ Пушкина, бывшій государственнй канцлеръ (1798—1883).

Крестовъ, алмазныхъ звѣздъ, честей?
 Не пожелать ли, чтобы славой
 Ты увлеченъ былъ въ путь кровавый,
 Чтобъ въ лаврахъ и вѣнцахъ сіялъ,
 Чтобъ въ битвахъ громъ изъ рукъ металъ,
 И чтобъ побѣда за тобою,
 Какъ древле Невскому герою,
 Всегда, вездѣ летала вслѣдъ?
 Не сладострастія поэтъ
 Такою пѣсенкой поздравить...
 Онъ лучше музъ навѣкъ оставить...
 Дай богъ любви, чтобъ ты свой вѣкъ
 Питомцемъ нѣжнымъ Эпикура
 Провелъ межъ Вакха и Амура!
 А тамъ, когда стигійскій брегъ
 Мелькнетъ въ туманномъ отдаленѣ,
 Дай Богъ, чтобъ въ страстномъ упоенѣ
 Ты, съ томной сладостью въ очахъ,
 Изъ рукъ младого Купидона,
 Вступая въ мрачный челнъ Харона,
 Уснулъ... Елены на грудяхъ!

30 августа.

ПОСЛАНИЕ КЪ ГАЛИЧУ.

Гдѣ ты, лѣнивѣцъ мой,
 Любовникъ наслажденья?
 Ужель уединенья
 Не миль тебѣ покой?
 Ужели мнѣ съ тобой
 Лишь помощью бумаги
 Минуты провождать,
 И больше не видать
 Парнаскаго бродяги?
 На Пиндѣ мой сосѣдъ,
 И ты отъ музъ укрылся;
 Минутный домосѣдъ,
 Съ пенатами простился.
 Ужъ темный уголокъ

И садикъ опустѣли,
Гдѣ мы подѣ вечерокъ
За рюмками шумѣли,
Гдѣ Комъ насъ угощаль
Форелью, пирогами,
И пѣнистый бокаль
Намъ Бахусъ подаваль.
Бѣгутъ ужъ дни за днями
Безъ дружескихъ собраній;
Веселыхъ пированій
Веселые сыны
Съ тобой разлучены;
И шумныя бесѣды
И долги обѣды
Не столь оживлены.

Одинъ въ каморкѣ тѣсной,
Вечерней тишиной,
Хочу, мудрецъ любезный,
Бесѣдовать съ тобой.
Ужъ темна ночь объемлетъ
Брега спокойныхъ водъ,
Мурлыча, въ кельѣ дремлетъ
Спѣсивый, старый котъ.
Покамѣсть сонъ прелестный,
Подъ сѣнью тихихъ крылъ,
Въ обители безвѣстной
Меня не усыпиль,
Морфея въ ожиданьѣ
Въ постели я лежу,
И бѣглое посланье,
Безъ строгаго старанья,
Предателю пишу.
Далече той станицы,
Гдѣ Фебовы сестрицы,
Мнѣ съ нѣгой выють досугъ —
Скажи — среди столицы
Чѣмъ занять ты, мой другъ?
Ужель пріютъ поэта
Теперь средь вихря свѣта,
Вдали родныхъ полей,
И ближнихъ, и друзей?

Ужель въ театрѣ шумномъ,
Гдѣ джужій Аполлонъ
Партеромъ полоумнымъ
Прославленъ, оглушенъ,
Измученный напѣвомъ
Безмысленныхъ стиховъ,
Ты спишь подъ страшнымъ ревомъ
Актеровъ и смычковъ?
Или — мудрецъ придворный —
Съ улыбкою притворной
Предъ лентою цвѣтной
Поникнувъ головой,
Съ вертушкою слѣпой
Знакомиться желаешь?
Иль Креза за столомъ
Въ куплетѣ заказномъ
Трусливо величаешь?..
Нѣтъ, добрый Галичъ мой!
Поклону ты не сроденъ.
Другъ мудрости прямой —
Правдивъ и благороденъ:
Онъ любитъ тишину,
Судьбѣ своей послушный,
На барскую казну
Взираетъ равнодушно,
Рублямъ откупщика
Смѣясь веселымъ часомъ,
Не сниметъ колпака
Философъ предъ Мидасомъ.
Пускай не друженъ онъ
Съ Фортуною коварной,
Но Вакхомъ награжденъ
Философъ благодарный,
Когда сей богъ молодой,
Вечернею порой,
Лафить и грогъ янтарный
Съ улыбкой на устахъ
Въ стеклѣ ему подносить
И каплю выпить просить.
Качаясь на ногахъ,
Мечтанье обнимая,
Любовь его ведетъ,

И дружба молодая
 Вѣнки ему плететь.
 И счастливъ онъ, признаться,
 На дѣлѣ, не въ мечтахъ,
 Когда минуты мчатся
 Веселья на крылахъ,
 Когда друзья-поэты
 Съ утра до ночи съ нимъ
 Шумять, поютъ куплеты,
 Пьютъ мозель разогрѣтый,
 Пріятелямъ своимъ
 Посланія читаютъ,
 И трубку разжигаютъ
 Безриѣинымъ лихимъ!

Оставь же городъ скучный,
 Съ друзьями соединишь,
 И съ ними неразлучно
 Въ пустынь оживишь.
 Бѣги, бѣги столицы,
 О Галичъ мой! сюда,
 Гдѣ розовой денницы
 Не видя никогда,
 Лѣнясь подъ одѣяломъ,
 Съ тибурскимъ мудрецомъ,
 Мы часто за бокаломъ
 Проснемся — и заснемъ.
 Смотри, тебѣ въ награду
 Нашъ Дельвигъ, нашъ поэтъ,
 Несетъ свою балладу,
 И стансы винограду,
 И къ Лилии куплетъ —
 И полонъ становится
 Твой малый, тѣсный домъ;
 Вотъ съ милымъ острякомъ *)
 Нашъ пѣсельникъ тащится
 По лѣстницѣ съ гудкомъ **),
 И всѣ къ тебѣ нагрянемъ —
 И снова каждый день

*) А. Д. Илличевскимъ.

**) М. Л. Яковлевъ.

Стихами, прозой станемъ
 Мы гнать печали тѣнь.
 Подруги молодыя
 Насъ будутъ посѣщать;
 Намъ жизни дни златыя
 Не страшно расточать.
 Подѣлимся съ забавой
 Мы вѣкомъ остальнымъ,
 Съ волшебницею-славой
 И съ Вакхомъ молодымъ *).

~~~~~

КЪ ДЕЛЬВИГУ **).

Послушай, музъ невинныхъ
 Лукавый духовникъ:
 Жилецъ полей пустынныхъ,
 Поэтовъ грѣшный ликъ
 Умножилъ я собою,
 И я главой поникъ
 Предъ милою мечтою.
 Мой дядюшка-поэтъ
 На то мнѣ далъ совѣтъ
 И съ музами сосваталъ.
 Сначала я шалилъ,
 Шутя стихи кроилъ,
 А тамъ ихъ напечаталъ —
 И вотъ, теперь я братъ
 Тому, сему, другому,
 Безтолкову, Пустому.
 Да я жъ и виновать,
 Да ты же мнѣ въ досаду
 (Что скажеть бѣлый свѣтъ?)

*) См. выше, стр. 74, примѣчаніе къ первому посланію къ Галичу.

**) Лицейскій товарищъ и ближайшій другъ Пушкина, баронъ Антонъ Антоновичъ Дельвиговъ (р. 6 авг. 1798, ум. 14 янв. 1831), впоследствии — издатель альманаховъ «Сѣверные Цвѣты» (8 книжекъ, 1825—1832; послѣдняя издана Пушкинымъ) и «Подсѣянникъ» (1829 и 1830) и «Литературной Газеты» 1830. О немъ см. статью В. П. Гаевского въ «Соврем.» 1853, №№ 2 и 5 и 1854, №№ 1 и 9. Автографъ этого стихотворенія принадлежитъ Лицею.

Стихами до надсаду
 Жужжишь Икару вслѣдъ:
 «Смотрите, вотъ поэтъ!..»
 Спасибо за посланье;
 Но что мнѣ пользы въ немъ?
 На грѣшника потомъ
 Вѣдь стануть, въ посмѣянье,
 Указывать перстомъ.
 Когда бъ подобны были
 Моимъ твои стихи,
 То скоро бъ все забыли,
 Что Пушкинъ за грѣхи
 Въ поэзію влюбился
 И ходитъ на Парнасъ,
 Покою поклонился
 И пипетъ въ добрый часъ.

Измѣнникъ! съ Аполлономъ
 Ты, видно, заодно;
 И мнѣ прослыть Прадономъ*)
 Отнынѣ суждено.
 Увы мнѣ, метроману!
 Куда сокроюсь я?
 Вездѣ бѣды застану:
 Предатели-друзья
 Невинное творенье
 Украдкой въ городъ плютъ,
 И плодъ уединенья
 Тисненью предають —
 Бумагу убиваютъ;
 Поэта окружають
 Съ улыбкой остряки:
 «Ахъ, сударь! мнѣ сказали,
 Вы пипете стишки?
 Увидѣть ихъ нельзя ли?
 Вы въ нихъ изображали,
 Конечно, ручейки,
 Конечно, василѣчекъ,
 Иль тихій вѣтерочекъ,
 И рощи, и цвѣтки...»

*) Метроманъ, осмѣянный въ сатирахъ Буало.

О Дельвигъ! начертали
 Мнѣ музы мой удѣлъ;
 Но ты ль мои печали
 Умножить захотѣлъ?
 Въ объятіяхъ Морфея
 Безпечный духъ лелѣя,
 Еще хотъ годъ одинъ
 Позволь мнѣ полѣниться
 И нѣгой насладиться:
 Я, право, нѣги сынъ!
 А тамъ, хотъ нѣтъ охоты,
 Но придуть ужъ заботы
 Со всѣхъ ко мнѣ сторонъ:
 Я буду принужденъ
 Съ журналами сражаться,
 Съ газетой торговаться,
 Съ Графовымъ восхищаться...
 Помилуй, Аполлонъ!

РАЗСУДОКЪ И ЛЮБОВЬ.

Младой Дафнисъ, гоняясь за Доридой,
 Постой, кричалъ, прелестная, постой!
 Скажи: люблю — и бѣгать за тобой
 Не стану я, клянуса въ томъ Кипридой.
 «Молчи, молчи!» разсудокъ говорилъ.
 А плуть Эроть: «скажи: ты сердцу миль!»

Ты сердцу миль! пастушка повторила,
 И ихъ сердца огнемъ любви зажглись,
 И палъ къ ногамъ красавицы Дафнисъ,
 И страстный взоръ Дорида потупила!
 «Бѣги, бѣги!» разсудокъ ей твердилъ,
 А плуть Эроть: «останься!» говорилъ.

Осталася, и трепетной рукою
 Взявъ руку ей счастливый пастушокъ;
 Вгляни, сказалъ, съ подругой голубокъ
 Тамъ обнялись подъ тѣнью липъ густою!

«Бѣги, бѣги!» разсудокъ повторилъ;
 «Учись отъ нихъ!» Эротъ ей говорилъ.

И вѣжная улыбка пробѣжала
 Красавицы на пламенныхъ устахъ,
 И вотъ она съ томленіемъ въ глазахъ
 Къ любезному въ объятія упала...
 «Будь счастлива!» Эротъ ей прошепталъ;
 Разсудокъ что жъ? Разсудокъ ужъ молчалъ.

.....

СРАЖЕННЫЙ РЫЦАРЬ.

Послѣднимъ сіяньемъ за рощей горя,
 Вечерняя тихо потухла заря;
 Темнѣеть долина глухая.
 Въ туманѣ пустынномъ клубится рѣка,
 Лѣнливой грядою идутъ облака
 И съ ними луна золотая.

Недвижныя латы на холмѣ лежать,
 Въ стальной рукавицѣ забвенный булатъ,
 И щитъ подъ шоломомъ заржавымъ;
 Вонзилися шпоры въ увлаженный мохъ,
 Копье раздробленно — и мѣсяца рогъ
 Покрываетъ ихъ сіяньемъ кровавымъ.

Вкругъ холма обходить другъ сильнаго, конь:
 Въ очахъ горделивыхъ померкнулъ огонь,
 Онъ бранную голову клонить.
 Безпечнымъ копытомъ бьетъ камень долинъ,
 И смотритъ на латы конь вѣрный одинъ,
 И дико трепещетъ, и стонетъ.

Во тьмѣ заблудившись, пришелецъ идетъ:
 Невольную робость онъ въ сердцѣ несетъ,
 Склонясь надъ дорожной клякою,
 Заботливо смотреть въ невѣрную даль,
 Приблизился къ латамъ — и звонкую сталь
 Толкаетъ усталой ногою.

Хладѣть пришелецъ: кольчуги звучать,
Погибшаго грозно въ нихъ кости стучать.

По камнямъ шоломъ покотился,
Скрывался въ немъ черепъ... При звукѣ глухомъ
Заржалъ конь ретивый; скокъ лѣтомъ на холмъ,
Взглянулъ — и главою склонился.

Ужъ путникъ далече въ тьмѣ бродить ночной,
Все мнится, что кости хрустятъ подъ ногой;
Но утро денница выводитъ —
Сраженный во брани на холмѣ лежитъ,
И латы недвижны, и шлемъ не стучить,
И конь вокругъ погибшаго ходить.

МОЕ ЗАВѢЩАНІЕ.

(Друзьямъ).

Хочу я завтра умереть
И въ міръ волшебный наслажденья,
На тихій берегъ водъ забвенья,
Веселой тѣнью полетѣть.
Прости навѣкъ, очарованье
Безпечной жизни и любви!
Приблизьтесь, о друзья мои!
Благоговѣнье и вниманье!
Пѣвецъ рѣшилъ умереть.
И такъ, съ вечернею луною,
Въ саду нельзя ли дернь одѣть
Узорной бѣлой пеленою?
Устройте завтра шумный ходъ,
Несите радостныя чаши
На темный берегъ сонныхъ водъ,
Гдѣ мы вели бесѣды наши.
Зовите на послѣдній пиръ
Семелы радостнаго сына,
Эрота, друга нашихъ лиръ,
Боговъ и смертныхъ властелина.
Пускай веселье прибѣжить,
Махая рѣзвою гремушкой,

И насъ отъ сердца разсмѣшить
 За полной, пѣнистою кружкой;
 Пускай игривою толпой
 Слетятъ родныя наши музы;
 Имъ первый кубокъ круговой:
 Друзья, священны намъ ихъ узы!
 До ранней утренней звѣзды,
 До тихаго лучей разсвѣта,
 Не выйдутъ изъ руки поэта
 Фіалы братской череды.
 Въ послѣдній разъ мою цѣвницу,
 Мечтаній сладостныхъ пѣвицу,
 Прижму къ восторженной груди;
 И брякнуть перстни золотые
 Въ завѣтъ любви въ послѣдній разъ.
 Гдѣ вы, подруги молодыя?
 Летите — дорогъ смерти часъ!
 Въ послѣдній разъ, томимый нѣжно,
 Забуду вѣчность и друзей;
 Въ послѣдній разъ на груди свѣжной
 Упыюсь отрадой юныхъ дней!
 Когда жъ востокъ озолотится
 Во тьмѣ денницей молодой,
 И бѣлый тополь озарится,
 Покрытый утренней росой, —
 Подайте гроздь Анакреона:
 Онъ былъ учителемъ моимъ,
 И я сойду путемъ однимъ
 На грустный берегъ Ахерона...
 Простите, милые друзья!
 Подайте руку, до свиданья,
 И дайте, дайте обѣщанье:
 Когда навѣкъ укроюсь я,
 Мое исполнить завѣщанье.
 Приди, пѣвецъ мой дорогой,
 Воспѣвній Вакха и Темиру!
 Тебѣ дарю и лѣнь, и лиру:
 Да будутъ музы надъ тобой!
 Ты не забудешь дружбы нашей,
 О Пущинъ, вѣтреныи мудрецъ!
 Прими съ моею глубокою чашей
 Увядшій миртовый вѣнецъ.

Друзья! вамъ сердце оставляю
 И память прошлыхъ красныхъ дней;
 Моимъ подругамъ завѣщаю
 Воспоминаніе ночей,
 Утраченныхъ у ногъ Венеры
 Въ лѣсахъ веселыя Цитеры,
 Окованныхъ счастливой лѣвнью
 На ложѣ маковъ и лилей.
 Мои стихи дарю забвенью,
 Последній вздохъ, о други—ей!..
 На тихій праздникъ погребенья
 Я васъ обязанъ пригласить.
 Веселость, другъ уединенья,
 Билеты будетъ разносить.
 Стекитесь рѣзвою толпою,
 Главы въ вѣнкахъ, рука съ рукою;
 И пусть на гробъ, гдѣ пѣвецъ
 Исчезнетъ въ рощахъ Геликона,
 Напишетъ бѣглый вашъ рѣзецъ:
 «Здѣсь дремлетъ юноша-мудрецъ,
 Питомецъ нѣгъ и Аполлона.»

КЪ ЖИВОПИСЦУ.

Дитя харить и вдохновенья
 Въ порывѣ пламенной души,
 Небрежной кистью наслажденья
 Мнѣ друга сердца напиши:

Красу невинности прелестной
 Надежды милыя черты,
 Улыбку радости небесной,
 И взоры самой красоты;

Вкругъ тонкаго Гебси стана
 Венеринъ поясъ повяжи;
 Сокрытой прелестью Альбана
 Мою царицу окружи.

Прозрачны волны покрывала
 Накинь на трепетную грудь,
 Чтобъ и подъ нимъ она дышала,
 Хотѣла тайно бы вздохнуть;

Представь мечту любви стыдливой—
 И той, которою дышу,
 Рукой любовника счастливой
 Внизу я имя напишу.

[Мысль этого стихотворенія взята у Парни (Portrait d'une religieuse), хотя основаніемъ ему послужила дѣйствительность: оно относится къ К. П. Бакуниной, сестрѣ лицейскаго товарища Пушкина, вспоминая о которой нѣсколько лѣтъ спустя, Пушкинъ писалъ:

...Она впушила первый сонъ
 И мысль объ ней одушевила
 Безвѣстной лиры первый звонъ...

Подъ именемъ живописца разумѣется А. В. Илличевскій, отвѣчавшій на это обращеніе стихами, приведенными въ статьѣ В. П. Гаевского «Пушкинъ въ Лицеѣ», Соврем. 1863, № 8, стр. 381. Стихотвореніе Пушкина было положено на музыку Мих. Лукьян. Яковлевымъ, и часто пѣлось въ Лицеѣ.]

Р О З А.

Гдѣ наша роза,
 Друзья мои?
 Увяла роза,
 Дитя зари.
 Не говори:
 Такъ вянетъ младость!
 Не говори:
 Вотъ жизни радость!
 Цвѣтку скажи:
 Прости, жалѣю!
 И на лилею
 Намъ укажи.

ГРОБЪ АНАКРЕОНА.

(Изъ Ларни).

Все въ таинственномъ молчаньѣ;
Холмъ одѣлся темнотою;
Ходить въ облачномъ сіяньѣ
Полумѣсяцъ молодой.
Вижу: лира надъ могилой
Дремлетъ въ сладкой тишинѣ;
Лишь порою звонъ унылый,
Будто лѣни голосъ милый,
Въ мертвой слышится струнѣ.
Вижу: горлица на лирѣ,
Въ розахъ кубокъ и вѣнецъ...
Други, здѣсь почиеть въ мирѣ
Сладострастія мудрецъ.
Посмотрите: на порфирѣ
Оживилъ его рѣзецъ!
Здѣсь онъ въ зеркало глядится,
Говоря: я сѣдъ и старъ,
Жизнью дайте жъ насладиться;
Жизнь, увы, не вѣчный даръ!
Здѣсь, поднявъ на лиру длани
И нахмуря важно бровь,
Хочетъ пѣть онъ бога брани,
Но поетъ одну любовь.
Здѣсь, готовая природѣ
Долгъ послѣдній заплатить,
Старецъ пляшетъ въ хороводѣ,
Жажду просить утолить.
Вкругъ любовника сѣдого
Дѣвы скачутъ и поютъ;
Онъ у времени скупого
Крадетъ нѣсколько минутъ.
Вотъ и музы, и хариты
Въ гробъ любимца увели:
Цлющемъ, розами увиты,
Игры влѣдъ за нимъ пошли...
Онъ исчезъ, какъ наслажденье,
Какъ веселый сонъ любви.
Смертный! вѣкъ твой — привидѣнье:

Счастье рѣзвое лови;
 Наслаждайся, наслаждайся,
 Чаще кубокъ наливай,
 Страстью пылкой утомляйся
 И за чашей отдыхай!

[Это стихотвореніе представляетъ подражаніе или, какъ обыкновенно называли, «вольный переводъ» изъ Парни, у котораго Пушкинъ заимствовалъ мысли и содержаніе, но не стѣснялся въ подробностяхъ формы и выраженія. Другое подражаніе этому стихотворенію Парни напечатано въ «Сынѣ Отец.» и «Сѣв. Архивѣ» 1830 г. съ подписью: Алексѣй Милославскій. Мысль стихотворенія заимствована изъ 1-ой оды Анакреона.]

ПОСЛАНИЕ КЪ ЮДИНУ *).

Ты хочешь, милый другъ, узнать
 Мои мечты, желанья, цѣли
 И тихій гласъ простой свирѣли
 Съ улыбкой дружества внимать —
 Но можно-ль рѣзвому поэту,
 Невольнику мечты молодой,
 Въ картинѣ быстрой и живой
 Изобразить въ порядкѣ свѣту
 Все то, что въ юности златой
 Воображеніе мнѣ кажетъ?

Теперь, когда въ покоѣ лѣнь,
 Укрывъ меня въ пустыню сѣнь,
 Своею цѣпью чувства вяжетъ,
 И вѣкъ мой тихъ, какъ ясный день,
 Пустого нѣги украшенья
 Не видя въ хижинѣ моей,
 Смотрю съ улыбкой сожалѣнья
 На пышность бѣдныхъ богачей,
 И счастливый самимъ собою,
 Не жажду горы серебра,
 Не знаю завтра, ни вчера,
 Доволенъ скромною судьбою,
 И думаю: къ чему пѣвцамъ
 Алмазы, яхонты, топазы,

*) Павелъ Михайловичъ, лицейскій товарищъ Пушкина.

соч. А. С. ПУШКИНА. Т. I.

Порфирныя, пустыя вазы,
 Драгія куклы по угламъ?
 Къ чему имъ сукна Альбіона
 И пышныя чехлы Ліона
 На модныхъ креслахъ и столахъ?
 Какая нужда въ зеркалахъ
 И ложе шалевое въ спальнѣ?
 Не лучше-ли въ деревнѣ дальнѣй,
 Или въ смиренномъ городкѣ
 Вдали столицъ, заботъ и грома
 Укрыться въ мирномъ уголкѣ,
 Съ которымъ роскошь незнакома,
 Гдѣ можно въ праздникъ отдохнуть!
 О, если-бы когда нибудь
 Сбылись поэта сновидѣнья!
 Ужель отрадѣ уединенья
 Ему вкусить не суждено?
 Мнѣ видится мое селенье,
 Мое Захарово; оно
 Съ заборами — въ рѣкѣ волнистой —
 Съ мостомъ и рощею тѣнистой
 Зерцаломъ водъ отражено *).
 На холмѣ домикъ мой; съ балкона
 Могу сойти въ веселый садъ,
 Гдѣ вмѣстѣ Флора и Помона
 Цвѣты съ плодами мнѣ дарятъ,
 Гдѣ старыхъ клѣновъ темный рядъ
 Возносится до небосклона,
 И глухо тополи шумятъ. —
 Туда зарею поспѣшаю
 Съ смиреннымъ заступомъ въ рукахъ,
 Въ лугахъ тропинку извиваю,
 Тюльпанъ и розу поливаю,
 И счастливъ въ утреннихъ трудахъ!
 Вотъ здѣсь, подъ дубомъ наклоненнымъ,
 Съ Гораціемъ и Лафонтеномъ
 Въ пріятныхъ погруженъ мечтахъ;
 Вблизи ручей шумить и скачетъ,
 И мчится въ влажныхъ берегахъ,

*) Сельцо Захарово или Захарьино — верстахъ въ 40 отъ Москвы, по смоленской дорогѣ, было куплено бабушкой поэта, Марьей Алексѣевной Ганинбалъ, и продано въ 1811 г., когда Пушкина повезли въ Лицей.

И свѣтлый токъ съ досадою прячетъ
 Въ сосѣднихъ рощахъ и лугахъ.
 Но вотъ ужъ полдень.— Въ свѣтлой залѣ
 Весельемъ круглый столъ накрытъ;
 Хлѣбъ-соль на чистомъ покрывалѣ;
 Дымятся щи; вино въ бокалѣ;
 И щука въ скатерти лежитъ.
 Сосѣди шумною толпою
 Взошли, прервали тишину,
 Садятся; чашъ внимаемъ звону;
 Всѣ хвалятъ Вакха и Помону—
 И съ ними красную весну.

Вотъ кабинетъ уединенный,
 Гдѣ я, Москвою утомленный,
 Вдали обманчивыхъ красоть,
 Вдали нахмуренныхъ заботъ
 И той волшебницы лукавой,
 Которая весь міръ вертитъ,
 Въ трубу немолчную гремитъ,
 И — помнится — зовется славой—
 Живу съ природной простотой,
 Съ философической забавой
 И съ музой рѣзвой и младой...
 Вотъ мой каминъ — подъ вечеръ темный,
 Осенней бурною порой,
 Люблю подъ сѣнію укромной
 Предъ нимъ задумчиво мечтать,
 Вольтера, Виланда читать,
 Или въ минуту вдохновенья
 Небрежно стансы намарать
 И жечь потомъ свои творенья.
 Вотъ здѣсь... но быстро привидѣнья,
 Родясь въ волшебномъ фонарѣ,
 На бѣломъ полотнѣ мелькаютъ —
 Мечты находятъ, исчезаютъ,
 Какъ тѣнь на утренней зарѣ.
 Межъ тѣмъ какъ въ кельѣ молчаливой,
 Во плѣнь отдался я мечтамъ,
 Рукой безпечной и лѣнливой
 Разбросивъ риемы здѣсь и тамъ,
 Я слышу топоть, слышу ржанье;

Блеснувъ узорнымъ чепракомъ,
 Въ блестящемъ ментика сіяньѣ
 Гусарь промчался подъ окномъ...
 И гдѣ вы, мирныя картины
 Прелестной сельской простоты?
 Среди воинственной долины
 Ношусь на крыльяхъ я мечты:
 Огни во станѣ догораютъ;
 Межъ нихъ, окутанный плащомъ,
 Съ сѣдымъ, усатымъ казакомъ
 Лежу,—вдали штыки сверкаютъ,
 Лихіе ржутъ, бразды кусаютъ,
 Да изрѣдка грохочетъ громъ,
 Летя съ высокаго раската...
 Трепещетъ бранью грудь моя,
 При блескѣ браннаго булата,
 Огнемъ пылаетъ взоръ, и я
 Лечу на гибель супостата.
 Мой конь въ ряды враговъ орломъ .
 Несется съ грознымъ сѣдокомъ,
 Съ размаха сыплются удары...
 О вы, отеческіе Лары,
 Спасите юношу въ бояхъ!
 Тамъ свищетъ саблей онъ зубчатой,
 Тамъ киверъ зыблется пернатый;
 Съ черкесской буркой на плечахъ
 И молча приклонясь ко гривѣ,
 Онъ мчитъ стрѣлой по скользкой нивѣ
 Съ цыгарой дымною въ зубахъ...

Но лаврами побѣдъ увиты
 Бойцы изъ чаши мира пьютъ;
 Военной славою забытый,
 Спѣшу въ смиренный мой пріютъ:
 Нашедъ на полѣ битвъ и чести
 Одни болѣзни, костыли,
 На вѣкъ оставилъ саблю мести...
 Ужъ вижу въ сумрачной дали
 Мой тѣсный домикъ, роци темны,
 Калитку, садикъ, ближній прудъ,
 И снова я, философъ скромный,
 Укрылся въ милый мнѣ пріютъ,

И міръ забывъ, и имъ забвенный,
Покой души вкушаю вновь.

Скажи, о сердцу другъ безцѣнный:
Мечта-ль и дружба, и любовь?
Доселъ въ рѣзвости безпечной
Брели по розамъ дни мои,
Въ невинной ясности сердечной
Не зналъ мученій я любви.
Но быстро день за днемъ умчался,—
Гдѣ-жь дѣтства ранніе слѣды?
Прелестный возрастъ миновался,
Увяли первые цвѣты!
Ужъ сердце въ радости не бьется
При миломъ видѣ мотылька,
Что въ воздухѣ кружить и вьется
Съ дыханьемъ тихимъ вѣтерка,—
И въ безпокойствѣ непонятномъ
Пылаю, тлѣю, кровь горить,
И все языкомъ сердцу внятнымъ
О нѣжной страсти говорить.
Подруга возраста златого,
Подруга красныхъ дѣтскихъ лѣтъ,
Тебя-ли вижу, взоровъ свѣтъ,
Другъ сердца, милая ***?
Вездѣ со мною образъ твой,
Вездѣ со мною призракъ милый.
Во тьмѣ полуночи унылой,
Въ часы денницы золотой.
То на концѣ аллеи темной
Вечерней, тихою порой,
Одну, въ задумчивости томной,
Тебя я вижу предъ собой,
Твой шалю станъ непокровенный.
Твой взоръ, на груди потупленный.
Въ щекахъ любви стыдливый цвѣтъ...
Все тихо, брежжетъ лунный свѣтъ;
Нахмуясь, тополь шевелится;
Ужъ сумракъ тусклой пеленой
На холмы дальніе ложится,
И завѣсъ рощицы струится
Надъ тихо спящею волной,

Осеребренною луной.
 Одна ты въ рощицѣ со мною,
 На костыли мои склоняясь,
 Стоишь подъ ивою густою,
 И вѣтеръ сумраковъ, рѣзвясь,
 На снѣжную грудь прохладой дуетъ,
 Играетъ локономъ власовъ
 И ногу стройную рисуешь
 Сквозь бѣлоснѣжный твой покровъ...
 То часомъ полночи глубокимъ
 Предъ теремомъ твоимъ высокимъ
 Угрюмой зимнею порой,
 Я жду красавицу драгую —
 Готовы сани; мракъ густой;
 Все спитъ, одинъ лишь я тоскую,
 Зову часовъ лѣнивый бой...
 И шорохъ чудится глухой,
 И вотъ ужъ шопотъ слышу сладкій,
 Съ крыльца прелестная сошла,
 Чуть-чуть дыша, идетъ украдкой,
 И дѣва друга обняла.
 Помчались кони, вдаль пустились,
 По вѣтру гривы распустились,
 Несутся въ снѣжной глубинѣ,
 Прижалась робко ты ко мнѣ,
 Чуть-чуть дыша; мы обомлѣли,
 Въ восторгахъ чувства онѣмѣли...
 Но что! мечтанья отлетѣли!
 Увы! я счастливъ былъ во снѣ...

Въ отрадной музамъ тишинѣ
 Простыми звуками свирѣли,
 Мой другъ, я для тебя воспѣлъ
 Мечту, молодыхъ пѣвцовъ удѣлъ;
 Питомецъ музъ и вдохновенья,
 Стремясь фантазіи вослѣдъ,
 Находить въ сердцѣ наслажденья
 И на пути грозящихъ бѣдъ.
 Минуты счастья золотыя
 Пускай мнѣ Клооо не советъ,
 Въ мечтахъ всѣ радости земныя!
 Судьбы всемогуще поэтъ.

[Рум. Муз.]

НА ВОЗВРАЩЕНІЕ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ИЗЪ ПАРИЖА,
ВЪ 1815 ГОДУ *).

Утихла брань племень; въ предѣлахъ отдаленныхъ
Не слышенъ битвы шумъ и голосъ трубъ военныхъ;
Съ небесной высоты, при звукѣ стройныхъ лиръ,
На землю мрачную нисходитъ свѣтлый миръ.
Свершилось!.. Русскій царь, достигъ ты славной цѣли!
Вотще надменные на родину летѣли;
Вотще, впереди знаменъ безчисленныхъ дружинъ,
Въ могущей дерзости, вѣнчаннй исполнивъ
На гибель грозно шель, влекъ цѣпи за собою:
Мечъ огненный блеснулъ за дымною Москвою,
Звѣзда губителя потухла въ вѣчной мглѣ,
И пламенный вѣнецъ померкнулъ на челѣ!
Содрогся счастья сынъ, и брошенный судьбою,
Онъ землю русскую не взвидѣлъ подъ собою.
Бѣжить... и смерти громъ слетѣлъ ему вослѣдъ;
И съ трона гордый палъ... и вновь возсталъ... и вѣтъ!
Тебѣ, нашъ храбрый царь, хвала, благодаренье!
Когда полки враговъ покрыли отдаленье,
Во броню ополчась, взложивъ пернатый шлемъ,
Колѣна преклонивъ предъ вышнимъ алтаремъ,
Ты браней мечъ извлекъ, и клятву далъ святую
Отъ ига оградить страну свою родную.
Мы вняли клятвѣ сей; и гордыя сердца
Въ восторгѣ пламенномъ летѣли вслѣдъ отца,
И смертью роковой горѣли и дрожали;
И россы предъ врагомъ твердыней грозной стали!..
Къ мечамъ! — раздался кликъ, и вихремъ понеслись;
Знамена, вспумѣвъ, по вѣтру развились,
Обнялся съ братомъ братъ, и милымъ дали руку
Младые ратники на грустную разлуку;
Сразились: воспылалъ свободы ярый бой,
И смерть хватала ихъ холодною рукой!..
А я... вдали громовъ, въ сѣни твоей надежной.
Я тихо разцвѣталъ, безпечный, безмятежный!
Увы! мнѣ не судилъ таинственный удѣлъ
Сражаться за тебя подъ градомъ вражскихъ стрѣлъ.

---

*) Государь возвратился 1 декабря 1815.

Сыны Бородина, о кульмскіе герои!
Я видѣлъ, какъ на брань летѣли ваши строи;
Душой восторженной за братьями спѣшилъ;
Почто жъ на бранный долъ я крови не пролилъ?
Почто, сжимая мечъ младенческой рукою,
Покрытый ранами, не палъ я предъ тобою,
И славы подъ крыломъ на утрѣ не почилъ?
Почто великихъ дѣлъ свидѣтелемъ не былъ?
О, сколь величественъ, безсмертный, ты явился,
Когда на сильнаго съ сынами устремился;
И челы приподнявъ изъ мрачности гробовъ,
Народы, падшіе подъ бременемъ оковъ,
Тяжелой цѣпью съ восторгомъ потрясали
И съ робкой радостью другъ друга вопрошали:
«Ужели свободны мы?.. Ужели грозный палъ?..
Кто смѣлый, кто въ громахъ на Сѣверѣ возсталъ?..»
И ветхую главу Европа преклонила,
Царя-спасителя колѣна окружила
Освобожденною отъ рабскихъ узъ рукою,
И власть мятежная исчезла предъ тобой!...
И нынѣ ты къ сынамъ, о царь нашъ, возвратился,
И край полуночи восторгомъ озарился!
Склони на свой народъ смиренья полный взглядъ:
Всѣ лица радостью, любовію блестятъ.
Вземли: повсюду вѣсть отрадная несется,
Повсюду гордый кликъ веселья раздается;
По стогнамъ шумъ, вездѣ сіяетъ торжество,
И ты среди толпы, Россіи божество!
Встрѣчать вожда побѣдъ летятъ твои дружины;
Старикъ, счастливый вѣкъ забывъ Екатерины,
Взираетъ на тебя съ безмолвною слезой.
Ты нашъ, о русскій царь! оставь же племъ стальной,
И грозный мечъ войны, и щитъ — ограду нашу;
Излей предъ Янусомъ священну мира чашу,
И брани сокрушивъ могущею рукою,
Вселенну осѣни желанной тишиной!...
И придутъ времена спокойствія злата,
Покроетъ племы ржа, и стрѣлы каленія,
Въ колчанахъ скрытыя, забудутъ свой полетъ;
Счастливый селянинъ, не зная бурныхъ бѣдъ,
По нивамъ повлечетъ плугъ, миромъ изощренный;
Суда летучія, торговлей окрыленны,

Кормами разсѣкутъ свободный океанъ;
 И юные сыны воинственныхъ славянъ
 Спокойной праздности съ досадой предадутся,
 И молча нѣкогда вокругъ старца соберутся,
 Преклонять жадный слухъ — и ветхимъ костылемъ
 И ставъ, и ратный строй, и дальный боръ съ холмомъ
 На прахъ начертить онъ медленно предъ ними;
 Словами истины, свободными, простыми,
 Имъ славу прошлыхъ лѣтъ въ разсказахъ оживить
 И добраго царя въ слезахъ благословить.

КЪ БАРОНЕССѢ МАРЬѢ АНТОНОВНѢ ДЕЛЬВИГЪ *).

Вамъ восемь лѣтъ, а мнѣ семнадцать било!
 И я считалъ когда-то восемь лѣтъ;
 Они прошли... Въ судьбѣ своей унылой,
 Богъ знаетъ какъ, я нынѣ сталъ поэтъ.
 Не возвратитъ уже того, что было;
 Уже я старъ, мнѣ незнакома ложь;
 Такъ вѣрьте мнѣ — мы спасены лишь вѣрой —
 Послушайте, Амуръ какъ вы хорошъ;
 Амуръ дитя, Амуръ на васъ похожъ —
 Въ мои лѣта вы будете Венерой.

Но если только буду живъ,
 Всевышней благостью Зевеса.
 И столько же краснорѣчивъ —
 Я напишу вамъ, баронесса,
 Въ латинскомъ вкусѣ мадригаль,
 Чудесный, вовсе безъ искусства —
 Не много истинныхъ похвалъ,
 Но много истиннаго чувства.
 Скажу я: «ради вашихъ глазъ,
 О баронесса! ради баловъ,
 Когда мы всѣ глядимъ на васъ,
 Взгляните на меня хоть разъ
 Въ награду прежнихъ мадригаловъ.»

*) Сестрѣ поэта.

Когда жъ Амуръ и Гименей
 Въ прелестной Маріи моей
 Поздравять молодую даму—
 Удастся ль мнѣ, подъ старость дней,
 Вамъ посвятить эпиталяму?

22 декабря.

МОЯ ЭПИТАФИЯ.

Здѣсь Пушкинъ погребенъ: онъ съ музой молодою,
 Съ любовью, лѣнностью провелъ веселый вѣкъ;
 Не дѣлалъ добраго—однакожъ былъ душою,
 Ей Богу, добрый человекъ.

ЭПИГРАММА.

Бывало, прежнихъ лѣтъ герой,
 Окончивъ славу брань съ противной стороной,
 Повѣситъ мечъ войны средь отческа кущи;
 А трагикъ нашъ Бурунъ, скончавъ чернильный бой,
 Повѣсилъ уши.

МОЕМУ АРИСТАРХУ *).

Помилуй, трезвый Аристархъ
 Моихъ бакхическихъ посланій!
 Не осуждай моихъ мечтаній
 И чувства въ вѣтреныхъ стихахъ.
 Плоды веселаго досуга
 Не для безсмертья рождены,
 Но развѣ такъ сбережены
 Для самого себя, для друга,
 Да для Темиры молодой.
 Помилуй, сжался надо мной!

*) Относится къ Николаю Федоровичу Кошанскому (1781 — 1831), профессору русской и латинской словесности въ Лицеѣ. Довольно обстоятельная его біографія напечатана въ «Памятной книжкѣ» Лицея на 1856—57 гг.

Я знаю самъ свои пороки,
 Не нужны мнѣ, повѣрь, уроки
 Твоей учености сухой.
 Конечно, бѣдѣнъ геній мой:
 За риемой часто холостой,
 На зло законамъ сочетанья,
 Бѣгутъ трехстопные толпой
 На аю, аетъ и на ой.
 Еще немногія признанья:
 Я ставлю (кто же безъ грѣха?)
 Для мѣры, риемы — восклицанья,
 Для смысла — лишникъ три стиха;
 Не хорошо; но оправданья
 Позволь мнѣ скромно принести:
 Мои летучія посланья
 Въ потомствѣ будутъ ли цвѣсти?
 Не думай, цензоръ мой угрюмый,
 Что я бѣснуюсь по ночамъ,
 Объятый стихотворной думой;
 Что лѣнью жертвуя стихамъ
 И засвѣтивъ свою лампаду,
 Едва дыша, нахмуря взоръ,
 За вѣрный столъ, кряхтя, засяду,
 Сижусь, сижусь три ночи сряду
 И высижусь — трехстопный вздоръ...
 Такъ пишеть (молвить не въ укоръ)
 Конюшій дряхлаго Пегаса
 Свистовъ, Хлыстовъ или Графовъ,
 Служитель старенькій Парнаса,
 Родитель старенькихъ стиховъ,
 И одъ не слишкомъ громозвучныхъ,
 И сказочекъ довольно скучныхъ!..

Люблю я праздность и покой
 И мнѣ досугъ совсѣмъ не время;
 И ѣсть, и пить найду я время.
 Когда жъ нечаянной порой
 Стихи кропать найдеть охота,
 На славу дружбы иль Эрота, —
 Я мигомъ трудъ окончу свой.
 Сижусь ли съ добрыми друзьями,
 Лежу ль въ постелѣ пуховой,

Брожу ль надъ тихими водами
 Въ дубравѣ темной и глухой,
 Задумаюсь, взмахну руками,
 На римахъ вдругъ заговорю,
 И никого ужъ не морю
 Моими тайными стихами.
 Но если я когда нибудь,
 Желая въ нѣгѣ отдохнуть,
 Расположусь передъ каминомъ
 Одинъ, свободнымъ господиномъ,
 Поймаю прежню мысль мою,
 То не для имени поэта
 Мараю два иль три куплета,
 И ихъ въ полголоса пою.

.....

Но знаешь ли, о мой гонитель,
 Какъ я бесѣдую съ тобой?
 Безпечный Пинда посѣтитель,
 Я съ музой нѣжусь молодой...
 Ужъ утра яркое свѣтило
 Поля и рощи озарило;
 Давно пропѣли пѣтухи!
 Въ полглаза дремля и зѣвая,
 Шапеля въ пѣсняхъ призывая,
 Пишу короткіе стихи
 Среди пріятнаго забвенья,
 Склонясь въ подушку головой —
 И въ простотѣ, безъ украшенья,
 Мои слагаю извиненья
 Немного сонною рукой.
 Подъ сѣнью лѣни неизвѣстной
 Такъ нѣжился пѣвецъ прелестный,
 Когда Веръ-Вера воспѣвалъ *),
 Или съ улыбкой рисовалъ,
 Въ непринужденномъ упоеньѣ,
 Уединенный свой чердакъ.
 Въ такомъ лѣнивомъ положеньѣ
 Стихи текутъ и такъ и сякъ.

*) Грессе. Поэма эта переведена В. С. Курочкинымъ, подъ заглавіемъ: «Попугай», и напечатана въ «Отечественныхъ Запискахъ».

Возможно ли въ свое творенье,
 Унявъ веселыхъ мыслей шумъ,
 Тогда вперявъ холодный умъ,
 Отдѣлкой портить небылицы,
 Плоды бродящихъ рѣзвыхъ думъ,
 И сокращать свои страницы?

Нашъ другъ, Лафоръ, Шольё*), Парни,
 Враги труда, заботъ, печали,
 Не такъ, бывало, въ прежни дни
 Своихъ любовницъ воспѣвали.
 О вы, любезные пѣвцы,
 Сыны безопасности лѣнливой!
 Давно вамъ отданы вѣнцы
 Отъ музы праздности счастливой;
 Но не блестящіе дары
 Поэзіи трудолюбивой —
 На верхъ ессальскія горы
 Веди васъ тайные извивы;
 Веселыхъ грацій перстъ игривый
 Младя лиры оживлялъ,
 И ваши челы обвивалъ
 Дѣтей пафосскихъ рой шумливый;
 И я — неопытный поэтъ,
 Небрежный вашихъ риѳмъ наслѣдникъ,
 За вами крадуся вослѣдъ...
 А ты, мой скучный проповѣдникъ,
 Умѣрь ученый вкуса гнѣвъ.
 Поди, кричи, брани другого,
 И брось лѣнливца молодого,
 Объ немъ тихонько пожалѣвъ.

*) Lafort, современникъ Парни, — авторъ веселыхъ эротическихъ «Сказокъ». Chaulieu (1639—1720) принадлежалъ къ кружку знаменитой Ninon de l'Enclos и въ особенности славился своими «Посланіями».

1816.

ФАВНЪ И ПАСТУШКА.

К а р т и н ы.

(Подражаніе Парни)

I. Пастушка.

Съ пятнадцатой весною,
Какъ лилія съ зарею,
Красавица цвѣтеть;
Все въ ней очарованье!
И томное дыханье,
И взоровъ томный свѣтъ,
И груди трепетанье,
И розы вѣжнѣйшій цвѣтъ —
Все юность измѣняетъ.
Ужь Лилу не плѣняетъ
Веселый хороводъ;
Одна у сонныхъ водъ,
Въ лѣсахъ она таится,
Вздыхаетъ и томится,
И съ нею тамъ Эротъ.
Когда же, ночью темной,
Ее въ постели скромной
Застанетъ тихій сонъ,
Въ полуночномъ молчаньи,
При мѣсячномъ сіяньи,
Слетаетъ Купидонъ
Съ волшебною мечтою;

И тихую тоскою
Исполнить сердце онъ —
И Лила въ сновидѣньѣ
Вкушаетъ наслажденье
И шепчетъ: о, Филонъ!

II. Пещера.

Кто тамъ, въ пещерѣ темной,
Вечернею порой,
Окованъ лѣнью томной
Покоится съ тобой?
И такъ, ужъ ты вкусила
Всѣ радости любви;
Ты чувствуешь, о Лила,
Волненіе въ крови,
И съ трепетнымъ смятеньемъ,
Съ пылающимъ лицомъ,
Ты дышешь упоеньемъ
Амура подъ крыломъ.
О жертва страсти нѣжной,
Въ безмолвіи гори!
Покойтесь безмятежно
До пламенной зари!
Для васъ потокъ игривый
Угрюмой тьмой одѣтъ,
И мѣсяцъ молчаливый
Туманный свѣтъ ліетъ;
Здѣсь розы наклонились
Надъ вами въ темный кровъ,
И вѣтры притаились,
Гдѣ царствуетъ любовь..

III. Фавнъ.

Но кто тамъ, близъ пещеры,
Въ густой травѣ лежитъ?
На жертвенникъ Венеры
Съ досадой онъ глядитъ;
Нагнулась межъ цвѣтами
Косматая нога;
Надъ грустными очами

Нависли два рога.
 То Фавнъ, угрюмый житель
 Лѣсовъ и горъ крутыхъ,
 Докучливый гонитель
 Пастушекъ молодыхъ.
 Любимца Купидона —
 Прекраснаго Филона
 Давно соперникъ онъ...
 Въ приютъ сладострастья
 Онъ слышитъ вздохи счастья
 И нѣги томный стонъ.
 Въ безмолвіи несчастный
 Страданья чашу пьетъ,
 И въ ревности напрасной
 Горючи слезы льетъ.
 Но вотъ ночей царица
 Скатилась за лѣса,
 И тихая денница
 Румянить небеса;
 Зефиры прошептали —
 И Фавнъ въ дремучій боръ
 Бѣжитъ сокрыть печали
 Въ ущельяхъ дикихъ горъ.

IV. Рѣка.

Одна поутру Лила
 Нетвердою ногой
 Средь рощицы густой
 Задумчиво ходила.
 «О, скоро ль, мракъ ночной,
 Съ прекрасною луной
 Ты небомъ овладѣешь?
 О, скоро ль, темный лѣсъ,
 Въ туманахъ засинѣешь
 На западѣ небесъ?»
 Но шорохъ за кустами
 Ей слышится глухой,
 И вдругъ — сверкнулъ очами
 Предъ нею богъ лѣсной!
 Какъ вешній вѣтерочекъ,
 Летитъ она въ лѣсочекъ;

Онъ гонится за ней —
 И трепетная Лида
 Всѣ тайны обнажила
 Младой красы своей;
 И нѣжна грудь открылась
 Лобзаньямъ вѣтерка,
 И стройная нога
 Невольно обнажилась.
 Порхая надъ травой,
 Пастушка робко дышетъ;
 Къ рѣкѣ летя стрѣлой,
 Бѣгъ Фавна за собой
 Все ближе, ближе слышитъ.
 Отчаянья полна,
 Ужъ чувствуетъ она
 Огонь его дыханья...
 Напрасны всѣ старанья:
 Ты Фавну суждена!
 Но шумная волна
 Красавицу сокрыла:
 Рѣка — ея могила...
 Нѣтъ! Лида спасена.

V. Чудо.

Эроты златокрылы
 И нѣжный Купидонъ
 На помощь юной Лилы
 Летятъ со всѣхъ сторонъ,
 Всѣ бросили Цитеру,
 И мирныхъ селъ Венеру
 По трепетнымъ волнамъ
 Несутъ они въ пещеру —
 Любви пустынный храмъ.
 Счастливецъ былъ ужъ тамъ.
 И вотъ уже съ Филономъ
 Веселье пьетъ она,
 И страсти тихимъ стономъ
 Прервалась тишина.
 Спокойно дремлетъ Лида
 На розахъ нѣгъ и сна,
 И лучъ свой угасила
 За облакомъ луна.

VI. Фіалъ.

Поникнувъ головою,
 Несчастнѣй богъ лѣсовъ
 Одинъ съ вечерней тьмою
 Бродилъ у береговъ:
 «Прости, любовь и радость!»
 Со вздохомъ молвилъ онъ:
 «Въ печали тратить младость
 Я рокомъ осужденъ!»
 Вдругъ изъ лѣсу румяный,
 Шатаясь, передъ нимъ
 Сатиръ явился пьяный
 Съ кувшиномъ круговымъ;
 Онъ мутными глазами
 Пути домой искалъ,
 И козьими ногами
 Едва переступалъ;
 Шель, шель, и натолкнулся
 На Фавна моего,
 Со смѣхомъ отшатнулся,
 Склонился на него...
 «Ты ль это, братъ любезный?»
 Вскричалъ Сатиръ сѣдой:
 «Въ какой странѣ безвѣстной
 Я встрѣтился съ тобой?»
 — Ахъ! молвилъ Фавнъ уныло:
 Завяли дни мои!
 Все, все мнѣ измѣнило,
 Несчастенъ я въ любви.
 «Что слышу? Отъ Амура
 Ты страждешь и грустишь,
 Малютку-бѣлокура
 И ты боготворишь?
 Возможно ль? Такъ забвенъ
 Въ кувшинѣ почерпай,
 И чашу въ утѣшенъ
 Наполни черезъ край!»
 И пѣна засверкала
 И на краяхъ шипитъ,
 И съ перваго фіала
 Амуръ уже забытъ.

VII. Измѣна.

Кто жь, дерзостный, владѣть
 Твоею красотой?
 Невѣрная, кто смѣетъ
 Пылающей рукой
 Бродить по груди страстной,
 Томиться, воздыхать,
 И съ Лилою прекрасной
 Въ восторгахъ умирать?
 И такъ, ты измѣнила?
 Красавица, плѣняй,
 Спѣши любить, о Лила!
 И снова измѣняй.

VIII. О чередь.

Что, Лила, что съ тобою?
 Въ пещерной глубинѣ
 Сокрытая тоскою,
 Ты плачешь въ тишинѣ;
 Грустишь уединенно,
 И свѣтъ тебѣ постылъ!
 Гдѣ жь сердца другъ безцѣнный?
 Увы, онъ измѣнилъ!
 Прошли восторги, счастье,
 Какъ съ утромъ легкій сонъ;
 Гдѣ тайны сладострастья?
 Гдѣ нѣжный Палемонъ?
 О Лила! вянуть розы
 Минутныя любви:
 Познай же грусть и слезы,
 И нынѣ терны рви.

IX. Философъ.

Въ губительномъ стремленьѣ
 За годомъ годъ летить,
 И старость въ отдаленьѣ
 Красавицѣ грозить.
 Амуръ уже съ поклономъ
 Разстался съ красотой,

И вслѣдъ за Купидономъ
 Веселья скрылся рой.
 Въ лѣсу пастушка бродить
 Печальна и одна:
 Кого же тамъ находить?
 Вдругъ Фавна зрять она.
 Философъ козлоногій
 Подъ липою лежалъ,
 И пѣнистый фіаль,
 Вѣнкомъ украсивъ роги,
 Лѣниво осушалъ.
 Хоть Фавнъ и не находка
 Для Лилы прежнихъ лѣтъ,
 Но вздумала красотка
 Любви раскинуть сѣть:
 Подкралась, устремила
 На Фавна томный взоръ,
 И слышалъ я, клонила
 Къ развязкѣ разговоръ.
 Но Фавнъ съ улыбкой злою,
 Напѣня свой фіаль,
 Качая головою,
 Красавицѣ сказалъ:
 «Нѣтъ, Лиля! я въ покоѣ —
 Другихъ, мой другъ, лови;
 Есть время для любви,
 Для мудрости — другое.
 Бывало, я тобой
 Въ безуміи плѣнялся;
 Бывало, восхищался
 Коварной красотой,
 И сердце, тлѣя страстью,
 Къ тебѣ меня влекло.
 Бывало... но, по счастью,
 Что было — то прошло.»

[Образцомъ для этого стихотворенія послужила поэма Парни: Les déguisements de Vénus, состоящее изъ 30-ти «картинъ». Эта поэма не разъ служила источникомъ вдохновенія для русскихъ поэтовъ: IX-я картина его (D'Érigone c'étoit la fête) вызвала стихотвореніе Батюшкова «Вакханка» («Всѣ на праздникъ Эригоны»), а XXVII-я дала Пушкину, въ 1824 г., содержаніе и образы для Прозерпины. См. т. V, стр. 114.]

КЪ МОРФЕЮ.

(Изъ Парни).

Морфей, до утра дай отраду
 Моей мучительной любви!
 Приди, задуй мою лампаду,
 Мои мечты благослови!
 Сокрой отъ памяти унылой
 Разлуки страшный приговоръ!
 Пускай увижу милый взоръ,
 Пускай услышу голосъ милой.
 Когда жъ умчится ночи мгла,
 И ты мои покинешь очи,
 О, если бы душа могла
 Забыть любовь до новой ночи!

[Подражаніе стихотворенію Парни: A la nuit.]

КЪ МАШѢ.

(Сестрѣ Дельвига).

Вчера мнѣ Маша приказала
 Въ куплеты риѣмы набросать,
 И мнѣ въ награду обѣщала
 Спасибо въ прозѣ написать.

Слѣшу исполнить приказанье.
 Года не смѣютъ погодить:
 Еще семь лѣтъ — и обѣщанье
 Ты не исполнишь, можетъ быть.

Вы чинно, молча, сложа руки,
 Въ собраньяхъ будете сидѣть,
 И жертвуя богинѣ скуки,
 Съ воксала въ маскарадъ летѣть,

И ужъ не вспомните поэта...
 О Маша, Маша, поспѣши,
 И за четыре мнѣ куплета
 Мою награду напиши!

ПУНШЕВАЯ ПѢСНЯ.

(Изъ Шиллера).

Силы четыре,
Соединясь,
Жизнь образуютъ,
Миръ создаютъ.

Влажно зернистый
Выжми лимонъ:
Тѣдкая сила —
Жизни зерно.

Сладостной влагой
Ты укроти
Острую силу
Тѣдкой струи.

Влагою грѣтой
Воду налей:
Миръ весь объемлемъ
Тихо водой.

Примѣсью рома
Все освяти:
Ромъ одаряетъ
Жизнию жизньъ.

Только кипучій
Ключъ утолить!
Прежде, чѣмъ стихнетъ,
Черпай его!

[Довольно близкій переводъ стихотворенія Шиллера «Punschlied». Единственное стихотвореніе, заимствованное Пушкинымъ изъ нѣмецкой литературы, которой онъ вообще не любилъ и съ которою даже не старался ознакомиться.]

ЗАЗДРАВНЫЙ КУБОКЪ.

Кубокъ янтарный
 Полонъ давно,
 Пѣною парной
 Блещетъ вино!
 Свѣта дороже
 Сердцу оно.
 Но за кого же
 Выпью вино?

Здравіе славы
 Выпью ли я?
 Бранной забавы
 Мы не друзья.
 Это веселье
 Не веселитъ:
 Дружбы похмѣлье
 Грома бѣжитъ.

Жители неба,
 Феба жрецы,
 Здравіе Феба
 Пейте, пѣвцы.
 Рѣзвой Камены
 Ласки—бѣда!
 Токъ Иппокрены —
 Просто вода!

Пейте за радость
 Юной любви!
 Скроется младость,
 Дѣти мои.
 Кубокъ янтарный
 Полонъ давно;
 Я, благодарный,
 Пью — за вино!

У С Ы.

Философическая ода

Глаза скосивъ на усъ кудрявый,
Гусарь, съ улыбкой величавой,
На палецъ завитки моталь;
Мудрецъ съ обритой бородою,
Качая тихо головою,
Со вздохомъ усачу сказалъ:

Гусарь! нѣтъ вѣчнаго въ природѣ!
Какъ ода вслѣдъ похвальной одѣ,
Проходятъ царства и вѣка.
Скажи, гдѣ стѣны Вавилона?
Гдѣ драмы тощія Клеона?
Умчала все времяя рѣка.

За уши усъ твой закрученный,
Виномъ и ромомъ окропленный,
Гордится юной красотой,
Не знаетъ бритвы, выписною
Онъ вѣчно лоснится сурмою,
Расправленъ гребнемъ и рукой.

Чтобы не смять уса лихова,
Ты къ ночи одою Хвостова
Его тихонько обернешь,
Въ подушку носомъ лечь не смѣешь,
Въ глубокомъ снѣ его лелѣешь,
И утромъ вновь его завьешь.

На долгихъ ужинахъ веселыхъ,
Въ кругу гусаровъ посѣдѣлыхъ
И черноусыхъ удалцовъ,
Веселый гость, любовникъ пылкій,
За чье здоровье бьешь бутылки?
Коня, красавицъ и усовъ!

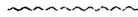
Сраженья страшный часъ настанетъ,
Въ ряды ядро со трескомъ грянетъ;
А ты, надъ ухарскимъ сѣдломъ,

Разсудка, памяти не тратишь,
Сперва кудрявый усъ ухватишь,
А саблю вѣрную потомъ.

Окованный волшебной силой,
Наединѣ съ красоткой милой
Ты нѣжишься, одной рукой
Въ восторгахъ нѣги сладострастной
Летаешь по груди прекрасной,
А грозный усъ крутишь другой.

Гордись, гусарь! но помни вѣчно,
Что все на свѣтѣ скоротечно:
Летятъ губительны часы!
Румяны щеки пожелтѣютъ,
И черны кудри посѣдѣютъ,
И старость выбѣлитъ усы.

8 марта.

Ж Е Л А Н І Е.

(В. Л. Лушкѣну).

Христось воскресъ, питомецъ Феба!
Дай Богъ, чтобъ милостію неба
Разсудокъ на Руси воскресъ —
Онъ что-то, кажется, исчезъ...
Дай Богъ, чтобы во всей вселенной
Воскресли миръ и тишина,
Чтобъ въ академіи почтенной
Воскресли члены ото сна;
Чтобъ въ наши грѣшны времена
Воскресла предковъ добродѣтель;
Чтобы Шихматову на зло
Воскреснулъ новый Буало —
Расколовъ, глупостей свидѣтель;
А съ нимъ побольше серебра
И золота, et caetera.
Но да не будетъ воскресенья
Усопшей прозы и стиховъ;

Да не воскреснуть отъ забвенья
 Покойный господинъ Бобровъ,
 Хвалы газетчика достойный,
 И Николевъ, поэтъ покойный,
 И непокойный графъ Хвостовъ,
 И всѣ, которые на свѣтѣ
 Писали слишкомъ мудрено,
 То есть и хладно, и темно,
 Что очень стыдно и грѣшно.

[Послано къ Св. Воскр. 9 апрѣля. См. письмо В. Л. Пушкина изъ Москвы, 17 апр. 1816, въ «Складчнкѣ» 1874, стр. 366.]

ПОСЛАНИЕ ЛИДѢ.

Тебѣ, наперсница Венеры,
 Тебѣ, которой Купидонъ
 И дѣти рѣзвья Цитеры
 Украсили цвѣтами тронъ,
 Которой вѣжные примѣры,
 Улыбка, взоры, вѣжный тонъ
 Краснорѣчивѣй чѣмъ Вольтеры
 Намъ проповѣдуютъ законъ
 И Аристипповъ, и Глицеры —
 Тебѣ привѣтливый поклонъ,
 Любви вѣнокъ и лиры звонъ!
 Презрѣвъ Платоновы химеры,
 Твоей я святостью спасенъ,
 И сталъ апостолъ мудрой вѣры
 Анакреоновъ и Нинонъ,
 Всего... но лишь извѣстной мѣры.
 Я вижу, хмурится Зенонъ,
 И вся его сѣдая свита,
 И мудрый другъ вина Катонъ,
 И скучный рабъ Эпафродита,
 Сенека, даже Цицеронъ
 Бричать: ты лжешь, профанъ: мученье —
 Прямое смертныхъ наслажденье!
 Друзья, согласенъ! плачь и стонъ
 Стократъ, конечно, лучше смѣха,

Терпѣть — великая утѣха;
 Совѣтъ вашъ вовсе не смѣшонъ;
 Но мнѣ онъ, слышите ль, не нуженъ,
 Затѣмъ что слишкомъ онъ мудренъ.
 Дороже мнѣ хорошій ужинъ
 Философовъ трехъ цѣлыхъ дюжинъ;
 Я вами, право, не прельщенъ.
 Соборъ угрюмый разсерженъ;
 Но пусть кричатъ на супостата,
 Ихъ споръ лишь времени утрата:
 Кто ихъ примѣромъ обольщенъ?
 Люблю я добраго Сократа:
 Онъ въ мѣрѣ жилъ, онъ былъ уменъ;
 Съ своею важностью притворной
 Любилъ пиры, театры, женъ;
 Онъ, между прочимъ, былъ влюбленъ,
 И у Аспазіи въ уборной
 (Тому свидѣтель самъ Платонъ),
 Невольникъ робкій и покорный,
 Вздыхалъ частехонько въ хитонъ,
 И ей съ улыбкою придворной
 Шепталъ: «все призракъ, ложь и сонъ—
 И мудрость, и народъ, и слава.
 Что жъ истинно? Одна забава,
 Повѣрь, одна любовь не сонъ!»
 Такъ ладонъ жегъ прекрасной онъ,
 И ею... бѣдная Ксантиппа!
 Твой мужъ, совмѣстникъ Аристиппа,
 Бывалъ до неба вознесенъ.
 Межъ тѣмъ, на милыхъ грозно лая,
 Злой циникъ, вѣгу презирая,
 Одинъ, всѣхъ радостей лишень,
 Дышалъ отъ міра отлученъ;
 Но съ бочкой странствуя пустою
 Вослѣдъ за мудростью слѣпою,
 Пустой чудакъ былъ ослѣпленъ—
 И воду черпая рукою,
 Не могъ зачерпнуть счастья онъ.

[Подражаніе стихотворенію Парни: Billet, изъ котораго, впрочемъ, переведены только первые четыре стиха.]

СЛОВО МИЛОЙ.

Я Лилу слушалъ у клавира:
 Она пріятнѣе поетъ,
 Чѣмъ соловей близъ тихихъ водъ
 Или полунощная лира.
 Упали слезы изъ очей.
 И я сказалъ пѣвицѣ милой:
 «Пріятенъ голосъ твой унылый;
 Но слово милоя моей
 Пріятнѣй томныхъ пѣсенъ Лилы.»

Л И Л Ъ.

Лила, Лпла, я страдаю
 Безотрадною тоской.
 Я томлюсь, я умираю,
 Гасну пламенной душой;
 Но любовь моя напрасна:
 Ты смѣешься надо мной.
 Смѣйся, Лила! ты прекрасна
 И безчувственной красой.

АМУРЪ И ГИМЕНЕЙ.

Сказка

Сегодня, добрые мужья,
 Повеселю васъ новой сказкой.
 Знали ли вы, мои друзья,
 Слѣпота мальчишка съ повязкой?
 Слѣпота?.. Вотъ? Помплуй, Фебъ!
 Амуръ совѣмъ, друзья, не слѣпъ:
 Но шалуну пришла жъ охота,
 Чтобъ, людямъ на смѣхъ и на зло,
 Его Безуміе вело.

Безуміе ведетъ Эрота;
Но вдругъ, не знаю почему,
Оно наскучило ему.
Взялся за новую затѣю:
Повязку съ милыхъ снявъ очей,
Идетъ проказникъ къ Гименею...
А что такое Гименей?
Онъ сынъ Вулкана молчаливый,
Холодный, дряхлый и лѣнивый,
Ворчитъ и дремлетъ цѣлый вѣкъ;
А впрочемъ — добрый человекъ,
Да нравъ имѣетъ онъ ревнивый.
Отъ ревности печальный богъ
Спокойно подремать не могъ;
Все трусилъ маленькаго брата,
За нимъ подсматривалъ тайкомъ,
И караулил супостата
Съ своимъ докучнымъ фонаремъ.
Вотъ мальчикъ мой къ нему подходитъ
И рѣчь коварную заводитъ:
«Развеселися, Гименей!
Ну, помиримся, будь умнѣй!
Забудь, товарищъ мой лобезный,
Раздоръ смѣшной и бесполезный!
Да только навсегда, смотри!
Возьми жъ повязку въ память, милый,
А мнѣ фонарь свой подари!»
И что жъ? Повѣрилъ богъ унылый.
Амуръ отъ радости прыгнулъ,
И на глаза со всей онъ силы
Обнову брату затанулъ.
Гимена скучные дозоры
Съ тѣхъ поръ пресѣклись по ночамъ;
Его завистливые взоры
Теперь не страшны красотамъ;
Спокоенъ онъ; но братъ коварный,
Шутя надъ честью и надъ нимъ,
Войну ведетъ, неблагодарный,
Съ своимъ союзникомъ слѣпымъ.
Лишь сонъ на смертныхъ налетаетъ,
Амуръ въ молчаніи ночномъ
Фонарь любовнику вручаетъ,

И самъ счастливца провожаетъ
 Къ уснувшему супругу въ домъ;
 Самъ отъ безпечнаго Гимена
 Онъ охраняетъ тайну дверь...
 Пойми меня, мой другъ Елена,
 И мудрой повѣсти повѣрь!

И С Т И Н А.

Издавна мудрые искали
 Забытыхъ истины слѣдовъ,
 И долго, долго повторяли
 Пустые толки стариковъ;
 Твердили: «истина нагая
 Въ колодезь убралась тайкомъ!»
 И дружно воду выпивая,
 Кричали: «здѣсь ее найдемъ!»

Но кто-то, смертныхъ благодѣтель,
 И чуть ли не старикъ Силенъ,
 Ихъ важной глупости свидѣтель,
 Водой и крикомъ утомленъ,
 Оставилъ невидимку нашу,
 Подумалъ первый о винѣ,
 И осушивъ до капли чашу,
 Увидѣлъ истину на днѣ.

ФІАЛЪ АНАКРЕОНА.

Когда на поклоненіе
 Ходилъ я въ дальній Павосъ,
 Повѣрьте мнѣ, я видѣлъ
 Въ уборной у Венеры
 Фіалъ Анакреона!
 Виномъ онъ былъ наполненъ;
 Кругомъ висѣли розы,

Зеленый плющъ и мирты,
 Сплетенныя рукою
 Царицы наслажденій;
 На краскѣхъ я видѣлъ
 Коварнаго Амура;
 Смотрѣлъ онъ, пригорюнясь,
 На пѣнистую влагу.
 «Что смотришь ты, проказникъ,
 На пѣнистую влагу?»
 Спросилъ я Купидона:
 «Скажи, что такъ утихнулъ?
 Иль хочется зачорпнуть
 Тебѣ вина златого,
 Да ручка не достанетъ?»
 — Нѣтъ! отвѣчалъ малютка:
 Играя, въ это море
 Колчанъ, и лукъ, и стрѣлы
 Я уронилъ, и факель
 Погасъ въ волнахъ багряныхъ.
 Вонъ, вонъ, на днѣ блистаютъ!
 А плавать не умѣю.
 Охъ, жалко мнѣ; послушай,
 Достань мнѣ ихъ оттуда.
 «О, нѣтъ!» сказалъ я богу:
 «Спасибо, что упали;
 Пускай тамъ остаются.»

НАЪЗДНИКИ.

Глубокой ночи на поляхъ
 Давно лежали покрывала,
 И слабо въ блѣдныхъ облакахъ
 Звѣзда пустынная сіяла.
 При умирающихъ огняхъ,
 Среди невѣрнаго тумана,
 Безмолвно два стояли стана
 На помраченныхъ высотахъ.
 Все спитъ; лишь волнъ мятежный ропотъ
 Разносится въ тиши ночной,

Да слышенъ издали глухой
 Бумата звопъ и конскій топоть.
 Топта наъздниковъ младыхъ
 Въ дубравѣ ѣдетъ молчаливой;
 Дрожать и пышутъ кони ихъ,
 Главой трясутъ нетерпѣливой.
 Ужъ полемъ всадники спѣшать
 Дубравы кровь оставя зыбкій,
 Коней ласкаютъ и смирятъ
 И съ гордой шепчутся улыбкой;
 Ихъ лица радостью горять,
 Огнемъ пылаютъ гнѣвны очи...
 Лишь ты, воинственный поэтъ,
 Уныль, какъ сумракъ полуночи,
 И блѣденъ, какъ осенній свѣтъ.
 Съ главою мрачно преклоненной,
 Съ укрытой горестью въ груди,
 Печальной думой увлеченный,
 Онъ ѣдетъ молча впереди.
 «Пѣвецъ печальный, что съ тобою?
 Одинъ предъ боемъ ты уныль,
 Поникъ безстрашною главою,
 Бразды и саблю опустилъ.
 Ужель, невольникъ праздной нѣги,
 Отраднѣй миръ твоихъ полей,
 Чѣмъ наши бурные набѣги
 И ночью бранный стукъ мечей?
 Одна стезя войны прекрасна,
 Завиденъ гордый нашъ удѣлъ.
 Тебѣ ли нынѣ смерть ужасна?
 Ты ввѣкъ средъ боевъ не блѣднѣлъ:
 Тебя мы зрѣли подъ мечами
 Съ спокойнымъ, дерзостнымъ челомъ,
 Всегда межъ первыми рядами,
 Все тамъ, гдѣ падалъ первый громъ.
 Съ побѣднымъ соединяясь кликомъ,
 Твой голосъ нашу славу пѣлъ;
 А нынѣ ты въ уныньѣ дикомъ,
 Какъ бѣглый ратникъ, онѣмѣлъ.»
 Но медленно пѣвецъ печальный
 Главу и взоры приподнялъ,

Взглянулъ угрюмо въ сумракъ дальный
И вздохомъ грудь поколебаль.

«Глубокій сонъ въ долинѣ бранной;
Одни мы мчимся въ тьмѣ ночной,
Предчувствую конецъ желанный;
Меня зоветъ послѣдній бой.
Расторгну цѣпь судьбы жестокой,
Влечу я съ братьями въ огонь;
Ударъ падеть — и одинокій
Въ долину выбѣжитъ мой конь!..

«О вы, которымъ здѣсь со мною
Предѣлъ могилы положонъ, —
Скажите: милая тоскою
Вашъ усладить ли долгій сонъ?
Но для пѣвца никто не дышитъ,
Его настигнетъ тишина;
Эльвина смерти вѣсть услышитъ, —
И не вздохнетъ объ томъ она.

«А вы, хранимые судьбами
Для сладостныхъ любви наградъ!
Пускай любовницы слезами
Благословится вашъ возвратъ.
За чашей сладкаго спасенья,
О братья, вспомните пѣвца,
Его любовь, его мученья
И славу грознаго конца!..»

Умолкъ, и мчится въ бой кровавый...
Уже не возвратился онъ:
. . . . . На полѣ славы
Его покрылъ безвѣстный сонъ.
И утромъ юнаго поэта
Навздники, въ веселый часъ,
За чашей дружнаго привѣта
Въ послѣдній вспомянули разъ *).

* Последнихъ восьми стиховъ нѣтъ въ рукописи Рум. Музея.
соч. А. С. ПУШКИНА. Т. I.

ПОСЛАНИЕ КЪ КНЯЗЮ А. М. ГОРЧАКОВУ.

Встрѣчаюсь я съ осьмнадцатою весной;
 Въ послѣдній разъ, быть можетъ, я съ тобой,
 Задумчиво внимая шумъ дубравный
 Надъ озеромъ иду рука съ рукой.
 Гдѣ вы, лѣта безпечности недавной?
 Съ надеждами, во цвѣтѣ юныхъ лѣтъ,
 Мой милый другъ, мы входимъ въ новый свѣтъ;
 Но тамъ удѣлъ назначенъ намъ неравный,
 И розный намъ оставить въ мѣрѣ слѣдъ:
 Тебѣ рукой Фортуны своенравной
 Указанъ путь, и счастливый, и славный —
 Моя стезя печальна и темна.
 И вѣжная краса тебѣ дана,
 И правится блестящій даръ природы,
 И быстрый умъ, и вѣрный, милый нравъ;
 Ты сотворенъ для сладостной свободы,
 Для радости, для славы, для забавъ.
 Они пришли, твои златые годы,
 Огня любви прелестная пора!
 Спѣши любить и, счастливый вчера,
 Сегодня вновь будь счастливъ осторожно;
 Амуръ велить — и завтра, если можно,
 Вновь миртами красавицу вѣнчай...
 О, сколькихъ слезъ, предвижу, ты виновникъ!
 Измѣны другъ и вѣтреный любовникъ
 Будь вѣренъ всѣмъ, плѣняйся и плѣняй!..

А мой удѣлъ — но пасмурнымъ туманомъ
 Зачѣмъ же мнѣ грядущее скрывать?
 Увы, нельзя мнѣ вѣчнымъ жить обманомъ
 И счастья тѣнь, забывшись, обнимать!
 Вся жизнь моя — печальный мракъ ненастья;
 Двѣ, три весны, младенцемъ, можетъ быть,
 Я счастливъ былъ, не понимая счастья.
 Онѣ прошли, но можно ль ихъ забыть?
 Онѣ прошли, и скорбными глазами
 Смотря на путь, оставленный навѣкъ,
 На краткій путь, усыпанный цвѣтами,
 Которымъ я такъ весело протекъ —

Я слезы лью, я трачу вѣкъ напрасно,
Мучительнымъ желаніемъ горя...

Твоя заря — заря весны прекрасной;
Моя жъ, мой другъ! — осенняя заря.
Я зналъ любовь — но я не зналъ надежды;
Страдалъ одинъ, въ безмолвіи любилъ ..
Безумный сонъ покинулъ томны вѣжды,
Но мрачныя я грезы не забылъ.
Душа полна невольной, грустной думой;
Мнѣ кажется, на жизненномъ пиру
Одинъ, съ тоской, явлюсь я — гость угрюмый,
Явлюсь на часъ, и одинокъ умру.
И не придетъ другъ сердца незабвенный
Въ послѣдній мигъ мой томный взоръ сомкнуть,
И не придетъ на холмъ уединенный
Въ послѣдній разъ любовію вздохнуть!*)
Ужель моя пройдетъ пустынно младость?
Иль мнѣ чужда счастливая любовь?
Ужель умру, не вѣдая, что радость?
Зачѣмъ же жизнь дана мнѣ отъ боговъ?
Чего мнѣ ждать? Въ рядахъ забытый воинъ,
Среди толпы затерянный пѣвецъ —
Какихъ наградъ я въ будущемъ достоинъ,
И счастья какой возьму вѣнецъ?

Но что! стыжусь! Нѣтъ, роцоть — униженье;
Нѣтъ, праведно боговъ опредѣленье —
Ужель лишь мнѣ не вѣдать ясныхъ дней?
Нѣтъ, и въ слезахъ сокрыто наслажденье —
И въ жизни сей мнѣ будетъ въ утѣшенье
Мой скромный даръ и счастье друзей!

[Содержаніемъ, размѣромъ и нѣкоторыми выраженіями это стихотвореніе напоминаетъ посланіе Жуковскаго: Къ Физалету (А. И. Тургеневу) 1807 года.]

*) Ту же мысль и тѣ же образы находимъ въ предсмертной элегій Жюль-бера:

Au banquet de la vie infortuné convive,
L'apparus un jour et je meurs,
Et sur la tombe où lentement j'arrive
Nul ne viendra verser des pleurs...

С О Н Ъ.

(Отрывокъ)

Пускай поэтъ съ кадилъницей наемной
 Говяется за счастьемъ и молвой,
 Мнѣ страшень свѣтъ, проходить вѣкъ мой темный
 Въ безвѣстности, заглохшею тропой.
 Пускай пѣвцы гремящими хвалами
 Полубогамъ безсмертіе даютъ;
 Мой голось тихъ, и звучными струнами
 Не оглашу безмолвія приютъ.
 Пускай любовь Овидіи поютъ,
 Мнѣ не даетъ покоя Цитерея;
 Счастливыхъ дней Амуры мнѣ не вьютъ:
 Я сонъ пою, безцѣнный даръ Морфея,
 И научу, какъ должно въ тишинѣ
 Покоиться въ пріятномъ, крѣпкомъ снѣ.

Приди, о лѣнь, приди въ мою пустыню!
 Тебя зовуть прохлада и покой;
 Въ одной тебѣ я зрю свою богиню,
 Готово все для гостыи молодой.
 Все тихо здѣсь, докучный шумъ укрылся
 За мой порогъ; на свѣтлое окно
 Прозрачное спустилось полотно,
 И въ темный нишъ, гдѣ сумракъ воцарился,
 Чуть крадется невѣрный свѣтъ дневной.
 Вотъ мой диванъ—приди жъ въ обитель мира,
 Царицей будь, я плѣнникъ нынѣ твой.
 Учи меня, води моей рукой,
 Все, все твое: вотъ краски, кисть и лира!

А вы, друзья моей прелестной музы,
 Которыми любви забыты узы,
 Которые владычеству земли
 Конечно бѣ сонъ спокойный предпочли—
 О, мудрецы! дивитесь вамъ умѣя,
 Для васъ однихъ я нынѣ тронъ Морфея
 Поэзіи цвѣтами обовью,
 Для васъ однихъ блаженство воспую.
 Внемлите же съ улыбкой снисхожденья
 Моимъ стихамъ, урокамъ наслажденья.

Въ назначенный природой нѣги часъ,
 Хотите ли забыться каждый разъ,
 Въ ночной тиши, средь общаго молчанья,
 Въ объятіяхъ игриваго мечтанья?
 Спѣшите же подъ сельскій мирный кровъ:
 Тамъ можно жить и праздно, и безопасно,
 Тамъ прямо рай; но прочь отъ городовъ,
 Гдѣ крикъ и шумъ лѣнивцевъ мучить вѣчно.
 Согласенъ я, въ нихъ можно цѣлый день
 Съ прелестницей ловить веселья тѣнь;
 Въ платокъ зѣвать, блистая въ модномъ свѣтѣ;
 На балѣ въ ночь вертѣться на паркетѣ;
 Но можно ли вкушать отраду сновъ?
 Настала тѣнь, уснуть лишь я готовъ.
 Обманутый призраками ночными —
 И вотъ уже, при свѣтѣ фонарей,
 Не бѣшеной четверкъ лошадей,
 Стуча, гремя колесами златыми,
 Катится спѣсь подъ окнами моими.
 Я вновь дремлю, вновь улица дрожить —
 На скучный балъ разсѣянье летить...
 О Боже мой! ужели здѣсь ложатся.
 Чтобы всю ночь безсонницей терзаться?
 Еще стучать, а тамъ уже свѣтло,
 И гдѣ мой сонъ? Не лучше ли въ село?
 Тамъ рошица листочковъ трепетаньемъ,
 Въ лугу потокъ таинственнымъ журчаньемъ.
 Златыхъ полей, долины тишина —
 Въ деревнѣ все къ томленью клонить сна!
 О, сладкій сонъ, ничѣмъ невозмущенный!
 Одинъ пѣтухъ, зарею пробужденный,
 Свой рѣзкій крикъ подыметъ, можетъ быть;
 Опасенъ онъ, онъ можетъ разбудить.
 И такъ, пускай, въ сераляхъ удаленны,
 Султаны куръ гордятся заключенны,
 Иль поселянъ сзываютъ на поля:
 Мы спать хотимъ, любезные друзья!
 Стократъ блаженъ, кто можетъ сномъ забыться
 Вдали столицъ, каретъ и пѣтуховъ!
 Но сладостью веселой ночи сновъ
 Не думайте вы даромъ насладиться
 Средь мирныхъ сель, безъ всякаго труда.

Что жъ надобно? Движенье, господа!
 Похвальна лѣнь, но есть всему предѣлы:
 Смотрите: Клить, въ подушкахъ посѣдѣлый,
 Размученный, изнѣженный, больной,
 Весь вѣкъ сидить съ подагрой и тоской!
 Наступитъ день: несчастный, задыхаясь,
 Крехтя, ползетъ съ постели на диванъ;
 Весь день сидитъ; когда жъ ночной туманъ
 Подернетъ свѣтъ, во мракѣ разстилаясь,
 Съ дивана Клить къ постели поползетъ;
 И какъ же ночь несчастный проведетъ?
 Въ покойномъ свѣ, въ пріятномъ сновидѣньѣ?
 Нѣтъ! сонъ ему не радость, а мученье;
 Не маками, тяжелою рукой
 Ему Морфей закроетъ томны очи,
 И медленной проходятъ чередой
 Для бѣднаго часы угрюмой ночи.
 Я не хочу, какъ общій другъ, Берпу,
 Предписывать вамъ тяжкія движенья:
 Упрямый плугъ, охоты наслажденья—
 Нѣтъ, въ роци я лѣнивца приглашу.
 Друзья мои, какъ утро здѣсь прекрасно!
 Въ тиши полей, сквозь тайну сѣнь дубравъ,
 Какъ юный день сіяетъ гордо, ясно!
 Свѣтлѣть все; другъ друга перегнавъ,
 Журчатъ ручьи, блестятъ берега безмолвны;
 Еще роса надъ свѣжей муравой,
 Златыхъ озеръ недвижно дремлютъ волны.
 Друзья мои! возьмите посохъ свой,
 Идите въ лѣсъ, бродите по долинь,
 Крутыхъ холмовъ устаньте на вершинѣ—
 И въ долгу ночь глубока вашъ будетъ сонъ.
 Какъ только тѣнь одѣнетъ небосклонъ,
 Пускай войдетъ, отрада жизни нашей,
 Веселья богъ съ широкой, полной чашей—
 И царствуй Вакхъ со всѣмъ дворомъ своимъ!
 Умѣренно пируйте, други, съ нимъ:
 Стакана три шипящими волнами
 Румяныхъ винъ налейте вы полнѣй;
 Но толстый Комъ съ надутыми щеками
 Не приходи стучаться у дверей;
 Я радъ ему, но только за обѣдомъ,

И дружески я въ полдень уберу
Его дары; но, право, ввечеру
Гораздо я дружнѣй съ его сосѣдомъ.
Не ужинать—святой тому законъ,
Кому всего дороже легкій сонъ.
Брегитесь вы, о дѣти мудрой лѣни,
Обманчивой успокоенья тѣни!
Не спите днемъ: о горе, горе вамъ,
Когда дремать привыкли по часамъ!
Что вашъ покой? Безчувствіе глубоко.
Сонъ истинный отъ васъ уже далеко.
Не знаете веселой вы мечты;
Вашъ цѣлый вѣкъ — несносное томленье,
И скученъ сонъ, и скучно пробужденье,
И дни текутъ средь вѣчной темноты.

Но ежели, въ глуши, близъ водопада,
Что подъ горой клокочетъ и кипить,
Прелестный сонъ, усталости награда,
При шумѣ волнъ на дикій берегъ слетить,
Покроетъ взоръ туманной пеленою,
Обниметъ васъ и тихую рукою
На мягкій мохъ преклонить, осѣнить:
О, сладостно близъ шумныхъ водъ забвенье!
Пусть долѣе продлится вашъ покой—
Завидно мнѣ счастливца наслажденье.

Случалось ли ненастной вамъ порой
Дня зимняго при позднемъ, тихомъ свѣтѣ,
Сидѣть однимъ безъ свѣчки въ кабинетѣ:
Все тихо вокругъ; березы больше вѣтъ;
Часъ отъ часу темнѣетъ оконъ свѣтъ;
На потолокъ какой-то призракъ бродить;
Блѣднѣетъ ужъ—и синеватый дымъ,
Какъ легкій паръ, въ трубу вѣясь, уходитъ.
И вотъ, жезломъ невидимымъ своимъ
Морфей на все невѣрный мракъ наводитъ.
Темнѣетъ взоръ; «Кандидъ» изъ вашихъ рукъ,
Закрывшись, упалъ въ колѣни вдругъ;
Вздохнули вы; рука на столъ валится,
И голова съ плеча на грудь катится.
Вы дремлете, надъ вами мира кровь:

Нежданный сонъ пріятнѣй многихъ сновъ!
 Душевныхъ мукъ волшебный исцѣлитель.
 Мой другъ Морфей, мой давній утѣшитель!
 Тебѣ всегда я жертвовать любилъ;
 И ты жреца давно благословилъ:
 Забуду ли то время золотое,
 Забуду ли блаженный нѣги часъ,
 Когда въ углу подъ вечеръ притаясь,
 Я призывалъ и ждалъ тебя въ покоѣ?
 Я самъ не радъ болтливости своей;
 Но дѣтскихъ лѣтъ люблю воспоминанье.
 Ахъ, умолчу ль о мамушкѣ моей,
 О прелести таинственныхъ ночей,
 Когда, въ чепцѣ, въ старинномъ одѣяньѣ,
 Она, духовъ молитвой уклоня,
 Съ усердіемъ перекрестить меня
 И шопотомъ рассказывать мнѣ станетъ
 О мертвецахъ, о подвигахъ Бовы...
 Отъ ужаса не шелохнусь, бывало;
 Едва дыша, прижмусь подъ одѣяло.
 Не чувствуя ни ногъ, ни головы.
 Подъ образомъ простой ночникъ изъ глины
 Чуть освѣщаль глубокія морщины,
 Драгой антикъ, прабабушкинъ чепецъ,
 И длинный ротъ, гдѣ зуба два стучало—
 Все въ душу страхъ невольный поселяло;
 Я трепеталъ, и тихо наконецъ
 Томленье сна на очи упало.
 Тогда толпой съ лазурной высоты,
 На ложе розъ крылатыя мечты,
 Волшебники, волшебницы слетали,
 Обманами мой сонъ обворожали;
 Терялся я, въ порывѣ сладкихъ думъ,
 Въ глуши лѣсной, средь Муромскихъ пустыней,
 Встрѣчалъ лихихъ Полкановъ и Добрыней—
 И въ вымыслахъ носился юный умъ...

Но вы прошли, о ночи безмятежны,
 И юности ужъ возрастъ наступилъ.
 Подайте мнѣ Альбана кисти нѣжны!
 И я мечту молодой любви вкусилъ.
 И гдѣ жъ она? Восторгами родилась,

И въ тотъ же мигъ восторгомъ истребилась.
 Проснулся я, ищу на небѣ день,
 Но все молчить; луна во тѣмѣ сокрылась.
 И вокругъ меня глубокой ночи тѣнь.
 Но сонъ мой тихъ! Безпечный сынъ Парнаса,
 Въ ночной тиши я съ риемою не бьюсь,
 Не вижу вѣкъ ни Феба, ни Пегаса,
 Ни старый дворъ какихъ-то старыхъ музъ.

Я не герой, по лаврамъ не тоскую,
 Спокойствіемъ и нѣгой не торгую,
 Не чудится мнѣ ночью грозный бой;
 Я не богачъ, и лаемъ пѣсъ привратный
 Не возмущалъ мечты моей пріятной;
 Я не злодѣй, съ волненьемъ и тоской
 Не зрю во снѣ кровавыхъ привидѣній.
 Убийственныхъ дѣтей предразсужденій,
 И въ поздній часъ ужасный, блѣдный страхъ
 Не хмурится угрюмо въ-головахъ.

[Этотъ «отрывокъ», впервые данный посмертнымъ изданіемъ, составляетъ можетъ быть, часть несохранившагося посланія: «Оправданная лѣнь». Въ 6-й строфѣ Пушкинъ говоритъ о своей нянѣ, Ариѣ Родіоновнѣ, и объ ея сказкахъ.]

КЪ ПРИНЦУ ОРАНСКОМУ.

Довольно битвы мчался громъ.
 Тушился мечъ окровавленный,
 И смерть погибельнымъ крыломъ
 Шумѣла грозно надъ вселенной.

Свершилось... подвигомъ царей
 Европы твердый миръ основанъ;
 Оковы свергнувшій злодѣй
 Могущей бранью снова скованъ.

Узрѣлъ онъ въ пламени Москву —
 И былъ низверженъ ужасъ міра;
 Покрыла падшаго главу
 Благословеннаго порфира!

Повлекся, мглою окружень,
Притекъ, и буйной вдругъ измѣной
Ужъ воздвигалъ свой шаткѣй тронъ.
И палъ, отторженъ отъ вселенной.

Утихло все. Не мчится громъ,
Не блещетъ мечъ окровавленный,
И брань погибельнымъ крыломъ
Не мчится грозно надъ вселенной.

Хвала, о юноша-герой!
Съ героемъ дивнымъ Альбіона
Онъ вѣрныхъ велъ въ послѣдній бой
И метилъ за лиліи Бурбона.

Предъ нимъ мятежныхъ громъ гремѣлъ,
Текли вослѣдъ щиты кровавы;
Грозой онъ въ бранной мглѣ летѣлъ
И разливалъ блистанье славы!

Его текла младая кровь,
На немъ сіяетъ язва чести.
Вѣнчай, вѣнчай его, любовь!
Достойный былъ онъ воинъ мести!

[Наслѣдникъ принца Оранскій, въ послѣдствіи король нидерландскій Вильгельмъ II, послѣ сраженія при Ватерлоо, въ которомъ былъ раненъ, пріѣзжалъ въ Петербургъ въ декабрѣ 1815 г., для бракосочетанія съ в. княжною Анною Павловною. Обрученіе ихъ происходило 28 января, бракосочетаніе 9 февраля 1816 г., а 10 іюня молодые уже уѣхали изъ Петербурга. Въ честь ихъ происходили торжества въ столицѣ, а одинъ изъ праздниковъ данъ былъ въ Павловскѣ, въ розовомъ павильонѣ. По этому случаю императрица Марія Федоровна поручила Ю. А. Нелединскому-Мелецкому написать стихи; но устарѣвшій поэтъ, не надѣясь на свои силы, поѣхалъ въ Лицей, передалъ это порученіе Пушкину, которому далъ и главную мысль, а черезъ часъ или два уѣхалъ изъ Лицея уже со стихами. Праздникъ, состоявшій изъ представленія народныхъ фламандскихъ сценъ на лугу передъ павильономъ, описанъ въ «Северной Почтѣ» 1816, №№ 47 и 50, гдѣ, между прочимъ, говорится: «Группы поселянъ обоего пола производили пляски, игры и, соединясь, воспѣли хоръ, коимъ выражалась ихъ любовь къ храброму принцу, предмету сего праздника. Послѣ сего хора пѣты были куплеты въ честь великихъ успѣховъ его при знаменитой одержанной побѣдѣ. Изъ донесенія директора Лицея Е. А. Энгельгардта министру, на другой день послѣ этого праздника, видно, что стихи Пушкина пѣлись во время ужина и что за ничѣ Пушкинъ получилъ отъ государыни золотые часы съ цѣпочкою.]

КЪ НАТАШѢ.

(Горничной княжны Волкопекой).

Вянетъ, вянетъ лѣто красно.
 Улетаютъ ясны дни!
 Стелется туманъ ненастной
 Ночи въ дремлющей тѣни,
 Опустѣли злачны нивы,
 Хладенъ ручеекъ игривый.
 Лѣсъ кудрявый посѣдѣлъ,
 Сводъ небесный поблѣднѣлъ.

Свѣтъ-Наташа, гдѣ ты нынѣ?
 Что никто тебя не зреть?
 Иль не хочешь часъ единый
 Съ другомъ сердца раздѣлить?
 Ни надъ озеромъ волнистымъ,
 Ни подъ кровомъ липъ душистымъ
 Ранней, позднею порой
 Не встрѣчаюсь я съ тобой.

Скоро, скоро холодъ зимній
 Рошу, поле посѣтитъ;
 Огонекъ въ лачужкѣ дымной
 Скоро ярко заблеститъ;
 Не увижу я прелестной,
 И какъ чижикъ въ клѣткѣ тѣсной,
 Долго буду горевать
 И Наташу вспоминать.

ЖЕЛАНІЕ.

Медлительно влекутся дни мои,
 И каждый мигъ въ увядшемъ сердцѣ множить
 Всѣ горести несчастливой любви
 И тяжкое безуміе тревожить.
 Но я молчу; не слышенъ ропотъ мой.
 Я слезы лью... мнѣ слезы утѣшенье.

Моя душа, объятая тоской,
 Въ нихъ горькое находить наслажденье.
 О, жизни сонъ! лети, не жаль тебя!
 Исчезни въ тѣмб, пустое привидѣнье!
 Мнѣ дорого любви моей мученье,
 Пускай умру, но пусть умру — любя*!)

ОСЕННЕЕ УТРО.

Поднялся шумъ, свирѣлью полевой
 Оглашено мое уединенье,
 И съ милою любви моей мечтой
 Последнее исчезло сновидѣнье.
 Съ небесъ уже скатилась ночи тѣнь,
 Взошла заря, сіяетъ блѣдный день,
 А вокругъ меня глухое запустѣнье...
 Ужъ нѣтъ ея... Я былъ у береговъ,
 Гдѣ милая ходила въ вечеръ ясный;
 На берегу, на зелени луговъ
 Я не нашель чуть видимыхъ слѣдовъ,
 Оставленныхъ ногой ея прекрасной.
 Задумчиво бродя въ глуши лѣсовъ,
 Произносилъ я имя несравненной,
 Я звалъ ее — лишь гласъ уединенный
 Пустыхъ долинъ откликнулся вдали.
 Къ ручью пришелъ, мечтами привлеченный;
 Его струи медленно текли:
 Не трепеталъ въ нихъ образъ незабвенный.
 Ужъ нѣтъ ея!.. До сладостной весны
 Простился я съ блаженствомъ и съ душою;
 Ужъ осени холодною рукою
 Главы березъ и липъ обнажены;
 Она шумить въ дубравахъ опустѣлыхъ:
 Тамъ день и ночь кружится мертвый листъ,
 Стоитъ туманъ на волнахъ пожелтѣлыхъ
 И слышится мгновенный вѣтра свистъ.

*) Последний стихъ взятъ изъ стихотворенія Карамзина «Отставка»:
 Люблю, люблю, и пусть умру — любя!

Поля, холмы, знакомыя дубравы,
Хранители священной тишины,
Свидѣтели моей тоски, забавы!
Забыты вы... до сладостной весны!

РАЗЛУКА.

Когда пробилъ послѣдній счастью часъ,
Когда въ слезахъ надъ бездной я проснулся
И, трепетный, уже въ послѣдній разъ
Къ рукѣ твоей устами прикоснулся —
Да, помню все! я сердцемъ ужаснулся,
Но заглушалъ несносную печаль;
Я говорилъ: «Не вѣчная разлука
Всѣ радости уносить нынѣ вдаль.
Забудемся! въ мечтахъ потонетъ мука;
Уныніе, губительная скука
Пустынника пріютъ не посѣтятъ;
Мою печаль услодой муза встрѣтитъ;
Утѣшусь я, и дружбы тихій взглядъ
Души моей холодной мракъ освѣтитъ.»

Какъ мало я любовь и сердце зналъ!
Часы идутъ, за ними дни проходятъ,
Но горестямъ отрады не приводятъ
И не несутъ забвенія фіалъ.
О милая, повсюду ты со мною!
Но я унылъ и втайнѣ я грущу.
Блеснетъ ли день за синею горою,
Взойдетъ ли ночь съ осеннею луною —
Я все тебя, прелестный другъ, ищу.
Засну ли я — лишь о тебѣ мечтаю,
Одну тебя въ невѣрномъ вижу снѣ;
Задумаюсь — невольно призываю,
Заслущаюсь — твой голосъ слышенъ мнѣ.
Разсѣянный сажу между друзьями,
Невнятенъ мнѣ ихъ шумный разговоръ;
Гляжу на нихъ недвижными глазами,
Не узнаетъ ужъ ихъ мой хладный взоръ!

И ты со мной, о лира, приуныла,
 Наперсница души моей больной!
 Твоей струны печаленъ звонъ глухой
 И лишь любви ты голосъ не забыла...
 О, вѣрная, грусти, грусти со мной!
 Пускай твои небрежные напѣвы
 Изобразятъ уныніе мое,
 И слушая бряцаніе твое,
 Пускай вздохнуть задумчивыя дѣвы.

[Это стихотвореніе, такъ же, какъ и предыдущее, вызвано отъѣздомъ К. П. Бакунной изъ Царскаго Села въ Петербургъ. Для изданія 1826 г. оно было совершенно переделано Пушкинымъ, но потомъ вычеркнуто изъ рукописи. Вотъ эта переделка:

Уныніе.

Мой милый другъ, разстался я съ тобою;
 Душой уснувъ, безмолвно я грущу.
 Блеснетъ ли день за синею горою,
 Взойдетъ ли ночь съ осеннею луною,
 Я все тебя, далекій другъ, ищу:
 Одну тебя вездѣ воспоминаю,
 Одну тебя въ невѣрномъ вижу снѣ;
 Задумаюсь — невольно призываю,
 Заслушаюсь — твой голосъ слышенъ мнѣ.

И ты со мной, о лира, приуныла,
 Наперсница души моей больной!
 Твоей струны печаленъ звонъ глухой,
 И лишь тоски ты голосъ не забыла...
 О, вѣрная, грусти, грусти со мной!
 Пускай твои небрежные напѣвы
 Изобразятъ уныніе любви,
 И слушая бряцанія твои,
 Пускай вздохнуть задумчивыя дѣвы.]

ЭЛЕГИЯ.

Я думалъ, что любовь погасла навсегда,
 Что въ сердцѣ злыхъ страстей умолкнулъ гласъ мятежный,
 Что дружбы наконецъ отрадная звѣзда
 Страдальца довела до пристани надежной.
 Съ безпечной думою покоясь у береговъ,
 Ужъ издали смотрѣлъ, указывалъ рукою

На парусъ бѣдственныхъ пловцовъ,
 Носимыхъ гибельной грозою.
 Я говорилъ: стократъ блаженъ
 Чей вѣкъ, свободою прекрасный,
 Какъ вѣкъ весны промчался ясной
 И страстью не былъ омраченъ,
 Кто не страдалъ въ любви напрасной,
 Кому невѣдомъ страстный плѣнъ.
 Блаженъ! Но я счастливѣй болѣ,
 Я цѣпь мученій разорвалъ;
 Опять я дружбѣ — я на волѣ — *)
 И жизни сумрачное поле
 Веселый блескъ очаровалъ!
 О, что я говорилъ... Несчастный!
 Минуту я заснулъ въ невѣрной тишинѣ,
 Но мрачная любовь таилася во мнѣ,
 Не угасалъ мой пламень страстный...
 Весельемъ позванный въ толпу друзей моихъ
 Хотѣлъ на прежній ладъ настроить рѣзвѣ лиру,
 Хотѣлъ еще воспѣть преместницъ молодыхъ,
 Веселье, Вакха и Дельфиру.
 Напрасно!.. Я молчалъ; усталая рука
 Лежала томная на лирѣ непослушной,
 Я все еще горѣлъ, и въ грусти равнодушной
 На игры младости взиралъ издалека...
 Любовь, отравя нашихъ дней,
 Бѣги съ толпой обманчивыхъ мечтаній!
 Не сожигай души моей,
 Огонь мучительныхъ желаній!
 Летите, призраки... Амуръ, ужъ я не твой!
 Отдай мнѣ радости, отдай мнѣ мой покой...
 Брось одного меня въ безчувственной природѣ,
 Иль дай еще летать надежды на крылахъ,
 Позволь еще заснуть, и въ тягостныхъ цѣпяхъ
 Мечтать о сладостной свободѣ.

[Рум. Муз.]

*) Такъ въ рукописи.

ЭЛЕГИЯ.

Счастливъ, кто въ страсти самъ себѣ
 Безъ ужаса признаться смѣетъ,
 Кого въ невѣдомой судьбѣ
 Надежда робкая лелѣетъ,
 Кого луны туманный лучъ
 Ведетъ въ полночи сладострастной,
 Кому тихонько вѣрный ключъ
 Отворить дверь его прекрасной!

Но мнѣ въ унылой жизни нѣтъ
 Отрады тайныхъ наслажденій;
 Увяль надежды ранній цвѣтъ;
 Цвѣтъ жизни сохнетъ отъ мученій;
 Печально младость улетитъ
 И съ ней увянутъ жизни розы;
 Но я, любовью позабытъ,
 Любви не позабуду слезы.

НАСЛАЖДЕНІЕ.

Въ неволѣ скучной увидаешь
 Едва развитый жизни цвѣтъ,
 Украдкой младость отлетаетъ,
 И слѣдъ ея — печали слѣдъ!
 Съ минутъ безчувственныхъ рожденья
 До нѣжныхъ юношества лѣтъ,
 Я все не знаю наслажденья,
 И счастья въ томномъ сердцѣ нѣтъ!

Съ порога жизни въ отдаленье
 Нетерпѣливо я смотрѣлъ:
 Тамъ, тамъ, мечталъ я, наслажденье;
 Но я за призракомъ летѣлъ.
 Златыя крылья развивая,
 Волшебной, нѣжной красотой
 Любовь явилась молодая,
 И полетѣла предо мной.

Я мчался къ цѣли отдаленной,
 Но цѣли милой не достигъ!..
 Когда жъ весельемъ окрыленный,
 Настанетъ счастья быстрый мигъ?
 Когда въ сѣяньѣ возгорится
 Свѣтильникъ тусклый юныхъ дней,
 И мрачный путь мой озарится
 Улыбкой спутницы моей?

О К Н О.

Гдѣ міръ, одной мечтѣ послушный?
 Мнѣ настоящій опустѣлъ!
 На все взираю равнодушно;
 Дышать уныньемъ — мой удѣлъ.
 Напрасно лѣтнею порою
 Любовникъ рощицъ и луговъ
 Колышетъ розой полевою,
 Летя съ тѣнистыхъ береговъ;

Напрасно поздняя зарница
 Мерцаетъ въ темнотѣ ночной,
 Иль въ зыбкихъ облакахъ денница
 Разлита пламенной рѣкой,
 Иль день багряный вечерѣтъ,
 И тихо тмится небосводъ,
 И кленъ на мѣсяцѣ бѣлѣтъ,
 Склонясь на берегъ синихъ водъ...

Вчера, вечерней темнотою,
 Когда пустынная луна
 Текла туманною стезею,
 Я видѣлъ: дѣва у окна,
 Склонившись на руку, сидѣла;
 Дышала въ тайномъ страхѣ грудь;
 Съ волненьемъ дѣвица глядѣла
 На темный подъ холмами путь.

Я здѣсь! шепнули торопливо;
 И дѣва трепетной рукой

Окно открыла боязливо.
 Луна покрылась темнотой...
 Счастливец! молвилъ я съ тоскою,
 Тебя веселье ждетъ одно;
 Когда жъ вечернею порою
 И мнѣ откроется окно?

.....

М Ѣ С Я Ц Ъ.

Зачѣмъ изъ облака выходишь,
 Уединенная луна,
 И на подушки сквозь окна
 Сіянье тусклое наводишь?
 Явленьемъ пасмурнымъ своимъ
 Ты будишь грустныя мечтанья,
 Любви напрасныя страданья,
 И гордымъ разумомъ моимъ
 Чуть усыпленные желанья.
 Летите прочь, воспоминанья!
 Засни, несчастная любовь!
 Ужъ не бывать той ночи вновь,
 Когда спокойное сіянье
 Твоихъ таинственныхъ лучей
 Сквозь темный завѣсъ пронизало
 И блѣдно, блѣдно озаряло
 Красу любовницы моей.
 Почто, минуты, вы летѣли
 Тогда столь быстрой чередой,
 И тѣни легкія рѣдѣли
 Предъ неожиданной зарей?
 Зачѣмъ ты, мѣсяць, укатился
 И въ небѣ свѣтломъ утонулъ?
 Зачѣмъ лучъ утренній блеснулъ?
 Зачѣмъ я съ милою простился?..

НАДПИСЬ КЪ БЕСѢДКѢ.

Съ благоговѣйною душой
 Приблизься, путникъ молодой,
 Любви къ пустынному приюту!
 Здѣсь ею счастливъ былъ я разъ,
 Въ восторгѣ сладостномъ погасъ,
 И время самое для насъ
 Остановилось на минуту.

ЗАВѢЩАНІЕ.

Друзья, простите! завѣщаю
 Вамъ все, чѣмъ радъ и чѣмъ богатъ;
 Обиды, пѣсни — все прощаю,
 А мнѣ пускай долги простятъ.

КЪ НЕЙ.

Эльвина, милый другъ! приди, подай мнѣ руку!
 Я вяну, прекрати тяжелый жизни сонъ.
 Скажи, увижу ли? на долгую ль разлуку
 Любовникъ осужденъ?
 Ужели никогда на друга другъ не взглянетъ,
 Иль вѣчной темнотой покрыты дни мои?
 Ужели никогда насъ утро не застанетъ
 Въ объятіяхъ любви?
 Эльвина! почему въ часы глубокой ночи
 Я не могу тебя съ весельемъ обнимать,
 На милую стремить томленья полны очи
 И страстью трепетать?
 И въ радости нѣмой, въ восторгахъ упоенья,
 Твой шопотъ сладостный и томный стонъ внимать.
 И тихо въ скромной тѣмѣ для нѣги пробужденья
 Близъ милой засыпать?

СЛЕЗА.

(К. Л. Бакуниной).

Вчера за чашей пуншевою
 Съ гусаромъ я сидѣлъ,
 И молча съ мрачною душою
 На дальній путь глядѣлъ.

«Скажи, что смотришь на дорогу?»
 Мой храбрый спросилъ:
 «Еще по ней ты, слава Богу,
 Друзей не проводилъ.»

Къ груди поникнувъ головою,
 Я скоро прошепталъ:
 «Гусаръ, ужъ нѣтъ ея со мною!..»
 Вдохнулъ и замолчалъ.

Слеза повисла на рѣсницѣ
 И капнула въ бокаль.
 «Дитя! ты плачешь о дѣвицѣ;
 Стыдись!» — онъ закричалъ.

«Оставь, гусаръ! Ахъ, сердцу больно!..
 Ты, знать, не горевалъ!
 Увы! одной слезы довольно,
 Чтобъ отравить бокаль!»

ЭЛЕГИЯ.

Опять я вашъ, о юные друзья!
 Печальные сокрылись дни разлуки.
 И брату вновь простерлись ваши руки,
 Вашъ рѣзвый кругъ увидѣлъ снова я!
 Все тѣ же вы, но время ужъ не то же:
 Уже не вы душѣ всего дороже,
 Ужъ я не тотъ... Невидимой стезей
 Ушла пора веселости безпечной,

Навѣкъ ушла, и жизни скоротечной
 Лучъ утренній блѣднѣетъ надо мной.
 Отверженный судьбой несправедливой,
 И ласки музъ, и рѣзвость, и покой,
 Я все забылъ: печали молчаливой
 Рука лежитъ надъ юною главою.
 Чтобъ разогнать угрюмыя страданья,
 Напрасно вы несете лиру мнѣ:
 Минувшихъ дней погаснули мечтанья.
 И умеръ гласъ въ безчувственной струнѣ.
 Передъ собой одну печаль я вижу:
 Мнѣ скученъ мѣръ, мнѣ страшенъ дневный свѣтъ;
 Иду въ лѣса, въ которыхъ жизни нѣтъ,
 Гдѣ мертвый мракъ: я радость ненавижу;
 Во мнѣ застылъ ея минутный слѣдъ.
 Опали вы, листы вчерашней розы.
 Не доцѣли до завтрашнихъ лучей!
 Умчались вы, дни радости моей!
 Умчались вы — невольно льются слезы,
 И вяну я на темномъ утрѣ дней.
 О дружество, предай меня забвенью!
 Въ безмолвіи, покорствуя судьбамъ,
 Оставь меня сердечному мученью,
 Оставь меня пустынямъ и слезамъ!

~~~~~  
 * * *

Любовь одна веселье жизни хладной!
 Любовь одна мученіе сердець!
 Она даритъ одинъ лишь мигъ отрадный.
 А горестямъ не виденъ и конецъ.
 Стократъ блаженъ, кто въ юности прелестной
 Сей быстрый мигъ поймаетъ на лету,
 Кто къ радостямъ и нѣгѣ неизвѣстной
 Стыдливую преклонитъ красоту!

Но кто любви не жертвовалъ собою?
 Вы, чувствами свободные пѣвцы!
 Предъ милыми смирялись вы душою,
 Вы пѣли страсть — и гордою рукою
 Красавицамъ несли свои вѣнцы.

Слѣпой Амуръ, жестокой и пристрастный,
 Вамъ тернія и мирты раздавалъ;
 Съ пермесскими царицами согласный,
 Инымъ изъ васъ на радость указалъ,
 Другихъ на вѣкъ печальми связалъ,
 И въ даръ послалъ огонь любви несчастной.

Наслѣдники Тибулла и Парни!
 Вы знаете безцѣнной жизни сладость;
 Какъ утра лучъ, сіяютъ ваши дни.
 Пѣвцы любви, младую пойте радость!
 (клонивъ уста къ пылающимъ устамъ.
 Въ объятіяхъ любовницъ умирайте;
 Стихи любви тихонько вздыхайте!..
 Завидовать уже не смѣю вамъ.

Пѣвцы любви, вы вѣдали печали!
 И ваши дни по терніямъ текли;
 Вы свой конецъ съ волненіемъ призывали;
 Пришелъ конецъ, и въ жизненной дали
 Не зрѣли вы минутную забаву;
 Но не нашедъ блаженства вашихъ дней,
 Вы встрѣтили, по крайней мѣрѣ, славу —
 И мукою безсмертны вы своей!

Не тотъ удѣлъ судьбою мнѣ назначенъ:
 Подъ сумрачнымъ навѣсомъ облаковъ,
 Въ глуши долинъ, въ печальной тьмѣ лѣсовъ,
 Одинъ, одинъ брожу уныль и мраченъ.
 Въ вечерній часъ, надъ озеромъ сѣдымъ,
 Въ тоскѣ, слезахъ, нерѣдко я стенаю;
 Но ропотъ волнъ стenanіямъ моимъ
 И шумъ дубравъ въ отвѣтъ лишь я внимаю.

Прервется ли души холодный сонъ,
 Позіи зажжется ль упоенье —
 Родится жаръ, и тихо стынеть онъ:
 Бесплодное проходитъ вдохновенье.
 Пускай она прославится другимъ;
 Одинъ люблю — онъ любить и любимъ!..
 Люблю, люблю!.. Но къ ней ужъ не коснется
 Страдальца гласъ; она не улыбнется

Его стихамъ небрежнымъ и простымъ.
 Къ чему мнѣ пѣть? Подъ кленомъ полевымъ
 Оставилъ я пустынному зефиру
 Ужъ навсегда покинутую лиру —
 И слабый даръ какъ легкій скрылся дымъ.

[Начало этого стихотворенія представляетъ подражаніе IV элегіи Парни.
 Ср. «Отрывки изъ поэмы» 1823 г.]

ПОДРАЖАНІЕ.

Элегія.

Я видѣлъ смерть; она безмолвно сѣла
 У мирнаго порога моего.
 Я видѣлъ гробъ; открылась дверь его:
 Душа, померкнувъ, охладѣла...
 Покину скоро я друзей,
 И жизни горестной моей
 Никто слѣдовъ ужъ не примѣтитъ;
 Послѣдній взоръ моихъ очей
 Луча безсмертія не встрѣтитъ,
 И погасающій свѣтильникъ юныхъ дней
 Ничтожества спокойный мракъ освѣтитъ.
 Прости, печальный міръ, гдѣ темная стезя
 Надъ бездной для меня лежала,
 Гдѣ вѣра тихая меня не утѣшала,
 Гдѣ я любилъ, гдѣ мнѣ любить нельзя!
 Прости, свѣтило дня, прости, небесъ завѣса,
 Нѣмая ночи мгла, денницы сладкій часъ,
 Знакомые холмы, ручья пустынный гласъ,
 Безмолвіе таинственнаго лѣса,
 И все — прости въ послѣдній разъ!
 А ты, которая была мнѣ въ мірѣ богомъ,
 Предметомъ тайныхъ слезъ и горестей залогомъ.
 Прости! минуло все, ужъ гаснетъ пламень мой,
 Сожу я въ хладную могилу
 И смерти сумракъ роковой
 Съ мученьями любви покроетъ жизнь унылу!

А вы, друзья, когда лишенный силъ,
 Едва дыша въ болѣзненномъ бореньѣ,
 Скажу я вамъ: «о други, я любилъ!»
 И тихій духъ умереть въ изнеможеньѣ,
 Друзья мои, тогда, тогда подите къ ней;
 Скажите: взять онъ вѣчной тьмою;
 И, можетъ быть, объ участи моей
 Она вздохнетъ надъ урной гробовою!

ДРУЗЬЯМЪ.

Богами вамъ еще даны
 Златые дни, златыя ночи,
 И томныхъ дѣвъ устремлены
 На васъ внимательныя очи.
 Играйте, пойте, о друзья!
 Утратьте вечеръ скоротечный:
 И вашей радости безпечной
 Сквозь слезы улыбнуса я*).

ПРОВУЖДЕНІЕ.

Мечты, мечты!
 Гдѣ вапа сладость?
 Гдѣ ты, гдѣ ты,
 Ночная радость?

* В первоначальной редакціи это стихотвореніе начиналось слѣдующими стихами:

Къ чему, веселые друзья,
 Мое тревожить васъ молчанье?
 Запѣвъ послѣднее прощанье,
 Ужъ муза смолкнула моя.
 Напрасно лиру вялъ я въ руки
 Бряцать веселье на пирахъ,
 И на ослабленныхъ струнахъ
 Искать потерянные звуки.
 Богами вамъ еще даны
 Златые дни, златыя ночи,
 И на любовь устремлены
 Огнемъ исполненныя очи!
 Играйте, пойте, о друзья! и проч.

Исчезнулъ онъ,
 Веселый сонъ,
 И одинокій
 Во тьмѣ глубокой
 Я пробужденъ.
 Кругомъ постели
 Нѣмая ночь;
 Вмигъ охладѣли,
 Вмигъ улетѣли
 Толпою прочь
 Любви мечтанья.
 Еще полна
 Душа желанья
 И ловить сна
 Воспоминанья.
 Любовь, любовь,
 Внемли моленья:
 Пошли мнѣ вновь
 Свои видѣнья;
 И поутру,
 Вновь упоенный,
 Пускай умру
 Не пробужденный.

18 марта.

~~~~~

П Ѣ В Е Ц Ъ .

Слышали ль вы за рощей гласъ ночной
 Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
 Когда поля въ часъ утренній молчали,
 Свирѣли звукъ унылый и простой
 Слышали ль вы?

Встрѣчали ль вы въ пустынной тьмѣ лѣсной
 Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
 Слѣды ли слезъ, улыбку ль замѣчали,
 Иль тихій взоръ, исполненный тоской?
 Встрѣчали ль вы?

Вдохнули ль вы, внимая тихій гласъ
 Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
 Когда въ лѣсахъ вы коношу видали,
 Встрѣчая взоръ его потухшихъ глазъ,
 Вдохнули ль вы?

[Напечатано въ «Денницѣ» 1831, съ музыкой А. П. Верстовскаго.]

А. А. ШИШКОВУ *).

Шалунъ, увѣнчанный Эратой и Венерой,
 Ты ль узника манишь въ владѣнія свои,
 Въ помѣстье мирное межъ Пиндомъ и Цитерой,
 Гдѣ нѣжился Тибулъ, Мелецкій и Парни?
 Тебѣ, балованный питомецъ Аполлона,
 Съ ихъ лирой соглашать игривую свирѣль:
 Веселье рѣзвое и нимфы Геликона
 Твою счастливую качали колыбель.
 Друзей любить открытою душою,
 Въ молчаньѣ чувствовать, плѣняться красотою:
 Вотъ жребій мой; ему я слѣдовать готовъ;
 Но, милый, сжался надо мною,
 Не требуй отъ меня стиховъ!
 Не вѣчно нѣжиться въ пріятномъ ослѣпленьѣ:
 Докучной истины я поздній вижу свѣтъ,
 По добротѣ души я вѣрилъ въ упоеньѣ
 Мечтѣ, шепнувшей: ты поэтъ,
 И презря мудрые угрозы и совѣты,
 Съ небрежной лѣнностью нанизывалъ куплеты,
 Игрушкою себя невинной веселилъ;
 Угодникъ Бахуса, я трезвый межъ друзьями,
 Бывало, пѣлъ вино водяными стихами;
 Мечтательныхъ Доридъ и славиль, и бранилъ,
 Иль дружбѣ плель вѣнокъ, и дружество зѣвало,

*) Александръ Александровичъ Шишковъ 2-й, племянникъ адмирала, перевелъ стихами нѣсколько нѣмецкихъ драмъ и издалъ двѣ книжки своихъ стихотвореній: «Восточная лютня» (1824) и «Опыты» (1828). Ум. въ 1833 г.

И сонные стихи въ просонкахъ величало.
 Но долго ли меня лелѣялъ Аполлонъ?
 Душѣ наскучили парнасскія забавы;
 Недолго снались мнѣ мечтанья музъ и славы:
 И строгимъ опытомъ неволью пробуждень,
 Уснувъ межъ розами, на тернахъ я проснулся,
 Увидѣлъ, что еще не генія печать
 Охота смертная на приемахъ лепетать,
 Сравнивъ стихи твои съ моими, улыбнулся —
 И полно мнѣ писать!

БОЖЕ, ЦАРЯ ХРАНИ.

Боже, царя храни!
 Славному долги дни
 Дай на земли;
 Гордыхъ смирителю,
 Слабыхъ хранителю,
 Всѣхъ утѣшителю
 Все ниспошли.

Тамъ—громкой славою,
 Сильной державою
 Миръ онъ покрылъ;
 Здѣсь—безмятежною
 Сѣнью надежною,
 Благостью нѣжною
 Насъ осѣнилъ.

Брани въ ужасный часъ
 Мощно хранила насъ
 Вѣрная длань;
 Глазъ умиленія,
 Благодаренія —
 Сердца стремленія —
 Вотъ наша дань!

[Написано къ празднованію дня основанія Лицея, 19 октября, и было про-
 пѣто воспитанниками на голосъ англійскаго гимна «God save the King», въ по-

дражаніе которому и составлено. Первая строфа этого стихотворенія принадлежит Жуковскому и была напечатана въ «Сынѣ Отеч.» 1815, № 48, подъ заглавіемъ: «Молитва русскихъ». Пушкинъ приписалъ къ ней еще двѣ строфы, а два года спустя и Жуковскій дополнилъ свой гимнъ для публичнаго экзамена воспитанниковъ спб. гимназій].

ПИСЬМО КЪ В. Л. ПУШКИНУ.

Тебѣ, о Несторъ Арзамаса,
 Въ бояхъ воспитанный поэтъ,
 Опасный для пѣвцовъ сосѣдъ
 На страшной высотѣ Парнаса,
 Защитникъ вкуса, грозный Вотъ!
 Тебѣ, мой дядя, въ новый годъ
 Веселья прежняго желанье,
 И слабый сердца переводъ—
 Въ стихахъ и прозою посланье.

Въ письмѣ вашемъ вы назвали меня братомъ; но я не осмѣлился назвать васъ этимъ именемъ, слишкомъ для меня лестнымъ.

Я не совѣмъ еще разсудокъ потерялъ
 (Отъ риѣмъ бакхическихъ патаюсь на Пегасѣ:
 Я знаю самъ себя, хоть радъ, хотя не радъ...
 Нѣтъ, нѣтъ, вы мнѣ совѣмъ не братъ:
 Вы дядя мой и на Парнасѣ.

Итакъ, любезнѣйшій изъ всѣхъ дядей-поэтовъ здѣшняго міра, можно ли мнѣ надѣяться, что вы простите девятымъсячную беременность пера лѣнивѣйшаго изъ поэтовъ-племянниковъ?

Да, каюсь я; конечно, передъ вами
 Совѣмъ не правъ пустынный-риѣмоплетъ:
 Онъ въ лѣности сравнится лишь съ богамъ;
 Онъ виноватъ и прозой, и стихами,
 Но старое забудьте въ новый годъ.

Кажется, что судьбою опредѣлены мнѣ только два рода писемъ—общительныя и извинительныя: первыя въ началѣ

годовой переписки, а послѣднія при послѣднемъ ея издыханіи. Къ тому же примѣтилъ я, что и всѣ они состоятъ изъ двухъ посланій; это мнѣ кажется непростительно.

Но вы, которые умѣли
 Простыми пѣснями свирѣли
 Красавицъ нашихъ воспѣвать,
 И съ гнѣвной музой Ювенала
 Глухого варварства начала
 Сатирой грозной осмѣять,
 И мучить бѣднаго Ослова *)
 Священнымъ Феба языкомъ,
 И лобъ угрюмый Шутовскова **)
 Клеймить единственнымъ стихомъ!
 О вы, которые умѣли
 Любить, обѣдать и писать —
 Скажите искренно—ужели
 Вы не умѣете прощать?

Напомню о себѣ моимъ незабвеннымъ; не имѣю больше времени; но... надобно ли еще обѣщать? Простите вы всѣ, которыхъ любить мое сердце, и которые любите еще меня.

Шольё Андреевичъ ***), конечно,
 Меня забылъ давнымъ-давно;
 Но я люблю его сердечно,
 За то, что любить онъ безопасно
 И пѣть, и пить свое вино,
 И надъ всемірными глупцами
 Своими рѣзвыми стихами
 Смѣется, право, пресмѣшно.

(Конецъ декабря).

[Пушкинъ отвѣчаетъ на письмо дяди отъ 17 апрѣля (см. «Складчяву» 1874, стр. 366), гдѣ В. Л. говоритъ: «ты братъ мнѣ по Аполлону». — Вотъ было прозвище Василья Львовича въ «Арзамасскомъ Обществѣ», въ которое въ октябрѣ слѣдующаго года принять и племянникъ, но былъ тамъ только одинъ разъ, причемъ, по обычаю общества, произнесъ вступительную рѣчь александрійскими

*) А. С. Шишковъ.

**) Кн. А. А. Шаховской.

***) Князь П. А. Вяземскій.

стихами. П. И. Бартенева сообщает сохранившееся въ памяти кн. Вяземскаго начало этой рѣчи (А. С. Пушкинъ, гл. 3, стр. 14):

Вѣнецъ желаніямъ! итакъ, я вижу васъ,
 О други свѣтлыхъ музъ, о дивный Арзамасъ!
 .....
 Гдѣ славилъ нашъ Тиртей «кисель» и Александра,
 Гдѣ смерть Захарову пророчила Кассандра.

Тиртеемъ названъ Жуковскій и указано его стихотвореніе: «Овсяный кисель». Послѣдній стихъ поясняется обыкновеніемъ Арзамаса говорить надгробныя похвальные слова мнимымъ мертвецамъ изъ членовъ враждебнаго ему общества «Бесѣды любителей росс. слова». Случилось, что черезъ нѣсколько дней послѣ подобной рѣчи Кассандры (гр. Д. Н. Блудовъ) мнимый покойникъ Захаровъ дѣйствительно умеръ.

Въ «Арзамасскомъ Обществѣ» Пушкину дано было прозвище: Сверчокъ, заимствованное изъ 5-й строфы «Свѣтланы» Жуковскаго:

Съ трескомъ вспыхнулъ огонекъ,
 Крикнулъ жалобно сверчокъ,
 Вѣстникъ полуночи...

Такое прозвище выбрано было потому, что Пушкинъ, по выраженію одного изъ арзамасцевъ, «въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ Петербурга, спрятанный въ стѣнахъ Лицея, прекрасными стихами уже подавалъ оттуда свой звонкій голосъ». См. Моск. Вѣд. 1855, № 142.]

КЪ ПИСЬМУ.

Въ немъ радости мои; когда померкну я,
 Пускай оно груди безчувственной коснется:
 Быть можетъ, милые друзья,
 Быть можетъ, сердце вновь забьется.

ЭПИГРАММЫ.

* *
 *

«Скажи, что новаго? — Ни слова.
 «Не знаешь ли, гдѣ, какъ и кто?»
 — О братецъ! отвяжись: я знаю только то,
 Что ты дуракъ, но это ужъ не ново.

* *
*

Больны вы, дядюшка? Нѣтъ мочи,
Какъ безпокоюсь я! три ночи,
Повѣрите, глазъ я не смыкалъ!
— Да, слышалъ, слышалъ: въ банкъ игралъ.

Твой и мой.

Богъ вѣсть, за что философы, пѣнты
На твой и мой давнымъ-давно сердиты.
Не спорю я съ ученой ихъ толпой,
Но потакать и вѣрить имъ не смѣю.
Что, ежели бъ ты не была моею?
Что, ежели бъ я не былъ, Ниса, твой?

Экспромтъ на А.

Въ молчаньѣ предъ тобой сижу.
Напрасно чувствую мученье,
Напрасно на тебя гляжу:
Того ужъ вѣрно не скажу,
Что говоритъ воображенье.

На Пучкову.

1.

Зачѣмъ кричишь ты, что ты дѣва
На каждомъ дѣвственномъ стихѣ?
О, вижу я, пѣвица Ева,
Хлопочешь ты о женихѣ.

2.

Пучкова, право, не смѣшна:
Перомъ содѣйствуетъ она
Благотворительнымъ газетъ недѣльныхъ видамъ,
Хоть въ смѣхъ читателямъ, да въ пользу инвалидамъ.

3.

Зачѣмъ объ инвалидной долѣ
Моя Пучкова такъ тужить?
Она сама въ прелестномъ полѣ
Вѣдь заслуженный инвалидъ.

[Катерина Наумовна Пучкова въ 1812 г. напечатала свои «Первые опыты въ прозѣ», а затѣмъ стала помѣщать стихотворенія въ «Росс. Музеумъ», «Рус. Инвалидъ» и другихъ журналахъ. Объясненіемъ первой эпиграммы служить экспромптъ, напечатанный Пучковою въ «Инвалидѣ» 1816, № 277, по поводу обращенныхъ къ ней упрековъ, что она не написала стиховъ на кончину Державина:

Дѣвѣ ли робкой
Арфой невзвучной
Славному барду
Пѣснь погребальну,—
Дѣвѣ ль бряцать? и т. д.]

Надпись на мой портретъ.

Не бойся, Глазуновъ, ты моего портрета:
Онъ скоро съ рукъ сойдетъ, хоть я не генераль.
Къ чему лишь говорить, что онъ портретъ поэта?
Карикатурой ты давно бъ его продалъ.

На Кюхельбекера.

Вотъ Виля — онъ любовью дышетъ,
Онъ пѣсни пишетъ зло;
Какъ Геркулесъ сатиры пишетъ,
Влюбленъ, какъ Буало.

Она.

«Печаленъ ты, признайся, что съ тобой?»
Люблю, мой другъ! «Но кто жъ тебя плѣвила!»
Она. «Да кто жъ, Глицера ль, Хлюя, Лиля?»
О, нѣтъ! «Кому жъ ты жертвуешь душой?»
Ахъ, ей! «Ты скромнень, другъ сердечный:
Но почему жъ ты столько огорченъ?
И кто виной? Супругъ, отецъ, конечно...»
Не то, мой другъ! «Но что жъ?» Я ей не онъ!

Эпитафія.

Покойникъ Клитъ въ раю не будетъ:
Творилъ онъ тяжкіе грѣхи.
Пусть Богъ дѣла его забудеть,
Какъ свѣтъ забылъ его стихи.

На лицейскаго дядьку Сазонова, оказавшагося убійцей.

Завтра съ свѣчкой грошевою
Явлюсь предъ образомъ святымъ.
Мой другъ! остался я живымъ,
Но былъ ужъ смерти подъ косою:
Сазоновъ былъ моимъ слугою,
А Пешель — лѣкаремъ моимъ!

1817.

КЪ МОЛОДОЙ ВДОВѢ.

Дила, другъ мой неизмѣнный!
Почему сквозь тонкій сонъ
Наслажденьемъ утомленный,
Слышу я твой тихій стонъ?
Почему, когда сгораю
Въ нѣгѣ пламенной любви,
Иногда я примѣчаю
Слезы тайныя твои?
Ты разсѣянно внимаешь
Рѣчи пламенной моеи,
Хладно руку пожимаешь,
Хладенъ взоръ твоихъ очей...
О, безцѣнная подруга!
Вѣчно ль слезы проливать?
Вѣчно ль мертваго супруга
Изъ могилы вызывать?
Вѣрь мнѣ: узниковъ могилы
Безпробуденъ хладный сонъ;
Имъ не милъ ужъ голосъ милый,
Не прискорбенъ скорби стонъ.
Не для нихъ весенни розы,
Сладость утра, шумъ пировъ,
Дружбы искреннія слезы,
И любовницъ робкій зовъ!
Рано другъ твой незабвенный
Вздохомъ смерти воздохнулъ,

И блаженствомъ упоенный,
 На груди твоей уснуль.
 Спать увѣнчанный счастливецъ!
 Вѣрь любви, невинны мы.
 Нѣтъ, разгнѣванный ревнивецъ
 Не придетъ изъ вѣчной тьмы!
 Тихой ночью громъ не грянетъ,
 И завистливая тѣнь
 Близъ любовника не станетъ,
 Вызывая спящій день!

КЪ ЖУКОВСКОМУ.

Благослови, поэтъ! Въ тиши парнасской сѣни,
 Я съ трепетомъ склонилъ предъ музами колѣни,
 Опасною тропой съ надеждой полетѣль,
 Мнѣ жребій вынулъ Фебъ — и лира мой удѣль.
 Страхусь, неопытный, безславнаго пареня,
 Но пылкаго смирить не въ силахъ я влеченя.
 Не грозный приговоръ на гибель внемлю я:
 Сокрытаго въ вѣкахъ священный судія,
 Стражъ вѣрный прошлыхъ лѣтъ, наперсникъ музъ любимый
 И блѣдной зависти предметъ неколебимый, *)
 Привѣтливимъ меня вниманьемъ ободрилъ;
 И Дмитревъ слабый даръ съ улыбкой похвалилъ,
 И славный старецъ нашъ, царей пѣвецъ избранный,
 Крылатымъ геніемъ и граціей вѣнчанный, **)
 Въ слезахъ обнялъ меня дрожащею рукой
 И счастье мнѣ предрекъ, незнаемое мной.
 И ты, природою на пѣсни обреченный,
 Не ты ль мнѣ руку далъ въ завѣтъ любви священной?

*) Карамзинъ.

**) Державинъ. Ср. «Онѣгина», гл. VIII, строфа 2:

Старикъ Державинъ насъ замѣтилъ
 И, въ гробъ сходя, благословилъ.
 И Дмитревъ не былъ намъ хулитель,
 И быта русскаго хранитель,
 Скрижалъ оставя, намъ внималъ
 И музу робкую ласкалъ.

Могу ль забыть я часъ, когда передъ тобой
 Безмолвный я стоялъ, и молнійной струей
 Душа къ возвышенной душѣ твоей летѣла
 И, тайно сѣдичаясь, въ восторгахъ пламенѣла?
 Нѣтъ, нѣтъ, рѣшился я безъ страха въ трудный путь!
 Отважной вѣрою исполнилася грудь.
 Творцы безсмертные, питомцы вдохновенья!
 Вы цѣль мнѣ кажете въ туманахъ отдаленья:
 Лечу къ бозвѣстному отважною мечтой,
 И, мнится, геній вашъ промчался надо мною.

Но что? Подъ грозною парнасскою скалою
 Какое зрѣлище открылось предо мною?
 Въ ужасной темнотѣ пещерной глубины.
 Вражды и зависти угрюмые сыны,
 Возвышенныхъ творцовъ зоицы записныя,
 Сидятъ безсмыслицы дружины боевыя.
 Далеко дикихъ лиръ несется рѣзкій вой:
 Варяжскіе стихи визжитъ варяговъ строй:
 Смѣхъ общій—имъ отвѣтъ надъ мрачными толпами.
 Ко мнѣ два призрака склонились главами:
 Одинъ *) на груди сѣлъ и прозы, и стиховъ,
 Тяжелые плоды полуночныхъ трудовъ.
 Усопшихъ одъ, поэмъ забвенныя могилы!
 Съ улыбкой внемлетъ вой стопослагатель хилый:
 Предъ нимъ растерзанный стонаетъ Телемахъ.
 Желѣзное перо скрипитъ въ его перстахъ.
 И тянетъ за собой гексаметры сухіе.
 Спондеи жесткіе и дактили тугіе.
 Ретивой музою прославленный нѣвецъ!
 Гордись, ты Мевія надутый образецъ!
 Но кто другой, въ дыму безумнаго куренья,
 Стоитъ среди толпы друзей непросвѣщенъ?
 Торжественной хвалы къ нему несется шумъ,
 А онъ — онъ риѣмою попрасть и вкусъ, и умъ.
 Ты ль это, слабое дитя чужихъ уроковъ.
 Завистливый гордецъ, холодный Сумароковъ.
 Безъ силы, безъ огня, съ посредственнымъ умомъ,
 Предразсужденіямъ обязанный вѣнцомъ,
 И съ Пинда сброшенный и проклятый Расиномъ?

*) Тредьяковскій.

Ему ли, карлику, тягаться съ исполиномъ?
 Ему ль оспаривать тотъ лавровый вѣнецъ,
 Въ которомъ возблистала безсмертный напѣтъ пѣвецъ,
 Веселье россиянь, полунощное диво? *)
 Нѣтъ, въ тихой Леть онъ потонетъ молчаливо!
 Ужъ на челѣ его забвенія печать.
 Предбудущимъ вѣкамъ что могъ онъ передать?
 Страхилась грація цинической свирѣли,
 И переты грубыя на лиръ костевѣли.
 Пусть будетъ Мевіемъ въ рѣчахъ превознесень;
 Явится Дебрео — исчезнетъ Шанелень.
 И что жъ? Всегда смѣшнымъ останется смѣшное,
 Невѣжду постуетъ невѣжество слѣное;
 Оно сокрыло ихъ во мрачный свой пріютъ.
 Тамъ прозу и стихи отважно все куютъ,
 Тамъ все враги наукъ, все глухи, лишь не вѣмы:
 Тѣ слогомъ Никола печатаютъ поэмы,
 Одни славянскихъ одъ громады громоздятъ,
 Другіе въ бѣшеныхъ трагедіяхъ хрипятъ;
 Тотъ, вѣрный своему митежному союзу,
 На сцену возведи зѣвающую музу,
 Безсмертныхъ геніевъ сорвать съ Парнаса мнитъ:
 Рука содрогнулась, ударъ его скользнуть.
 Вотще бросается съ завистливымъ княжаломъ:
 Куплетомъ раненъ онъ, низверженъ въ прахъ журналомъ.
 При свистахъ критики къ собратьямъ онъ бѣжитъ,
 И маковый вѣнецъ Оеппеу ими свить.
 Все, руку положивъ на томъ Телемахида,
 Клянучея отомстить сотрудинокъ обиды.
 Волнуясь, встаютъ неистовой толпой.
 Вѣда, кто въ свѣтъ рожденъ съ чувствительной душой,
 Кто тайно могъ плѣнить красавицъ вѣжливой лирой,
 Кто смѣло просвисталъ шутивою сатирой,
 Кто выражается правдивымъ языкомъ,
 И русской глупости не хочетъ бить челомъ!
 Онъ врагъ отечества, онъ сѣятель разврата,
 И рѣчи сыплется дождемъ на суностата. **)

*) Ломоносовъ.

**) «Всѣгда любителей русскаго слова», съ которою полемизировалъ и надъ которою потѣшался «Арамасъ».

И вы возстаньте же, парнасскіе жрецы,
 Природой и трудомъ воспитанны пѣвцы!
 Въ счастливой ереси и вкуса, и ученя,
 Разите дерзостныхъ друзей непросвѣщенных!
 Отмститель генія, другъ истины — поэтъ!
 Ліющая съ небесъ и жизньъ, и вѣчный свѣтъ,
 Стрѣлою гибели десница Аполлона
 Сражаетъ наконецъ ужаснаго Пиеона.
 Смотрите! пораженъ враждебными стрѣлами,
 Съ потухшимъ факеломъ, съ недвижными крылами,
 Къ вамъ Озерова духъ взываетъ, други, мечь! *)
 Вамъ оскорбленный вкусъ, вамъ знанья дали вѣсть.
 Летите на враговъ — и Фебъ, и музы съ вами!
 Разите варваровъ кровавыми стихами:
 Невѣжество, смирясь, потупить хладный взоръ;
 Спѣсивыхъ риторовъ безграмотный соборъ...
 Но вижу, возвѣщать намъ истины опасно:
 Ужь Мевій на меня нахмурился ужасно,
 И смертный приговоръ талантамъ возгремѣлъ.
 Гоненія терпѣть ужель и мой удѣлъ?
 Что нужды? Смѣло въ даль дорогою прямою:
 Ученью руку давъ, поддержанный тобою,
 Ихъ злобы не страшусь; мнѣ твердый Карамзинъ,
 Мнѣ ты примѣръ! что крикъ безумныхъ сихъ дружинъ?
 Пускай бесѣдуютъ отверженные Феба:
 Имъ прозы, ни стиховъ не посланъ даръ отъ неба;
 Ихъ слава — имъ же стыдъ, творенья — смѣхъ уму.
 И въ тѣмъ возникшіе низвергнутся во тѣму.

---

*) Владиславъ Александровичъ Озеровъ (1770—1816), авторъ «Эдипа въ Афинахъ», «Дмитрія Донскаго» и пр., отъ служебныхъ и литературныхъ огорченій помѣшался и умеръ 5 сент. 1816 г. въ своей тверской деревнѣ. Особенно удручающимъ образомъ подѣйствовалъ на него неусѣхъ его трагедіи «Поликсена», представленной въ 1811 г. Жуковскій, въ своемъ посланіи кн. Вяземскому и В. Пушкину (1814) также упоминаетъ объ Озеровѣ: «Потомство грозное, отмщенья!» (Соч., изд. 1878, I, 336—337). По словамъ кн. П. А. Вяземскаго (Соч., I, 55), Пушкинъ Озерова не любилъ, не признавалъ въ немъ никакого дарованія, критиковалъ въ немъ и трагика, и стихотворца, и никакъ не хотѣлъ признать его романтикомъ.

ДЕЛЬВИГУ.

Любовью, дружествомъ и лѣнью
 Укрытый отъ заботъ и бѣдъ,
 Живи подъ ихъ надежной сѣнью:
 Въ уединеніи ты счастливъ, ты поэтъ!
 Наперенику боговъ не страшны бури злыя;
 Надъ нимъ ихъ промыселъ выеокій и святой;
 Его балакаютъ Камени молодые,
 И съ перетомъ на устахъ хранятъ его покой.
 О милый другъ, и мнѣ богини пѣнопѣнья
 Еще въ младенческую грудь
 Влили искру вдохновенья
 И тайный указали путь.
 И мирныхъ звуковъ наслаждены
 Младенцемъ чувствовать умѣлъ,
 И лира стала мой удѣлъ.
 Но гдѣ же въ минуты упоенья,
 Неизгнанный сердца жаръ,
 Одушевленный трудъ и слезы вдохновенья?
 Какъ дымъ печезъ мой легкій даръ!
 Какъ рано зависти привлекъ я взоръ кровавый
 И злобной клеветы невидимый кинжалъ!
 Нѣтъ, нѣтъ, ни счастьемъ, ни славой,
 Ни гордой жаждою похвалъ.
 Не буду увлеченъ! Въ бездѣйствіи счастливомъ
 Забуду милыхъ музъ, мучительницъ моихъ;
 Но, можетъ быть, вздохну въ восторгѣ молчаливомъ,
 Внимая звуку струнъ твоихъ.

СТАНСЫ.

(Изъ Волтера.)

Ты мнѣ велишь пылать душою:
 Отдай же мнѣ минувши дни,
 И мой развѣтъ соедини
 Съ моею вечернею зарею.

Мой вѣкъ невидимо проходитъ;
 Изъ круга смѣховъ и харитъ

Ужъ время скрыться мнѣ велить
И за руку меня выводитьъ.

Предъ нимъ смириться должно намъ:
Кто примѣняться не умѣетъ
Къ своимъ премѣнчивымъ годамъ.
Тотъ горестъ ихъ одну имѣетъ.

Счастливымъ рѣзвымъ, молодымъ,
Оставимъ страсти, заблужденья;
Живемъ мы въ мѣрѣ два мгновенья —
Одно разсудку отдадимъ.

Ужель навѣкъ вы убѣжали,
Любовь, мечтанья первыхъ дней;
Вы, услаждавшія печали
Минутной младости моей?

Намъ должно дважды умирать.
Проститься съ сладостнымъ мечтаньемъ:
Вотъ смерть ужасная страданьемъ!
Что значить послѣ — не дышать? *)

На сумрачномъ моемъ закатѣ,
Среди вечерней темноты,
Такъ сожалѣлъ я объ утратѣ
Обмановъ сладостной мечты!

Тогда на голосъ мой унылый
Мнѣ дружба руку подала:
Она любви подобна милой
Въ одной лишь нѣжности была.

Я ей принесъ увядши розы
Веселыхъ юношества дней,
И вслѣдъ пошелъ — но лилъ я слезы
Что могъ идти вслѣдъ лишь ей!

[Довольно близкій переводъ стихотворенія Вольтера: A madame Duchatelet.]

*) Смысль этихъ темныхъ стиховъ объясняется соответствующими имъ въ подлинникѣ:

On meurt deux fois, je le vois bien:
Cesser d'aimer et d'être aimable,
C'est une mort insupportable,
Cesser de vivre — ce n'est rien!

СНОВИДѢНІЕ.

(Изъ Вольтера)

Недавно, обольщенъ прелестнымъ сновидѣньемъ,
 Въ вѣнцѣхъ сіяющемъ, царемъ я зрѣлъ себя;
 Мечталось, я любилъ тебя,
 И сердце билось наслажденьемъ.
 Я страсть у ногъ твоихъ въ восторгахъ изъявлялъ...
 Мечты, ахъ, отчего вы счастья не продлили?
 Но боги не всего теперь меня лишили:
 Я только царство потерялъ.

[Мадригаль этотъ, написанный принцессою Ульрикою, сестрою Фридриха Великаго, впоследствии супругою шведскаго короля Адольфа, переведенъ на русскій языкъ П. Сумароковымъ, кн. Хованскимъ, Пелединскимъ-Мелецкимъ и, наконецъ, Пушкинымъ. Сравненію этихъ переводовъ и библиографическимъ по поводу ихъ указаніямъ С. д. Полторацкій посвятилъ особую брошюру: «Русскіе переводчики Вольтера» (М. 1858), составляющую 1-й выпускъ его «Матеріаловъ для словаря русскихъ писателей».]

ПИСЬМО КЪ ЛИДѢ.

(Переводъ Ларин.)

Лишь благосклонный мракъ раскинетъ
 Надъ нами тихій свой покровъ,
 И время къ полночи придвинетъ
 Стрѣлу медлительныхъ часовъ,
 Въ счастливой тишинѣ природы,
 Когда не спитъ одна любовь,
 Тогда моей темницы вновь
 Покину я нѣмые своды...
 Летучихъ остальныхъ минутъ
 Мнѣ слишкомъ тягостна потеря;
 Но скоро Аргусы заснутъ,
 Замкамъ предательнымъ повѣря,
 И я въ обители твоей!..
 По скорой поступи моей,
 По сладострастному молчанью,
 По смѣлымъ, трепетнымъ рукамъ,

По воспаленному дыханью
И жаркимъ, ласковымъ словамъ
Узнай любовника... Настали
Восторги, радости мои!
О Лида, если бѣ умирали
Съ блаженства, вѣги и любви!..

ИМЕНИНЫ.

Умножайте шумъ и радость;
Пойте пѣсни въ добрый часъ:
Дружба, грація и младость
Именинницы у насъ.
Между тѣмъ дитя крылато,
Васъ привѣтствуя, друзья,
Втайнѣ думаетъ: когда-то
Именинникъ буду я?

БЕЗВѢРІЕ.

О вы, которые съ язвительнымъ упрекомъ,
Считая мрачное безвѣріе порокомъ,
Бѣжите съ ужасомъ того, кто съ первыхъ лѣтъ
Безумно погасилъ отрадный сердцу свѣтъ,
Котораго вся жизнь есть мракъ и изступленье!
Восплачьте вы о немъ, имѣйте сожалѣнье!
Взгляните на него — не тамъ, гдѣ каждый день
Тщеславіе на всѣхъ наводитъ ложну тѣнь,
Но въ тишинѣ семьи, подъ кровлею родною,
Въ бесѣдѣ съ дружествомъ, иль съ темною мечтою —
Найдите тамъ его, гдѣ илистый ручей
Проходитъ медленно среди нагихъ полей,
Гдѣ сосенъ вѣковыхъ таинственныя сѣни,
Шумя, на вѣчный мохъ склонили вѣчны тѣни;
Взгляните: бродитъ онъ съ увядшею душой,
Своей ужасною томимый пустотой;
То горьки слезы льетъ, то рабъ страстей, волненья,
Напрасно ищетъ онъ унынью развлеченья.

Напрасно, въ пышности свободной простоты,
 Природы передъ нимъ открыты красоты;
 Напрасно вкругъ себя печальный взоръ онъ водить:
 Умъ ищетъ Божества, а сердце не находитъ.
 Настигнетъ ли его глухихъ судьбъ ударъ,
 Отыметъ ли вдругъ минутный счастья даръ,
 Въ любви ли, въ дружествѣ ль обвинетъ онъ измѣну,
 И невозвратную онъ имъ узнаетъ цѣну —
 Лишенный всѣхъ опоръ, отпадный вѣры сыпъ,
 Ужъ видить съ ужасомъ, что въ мірѣ онъ одинъ,
 И мощная рука къ нему съ дарами мира
 Не простирается изъ-за предѣловъ міра.
 Несчастные, страстей и немощей сыны,
 Мы всѣ на страшный гробъ, родясь, осуждены;
 Всечасно бранныхъ узъ готово разрушенье;
 Нангъ вѣкъ — невѣрный день; смерть — быстрое затмѣнье.
 Когда холодна тѣма объемлетъ грозно насъ,
 Завѣсу вѣчности колеблетъ смертный часъ:
 Ужасно чувствовать слезы послѣдней муку
 И съ міромъ начинать безвѣстную разлуку!
 Тогда, бесѣдуя съ оставленной душой,
 О вѣра, ты стоишь у двери гробовой!
 Ты ночь могильную ей тихо освѣщаешь
 И, ободренную, съ надеждой отпускаешь.
 Но, други, пережить ужаснѣе друзей!..
 Лишь вѣра въ тишинѣ отрадою своей
 Живить унылый духъ и сердца ожиданье:
 «Настанетъ — говорить — назначенно свиданье.»
 А онъ, слѣпой мудрецъ, у гроба стонетъ онъ!
 Съ усладой бытія несчастный разлученъ,
 Надежды тихаго не внеслетъ онъ привѣта:
 Подходить къ гробу онъ, взываетъ... нѣтъ отвѣта!
 Видали ль вы его въ безмолвныхъ тѣхъ мѣстахъ,
 Гдѣ кровныхъ и друзей священный тлѣветъ прахъ?..
 Видали ль вы его надъ хладною могилой,
 Гдѣ Делін его таятся пепель милый?
 Къ почившимъ позванный вечерней тишиной,
 Къ кресту приникнулъ онъ безчувственной главой;
 Одинъ, съ отчаяньемъ, въ слезахъ ожесточенья,
 Въ молчаньѣ ужаса, въ безумствѣ изступленья,
 Дрожить! И между тѣмъ, подъ сѣнью темныхъ ивъ,
 У гроба матери колѣна преклонивъ,

Тамъ дѣва юная, въ печали безмятежной,
 Возводитъ къ небу взоръ болѣзненный и нѣжный.
 Одна, туманною луной озарена,
 Какъ ангель горести является она,
 Вдыхаетъ медленно, могилу обнимаетъ:
 Все тихо; но она, какъ кажется, внимаетъ...
 Несчастный на нее въ безмолвіи глядитъ,
 Поникнувъ головой, трепещетъ и бѣжитъ.
 Слѣпить онъ далѣе, но вслѣдъ унынье бродитъ;
 Во храмъ Всевышняго съ толпой онъ молча входитъ,
 Тамъ умножаетъ лишь тоску души своей:
 При древнемъ торжествѣ священныхъ алтарей,
 При гласѣ пастыря, при сладкомъ хоромъ пѣньѣ,
 Тревожится его безвѣрное мученье.
 Онъ Бога тайнаго нигдѣ, нигдѣ не зреть;
 Съ померкшею душой святынѣ предстоить;
 Холодный ко всему и чуждый умиленью,
 Съ досадой тихому внимаетъ онъ моленью.
 «Счастливы!» мыслить онъ: «почто не можно мнѣ,
 Страстей бунтующихъ въ смиренной тишинѣ.
 Забывъ о разумѣ, и немощномъ и строгомъ,
 Съ одной лишь вѣрою повергнуться предъ Богомъ!»
 Напрасный сердца крикъ! Нѣтъ, нѣтъ, не суждено
 Ему сей тайны знать! Безвѣріе одно
 По жизненной стезѣ, во мракѣ, вождь унылый,
 Влечетъ несчастнаго до хладныхъ вратъ могилы!
 И что зоветъ его къ пустынѣ гробовой, —
 Кто вѣдаетъ? Но тамъ лишь видитъ онъ покой.

[Читано на выпускномъ экзаменѣ 9 іюня. См. Сынъ Отеч., № 26.]

КЪ П. П. КАВЕРИНУ.

Забудь, любезный мой Каверинъ,
 Минутой рѣзвости нескромные стихи:
 Люблю я первый, будь увѣренъ,
 Твои счастливые грѣхи.
 Все чередой идетъ опредѣленной,
 Всему пора, всему свой мигъ;

Смѣшонъ и вѣтреный старикъ,
 Смѣшонъ и юноша степенный.
 Пока живется намъ, живи;
 Гуляй въ мое воспоминанье;
 Молись и Вакху, и любви,
 И черни презирай ревнивое роптанье:
 Она не вѣдаетъ, что дружно можно жить
 Съ Кнѣзрой, съ Портикомъ, и съ книгой, и съ бокаломъ;
 Что умъ высокій можно скрыть
 Безумной шалости подъ легкимъ покрываломъ.

[Петръ Павловичъ Каверинъ, о которомъ Пушкинъ вспоминаетъ впоследствии въ «Онѣгинѣ» (I, 16), бывший геттингенскій студентъ, въ то время былъ лейбъ-гусаромъ и, по словамъ кн. П. А. Вяземскаго (VI, 436) особенно былъ извѣстенъ своими проказами и «скляскою жаждою.» Пушкинъ извиняется передъ нимъ за римованную шутку, ходившую по рукамъ въ Лицеѣ подъ заглавиемъ: «Молитва лейбъ-гусарскихъ офицеровъ», въ которой, между прочимъ, было сказано: «Избави, Господи, . . . Каверина пьянства.»]

ПОСЛАНИЕ КЪ В. Л. ПУШКИНУ.

Скажи, парнасскій мой отецъ:
 Неужто вѣрный музъ любовникъ
 Не можетъ нѣжный быть пѣвецъ
 И вмѣстѣ гвардіи полковникъ?
 Ужели тотъ, кто иногда
 Жжетъ ладонь Аполлону даромъ,
 За честь не можетъ безъ стыда
 Жечь порохъ на войнѣ съ гусаромъ
 И, если можно, города?
 Беллона, муза и Венера —
 Вотъ, кажется, святая вѣра
 Дней нашихъ всякаго пѣвца;
 Я шлюсь на русскаго Буфлера
 И на Дениса храбреца *),

*) Денисъ Васильевичъ Давыдовъ (1784—1839), военный писатель и поэтъ, въ 1812 г. служилъ въ ахтырскомъ гусарскомъ полку, командовалъ партизанскимъ отрядомъ и получилъ чинъ полковника, а по окончаніи войны жилъ въ Москвѣ и тамъ написалъ лучшія свои стихотворенія. Биографія его—въ Рус. Стар. 1872, т. V. Boufflers—эротическій поэтъ, современникъ Парни; Буфлеромъ Пушкинъ называетъ здѣсь Батюшкова.

Но не на Глинку офицера,
 Довольно плоскаго пѣвца;
 Не нужно мнѣ его примѣра! *)
 Ты скажешь: перестань, болтунъ,
 Будь человѣкъ, а не драгунъ!
 Парады, караулъ, ученье —
 Все это оды не внушить,
 А только душу изсушить,
 И къ Марину **) для награжденья,
 Быть можетъ, прямо за Коцитъ,
 Пошлетъ читать его творенья.
 Послушай, дядя милый мой,
 Ступай себѣ къ слѣпой Θεמידѣ,
 Ты съ дипломатикой косою;
 Кропай, мой другъ, посланье къ Лидѣ,
 Оставь военные грѣхи,
 И въ сладостяхъ успокоенья
 Пиши сенатскія рѣшенья
 И пятистопные стихи;
 И не съ гусарскаго корнета —
 Возьми примѣръ съ того поэта,
 Съ того, котораго рука
 Нарисовала Ермака
 Въ снѣгахъ незнаемаго свѣта,
 И плѣнь могучаго Мегмета,
 И мужа модные рога;
 Который, милостію Бога,
 Министръ и сладостный пѣвецъ,
 Былъ строгой чести образецъ,
 Какъ образецъ онъ будетъ слога... ***)
 Все такъ, почтенный дядя мой,
 Почтенъ, кто глупости людской
 Рѣшилъ запутанные споры,
 Умѣлъ кто хитрости рукой
 Переплетать между собой
 Дипломатическіе вздоры

*) Федоръ Николаевичъ Глинка (1788—1880), бывший въ 1812 г. адъютантомъ гр. Милорадовича, напечаталъ въ М. 1815—1816 «Письма русскаго офицера о Польшѣ, Австрійскихъ владѣніяхъ, Пруссіи и Франціи», въ 8 частяхъ.

**) Сергѣй Никифоровичъ Маринъ (1775—1818), авторъ шуточныхъ стихотвореній, служилъ въ преображенскомъ полку и былъ флигель-адъютантомъ имп. Александра I.

***) Ив. Ив. Дмитріевъ (1760—1837); его «Ермакъ» и «Модная жена».

И править нашею судьбой.
 Смѣшонъ, конечно, мирный воинъ,
 И эпиграммы самой злой
 Въ извѣстныхъ «Святкахъ» *) онъ достоинъ;
 Но что прелестнѣй и живѣй
 Войны, сраженій и пожаровъ,
 Кровавыхъ и пустыхъ полей,
 Бивака, рыцарскихъ ударовъ,
 И что завиднѣй бранныхъ дней
 Не слишкомъ мудрыхъ усачей,
 Но сердцемъ истинныхъ гусаровъ?
 Они живутъ въ своихъ шатрахъ,
 Вдали забавъ, и вѣгъ, и грацій,
 Какъ жилъ безсмертный трусъ Горацій
 Въ тибурскихъ сумрачныхъ лѣсахъ;
 Не знаютъ свѣта принужденья,
 Не вѣдаютъ, что скука, страхъ,
 Даютъ обѣды и сраженья,
 Поютъ и рубятся въ бояхъ.
 Счастливы, кто милъ и страшенъ міру,
 О комъ за пѣсни, за дѣла
 Гремитъ правдивая хвала,
 Кто славить Марса и Темиру,
 И бранную повѣсилъ лиру
 Межъ вѣрной сабли и сѣдла!
 Но вы, враги трудовъ и славы,
 Питомцы Феба и забавы,
 Вы, мирной праздности друзья,
 Шепну вамъ на-ухо: вы правы,
 И съ вами соглашалось я!
 Богъ создалъ для себя природу,
 Свой рай и счастье — глупцамъ.
 Злословіе, мужичиѣ и моду,
 Конечно, для забавы дамъ;
 Заботы — знатному народу,
 Дурачество — для всѣхъ; а намъ —
 Уединенье и свободу.

[Это посланіе служить отвѣтомъ на письма Василія Львовича, который рѣшительно не совѣтовалъ племяннику идти въ военную службу, между тѣмъ

*) Сатира вн. Д. П. Горчакова.

какъ молодой Пушкинъ въ то время мечталъ о «блестящемъ ментика сіяньѣ». Окончательно убѣдилъ его отказаться отъ этого намѣренія только А. О. Орловъ, посланіе къ которому см. ниже, въ стихотвореніяхъ 1819 года].

ДОБРЫЙ СОВѢТЬ.

(Изъ Парни).

Давайте пить и веселиться,
 Давайте жизнью играть;
 Пусть чернь слѣшая суетится:
 Не намъ безумной подражать.
 Пусть наша вѣтрена младость
 Потонетъ въ нѣгѣ и въ винѣ;
 Пусть измѣняющая радость
 Намъ улыбнется хоть во снѣ.
 Когда же юность легкимъ дымомъ
 Умчитъ веселость юныхъ дней,
 Тогда у старости отымемъ
 Все, что отыметъ у ней.

[Переводъ — впрочемъ, не особенно близкій къ подлиннику — стихотворенія Парни: A mes amis.]

КЪ ТОВАРИЩАМЪ.

Промчались годы заточенья:
 Недолго, милые друзья,
 Намъ видѣть кровь уединенья
 И царскосельскія поля.
 Разлука ждетъ насъ у порогу;
 Зоветъ насъ свѣта дальній шумъ,
 И каждый смотритъ на дорогу
 Съ волненьемъ юныхъ, пылкихъ думъ.
 Иной, подъ киверъ спрятавъ умъ,
 Уже въ воинственномъ нарядѣ
 Гусарской саблею махнулъ;
 Въ крещенской утренней прохладѣ,

Красиво мерзнетъ на парадѣ,
 А грѣться ѣдетъ въ карауль.
 Другой, рожденный быть вельможей,
 Не честь, а почести любя,
 У плута знатнаго въ прихожей
 Покорнымъ плутомъ зритъ себя.
 Лишь я, судьбѣ своей послушный,
 Счастливой нѣги вѣрный сынъ,
 Всегда безмечный, равнодушный,
 Въ постели задремалъ одинъ.
 Равны мнѣ писари, уланы,
 Равны мнѣ каски, кивера;
 Не рвусь я грудью въ капитаны
 И не ползу въ ассессора.
 Друзья, немного снисхожденья!
 Оставьте мирный мнѣ колпакъ,
 Пока его за прегрѣшенья
 Не промѣнялъ я на шипакъ;
 Пока лѣнивому возможно,
 Не опасаясь грозныхъ бѣдъ,
 Еще рукой неосторожной
 Въ июлѣ распахнуть жилетъ.

ВЪ АЛЬБОМЪ А. Д. ИЛЛИЧЕВСКОМУ.

Мой другъ, не славный я поэтъ,
 Хоть христіанинъ православный.
 Душа безсмертна, слова нѣтъ;
 Моимъ стихамъ удѣлъ неравный:
 И пѣсни музы своенравной,
 Забавы рѣзвыхъ, юныхъ лѣтъ
 Погибнуть смертію забавной,
 И насъ не тронетъ здѣшній свѣтъ.
 Ахъ, вѣдаетъ мой добрый геній,
 Что предпочелъ бы я скорѣй
 Безсмертію души моей
 Безсмертіе моихъ твореній.
 Не властны мы въ судьбѣ своей;
 По крайней мѣрѣ, нѣтъ сомнѣнья,

Сей плодъ небрежный вдохновенья,
 Безъ подписи, въ твоихъ рукахъ,
 На скромныхъ дружества листкахъ,
 Уйдетъ отъ общаго забвенья.
 Но пусть напрасенъ будетъ трудъ,
 Твоею дружбой оживленный;
 Мои стихи пускай умрутъ:
 Гласъ сердца, чувства неизмѣнны
 Навѣрно ихъ переживуть.

31 мая.

[Алексѣй Демьяновичъ Илличевскій, лицейскій товарищъ Пушкина, издалъ въ 1827 г. «Опыты въ антологическомъ родѣ, или собраніе краткихъ басенъ и сказокъ» и пр. Ум. 6 окт. 1837.]

ВЪ АЛЬБОМЪ ИВ. ИВ. ПУЩИНУ.

Взглянувъ когда нибудь на тайный сей листокъ,
 Исписанный когда-то мною,
 На время улети въ лицейскій уголокъ
 Всесильной, сладостной мечтою.
 Ты вспомни быстрыя минуты первыхъ дней,
 Неволю мирную, шесть лѣтъ соединенья,
 Печали, радости, мечты души твоей,
 Размолвки дружества и сладость примиренья,
 Что было и не будетъ вновь...
 И съ тихими тоски слезами
 Ты вспомни первую любовь.
 Мой другъ! она прошла... но съ первыми друзьями
 Не рѣзвою мечтой союзъ твой заключень:
 Предъ грознымъ временемъ, предъ грозными судьбами,
 О милый, вѣченъ онъ!

РАЗЛУКА.

(Ф. К. Дюхельскому)

Въ послѣдній разъ, въ сѣни уединенья,
 Моимъ стихамъ внимаешь нашъ пенашь.
 Лицейской жизни милый братъ,
 Дѣло съ тобою послѣднія мгновенья.
 Прошли лѣта соединенья;
 Разорванъ оны, нашъ вѣрный кругъ.
 Прости! Хранимый небомъ,
 Не разлучайся, другъ.
 Съ свободою и Фебомъ!
 Узнай любовь, невѣдомую мнѣ,
 Любовь надеждъ, восторговъ, упоенья:
 И дни твои полетомъ свидѣнья
 Да пролетятъ въ счастливой тишинѣ!
 Прости! Гдѣ бъ ни былъ я: въ огнѣ ли смертной битвы,
 При мирныхъ ли брегахъ родимаго ручья,
 Святому братству вѣренъ я.
 И пусть (услышитъ ли судьба мои молитвы?),
 Пусть будутъ счастливы всѣ, всѣ твои друзья!
 9 июля.

ВЪ АЛЬБОМЪ А. Н. ЗУБОВУ *).

Когда погаснутъ дни мечтанья
 И позоветъ насъ шумный свѣтъ—
 Забудешь тайны свиданья
 И дружество минувшихъ лѣтъ.
 Позволь въ листахъ воспоминанья
 Оставить имъ минутный слѣдъ.

1817 (при выпускѣ изъ Лицея).

*) Zubovъ— лейбъ-гусарскій офицеръ.

КЪ ПОРТРЕТУ П. Я. ЧААДАЕВА *).

Всевышней волею небесъ
 Окованный на службѣ царской—
 Онъ въ Римѣ былъ бы Брутъ, въ Афинахъ Периклестъ,
 У насъ—онъ офицеръ гусарскій.

КЪ ПОРТРЕТУ КАВЕРИНА.

Въ немъ пунша и войны кипитъ всегдашній жаръ.
 На марсовыхъ поляхъ онъ грозный былъ вонтель.
 Друзьямъ онъ вѣрный другъ, красавицамъ мучитель.
 И всюду онъ гусаръ.

К. П. БАКУНИНОЙ.

Что можемъ наскоро стихами молвить ей?
 Мнѣ истина всего дороже.
 Подумать не успѣвъ, скажу: ты всѣхъ милѣй;
 Подумавъ, я скажу все то же.

КЪ НЕЙ.

Въ печальной праздности я лиру забываю,
 Воображеніе въ мечтахъ не разгоралось,
 Съ дарами юности мой геній отлетаетъ,
 И сердце медленно хладѣло, закрывалось.

*) Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ (1796 — 1856), известный впоследствии авторъ «Философическихъ Писемъ», былъ въ то время офицеромъ лейбъ-гусарскаго полка. Біографическія и литературныя свѣдѣнія о немъ см. въ ст. М. Жихарева (П. Я. Чаадаевъ, Вѣстн. Евр. 1871, №№ 7 и 9) и въ книгѣ А. Н. Пыпина «Характеристики литературныхъ мнѣній», Спб. 1873, тл. III.

Васъ вновь я призывалъ, о дни моей весны!
 Вы, пролетѣвшіе подъ сѣнью тишины,
 Дни дружества, любви, надеждъ и грусти нѣжной,
 Когда, поэзи поклонникъ безмятежной,
 На лирѣ счастливой я тихо воспѣвалъ
 Волненіе любви, уныніе разлуки —

И гулъ дубравъ горамъ передавалъ
 Мои задумчивые звуки.

Напрасно! Я влачилъ постыдной лѣни грузъ,
 Въ дремоту хладную невольно погружался,
 Бѣжалъ отъ радостей, бѣжалъ отъ милыхъ музъ,
 И — слезы на глазахъ — со славою прощался!

Но вдругъ, какъ молніи стрѣла
 Зажглась въ увядшемъ сердцѣ младость,
 Душа проснулась, ожила,

Узнала вновь любви надежду, скорбь и радость.
 Все снова расцвѣло! Я жизнью трепеталъ;

Природы вновь восторженный свидѣтель,
 Живѣ чувствовалъ, свободнѣ дышалъ,
 Сильнѣй плѣняла добродѣтель...

Хвала любви, хвала богамъ!

Вновь лиры сладостной раздался голосъ юный,
 И съ звонкимъ трепетомъ воскреснувшія струны
 Несу къ твоимъ ногамъ!

ТОРЖЕСТВО ВАКХА.

Откуда чудный шумъ, неистовые клики?
 Кого, куда зовутъ и бубны, и тимпанъ?
 Что значать радостные лики
 И пѣсни поселянъ?
 Въ ихъ кругѣ свѣтлая свобода
 Пріяла праздничный вѣнокъ.
 Но двинулись толпы народа...
 Онъ приближается... Вотъ онъ, вотъ сильный богъ!
 Вотъ Бахусъ мирный, вѣчно юный!
 Вотъ онъ, вотъ Индіи герой!
 О радость! полныя тобой
 Дрожать, готовы грянуть струны

Нелицемерною хвалою.
 Эванъ, эвоэ! Дайте чаши!
 Несите свѣжіе вѣнцы!
 Невольники, гдѣ тирсы наши?
 Бѣжимъ на мирный бой, отважные бойцы!

Вотъ онъ, вотъ Вакхъ! О часъ отрадный!
 Державный тирсъ въ его рукахъ;
 Вѣнецъ желтѣеть виноградный
 Въ чернокудрявыхъ волосахъ...
 Течеть. Его младые тигры
 Съ покорной яростью влекутъ;
 Кругомъ летятъ зроты, игры—
 И гимны въ честь ему поютъ.
 За нимъ тѣснится козлоногий
 И фавновъ, и сатировъ рой;
 Плющемъ опутаны ихъ роги;
 Бѣгутъ смятенною толпой
 Вослѣдъ за быстрой колесницей:
 Кто съ тростниковою цѣвницей.
 Кто съ вѣрной кружкой своей;
 Тотъ, оступившись, упадаетъ.
 И бархатный коверъ полей
 Виномъ багровымъ обливааетъ.
 При дикомъ хохотѣ друзей.
 Тамъ, далѣ, вижу дивный ходъ:
 Звучать веселые тимпаны;
 Младья нимфы и сильваны.
 Составя шумный хороводъ,
 Несутъ недвижнаго Силена...
 Вино струится, брызжетъ пѣна,
 И розы сыплются кругомъ;
 Несутъ за спящимъ старикомъ
 И тирсъ, символъ побѣды мирной.
 И кубокъ тяжко-золотой,
 Вѣнчаный крышкою сапфирной,
 Подарокъ Вакха дорогой.

Но воетъ берегъ отдаленный;
 Власы раскинувъ по плечамъ,
 Вѣнчанны гроздемъ, обнаженны,
 Бѣгутъ вакханки по горамъ.

Тимпаны звонкіе, кружась межъ ихъ перстами.
Гремятъ и вторять ихъ ужаснымъ голосамъ.
Промчались, летятъ, свиваются руками,
Волшебной пляской топчуть лугъ;
И младость пылкая толпами
Стекается вокругъ.

Поютъ неистовыя дѣвы:
Ихъ сладострастные напѣвы
Въ сердца вливаютъ жаръ любви;
Ихъ перси дышатъ вожделѣньемъ;
Ихъ очи, полныя безумствомъ и томленьемъ,
Сказали: счастье лови!
Ихъ вдохновенныя движенья
Сперва изображаютъ намъ
Стыдливость милаго смятенья,
Желанье робкое, а тамъ
Восторгъ и дерзость наслажденья.
Но вотъ, разсыпались по холмамъ и полямъ,
Махая тирсами, несутся;
Ужъ издали ихъ вопли раздаются,
И гулъ ихъ вторитъ по лѣсамъ:
Эванъ, эвое! Дайте чаши!
Несите свѣжіе вѣнцы!
Невольники, гдѣ тирсы наши?
Бѣжимъ на мирный бой, отважные бойцы!

Друзья, въ сей день благословенный
Забвенью бросимъ суеты!
Теки, вино, струею пѣнной
Въ честь Вакха, музъ и красоты!
Эванъ, эвое! Дайте чаши!
Несите свѣжіе вѣнцы!
Невольники, гдѣ тирсы наши?
Бѣжимъ на мирный бой, отважные бойцы!

ПРОЩАНІЕ СЪ ТРИГОРСКИМЪ *).

Простите, милыя дубравы!
 Прости, безпечный миръ полей,
 И легкокрылыя забавы
 Столь быстро улетѣвшихъ дней!
 Прости, Тригорское, гдѣ радость
 Меня встрѣчала столько разъ!
 На то ль узналъ я вашу сладость,
 Чтобъ навсегда покинуть васъ?
 Отъ васъ беру воспоминанье,
 А сердце оставляю вамъ.
 Быть можетъ (сладкое мечтанье)
 Я къ вашимъ возвращусь полямъ,
 Приду подъ липовые своды
 На скать Тригорскаго холма,
 Поклонникъ дружеской свободы,
 Веселыхъ грацій и ума.

10 сентября.

Е. С. ОГАРЕВОЙ, КОТОРОЙ М—Ъ ПРИСЛАЛЪ ПЛОДОВЪ ИЗЪ
 СВОЕГО САДА.

М—ъ, хвастунъ безстыдный,
 Тебѣ прислалъ своихъ плодовъ:
 Хотѣлъ увѣрить насъ, какъ видно,
 Что будто самъ онъ богъ садовъ.

Чему дивиться тутъ? Харита
 Улыбкой дряхлость побѣдитъ,
 Съ ума сведетъ М—а
 И пылъ желаній въ немъ родитъ.

И онъ, твой встрѣтя взоръ волшебный,
 Забудетъ о своемъ крестѣ,
 И нѣжно станетъ пѣть молебны
 Твоей небесной красотѣ.

*) Имѣніе П. А. Осяповой, въ Псковской губ., по сосѣдству съ пушкинскимъ Михайловскимъ.

КНЯГИНЪ Е. И. ГОЛИЦЫНОЙ.

Краевъ чужихъ неопытный любитель
 И своего всегдашній обвинитель,
 Я говорилъ: въ отечествѣ моемъ
 Гдѣ вѣрный умъ, гдѣ геній мы найдемъ?
 Гдѣ гражданинъ съ душою благородной,
 Возвышенной и пламенно-свободной?
 Гдѣ женщина не съ мертвой красотой,
 Но съ огненной, плѣнительной, живой?
 Гдѣ разговоръ пайду непринужденный,
 Плѣнительный, веселый, просвѣщенный?
 Съ кѣмъ можно быть не хладнымъ, не пустымъ?—
 Отечество почти я ненавиждѣль;
 Но я вчера Голицыну увидѣль—
 И примирень съ отечествомъ моимъ.

30 ноября.

[Кн. Евдокія Ивановна Голицына, урожденная Измайлова (1780—1849), супруга кн. Серг. Михайловича, прозванная la princesse Nocturne, потому что у нея собранія продолжались далеко за полночь, была въ свое время замѣчательною красавицей и оригинальною личностью въ петербургскомъ обществѣ. Любопытныя свѣдѣнія о ней сообщаетъ кн. П. А. Вяземскій (VIII, 378—386), который, между прочимъ, говоритъ, что едва-ли не къ пей-же относится позднѣйшая замѣтка Пушкина о дамѣ, критиковавшей слово «однако» въ Исторіи Карамзина, см. настоящаго изданія т. V, стр. 58.]

ИСТОРИЯ СТИХОТВОРЦА.

Внимаетъ онъ привычнымъ ухомъ
 Свистъ;
 Мараютъ онъ единыхъ духомъ
 Листъ;
 Потомъ всему терзаетъ свѣту
 Слухъ;
 Потомъ печатаетъ, и въ Лету
 Бухъ!

ЭПИГРАММЫ.

* *
*

Какъ брань тебѣ не надоѣла!
 Разсчетъ коротокъ мой съ тобой:
 Ну, такъ — я празденъ, я безъ дѣла;
 А ты бездѣльникъ дѣловой.

* *
*

«Хоть впрочемъ онъ поэтъ изрядный,
 Эмили́й человекъ пустой.»
 Да ты чѣмъ полонъ, шутъ нарядный?
 А, понимаю: самъ собой!
 Ты полонъ дряни, милый мой!

ДОБРЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Ты правъ, несносенъ Фирсъ ученый,
 Педантъ надутый и мудреный:
 Онъ важно судить обо всемъ,
 Всего онъ знаетъ понемногу.
 Люблю тебя, сосѣдъ Пахомъ:
 Ты просто глупъ, и слава Богу!

1818.

КЪ О. Ф. ЮРЬЕВУ *).

Любимецъ вѣтренныхъ Лаисъ,
Прелестный баловень Киприды,
Умѣй сносить, мой Адонисъ,
Ея минутныя обиды!
Она дала красы младой
Тебѣ въ удѣлъ очарованье:
И черный устъ, и взглядъ живой,
Любви улыбку и молчанье.
Съ тебя довольно, милый другъ!
Пускай, желаній пылкихъ чуждый,
Ты поцѣлуями подругъ
Не наслаждаешься; что нужды?
Въ чаду веселій городскихъ,
На легкихъ крыльяхъ Терпсихоры,
Къ тебѣ красавицъ молодыхъ
Летятъ задумчивые взоры...
Увы! языкъ любви нѣмой,
Сей вздохъ души краснорѣчивой,
Быть долженъ сладокъ, милый мой,
Безпечности самолюбивой, —
И счастливъ ты своей судьбой!
А я — повѣса вѣчно праздный,

---

*) Юрьевъ, Федоръ Филипповичъ, уланскій офицеръ, впоследствии — управляющій заемнымъ банкомъ. Рассказываютъ, что Батюшковъ, прочитавъ это посланіе, судорожно сжалъ въ рукахъ листокъ бумаги, на которомъ оно было написано, и проговорилъ: «О, какъ сталъ писать этотъ злодѣй!» (Мат., 50).

Потомокъ негровъ безобразный,
 Взрощенный въ дикой простотѣ,
 Любви не вѣдая страданій,
 Я нравлюсь юной красотѣ
 Безстыднымъ бѣшенствомъ желаній...
 Съ невольнымъ пламенемъ ланить,
 Украдкой нимфа молодая,
 Сама себя не понимая,
 На фавна иногда глядитъ.

КЪ ЩЕРВИНИНУ *).

Житѣе тому, любезный другъ,
 Кто страстью глупою не боленъ,
 Кому влюбиться недосугъ,
 Кто занятъ всѣмъ и всѣмъ доволенъ;
 Кто Наденьку подъ-вечерокъ
 За тайнымъ ужиномъ ласкаетъ,
 И жирный страсбургскій пирогъ
 Виномъ душистымъ запиваетъ;
 Кто, удаливъ заботы прочь,
 Какъ вѣрный сынъ пафосской вѣры,
 Проводитъ набожную ночь
 Съ молодой монашенкой Цитеры;
 Поутру сладко дремлетъ онъ,
 Читая листикъ Инвалида;
 Весь день веселью посвященъ,
 А ночью царствуетъ Киприда!
 И мы не такъ ли дни ведемъ,
 Щербининъ, рѣзвый другъ забавы,
 Съ Амуромъ, шалостью, виномъ,
 Покамѣсть молоды и здравы?
 Но дни молодые пролетятъ,
 Веселье, нѣга насъ покинутъ,
 Желаньямъ чувства измѣнять,
 Сердца изсохнутъ и остынутъ:

---

*) Щербининъ, Михаилъ Андреевичъ, былъ въ послѣдствіи первымъ начальникомъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати. Умеръ 4 сентября 1881 г.

Тогда безъ пѣсенъ, безъ подругъ,
 Безъ наслажденій, безъ желаній,
 Найдемъ отраду, милый другъ,
 Въ туманномъ снѣ воспоминаній!
 Тогда, качая головой,
 Скажу тебѣ у двери гроба:
 «Ты помнишь Фанни, милый мой?»
 — И тихо улыбнемся оба.

Н. И. КРИВЦОВУ.

При посылкѣ Вольтеровою поэммы.

Когда сожмешь ты снова руку,
 Которая тебѣ дарить,
 На скучный путь и на разлуку,
 Вотъ эту библію харить?
 Амуръ нашель ее въ Цитерѣ,
 Въ архивѣ шалости младой:
 По ней молись своей Венерѣ
 Благочестивою душой.
 Прости, эпикуреецъ мой!
 Останься вѣкъ, каковъ ты нынѣ!
 Лети во мрачный Альбіонъ!
 Да сохранить тебя въ чужбинѣ
 Христось и вѣрный Купидонъ!
 Неси въ чужой предѣлъ пената;
 Но помни прежни дни свои:
 Люби недѣвственнаго брата,
 Страдальца чувственной любви.

2 марта.

[Николай Ивановичъ Кривцовъ, лейбъ-егерь, участвовалъ въ сраженіяхъ при Бородинѣ и подъ Кузьмомъ, гдѣ ядро оторвало ему ногу. Въ 1818 г. онъ былъ опредѣленъ къ лондонскому посольству и получилъ отъ Пушкина на дорогу «Rucelle d'Orléans» Вольтера, о которой и говорится въ этомъ стихотвореніи. Кривцовъ пробылъ въ Лондонѣ недолго, не поладивъ съ посломъ, кн. Ливеномъ, и вышелъ въ отставку. По возвращеніи на родину, онъ былъ губернаторомъ сначала въ Тулѣ, потомъ — въ Воронежѣ. Письма къ нему Пушкина см. въ VII томѣ настоящаго изданія. Біографическія свѣдѣнія о немъ — въ Рус. Арх. 1864, ст. 1078—1081, и въ Соч. кн. Вяземскаго, VIII, 265—268.]

КЪ ЧААДАЕВУ.

Любви, надежды, гордой славы
 Недолго тѣшили насъ обманъ:
 Исчезли юныя забавы,
 Какъ дымъ, какъ утренній туманъ!
 Но въ насъ кипятъ еще желанья:
 Подъ гнетомъ власти роковой
 Нетерпѣливою душой
 Отчизны внемлемъ призыванья!
 Мы ждемъ, съ томленьемъ упованья,
 Минуты вольности святой,
 Какъ ждетъ любовникъ молодой
 Минуты сладкаго свиданья.
 Пока свободою горимъ,
 Пока сердца для чести живы,
 Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ
 Души высокіе порывы.
 Товарищъ, вѣрь: взойдетъ она,
 Заря пѣвнителяго счастья,
 Россія вспрянетъ ото сна,
 И на обломкахъ . . . . .
 Напишетъ наши имена.

ПРЕЛЕСТНИЦЪ.

(Штеингель).

Къ чему нескромнымъ симъ уборомъ,
 Умилнымъ голосомъ и взоромъ
 Младое сердце распалать,
 И тихимъ, сладостнымъ укоромъ
 Къ побѣдѣ легкой вызывать?
 Къ чему обманчивая нѣжность,
 Стыдливости притворный видъ,
 Движеній томная небрежность,
 И трепеть усть, и жаръ ланить?
 Напрасны хитрыя старанья:
 Въ порочномъ сердцѣ жизни нѣтъ...

Невольный хладъ негодованья —
 Тебѣ мой роковой отвѣтъ.
 Твоею прелестью надменной
 Кто не владѣлъ во тьмѣ ночной?
 Скажи: у двери оцѣненной
 Твоей обители презрѣнной
 Кто смѣлой не стучалъ рукой?
 Нѣтъ, нѣтъ, другому свой завялый
 Неси, прелестница, вѣнокъ;
 Ласкай неопытный порокъ,
 Въ твоихъ объятіяхъ усталый;
 Но гордый замыселъ забудь:
 Не привлечешь питомца музы
 Ты на предательскую грудь.
 Неси другимъ наемны узы,
 Своей любви постыдный торгъ,
 Корысти хладныя лобзанья,
 И принужденныя желанья,
 И златомъ купленный восторгъ!

[См. Аннепкова, Пушкинъ, стр. 64.]

ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ *).

Тебя ль я видѣлъ, милый другъ?
 Или невѣрное то было сновидѣнье,
 Мечтанье смутное, и пламенный недугъ
 Обманомъ волновалъ мое воображенье?
 Въ минуты мрачныя болѣзни роковой,
 Ты ль, дѣва нѣжная, стояла надо мной
 Въ одеждѣ воина, съ неловкостью пріятной?
 Такъ, видѣлъ я тебя; мой тусклый взоръ узналъ
 Знакомыя красы подъ сей одеждой ратной,
 И слабымъ шопотомъ подругу я назвалъ...
 Но вновь въ умѣ моемъ тѣснились мрачны грезы:
 Я слабою рукой искалъ тебя во мглѣ...

* В февралѣ 1818 г. Пушкинъ лежалъ въ горячкѣ, почти безъ надежды и приговоренный къ смерти врачами. (Мат., 41; ср. Пушк., 63).

И вдругъ я чувствую твое дыханье, слезы,
И влажный поцѣлуй на пламенномъ челѣ...

Безсмертные, съ какимъ волненьемъ
Желанья, жизни огонь по сердцу пробѣжалъ!
Я закипѣлъ, затрепеталъ!

И скрылась ты прелестнымъ привидѣньемъ.
Жестокій другъ, меня томишь ты упоеньемъ.

Приди, меня мертвить любовью!

Въ молчаньѣ благосклонной ночи
Явись, волшебница! пускай увижу вновь
Подъ грознымъ киверомъ твои небесны очи,
И плащъ, и поясъ боевой,

И бранной обувью украшенныя ноги...
Не медли, поспѣшай, прелестный воинъ мой;
Приди, я жду тебя: здоровья даръ благой

Мнѣ снова ниспослали боги,

А съ нимъ и сладкія тревоги
Любви таинственной и шалости молодой.

МЕЧТАТЕЛЮ.

(В. К. Кюхельбекеру)

Ты въ страсти горестной находишь наслажденье;

Тебѣ пріятно слезы лить,

Напраснымъ пламенемъ томить воображенье

И въ сердцѣ тихое уныніе таить.

Повѣрь, не любишь ты, неопытный мечтатель!

О, если бы тебя, унылыхъ чувствъ искатель,

Постигло страшное безуміе любви;

Когда бъ весь ядъ ея кипѣлъ въ твоей крови;

Когда бы въ долгіе часы безсонной ночи,

На ложѣ медленно терзаемый тоской,

Ты звалъ обманчивый покой,

Вотще смыкая скорбныя очи,

Покровы жаркіе рыдая обнималъ,

И сохнулъ въ бѣшенствѣ бесплоднаго желанья:

Повѣрь, тогда бъ ты не питалъ

Неблагодарнаго мечтанья;

Нѣтъ, нѣтъ, въ слезахъ упавъ къ ногамъ

Своей любовницы надменной,
 Дрожащій, блѣдный, изступленный,
 Тогда бѣ воскликнулъ ты къ богамъ:
 Отдайте, боги, мнѣ разсудокъ омраченный,
 Возьмите отъ меня сей образъ роковой:
 Довольно я любилъ; отдайте мнѣ покой...
 Но мрачная любовь и образъ незабвенный
 Остались вѣчно бы съ тобой.

КЪ ПОРТРЕТУ ЖУКОВСКАГО.

Его стиховъ плѣнительная сладость
 Пройдетъ вѣковъ завистливую даль,
 И, внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость,
 Утѣшится безмолвная печаль,
 И рѣзвая задумается радость.

ЖУКОВСКОМУ.

(На издание книжекъ его: «Для немногихъ».)

Когда къ мечтательному міру
 Стремясь возвышенной душой,
 Ты держишь на колѣнахъ лиру
 Нетерпѣливою рукой;
 Когда смѣняются видѣнья
 Передъ тобой въ волшебной мглѣ,
 И быстрый холодъ вдохновенья
 Власы подъемлетъ на челѣ:
 Ты правъ, творишь ты для немногихъ,
 Не для завистливыхъ судей,
 Не для сбирателей убогихъ
 Чужихъ сужденій и вѣстей,
 Но для друзей таланта строгихъ,
 Священной истины друзей.
 Не всякаго полюбить счастье,
 Не все родились для вѣнцовъ.

Блаженъ, кто знаетъ сладострастье
 Высокихъ мыслей и стиховъ,
 Кто наслажденіе прекраснымъ
 Въ прекрасный получилъ удѣлъ,
 И твой восторгъ уразумѣлъ
 Восторгомъ пламеннымъ и яснымъ!

[Это посланіе, впоследствии, въ 1829 г., переделанное Пушкинымъ, было напечатано въ «Сынѣ Отеч.», 1820, № 52 въ иной редакціи. Именно, двумя начальными стихами замѣнены 6 прежнихъ:

Когда младымъ воображеньемъ
 Твой гордый гений окрыленъ
 Тревожитъ лѣни праздный сонъ,
 Томясь мятежнымъ упоеньемъ;
 Когда возвышенной душой
 Лети къ мечтательному міру, и пр.

10-й стихъ замѣнилъ два прежнихъ:

Не для подкупленныхъ судей,
 Ревнивыхъ милостью своею...

И выпущенъ весь конецъ стихотворенія:

Смотри, какъ пламенный поэтъ,
 Вниманьемъ сладкимъ упоенный,
 На свитокъ гения склоненный,
 Читаетъ повѣсть древнихъ лѣтъ!
 Онъ духомъ тамъ, въ дыму столѣтій:
 Предъ нимъ волгуются толпой
 Злодѣйства, мрачной славы дѣти,
 Съ сынами доблести прямой;
 Отъ сна воскресшими вѣками
 Онъ бродить тайно окружень,
 И благодарными слезами
 Карамзину приносить онъ
 Живой души благодаренье
 За мигъ восторга золотой,
 За благотворное забвенье,
 Безшодной суеты земной:
 И въ немъ трепещеть вдохновенье.

По поводу этого посланія кн. П. А. Вяземскій, въ письмѣ къ Жуковскому изъ Варшавы отъ 25 апрѣля 1818 года, замѣчаетъ: «Стихи чертенка-плевмянника чудесно-хороши. Въ дыму столѣтій! Это выраженіе—городъ. Я все отдаю бы за него, движимое и недвижимое. Какая bestia! Надобно намъ посадить его въ желтый домъ: не то, этотъ бѣшенный сорывенецъ насъ всѣхъ заѣстъ, насъ и отцовъ нашихъ. Знаешь ли, что Державинъ испугался бы дыма столѣтій? О прочихъ и говорить нечего!» (Кн. П. П. Вяземскій, Пушкинъ по документамъ Остафьевскаго архива, Спб. 1880, кн. 1-я, стр. 27).]

ВЪ АЛЬБОМЪ ЕЛ. ЯК. СОСНИЦКОЙ.

Вы соединить могли съ холодною сердечной
 Чудесный жаръ плѣнительныхъ очей.
 Кто любить васъ, тотъ очень глупъ, конечно;
 Но кто не любитъ васъ, тотъ во сто разъ глупѣй.

ЭПИГРАММЫ.

На Карамзина.

1.

Въ его исторіи изящность, простота
 Доказываютъ намъ безъ всякаго пристрастья
 Необходимость самовластья
 И прелести кнута.

2.

Послушайте, я вамъ скажу про старину,
 Про Игоря и про его жену,
 Про Новгородъ, про время золотое,
 И, наконецъ, про Грознаго Царя.
 — И, бабушка, затѣяла пустое:
 Докончи лучше намъ Илью-богатыря.

[Ср. т. V, стр. 42.]

На кн. А. Н. Голицына.

Вотъ Хвостовой покровитель,
 Вотъ холопская душа,
 Просвѣщенія гонитель,
 Покровитель Бантыша.
 Напирайте, Бога ради,
 На него со всѣхъ сторонъ!..

.....
 .....

[Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ (1773—1844) былъ съ 1817 по 1823 г. министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. О немъ см. ст. Е. П. Карновича: Кп. А. Н. Голицынъ и его время, въ «Историч. Вѣстникѣ» 1882, №№ 4 и 5. Александра Петровна Хвостова, о которой упоминаетъ Вигель въ своихъ «Воспоминаніяхъ» (II, 231—234 и VII, 6), была въ большой дружбѣ съ извѣстнымъ реакціоннымъ писателемъ, гр. Жозефомъ де-Местромъ, имѣвшимъ большое вліяніе на Голицына. Она принадлежала также къ основанному баронессою Кріднеръ обществу «мечтательницъ».]

На Фотія.

Полу-фанатикъ, полу-плутъ,
Ему орудіемъ духовнымъ
Проклятѣ, мечъ, и крестъ, и кнутъ.
Пошли намъ, Боже, недостойнымъ,
Поменьше пастырей такихъ —
Полублагихъ, полусвятыхъ.

[Фотій Спасскій, архимандритъ новгородскаго Юрьева монастыря, игралъ такую печальную роль въ эпоху реакціи 20-хъ годовъ. Біографія его, составленная С. И. Миропольскимъ, напечатана въ «Вѣстн. Европы» 1878, №№ 11 и 12.]

Про себя.

Великимъ быть желаю,
Люблю Россіи честь,
Я много обѣщаю,
Исполню ли — Богъ вѣсть!

Наденькѣ.

Съ тобой пріятно удѣлить
Часокъ-два-три уединенью:
Одинъ желаньямъ посвятить,
А два послѣднихъ — наслажденью.

ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ.

* *
*

Позволь душѣ моей открыться предъ тобою
И въ дружбѣ сладостной отраду почерпнуть;
Скучая жизнью, томимый суетою,
Я жажду близъ тебя свободно отдохнуть.

Ты помнишь, милая, — зарею напихъ лѣтъ,
 Младенцы, мы любить умѣли...
 Какъ быстро наши лѣта улетѣли!
 Въ кругу чужихъ, въ немилой сторонѣ,
 Я мало жилъ и наслаждался мало,
 И дней моихъ печальное начало
 Наскучило, давно постыло мнѣ...
 Къ чему мнѣ жить? Я не рожденъ для счастья,
 Я не рожденъ для дружбы, для заботъ;
 Я хладно пилъ изъ чаши сладострастья...
 . . . . .

* *
 *

Какъ сладостно, — но, боги, какъ опасно
 Тебѣ внимать, твой видѣть милый взоръ!
 Забуду ль я улыбку, взоръ прекрасной
 И огненный, волшебный разговоръ?
 Волшебница! Зачѣмъ тебя я видѣлъ?
 Узнавъ тебя, блаженство я позналъ
 И счастье мое возненавидѣлъ...

* *
 *

...И я слыхалъ, что бѣлый свѣтъ
 Одною дружбою прекрасенъ,
 Что безъ нея отрады нѣтъ,
 Что жизни бѣ путь намъ былъ ужасенъ,
 Когда бѣ не тихій дружбы свѣтъ...
 Послушай, чувство есть другое:
 Оно и нѣжитъ, и томить,
 Въ трудахъ, въ заботахъ и въ покоѣ
 Всегда не дремлетъ и горитъ;
 Оно мучительно, желанно...
 . . . . .
 Вотъ страсть, которою страдаю,
 Которой вяну и дышу,
 Которую въ душѣ ношу
 И ни на что не промѣняю...

1819.

Ө. Ф. ЮРЬЕВУ.

Здорово, Юрьевъ именинникъ,
Здорово, Юрьевъ лейбъ-уланъ!
Сегодня, для тебя, пустынный
Осушить пѣнистый стаканъ.

Здорово, рыцари лихіе
Любви, свободы и вина!
Для насъ, союзники младые,
Надежды лампа зажжена.

Здорово, молодость и счастье!

. . . . .
. . . . .
. . . . .

[О Юрьевѣ см. выше, стр. 187. Подъ «лампой надежды» разумѣется дружескій кружокъ «Зеленая Лампа», собравшійся у Н. В. Всеволожскаго. Членами этого кружка были, кромѣ Юрьева и Пушкина, Я. Н. Толстой, Щербининъ, В. В. Энгельгардтъ, Дм. Н. Барковъ и др. См. замѣтки Бартенева въ «Моск. Вѣд.» 1855, № 142, и Журавлева, тамъ-же, № 183, а также книгу Анпенкова «Пушкинъ», стр. 63—64.]

ВАС. ВАС. ЭНГЕЛЬГАРДТУ.

Я ускользнулъ отъ Эскулапа
Худой, обритый, но живой:
Его мучительная лапа
Не тяготѣетъ надо мной.

Здравье, легкій другъ Приапа,
 И сонъ, и сладостный покой,
 Съ Кипридой посѣтили снова
 Мой уголь тѣсный и простой.
 Утѣшь и ты полубольного!
 Онъ жаждетъ видѣться съ тобой,
 Съ тобой, счастливый беззаконникъ,
 Лѣживый Пинда гражданинъ,
 Свободы, Вакха вѣрный сынъ,
 Венеры набожный поклонникъ
 И наслажденій властелинъ!
 Отъ суеты столицы празднои,
 Отъ хладныхъ прелестей Невы,
 Отъ вредной сплетницы молвы,
 Отъ скуки, столь разнообразной,
 Я ѣду въ даль! Простите, дамы,
 Актрисы, франты, доктора,
 Шумящи игры, вечера,
 Гдѣ льются пуншь и эпиграмы!
 Меня зовутъ поля, луга.
 Тѣнисты липы огорода,
 Озеръ пустынныхъ берега
 И деревенская свобода.
 Дай руку мнѣ. Приѣду я
 Въ началѣ мрачномъ октября:
 Съ тобою пить мы будемъ снова,
 Открытымъ сердцемъ говоря,
 Насчетъ глупца, вельможи злова,
 Насчетъ холопа записнова,
 Насчетъ небеснаго царя,
 А иногда насчетъ земнова.

[О В. В. Энгельгардтѣ его товарищъ по іезуитскому пансіону, кн. П. А. Вяземскій (Соч., I, XVII—XVIII), сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія: «Э. былъ въ послѣдствіи хорошо и веспародно знакомъ Петербургу. Расточительный богачъ, не пренебрегающій увеселеніями жизни, крупный игрокъ, впрочемъ, кажется, на вѣку своемъ болѣе проигравшій, нежели выигравшій, строитель въ Петербургѣ дома, сбывающагося немножко на парижскій Пале-Рояль, со своими публичными увеселеніями, кофейнями, ресторанами. Построеніе этого дома было событіемъ въ общественной жизни столицы. Пушкинъ очень любилъ Энгельгардта за то, что онъ охотно игралъ въ карты и за то, что очень удачно игралъ словами. Острыя выходки и забавные куплеты его ходили по городу.»]

Н. И. КРИВЦОВУ.

Не пугай насъ, милый другъ,
 Гроба близкимъ новосельемъ:
 Право, намъ такимъ бездѣльемъ
 Заниматься недосугъ.
 Пусть остылой жизни чашу
 Тянетъ медленно другой;
 Мы жъ утратимъ юность нашу
 Вмѣстѣ съ жизнью дорогой;
 Каждый у своей гробницы,
 Мы присядемъ на порогъ,
 У пафосскія царицы
 Свѣжій выпросимъ вѣнокъ,
 Лишний мигъ у вѣрной лѣни;
 Круговой нальемъ сосудъ,
 И толпою наши тѣни
 Къ тихой Летѣ убѣгутъ.
 Смертный мигъ нашъ будетъ свѣтель,
 И подруги шалуновъ
 Соберутъ ихъ легкій пепель
 Въ урны праздна пировъ.

СТАНСЫ.

(Я. Н. Толстому).

Философъ ранній, ты бѣжишь
 Пировъ и наслажденій жизни,
 На игры младости глядишь
 Съ молчаньемъ хладнымъ укоризны.

Ты милья забавы свѣта
 На грусть и скуку промѣняль,
 И на лампаду Эпиктета
 Златой Гораціевъ фіаль.

Повѣрь, мой другъ, она придетъ,
 Пора унылыхъ сожалѣній,

Холодной истины заботь
И бесполезныхъ размышленій.

Зевесъ, балуя смертныхъ чадъ,
Всѣмъ возрастамъ даетъ игрушки;
Надъ сѣдинами не гремятъ
Безумства рѣзвыя гремушки.

Ахъ, младость не приходитъ вновь!
Зови же сладкое бездѣлье,
И легкокрылую любовь,
И легкокрылое похмѣлье!

До капли наслажденье пей,
Живи безпечень, равнодушень!
Мгновенью жизни будь послушень,
Будь молодъ въ юности твоей!

[Стихъ: «Зови же сладкое бездѣлье» въ изданіи 1826 г. сопровождался выносной, характеризующей цензуру того времени: «Какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ, поэтъ шутитъ надъ философіею эпикурейцевъ. Читатель, безъ сомнѣнія, не будетъ смѣшивать чистыхъ душевныхъ наслажденій съ удовольствіями телѣсными.» Яковъ Николаевичъ Толстой въ 1818 г. издалъ отдѣльною книжкою свой переводъ одной элегіи Тибулла (Роспись Смирдина, № 7994), а въ 1819 г. напечаталъ «Посланіе къ Петру Михайловичу Каменскому». Собраніе его стихотвореній вышло въ Спб. 1821, подъ заглавіемъ: «Мое праздное время.»]

УНЫНІЕ.

(Къ ***).

Не спрашивай, зачѣмъ унылой думой
Среди забавъ я часто омраченъ,
Зачѣмъ на все подъемлю взоръ угрюмый,
Зачѣмъ не милъ мнѣ сладкій жизни сонъ;
Не спрашивай, зачѣмъ душой остылой
Я разлюбилъ веселую любовь
И никого не называю милой:
Кто разъ любилъ, ужъ не полюбитъ вновь;
Кто счастье зналъ, ужъ не узнаетъ счастья.
На краткій мигъ блаженство намъ дано:
Отъ юности, отъ нѣгъ и сладострастья
Останется уныніе одно.

[Напечатано въ изданіи 1826 г., гдѣ отнесено къ 1817 г.; но въ рукописяхъ Рум. Музея первоначальная редакція этого стихотворенія находится среди произведеній позднѣйшихъ. Сверху страницы, на которой оно написано, читаемъ: «Онъ улетѣлъ, прекрасный мигъ любви. 27 ноября 1817», а подъ самымъ стихотвореніемъ — «1819, 8 мая. Я человекъ несвободный.» Въ виду этого, а также и по соображенію съ содержаніемъ ближайшихъ листовъ тетради (черновыя «Руслана», «Русалка» и пр.), намъ казалось болѣе правильнымъ отнести это стихотвореніе къ 1819 году.]

ОРЛОВУ.

О ты, который сочеталъ
 Съ душою пылкой, откровенной
 (Хотя и русскій генераль)
 Любезность, разумъ просвѣщенный;
 О ты, который, съ каждымъ днемъ
 Вставая на военну мучу.
 Усталымъ усачамъ, верхомъ
 Преподаешь царей науку.
 Но не безславишь стгоряча
 Свою воинственную руку
 Презрѣнной палкой палача;
 Орловъ, ты правъ: я забываю
 Свои гусарскія мечты
 И съ Соломономъ восклицаю:
 Мундиръ и сабля — суеты!
 На генерала Киселева *)
 Не положу своихъ надеждъ:
 Онъ очень милъ, о томъ ни слова.
 Онъ врагъ коварства и невѣждъ;
 За шумнымъ, медленнымъ обѣдомъ
 Я радъ сидѣть его сосѣдомъ,
 До ночи слушать радъ его;
 Но онъ придворный: обѣщанья
 Ему не стоятъ ничего.
 Смиривъ немирныя желанья,
 Безъ доломана, безъ усовъ,
 Сокроюсь съ тайною свободой

---

*) Павелъ Дмитриевичъ Киселевъ (впослѣдствіи—графъ) былъ въ то время только что назначенъ начальникомъ штаба 2-й арміи.

Съ цѣвницей, нѣгой и природой
 Подъ сѣнью дѣдовскихъ лѣсовъ,
 Надъ озеромъ, въ спокойной хатѣ,
 Или въ травѣ густыхъ луговъ,
 Или холма на злачномъ скатѣ,
 Въ бухарской шапкѣ и въ халатѣ.
 Я буду пѣть моихъ боговъ
 И буду ядять.— Когда жъ возстанетъ
 Съ одра покоя богъ мечей
 И брани громкій вызовъ грянетъ,
 Тогда покину миръ полей;
 Питомецъ пламенный Беллоны,
 У трона вѣрный гражданинъ!
 Орловъ, я стану подъ знамены
 Твоихъ воинственныхъ дружинъ;
 Въ патрахъ, среди сѣчи, среди пожаровъ
 Съ мечемъ и съ лирой боевой
 Рубиться буду предъ тобой
 И славу пѣть твоихъ ударовъ.

Юль.

[Алексѣй Федоровичъ Орловъ, въ послѣдствіи князь, убѣждалъ Пушкина не оставлять службы по министерству иностр. дѣлъ и не поступать въ гусары, о чемъ передъ этимъ у Пушкина была рѣчь съ Пав. Дм. Киселевымъ.]

РУСАЛКА.

Надъ озеромъ, въ глухихъ дубровахъ,
 Спасался нѣкогда монахъ,
 Всегда въ занятіяхъ суровыхъ,
 Въ постѣ, молитвѣ и трудахъ.
 Уже лопаткою смиренной
 Себѣ могилу старецъ рылъ,
 И лишь о смерти вождедѣнной
 Святыхъ угодниковъ молилъ.

Однажды, лѣтомъ, у порогу
 Поникшей хижины своей
 Анахоретъ молился Богу.

Дубровы дѣлались чернѣй,
 Туманъ надъ озеромъ дымился,
 И красный мѣсяцъ въ облакахъ
 Тихонько по небу катился.
 На воды сталъ глядѣть монахъ...

Глядитъ, невольно страха полный;
 Не можетъ самъ себя понять...
 И видитъ: закипѣли волны
 И присмирѣли вдругъ опять...
 И вдругъ... легка, какъ тѣнь ночная,
 Бѣла, какъ ранній снѣгъ холмовъ,
 Выходитъ женщина нагая
 И молча сѣла у береговъ.

Глядитъ на стараго монаха,
 И чешетъ влажные волосы.
 Святой монахъ дрожить со страха
 И смотреть на ея красы.
 Она манитъ его рукою,
 Киваетъ быстро головой...
 И вдругъ падучею звѣздою
 Подъ сонной скрылася волной.

Всю ночь не спалъ старикъ угрюмый
 И не молился цѣлый день:
 Передъ собой съ невольной думой
 Все видѣлъ чудной дѣввы тѣнь.
 Дубровы вновь одѣлись тьмою,
 Пошла по облакамъ луна,
 И снова дѣва надъ водою
 Сидитъ, прелестна и блѣдна.

Глядитъ, киваетъ головою,
 Цѣлуетъ издали шутя,
 Играетъ, плещется волною,
 Хохочетъ, плачетъ, какъ дитя,
 Зоветъ монаха, нѣжно стонетъ...
 «Монахъ, монахъ! ко мнѣ, ко мнѣ!..»
 И вдругъ въ волнахъ прозрачныхъ тонетъ...
 И все въ глубокой тишинѣ.

На третій день отшельникъ страстный
 Близь очарованныхъ береговъ
 Сидѣль и дѣвы ждалъ прекрасной,
 А тѣнь ложилась средь дубровъ...
 Заря прогнала тѣнь ночную,
 Монаха не нашли нигдѣ,
 И только бороду сѣдую
 Мальчишки видѣли въ водѣ.

Д Е Р Е В Н Я .

Привѣтствую тебя, пустынный уголокъ,
 Приютъ спокойствія, трудовъ и вдохновенья,
 Гдѣ льется дней моихъ невидимый потокъ
 На лонѣ счастья и забвенья!
 Я твой: я промѣнялъ порочный дворъ царей,
 Роскошные пиры, забавы, заблужденья,
 На мирный шумъ дубровъ, на тишину полей,
 На праздность вольную, подругу размышленья.
 Я твой: люблю сей темный садъ
 Съ его прохладой и цвѣтами
 Сей лугъ, уставленный душистыми скирдами,
 Гдѣ свѣтлые ручьи въ кустарникахъ шумятъ.
 Вездѣ передо мной подвижныя картины:
 Здѣсь вижу двухъ озеръ лазурныя равнины,
 Гдѣ парусъ рыбака бѣлѣетъ иногда,
 За ними рядъ холмовъ и нивы полосаты,
 Вдали разсыпанныя хаты,
 На влажныхъ берегахъ бродящія стада,
 Овины дымные и мельницы крылаты;
 Вездѣ слѣды довольства и труда.
 Я здѣсь, отъ суетныхъ оковъ освобожденный,
 Учуся въ истинѣ блаженство находить,
 Свободною душой законъ боготворить,
 Роптанью не внимать толпы непросвѣщенной,
 Участьемъ отвѣчать застѣнчивой мольбѣ,
 И не завидовать судьбѣ
 Злодѣя или глупца въ величїи неправомъ.
 Оракулы вѣковъ, здѣсь вопрошаю васъ!

Въ уединеньѣ величавомъ
 Слышиѣе вашъ отрадный гласъ:
 Онъ гонитъ лѣни сонъ угрюмый,
 Къ трудамъ рождаетъ жаръ во мѣ,
 И ваши творческія думы
 Въ душевной зрѣютъ глубинѣ.
 Но мысль ужасная здѣсь душу омрачаетъ:
 Среди цвѣтущихъ нивъ и горъ
 Другъ человѣчества печально замѣчаетъ
 Вездѣ невѣжества губительный позоръ.
 Не видя слезъ, не внемля стоа,
 На пагубу людей избранное судьбой,
 Здѣсь барство дикое, безъ чувства, безъ закона,
 Присвоило себѣ насильственной лозой
 И трудъ, и собственность, и время земледѣльца.
 Склонясь на чуждый плугъ, покорствуя бичамъ.
 Здѣсь рабство тоще влачится по браздамъ
 Неумолимаго владѣльца.
 Здѣсь тягостный яремъ до гроба все влекутъ;
 Надеждъ и склонностей въ душѣ питать не смѣя,
 Здѣсь дѣвы юныя цвѣтутъ
 Для прихоти развратнаго злодѣя;
 Опора милая старѣющихъ отцовъ,
 Младые сыновья, товарищи трудовъ,
 Изъ хижины родной идутъ собою множить
 Дворовыя толпы измученныхъ рабовъ.
 О, если бъ голосъ мой умѣлъ сердца тревожить!
 Почто въ груди моей горитъ безплодный жаръ
 И не данъ мнѣ въ удѣлъ витійства грозный даръ?
 Увижу ль я, друзья, народъ неугнетенный
 И рабство падшее по манію цари,
 И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
 Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря?

[Стихотвореніе писано въ Михайловскомъ, и послѣдняя его половина, начинающая со ст. 35, впервые явилась въ печати только въ изданіи 1870 г., а до тѣхъ поръ изъ нея являлись только отрывки въ «Библиогр. Запискахъ» 1858, № 11, и въ «Моск. Вѣд.» 1861, № 11, въ рѣчи Погодина (12 янв.) по случаю освобожденія крестьянъ. Г. Жихаревъ, въ своей статьѣ о Чаадаевѣ («Вѣстн. Евр.» 1871, № 7) говоритъ, что императоръ Александръ Павловичъ, желая ознакомиться съ произведеніями Пушкина, обратился къ князю И. А. Васильчикову, которому его адъютантъ Чаадаевъ и доставилъ это стихотвореніе. Государю оно понравилось, и онъ сказалъ князю: «Faites remercier Pouchkine des bons sentiments, que ces vers inspirent.»]

Д О М О В О М У.

Помѣстья мирнаго незримый покровитель,
 Тебя молю, мой добрый домовой,
 Храни селенье, лѣсъ и дикій садикъ мой
 И скромную семьи моей обитель!
 Да не вредятъ полямъ опасный хладъ дождей
 И вѣтра поздняго осенніе набѣги;
 Да въ пору благотворны снѣги
 Покроютъ влажный тукъ полей!
 Останься тайный стражъ въ наслѣдственной сѣни,
 Постигни робостью полуночнаго вора,
 И отъ недружескаго взора
 Счастливымъ домикъ охрани!
 Ходи вокругъ него заботливымъ дозоромъ,
 Люби мой милый садъ, и берегъ сонныхъ водъ,
 И сей укромный огородъ
 Съ калиткой ветхою, съ обрушеннымъ заборомъ!
 Люби зеленый скатъ холмовъ,
 Луга, измятые моей бродящей лѣнью,
 Прохладу липъ и кленовъ шумный кровъ:
 Они знакомы вдохновенью.

НЕДОКОНЧЕННАЯ КАРТИНА.

Чья мысль восторгомъ угадала,
 Постигла тайну красоты?
 Чья кисть, о небо, означала
 Сіи небесныя черты?

Ты гений!.. Но любви страданья
 Его сразили. Взоръ нѣмой
 Вперилъ онъ на свое созданье,
 И гаснетъ пламенной душой...

ВОЗРОЖДЕНИЕ.

Художникъ-варваръ кистью сонной
 Картину генія чернить
 И свой рисунокъ беззаконный
 Надъ ней бессмысленно чертить.

Но краски чуждыя, съ лѣтами,
 Спадаютъ ветхой чешуей;
 Созданье генія предъ нами
 Выходитъ съ прежней красотой.

Такъ исчезаютъ заблужденья
 Съ измученной души моей,
 И возникаютъ въ ней видѣнья
 Первоначальныхъ, чистыхъ дней.

ОТВѢТЪ НА ВЫЗОВЪ НАПИСАТЬ СТИХИ ВЪ ЧЕСТЬ
 ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИЗАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ.

На лирѣ скромной, благородной,
 Земныхъ боговъ я не хвалилъ,
 И силѣ, въ гордости свободной,
 Кадиломъ лести не кадилъ.
 Свободу лишь умѣя славить,
 Стихами жертвуя лишь ей,
 Я не рожденъ царей забавить
 Стыдливой музою моею.
 Но, признаюсь, подъ Геликономъ,
 Гдѣ касталійскій токъ шумѣлъ,
 Я, вдохновенный Аполлономъ,
 Елизавету втайнѣ пѣлъ.
 Небеснаго земной свидѣтель,
 Воспламененною душой,
 Я пѣлъ на тронѣ добродѣтель
 Съ ея привѣтливой красой.
 Любовь и тайная свобода
 Внушали сердцу гимнъ простой —
 И неподкупный голосъ мой
 Былъ эхо русскаго народа.

НИКИТЪ ВСЕВОЛОДЪ ВСЕВОЛОЖСКОМУ.

Прости, счастливый сынъ пировъ,
 Балованный дитя свободы!
 Итакъ, отъ нашихъ береговъ,
 Отъ мертвой области рабовъ,
 Капральства, прихотей и моды,
 Ты скачешь въ мирную Москву,
 Гдѣ наслажденьямъ знаютъ цѣну.
 Безпечно дремлютъ на яву
 И въ жизни любятъ перемѣну.
 Въ сей азіатской сторонѣ,
 Насъ увѣряютъ, жизнь игрушка!
 Въ почтенной кичкѣ, пушунѣ,
 Москва — премилая старушка.
 Разнообразной и живой
 Она плѣняетъ пестротой,
 Старинной роскошью, пирами,
 Невѣстами, колоколами,
 Забавной, легкой суетой,
 Невинной прозой и стихами.
 Ты тамъ на шумныхъ вечерахъ
 Увидишь важное бездѣлье,
 Жеманство въ тонкихъ кружевахъ,
 И глупость въ золотыхъ очкахъ.
 И тучной знатности похмѣлье,
 И скуку съ картами въ рукахъ.
 Всего минутный наблюдатель,
 Ты посмѣешься подъ рукой;
 Но вскорѣ, вѣрный обожатель
 Забавъ и лѣни золотой,
 Держася моего совѣта
 И волю всей душой любя,
 Оставишь кругъ большого свѣта
 И жить рѣшишься для себя.
 Уже въ пріютѣ отдаленномъ
 Я вижу мысленно тебя:
 Кипитъ въ бокалѣ опѣненномъ
 Аи холодная струя ¹⁾

¹⁾ Champagne L. D. M. frappé à la glace. А. П.

соч. А. С. Пушкина. Т. I.

Въ густомъ дыму лѣнивыхъ трубокъ,
Въ халатахъ, новые друзья
Шумятъ и пьютъ; задорный кубокъ
Обходить ихъ безумный кругъ,
И мчится въ радостяхъ досугъ;
А тамъ египетскія дѣвы
Летаютъ, вьются предъ тобой;
Я слышу звонкіе напѣвы,
Стонъ нѣги, вопли, дикій вой!
Ихъ изступленныя движенья,
Огонь неистовыхъ очей
И все, мой другъ, въ душѣ твоей
Рождаетъ трепеть упоенья...
Но вспомни, милый: здѣсь одна,
Тебя всечасно ожидая,
Вздыхаетъ плѣнница младая;
Весь день уныла и томна,
Въ своей задумчивости сладкой,
Тихонько плачетъ подъ окномъ
Отъ грозныхъ аргусовъ украдкой,
И смотритъ на пустынный домъ,
Гдѣ мы такъ часто пировали
Съ Кипридой, Вакхомъ и тобой,
Куда съ надеждой и тоской
Ея желанья улетали.
О, скоро ль милаго найдутъ
Ея потушенные взоры,
И предъ любовью упадутъ
Замковъ ревнивые затворы?
А нашъ осиротѣлый кругъ,
Товарищъ, скоро ль оживится?
Когда прискачешь, милый другъ?
Душа вослѣдъ тебѣ стремится.
Гдѣ бъ ни былъ ты, возьми вѣнокъ
Изъ рукъ младого сладострастья,
И докажи, что ты знатокъ
Въ невѣдомой наукѣ счастья.

27 ноября.

КН. А. М. ГОРЧАКОВУ.

Питомецъ моды, большого свѣта другъ,
 Обычаевъ блестящихъ наблюдатель,
 Ты мнѣ велишь оставить мирный кругъ,
 Гдѣ, красоты безпечный обожатель,
 Я провожу незнаемый досугъ.
 Какъ ты, мой другъ, въ неопытныя лѣта,
 Опасною прельщенный суетой,
 Терялъ я жизнь, и чувства, и покой;
 Но угорѣлъ въ чаду большого свѣта
 И отдохнуть убрался я домой.
 И, признаюсь, мнѣ во сто кратъ милѣе
 Младыхъ повѣсь счастливая семья,
 Гдѣ умъ кипитъ, гдѣ въ мысляхъ воленъ я,
 Гдѣ спорю вслухъ, гдѣ чувствую сильнѣе,
 И гдѣ мы всѣ прекраснаго друзья,—
 Чѣмъ вялое, бездушное собранье,
 Гдѣ умъ хранить невольное молчанье,
 Гдѣ холодомъ сердца поражены,
 Гдѣ Бутурлинъ невѣждъ законодатель,
 Гдѣ Шёппингъ — царь, а скука — председатель,
 Гдѣ глупостью единой всѣ равны.
 Я помню сихъ дѣтей честолюбивыхъ,
 Злыхъ безъ ума, безъ гордости спѣсивыхъ,
 И, разглядѣвъ тирановъ модныхъ заль,
 Чуждаюсь ихъ укоровъ и похвалъ!..
 Когда въ кругу Лайсъ благочестивыхъ
 Затянутый невѣжда-генералъ
 Красавицамъ изношеннымъ и соннымъ
 Съ трудомъ острить французскій мадригалъ,
 Глядя на всѣхъ съ нахальствомъ благосклоннымъ,
 И всѣ вокругъ и дремлютъ, и молчатъ,
 Крутятъ усы, иль шпорами бренчатъ,
 Да изрѣдка съ улыбкою зѣваютъ —
 Тогда, мой другъ, забытыхъ шалуновъ
 Свобода, Вакхъ и музы угощаютъ.
 Не слышу я въ то время острыхъ словъ,
 Политики смѣшного лепетанья,
 Не вижу я украшенныхъ глупцовъ,
 Святыхъ невѣждъ, почетныхъ подлецовъ,

И мистика придворнаго кривлянья!..
 И ты, харитъ любовникъ своевольный,
 Пріятный лжець, язвительный болтунъ,
 По прежнему острякъ небогомольный,
 По прежнему философъ и шалунъ,
 И ты на мигъ оставь своихъ вельможъ
 И малый кругъ друзей моихъ умножь.

КЪ НЕМУ ЖЕ.

(Отрывокъ).

Ужъ я не тотъ! мои златые годы,
 Безумства жаръ, веселость, острота,
 Любовь стиховъ, любовь моей свободы —
 Проходить все, какъ легкая мечта.
 Такъ, иногда, за чашей ликованья
 Найдешь меня, объятаго тоской,
 Задумчивымъ, съ поникшей головой
 И ты поймешь души моей страданья!

ВЕСЕЛЫЙ ПИРЬ.

Я люблю вечерній пирь,
 Гдѣ веселье предсѣдатель,
 А свобода, мой кумиръ,
 За столомъ законодатель;
 Гдѣ до утра слово «пей»
 Заглушаетъ крики пѣсень,
 Гдѣ просторенъ кругъ гостей,
 А кружокъ бутылокъ тѣсень!

[Отнесено нами къ 1819 году, такъ какъ въ рукописяхъ находится среди черновыхъ набросковъ четвертой пѣсни «Руслана и Людмилы». Въ рукописи можно разобрать еще одинъ куплетъ:

Я люблю въ моемъ стеклѣ
 Часто видѣть перемѣну,
 Радъ я вафлямъ на столѣ,
 Пирогу я знаю цѣну.]

НА А. М. КОЛОСОВУ.

Все плѣняетъ насъ въ Эсеири:
 Упоительная рѣчь,
 Поступь важная въ порфирѣ,
 Кудри черныя до плечь,
 Голосъ нѣжный, взоръ любви,
 Набѣленная рука,
 Размалеванныя брови
 И огромная нога!

[Александра Михайловна Колосова, вышедшая впоследствии за известнаго трагика Вас. Андр. Каратыгина, выступила на сцену въ 1-й разъ 16 декабря 1818 г., въ роли Антгоны («Эдипъ въ Афинахъ»), во 2-й—30 декабря, въ роли Моины («Фингалъ») и въ 3-й—3 января 1819, въ роли Эсеири, въ которой отличалась К. С. Семенова. Члены общества «Зеленой Лампы» были поклонниками Семеновой, и потому Пушкинъ встрѣтилъ новую дебютантку эпиграммой, за которую извинился впоследствии, въ 1821 г., въ стихотвореніи къ Катенину («Кто мнѣ пришлетъ ея портретъ»). См. Воспоминанія А. М. Каратыгиной въ «Рус. Стар.» 1879, № 6 и Арапова «Лѣтопись рус. театра» (Спб. 1861), стр. 271—274.]

ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ.

* *
 *

Напрасно, милый другъ, я мыслилъ утаить
 Тоскующей души холодное волненье;
 Ты поняла меня: проходить упоенье,
 Перестая тебя любить...
 Исчезли навсегда часы очарованья,
 Пора прекрасная прошла,
 Погасли юныя желанья,
 Надежда въ сердцѣ умерла...

* *
 *

Вспоминаемъсь упоенный,
 Съ благоговѣньемъ и тоской
 Объемлю грозный мраморъ твой,

Кагула памятникъ надменный!
 Не смѣлый подвигъ россиянь,
 Не слава, даръ Екатеринѣ,
 Не Задунайскій великанъ
 Меня воспаменяють нынѣ...

.....

—

[Въ другой рукописи этому наброску придана иная редакція:

Къ Кагульскому памятнику.

Побѣды памятникъ надменный,
 Съ благоговѣньемъ и тоской
 Объемлю грозный мраморъ твой.
 Воспоминаемъ оживленный.
 Не подвигъ Росса, не султанъ,
 Не Задунайскій великанъ
 Тревожатъ...

1819. 30 мая.

Памятникъ Кагульской побѣды гр. Румянцева — въ Царскомъ Селѣ, среди пруда.]

* *
 *

Скажи, какія заклинанья
 Имѣють надъ тобою власть?
 Всѣ хороши; на всѣ призванья
 Готовъ я какъ-бы съ неба пасть,—
 Довольно одного желанья,
 Я, какъ догадливый холопъ:
 Въ ладоши по-турецки хлопъ.
 Присвистни, позвони, и мигомъ
 Явлюсь, — таковъ ужъ мой удѣлъ.
 Мнѣ должно жить подъ вѣчнымъ игомъ...

* *
 *

Все призракъ, суета,
 Все дрянъ и гадость;
 Стаканъ и красота—
 Вотъ жизни сладость.

.....

Любовь и вино
Намъ нужны равно;
Безъ нихъ человѣкъ
Зѣвалъ бы вовѣкъ.
Къ нимъ лѣнь еще прибавлю,—
Лѣнь съ ними заодно;
Любовь я съ нею славлю,—
Она мнѣ льетъ вино.

1820.

Д О Р И Д А.

Въ Доридѣ нравятся и локоны золотые,
И блѣдное лицо, и очи голубыя.
Вчера, друзей моихъ оставя пиръ ночной,
Въ ея объятіяхъ я нѣгу шлъ душой;
Восторги быстрые восторгами смѣнялись,
Желанья гасли вдругъ и снова разгорались...
Я таялъ; но среди невѣрной темноты
Другія милыя мнѣ видѣлись черты,
И весь я полонъ былъ таинственной печали,
И имя чуждое уста мои шептали.

Д О Р И Д Ѣ.

(Подражаніе А. Шенье).

Я вѣрю: я любимъ; для сердца нужно вѣрить.
Нѣтъ, милая моя не можетъ лицемѣрить;
Все непритворно въ ней: желаній томный жаръ,
Стыдливость робкая — харитъ безцѣнный даръ,
Нарядовъ и рѣчей пріятная небрежность,
И ласковыхъ именъ младенческая нѣжность *).

---

*) Последній стихъ представляетъ переводъ стиха Шенье: «Et des noms caressants la mollesse enfantine».

ОЛЕНЬКЪ МАССОНЪ.

Ольга, крестница Киприды.
 Ольга, чудо красоты,
 Какъ же ласки и обиды
 Расточать привыкла ты!
 Поцѣлуемъ сладострастья —
 Соблазнительнаго счастья
 Назначаешь тайный часъ;
 Мы съ горячкою любовной
 Прибѣгаемъ въ часъ условный —
 Въ дверь стучимъ; но въ сотый разъ
 Слышимъ твой коварный попотъ,
 И служанки сонный ропотъ,
 И насмѣшливый отказъ.
 Ради рѣзваго разврата,
 Приапическихъ затѣй,
 Ради нѣги, ради злата,
 Ради прелести твоей,
 Ольга, жрица наслажденья,
 Внемли напѣ влюбленный плачъ —
 День восторговъ, день забвенья
 Намъ навѣрное назначъ.

[См. Анненкова, Пушкинъ. стр. 64.]

ПЛАТОНИЗМЪ.

Я знаю, Лиденъка, мой другъ.
 Кому въ задумчивости сладкой
 Ты посвящаешь свой досугъ,
 Кому ты жертвуешь украдкой
 Отъ подозрительныхъ подругъ.
 Тебя страшить проказникъ милый.
 Очарователь легкокрылый,
 И хладной важностью своей
 Тебѣ несносенъ Гименей;
 Ты молишься другому богу —

Своей покорствуя судьбѣ,
 Восторги пылкіе къ тебѣ
 Нашли пустынную дорогу.
 Я понялъ слабый жаръ очей,
 Я понялъ взоръ полукрытый,
 И поблѣднѣвшія ланиты,
 И томность поступи твоей...
 Твой богъ не полною отрадой
 Своихъ поклонниковъ дарить;
 Его таинственной наградой
 Младая скромность дорожить;
 Онъ любить сны воображенья,
 Онъ терпитъ на дверяхъ замокъ,
 Онъ другъ стыдливый наслажденья,
 Онъ братъ любви — но одинокъ.
 Когда бессонницей унылой
 Во тьмѣ ночной томишься ты,
 Онъ оживляетъ тайной силой
 Твои неясныя мечты,
 Вдыхаетъ нѣжно съ бѣдной Лидой
 И гонитъ тихою рукой
 И сны, внушенные Кипридой,
 И сладкій, дѣвственный покой.
 Въ уединенномъ упоеньѣ
 Ты мыслишь обмануть любовь!
 Напрасно — въ самомъ наслажденьѣ
 Томишься и вдыхаешь вновь!
 Амуръ ужели не заглянетъ
 Въ неосвященный твой пріютъ?
 Твоя краса какъ роза вянетъ,
 Минуты юности бѣгутъ...
 Ужель мольба моя напрасна?
 Забудь преступныя мечты:
 Не вѣчно будешь ты прекрасна,
 Не для себя прекрасна ты!

[Переводъ стихотворенія Парни. Другой переводъ этой-же пьесы, сдѣланный въ 1821 г. К. Ѡ. Рылѣевымъ, напечатанъ въ его «Сочиненіяхъ», изд. 1874, стр. 170.]

* * *

Мнѣ бой знакомъ — люблю я звукъ мечей;
 Отъ первыхъ лѣтъ поклонникъ бранной славы,
 Люблю войны кровавыя забавы,
 И смерти мысль мила душѣ моей.
 Во цвѣтѣ лѣтъ свободы вѣрный воинъ,
 Передъ собой кто смерти не видалъ,
 Тотъ полного веселья не вкушалъ
 И милыхъ женъ лобзаній не достоинъ.

ОДА ВОЛЬНОСТЬ.

(Отрывки).

Бѣги, сокройся отъ очей,
 Цитеры слабая царица!
 Гдѣ ты, гдѣ ты — —
 Свободы гордая пѣвица?
 Приди, сорви съ меня вѣнокъ,
 Разбей изнѣженную лиру:
 Хочу воспѣть я вольность міру,
 — — поразить порокъ.

Открой мнѣ благородный слѣдъ
 Того возвышеннаго галла,
 Кому сама средь грозныхъ бѣдъ
 Ты гимны смѣлые внушала *).
 Любимцы вѣтреной судьбы,
 Тираны міра, трепещите!
 А вы — мужайтесь и внемлите,
 Возстаньте, падшіе рабы!

Увы, куда ни брошу взоръ,
 Вездѣ бичи, вездѣ желѣзы,
 Законовъ гибельный позоръ,
 Неволи немощныя слезы.

*) А. Шенье.

Вездѣ неправедная власть
 Въ сгущенной мглѣ предразсужденій,
 Вездѣ неволи грозный геній
 И къ славѣ роковая страсть.

Лишь тамъ — — —
 Не слышится людей стenanье,
 Гдѣ крѣпко съ вольностью святой
 Законовъ мощныхъ сочетанье,
 Гдѣ всѣмъ простертъ ихъ твердый щитъ,
 Гдѣ, сжатый вѣрными руками,
 Гражданъ надъ равными главами
 Ихъ мечъ безъ выбора скользитъ.

Гдѣ преступленье съ высока
 Разится праведнымъ размахомъ;
 Гдѣ неподкупна ихъ рука
 Ни къ злату алчностью, ни страхомъ...
 . . . . . *)
 Тебя въ свидѣтели зову,
 О мученикъ ошибокъ славныхъ.
 За предковъ, въ шумѣ бурь недавнихъ.
 Сложившій царскую главу!

Восходить къ смерти Людовикъ,
 Въ виду безмолвнаго потомства,
 Челомъ развѣнчаннымъ приникъ
 Къ кровавой плахѣ вѣроломства.
 Молчить законъ, народъ молчить.
 И лишь главу снесла сѣкира,
 Какъ самовластная порфира
 На галлахъ скованныхъ лежитъ...

Самовластительный злодѣй,
 Тебя, твой родъ я ненавижу,
 Твою погибель, смерть дѣтей
 Съ свирѣпой радостью я вижу.
 Читаютъ на твоёмъ челѣ
 Печать проклятiя народы;
 Ты — ужасъ неба, срамъ природы,
 Упрекъ ты Богу на землѣ.

*) Пропущено 8 стиховъ.

Когда — — —
 Звѣзда полуночи сверкаетъ
 И беззаботную главу
 Спокойно сонъ къ себѣ склоняетъ,
 Глядитъ задумчивый пѣвецъ
 На грозный, спящій средь тумана
 Пустынный памятникъ тирана,
 Забвенью брошенный дворецъ.

Онъ слышитъ Кліи страшный гласъ
 Надъ сими мрачными стѣнами,
 Калигулы послѣдній часъ
 Онъ видитъ живо предъ очами...
 . . . . . *)

[Это стихотвореніе, вмѣстѣ съ помѣщаемыми ниже эпиграммами на Аракчеева, было причиною высылки Пушкина изъ Петербурга, 5 мая 1820 г. Известно, что ему грозило наказаніе гораздо болѣе суровое—сылка въ Сибирь или даже заточеніе въ Оловцовскомъ монастырѣ, но оно было устранено, благодаря хлопотамъ Чаадаева и заступничеству Карамзина и гр. Каподистрии, тогдашняго министра иностр. дѣлъ. Подробности см. въ статьѣ О. Н. Глинки: «Удаленіе Пушкина изъ Петербурга въ 1820 году» — «Рус. Арх.» 1866, стр. 917—922, и въ книгѣ П. В. Аннепкова «Пушкинъ», стр. 139—143. О самой-же одѣ см. «Воспоминанія» Вигеля, VI, 84—85. Въ настоящемъ изданіи она исправлена по автографу, принадлежащему Е. И. Якушкину.]

НА АРАКЧЕЕВА.

I.

Всей Россіи притѣснитель,
 Губернаторовъ мучитель,
 И Совѣта онъ учитель,
 А Царю — онъ другъ и братъ.
 Полонъ злобы, полонъ мести,
 Безъ ума, безъ чувствъ, безъ чести —
 Кто жъ онъ, «преданный безъ лести?»
 Просто фрунтовой солдатъ.

*) Пропущено 20 стиховъ.

II.

Холопь — —!
 Благодарю свою судьбу:
 Ты стоишь лавровъ Герострата,
 Иль смерти вѣнца Коцебу...

.....

[О графѣ А. А. Аракчеевѣ (1769—1834) нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній можно найти въ «Запискахъ о моей жизни» Н. И. Греча (Спб. 1886), стр. 247 и сл.]

* * *

Погасло дневное свѣтило;
 На море синее вечерній палъ туманъ.
 Шумы, шуми, послушное вѣтрило,
 Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ!
 Я вижу берегъ отдаленный,
 Земли полуденной волшебные края:
 Съ волненьемъ и тоской туда стремлюся я,
 Воспоминаемъ упоенный,
 И чувствую: въ очахъ родились слезы вновь;
 Душа кипитъ и замираетъ;
 Мечта знакомая вокругъ меня летаетъ;
 Я вспомнилъ прежнихъ лѣтъ безумную любовь,
 И все, чѣмъ я страдалъ, и все, что сердцу мило,
 Желаній и надеждъ томительный обманъ...
 Шумы, шуми, послушное вѣтрило,
 Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ!

Лети, корабль, носи меня къ предѣламъ дальнымъ
 По грозной прихоти обманчивыхъ морей,
 Но только не къ брегамъ печальнымъ
 Туманной родины моей,
 Страны, гдѣ пламенемъ страстей
 Впервые чувства разгорались,
 Гдѣ музы нѣжныя мнѣ тайно улыбались,
 Гдѣ рано въ буряхъ отцвѣла
 Моя потерянная младость

Гдѣ легкокрылая мнѣ измѣнила радость
 И сердце хладное страданью предала.
 Искатель новыхъ впечатлѣній,
 Я васъ бѣжалъ, отечески края,
 Я васъ бѣжалъ, питомцы наслажденій,
 Минутной младости минутные друзья;
 И вы, наперсницы порочныхъ заблужденій,
 Которымъ безъ любви я жертвовалъ собой,
 Покоемъ, славою, свободой и душой,
 И вы забыты мной, измѣнницы младыя,
 Подруги тайныя моей весны златыя,
 И вы забыты мной... Но прежнихъ сердца ранъ,
 Глубокихъ ранъ любви, ничто не излѣчило...
 Шумы, шуми, послушное вѣтрило,
 Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ!..
 Черное море. 1820. Сентябрь.

[Въ письмѣ къ брату, отъ 24 сент. 1820, Пушкинъ сообщаетъ, что написалъ эту элегію ночью, на кораблѣ, при перѣздѣ изъ Теодосіи въ Юрзуфъ съ Раевскими. Въ тетради, съ которой печаталось изданіе 1826 года, это стихотвореніе названо «Черное Море» и къ нему приписанъ былъ эпитафій изъ пѣсни Чайльдъ-Гарольда: «Good night, my native land!» Затѣмъ это заглавіе было уничтожено, и только въ оглавленіи поставлены слова: «Подражаніе Байрону.»]

Э Л Е Г И Я.

Увы, зачѣмъ она блистаетъ
 Минутной, нѣжной красотой!
 Она примѣтно увядаетъ
 Во цвѣтѣ юности живой...
 Увянетъ! Жизнью молодою
 Недолго наслаждаться ей,
 Недолго радовать собою
 Счастливый кругъ семьи своей,
 Безпечной, милой острою
 Бесѣды наши оживлять,
 И тихой, ясною душою
 Страдальца душу улаждать.
 Спѣшу въ волненьѣ думъ тяжелыхъ,

Сокрывъ уныніе мое,
 Наслушаться рѣчей веселыхъ
 И наглядѣться на нее.
 Смотрю на всѣ ея движенья,
 Внимаю каждый звукъ рѣчей,
 И мигъ единый разлученья
 Ужасенъ для души моеѣ.

1820. Юрзуфъ.

[Такъ помѣчена эта злегія въ рукописи Рум. Музея. Въ записной же книжкѣ, хранящейся въ Имп. Публ. Б—кѣ, находимъ заключительное четверостишіе съ варіантомъ послѣднихъ двухъ стиховъ:

И краткій мигъ уединенья
 Неспосенъ для души моеѣ

и съ помѣтою: 8 февраля 1821. Кіевъ.

Стихотвореніе это относится къ одной изъ дочерей ген. Раевского, Еленѣ Николаевнѣ; старшая ея сестра, Екатерина Николаевна, вышла впоследствии (1821) за М. О. Орлова (ср. письмо Пушкина къ В. Л. Давыдову, нач. апрѣля 1821, гдѣ онъ называетъ Орлова «обритымъ рекрутомъ Гименея»), а младшая, Марья Николаевна — за кн. Серг. Гр. Волконскаго — впоследствии декабриста.]

* *
 *

О дѣва-роза, я въ оковахъ;
 Но не стыжусь твоихъ оковъ:
 Такъ соловей въ кустахъ лавровыхъ,
 Пернатый царь лѣсныхъ пѣвцовъ,
 Близъ розы гордой и прекрасной
 Въ неволѣ сладостной живетъ,
 И нѣжно пѣсни ей поетъ
 Во мракѣ ночи сладострастной.

[Относится къ той же Е. Н. Раевской, какъ и предыдущее стихотвореніе.]

ВІНОГРАДЪ.

Не стану я жалѣть о розахъ,
 Увядшихъ съ легкою весной;
 Мнѣ милъ и виноградъ на лозахъ,
 Въ кистяхъ созрѣвшій подъ горой,

Краса моей долины влачной,
 Отрада осени золотой,
 Продолговатый и прозрачный,
 Какъ персты дѣвы молодой.

НЕРЕИДА.

Среди зеленыхъ волнъ, лобзающихъ Тавриду,
 На утренней зарѣ я видѣлъ Нереиду.
 Сокрытый межъ оливъ, едва я смѣлъ дохнуть:
 Надъ ясной влагою полубогиня грудь
 Младую, бѣлую какъ лебѣдь, воздымала
 И пѣву изъ власовъ струею выжимала...

Каменка.

* *
 * *

Рѣдѣть облаковъ летучая гряда.
 Звѣзда печальная, вечерняя звѣзда!
 Твой лучъ осеребрилъ увядшія равнины,
 И дремлющій заливъ, и черныхъ скалъ вершины.
 Люблю твой слабый свѣтъ въ небесной выпинѣ:
 Онъ думы разбудилъ уснувшія во мнѣ.
 Я помню твой восходъ, знакомое свѣтило,
 Надъ мирною страной, гдѣ все для сердца мило,
 Гдѣ стройно тополи въ долинахъ вознеслись,
 Гдѣ дремлетъ нѣжный миртъ и темный кипарисъ,
 И сладостно шумятъ таврическія волны.
 Тамъ нѣкогда въ горахъ, сердечной думы полный,
 Надъ моремъ я влачилъ задумчивую лѣнь,
 Когда на хижины сходила ночи тѣнь
 И дѣва юная во мглѣ тебя искала
 И именемъ своимъ — подругамъ называла.

Каменка.

[Это и предыдущее стихотворенія написаны въ Каменкѣ, имѣніи Раевскихъ въ Чигиринскомъ уѣздѣ Киевской губ. и представляютъ воспоминанія о жизни поэта въ Крыму. Оно относится также къ Е. Н. Раевской, и Пушкинъ очень сердился на А. А. Бестужева за то, что тотъ безъ спроса напечаталъ эти стихи въ своей «Полярной Звѣздѣ» 1824. Въ изданіи 1826 г. онъ замѣнилъ таврическія волны полуденными и вмѣсто оливъ поставилъ деревья,—съ цѣлью скрыть истинный смыслъ стихотворенія. См. т. VII, п. 57 и 63.]

Ч А А Д А Е В У.

Къ чему холодныя сомнѣнья?
 Я вѣрю: здѣсь былъ грозный храмъ,
 Гдѣ крови жаждающимъ богамъ
 Дымились жертвоприношенья;
 Здѣсь успокоена была
 Вражда свирѣпой Эмениды:
 Здѣсь провозвѣстница Тавриды
 На брата руку занесла!
 На сихъ развалинахъ свершилось
 Святое дружбы торжество,
 И душъ великихъ божество
 Своимъ созданьемъ возгордилось...

. . . . .
 Чадаевъ, помнишь ли былое?
 Давно ль съ восторгомъ молодымъ
 Я мыслилъ имя роковое
 Предать развалинамъ инымъ?
 Но въ сердцѣ, бурями смиренномъ,
 Теперь и лѣнь, и тишина,
 И въ умиленьѣ вдохновенномъ,
 На камнѣ, дружбой освященномъ,
 Пишу я наши имена.

(Съ морского берега Тавриды.)

[Въ письмѣ, написанномъ, четыре года спустя, къ Дельвигу и напечатанномъ въ «Сѣв. Цвѣтахъ» на 1826 годъ (см. т. VII, п. 89). Пушкинъ говоритъ: «Георгіевскій монастырь и его крутая лѣстница къ морю оставили во мнѣ сильное впечатлѣніе. Тутъ же видѣлъ я баснословныя развалины храма Діаны. Видно, идеологическія преданія счастливѣе для меня воспоминаній историческихъ: по крайней мѣрѣ, тутъ посѣтили меня рѣмы...» Ср. выше, стр. 190.]

ФОНТАНУ БАХЧИСАРАЙСКАГО ДВОРЦА.

Фонтанъ любви, фонтанъ живой!
 Принесъ я въ даръ тебѣ двѣ розы.
 Люблю немолчный говоръ твой
 И поэтическія слезы.

Твоя серебряная пыль
 Меня кропитъ росю хладной:
 Ахъ, лейся, лейся, ключъ отраднѣй!
 Журчи, журчи свою мнѣ былъ...

Фонтанъ любви, фонтанъ печальный:
 И я твой мраморъ вопрошалъ:
 Хвалу странѣ прочелъ я дальней;
 Но о Маріи ты молчалъ...

Свѣтило блѣдное гарема!
 И здѣсь ужель забвенно ты?
 Или Марія и Зарема —
 Однѣ счастливыя мечты?

Иль только сонъ воображенья
 Въ пустынной мглѣ нарисовалъ
 Свои минутныя видѣнья,
 Души неясный идеалъ?

[* Въ Бахчисарай — продолжаетъ Пушкинъ въ томъ же письмѣ къ Дельвигу — пріѣхалъ я больной. Я прежде слышалъ о страшномъ памятникѣ влюбленнаго хана. К*** (Катерина Ник. Раевская) поэтически описывала мнѣ его, называя: la fontaine des larmes. Вошедъ во дворецъ, увидѣлъ я испорченный фонтанъ: изъ заржавой желѣзной трубки по камнямъ падала вода. Я обошелъ дворецъ съ большою досадою на небреженіе, въ которомъ онъ истиѣвается, и т. д.]

ДОЧЕРИ КАРАГЕОРГІЯ.

Гроза Луны, свободы воинъ,
 Покрытый кровію святой ¹⁾,
 Чудесный твой отецъ, преступникъ и герой,
 И ужаса людей, и славы былъ достоинъ.
 Тебя, младенца, онъ ласкалъ
 На пламенной груди рукой окровавленной;
 Твоей игрушкой былъ кинжалъ,
 Братоубійствомъ изощренный.
 Какъ часто, возбудивъ свирѣпой мести жаръ,

¹⁾ Отца и брата. А. Л.

Онъ молча, надъ твоей невинной колыбелью,
 Убийства новаго обдумывалъ ударъ,
 И лепеть твой внималъ, и не былъ чуждъ веселью!
 Таковъ былъ: сумрачный, ужасный до конца.
 Но ты, прекрасная, ты бурный вѣкъ отца
 Смиренной жизнию предъ небомъ искупила:
     Съ могилы грозной къ небесамъ
     Она, какъ сладкій ѳиміамъ,
 Какъ чистая любви молитва восходила.
 Кишиневъ, 5 октября.

[Карагеоргій или Георгій Черный, преданіе о которомъ Пушкинъ воспроизвелъ въ послѣдствіи въ одной изъ «пѣсень западныхъ славянъ», былъ убитъ въ 1817 году. Передъ тѣмъ онъ жилъ нѣкоторое время въ Россіи, а его семейство долго потомъ оставалось въ Хотинѣ, недалеко отъ Кишинева. Дочери Карагеоргія, какъ говоритъ И. П. Липранди (Рус. Арх. 1866, стр. 1265), Пушкинъ никогда не видалъ; рассказы же о немъ могъ слышать отъ русскихъ офицеровъ, сражавшихся вмѣстѣ съ сербами въ послѣднюю турецкую войну, и отъ сербскихъ воеводъ, поселившихся въ Кишиневѣ и встрѣчавшихся съ нимъ у Липранди.]

ЧЕРНАЯ ШАЛЬ.

Молдавская пѣсня.

Гляжу какъ безумный на черную шаль,
 И хладную душу терзаетъ печаль.

Когда легковѣренъ и молодъ я былъ,
 Младую гречанку я страстно любилъ.

Прелестная дѣва ласкала меня;
 Но скоро я дожилъ до чернаго дня.

Однажды я созвалъ веселыхъ гостей;
 Ко мнѣ постучался презрѣнный еврей.

Съ тобою пируютъ (шепнулъ онъ) друзья;
 Тебѣ жъ измѣнила гречанка твоя.

Я далъ ему злата и проклялъ его,
 И вѣрнаго позвалъ раба моего.

Мы вышли: я мчался на быстромъ конѣ,
И кроткая жалость молчала во мнѣ.

Едва я завидѣлъ гречанки порогъ,
Глаза потемнѣли, я весь изнемогъ...

Въ покой отдаленный вхожу я одинъ...
Невѣрную дѣву лобзаль армянинъ.

Не взвидѣлъ я свѣта: булатъ загремѣлъ...
Прервать поцѣлуя злодѣй не успѣлъ.

Безглавое тѣло я долго топталъ,
И молча на дѣву, блѣднѣя, взиралъ.

Я помню моления, текущую кровь...
Погибла гречанка, погибла любовь.

Съ главы ея мертвой снявъ черную шаль,
Отеръ я безмолвно кровавую сталь.

Мой рабъ, какъ настала вечерняя мгла,
Въ дунайскія волны ихъ бросилъ тѣла.

Съ тѣхъ поръ не цѣлую прелестныхъ очей,
Съ тѣхъ поръ я не знаю веселыхъ ночей.

Гляжу какъ безумный на черную шаль,
И хладную душу терзаетъ печаль.

[Основною для этого стихотворенія послужила одна изъ пѣсенъ молодой молдаванки Мариулы, прислуживавшей въ кишиневской рестораціи, которую часто посѣщаль Пушкинъ. Въ 1823 году «Черная шаль» была положена А. Н. Верстовскимъ на музыку и, подъ именемъ Кантаты, исполнялась на московской сценѣ (Рус. Арх. 1864, № 7). Это вызвало рѣзкое осужденіе со стороны «Вѣстника Европы» (1824, № 1). Журналъ упрекалъ компоовитора за то, что онъ расточилъ такъ много музыкальнаго таланта на «темное злодѣяніе какихъ-то неизвѣстныхъ людей, молдаванъ, армянъ», и т. п.]

---

* * *

Мнѣ васъ не жаль, года весны моей,
Протекшіе въ мечтахъ любви напрасной;
Мнѣ васъ не жаль, о тайнства ночей,
Воспѣтыя цѣвницей сладострастной;

Мнѣ васъ не жаль, невѣрные друзья,
Вѣнки пировъ и чаши круговья,
Мнѣ васъ не жаль, измѣнницы младья, —
Задумчивый, забавъ чуждаюсь я.

Но гдѣ же вы, минуты умиленья,
Младыхъ надеждъ, сердечной тишины?
Гдѣ прежній жаръ и нѣга вдохновенья?..
Придите вновь, года моей весны!

Юрзуфъ, 20 октября.

[Рукопись Имп. Публ. В—ки.]

Э П И Г Р А М М Ы.

1.

На Каченовскаго.

Хавроніосъ! ругатель закоснѣлый,
Во тьмѣ, въ пыли, въ презрѣннѣхъ поспѣдѣлый,
Уймись, дружокъ! къ чему журнальный шумъ
И пасквилей томительная тупость?
«Затѣйникъ золь!» съ улыбкой скажетъ глупость;
«Невѣжда глупъ!» зѣвая, скажетъ умъ.

2.

Когда бь писать ты началъ сдурю,
Тогда бь навѣрно ты пролѣзъ
Сквозь нашу тѣсную цензуру,
Какъ увидешъ въ царствіе небесъ.

3.

На О. И. Толстого.

Въ жизни мрачной и презрѣнной
 Былъ онъ долго погруженъ;
 Долго всѣ концы вселенной
 Осквернялъ развратомъ онъ.
 Но, исправясь понемногу,
 Онъ загладилъ свой позоръ,
 И теперь онъ, слава Богу,
 Только что картежный воръ.

[Михаилъ Трофимовичъ Каченовскій (1775—1842), академикъ и профессоръ московскаго университета, издатель «Вѣстника Европы» до самаго прекращенія этого журнала въ 1830 г., получилъ прозвище «Зоила» главнымъ образомъ за свои критическія статьи объ исторіи Карамзина, а затѣмъ и за нападки на новое направленіе въ литературѣ, во имя стараго классицизма, котораго рѣшительнымъ сторонникомъ онъ былъ. Представители новаго направленія — кн. Вяземскій, Пушкинъ, Баратынскій и др. — не щадили его въ своихъ эпиграммахъ и журнальныхъ статьяхъ. Причину вражды кн. Вяземскій въ своей замѣткѣ «О двухъ статьяхъ, напечатанныхъ въ В. Европы» (Соч., I, 84) объясняетъ тѣмъ, что «Вѣстникъ Европы», съ тѣхъ поръ, какъ онъ составляемъ г. Каченовскимъ, сдѣлался, какъ бы для оправданія сего выраженія, составомъ оскорбленій, изливаемыхъ щедрою рукою на имена, почтеннѣйшія въ области литературы нашей.]

Третья эпиграмма относится къ извѣстному своими приключеніями гр. Федору Ивановичу Толстому, прозванному американцемъ, потому что онъ совершалъ вмѣстѣ съ Крузенштерномъ кругосвѣтное плаваніе. О немъ Пушкинъ упоминаетъ и въ посланіи къ Чаадаеву 1821. Его же изобразилъ Грибодовъ въ «Горѣ отъ ума»:

Ночной разбойникъ, дуэлистъ,
 Въ Камчатку сосланъ былъ, вернулся алеутомъ
 И крѣпко на руку нечистъ...]

ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ.

* * .
 *

Въ лѣсахъ Гаргаріи счастливой,
 За ланью быстрой и пугливой
 Стремится дикій Актеонъ.
 Уже на чистый небосклонъ
 Восходитъ блѣдная Діана —
 И въ сумракѣ пускаетъ онъ
 Стрѣлу послѣднюю колчана...

* *
*

На берегу, гдѣ дремлетъ лѣсъ священный,
Твое я имя повторялъ;
Тамъ часто я бродилъ уединенный
И вдаль глядѣлъ... и милой встрѣчи ждалъ.

* *
*

И чувствую, душа (моя)
Твоей любви, тебя достойна;
Зачѣмъ же не всегда (она)
Чиста, печальна и покойна?..

* *
*

Счастливъ, кто близъ тебя, любовникъ упоенный,
Безъ томной робости твой ловить свѣтлый взоръ,
Движенья милоя, игривый разговоръ,
И слѣдъ улыбки незабвенной.

~~~~~

1821.

ЗЕМЛЯ И МОРЕ *).

(Идиллія Москва).

Когда по синевѣ морей
Зефиръ скользитъ и тихо вѣетъ
Въ вѣтрила гордыхъ кораблей
И челны на волнахъ лелѣетъ;
Заботъ и думъ слагая грузъ,
Тогда лѣнюсь я веселѣе
И забываю пѣсни музъ:
Мнѣ моря сладкій шумъ милѣе.
Когда же волны по брегамъ
Ревутъ, кипятъ и пѣной плещутъ,
И громъ гремитъ по небесамъ,
И молніи во мракѣ блещутъ,
Я удаляюсь отъ морей
Въ гостепріимныя дубровы:
Земля мнѣ кажется вѣрнѣй,
И жалокъ мнѣ рыбакъ суровый:
Живетъ на утломъ онъ челнѣ,
Игралище слѣпой пучины,
А я въ надежной тишинѣ
Внимаю шумъ ручья долины.

8 февраля. Кіевъ.

*) Въ черновой рукописи названо: «Морской берегъ». Москъ (Μόσχος) — сиракузскій поэтъ, жившій около 159 г. до Р. X.

Д Ѣ В А.

Я говорилъ тебѣ: страшися дѣвы милой!
 Я зналъ: она сердца влечетъ невольной силой.
 Неосторожный другъ, я зналъ: нельзя при ней
 Иную замѣчать, иныхъ искать очей.
 Надежду потерявъ, забывъ измѣны сладость.
 Пылаетъ близъ нея задумчивая младость;
 Любимцы счастья, наперсники судьбы
 Смиренно ей несутъ влюбленные мольбы;
 Но дѣва гордая ихъ чувства ненавидитъ
 И, очи опустивъ, не внемлетъ и не видитъ.

Д І О Н Е Я.

Хромидъ въ тебя влюбленъ: онъ молодъ, и не разъ
 Украдкою вдвоемъ мы замѣчали васъ;
 Ты слушаешь его, въ безмолвіи краснѣя;
 Твой взоръ потупленный желаніемъ горитъ.
 И долго послѣ, Діонея,
 Улыбку нѣжную лицо твое хранить.

[Такъ напечатано это стихотвореніе въ янд. 1826 г. Первоначально же оно было помѣщено въ «Новостяхъ Литературы» 1825 года, № 4, въ слѣдующемъ видѣ:

Антологическій отрывокъ.

Подруга милая, я знаю, отчего
 Ты съ нынѣшней весной отъ нашихъ игръ отстала!
 Я тайну сердца твоего
 Давно, повѣрь мнѣ, угадала:
 Кларисъ въ тебя влюбленъ; онъ молодъ — и не разъ
 Украдкою вдвоемъ я замѣчала васъ;
 Ты слушаешь его въ безмолвіи, краснѣя,
 Твой взоръ потупленный желаніемъ горитъ...
 И долго послѣ, Галатея,
 Улыбку нѣжную лицо твое хранить.

М. В. Юзефовичъ въ «Руск. Арх.» 1880, III, 440 рассказываетъ, что А. Н. Раевскій, которому Пушкинъ прочелъ это стихотвореніе, пародировалъ его при гостяхъ, читая второй стихъ: «Ты нынѣшней весной отъ нашихъ игръ удрала.» Эта шутка заставила Пушкина отбросить начальное четверостишіе.]

КРАСАВИЦА ПЕРЕДЪ ЗЕРКАЛОМЪ.

Взгляни на милую, когда свое чело
Она предъ зеркаломъ цвѣтами окружаетъ,
Играетъ локономъ, и вѣрное стекло
Улыбку, хитрый взоръ и гордость отражаетъ.

МУЗА.

Въ младенчествѣ моемъ она меня любила
И семистольную цѣвницу мнѣ вручила;
Она внимала мнѣ съ улыбкой, и слегка
По звонкимъ скважинамъ пустого тростника
Уже наигрывалъ я слабыми перстами
И гимны важные, внушенные богами,
И пѣсни мирныя фригійскихъ пастуховъ.
Съ утра до вечера въ нѣмой тѣни дубовъ
Прилежно я внималъ урокамъ дѣвы тайной;
И радуя меня наградою случайной,
Откинувъ локоны отъ милаго чела,
Сама изъ рукъ моихъ свирѣль она брала:
Тростникъ былъ оживленъ божественнымъ дыханьемъ
И сердце наполнялъ святымъ очарованьемъ.

Февраля 14.

[Н. Д. Иванчинъ-Писаревъ въ Москвит. 1842, № 3, стр. 147 рассказываетъ, что въ 1828 г. въ Москвѣ Пушкинъ написалъ ему въ альбомъ это стихотвореніе и на вопросъ, почему именно оно, а не другое пришло ему на умъ, отвѣчалъ: «Я люблю его,—оно отзывается стихами Ватюшкова.» Разборъ этого стихотворенія напечатанъ Плетневымъ въ Трудахъ Вольнаго Общ. люб. рос. слов. 1822, XIX, 17; см. его Сочиненія, I, 53.]

ЖЕЛАНІЕ.

Кто видѣлъ край, гдѣ роскошью природы
Оживлены дубровы и луга,
Гдѣ весело шумятъ и блещутъ воды
И мирныя ласкаютъ берега,
Гдѣ на холмы, подъ лавровые своды,

Не смѣютъ лечь угрюмые снѣга?
Скажите мнѣ: кто видѣлъ край прелестный,
Гдѣ я любилъ, изгнанникъ неизвѣстный?

Златой предѣлъ, любимый край Эльвины!
Туда летятъ желанія мои.
Я помню горъ прибрежныя стремнины;
Прозрачныхъ водъ веселыя струи,
И тѣнь, и шумъ, и красныя долины,
Гдѣ бѣдныя простыхъ татаръ семьи,
Среди заботъ и съ дружбою взаимной,
Подъ кровлею живутъ гостепріимной.

Все мило тамъ красою безмятежной,
Все путника плѣняетъ и манить,
Какъ въ ясный день дорогою прибрежной
Привычный конь по склону горъ бѣжитъ.
Повсюду трудъ веселый и прилежный
Сады татаръ и нивы богатить,
Холмы цвѣтутъ, и въ листьяхъ винограда
Висятъ янтарь, ночныхъ пировъ отрада.

Все живо тамъ, все тамъ—очей отрада:
Въ тѣни оливъ уснувшія стада,
Вокругъ домовъ рѣшотки винограда,
Монастыри, селенья, города,
И моря шумъ, и говоръ водопада,
И средь валовъ бѣгущія суда,
И яркіе лучи златого Феба,
И синій сводъ полуденнаго неба.

Приду ли вновь, поклонникъ музъ и мира,
Забывъ молву и жизни суеты,
На берегахъ веселаго Салгира
Воспоминать души моей мечты?
И ты, моя задумчивая лира,
Ты, вѣрная пѣвица красоты,
Пѣвица нѣгъ, изгнанья и разлуки,
Найдешь ли вновь утраченные звуки?

И тамъ, гдѣ миртъ шумитъ надъ тихой урной,
Увижу ль вновь, сквозь темныя лѣса,

И своды скаль, и моря блескъ лазурный,
 И ясныя, какъ радость, небеса?
 Утихнутъ ли волненья жизни бурной?
 Минувшихъ лѣтъ воскреснетъ ли краса?
 Приду ли вновь подъ сладостныя тѣни
 Душой заснуть на лонѣ мирной лѣни?..

[Вызвано свиданіемъ съ Раевскими и воспоминаніями о Юрузфѣ.]

КЪ АГЛАЪ.

И вы повѣрить мнѣ могли,
 Какъ семилѣтняя Агнеса?
 Въ какомъ романѣ вы нашли,
 Чтобъ умеръ отъ любви повѣса?
 Послушайте. Вамъ тридцать лѣтъ,
 Да, тридцать лѣтъ—не многимъ болѣ;
 Мнѣ за двадцать. Я видѣлъ свѣтъ,
 Кружился долго въ немъ на волѣ:
 Ужъ клятвы, слезы мнѣ смѣшны,
 Проказы утомить успѣли;
 Вамъ также съ вашей стороны
 Тревоги сердца надоѣли;
 Умы давно въ насъ охладѣли,
 Не кстати намъ учиться вновь!
 Мы знаемъ: вѣчная любовь
 Живетъ едва ли три недѣли!
 Я вами точно былъ плѣненъ,
 Къ тому же скука... мужъ ревнивый...
 Я притворился, что влюбленъ,
 Вы притворились, что стыдливы...
 Мы поклялись... потомъ... увы!
 Потомъ забыли клятву нашу:
 Себѣ гусара взяли вы,
 А я наперсницу Наташу.
 Мы разошлись. До этихъ поръ
 Все хорошо, благопристойно:
 Могли бы мы безъ глухыхъ ссоръ
 Жить мирно, дружно и спокойно;

Но нѣтъ! въ трагическомъ жару
 Вы мнѣ сегодня поутру
 Сѣдую воскресили древность:
 Вы проповѣдуете вновь
 Покойныхъ рыцарей любовь.
 Учтивый жаръ, и грусть, и ревность...
 Помилуйте, нѣтъ, право нѣтъ,
 Я не дитя, хоть и поэтъ.
 Оставимъ юный пылъ страстей,
 Когда мы клонимся къ закату,
 Вы — старшей дочери своей,
 Я — своему меньшому брату.
 Ихъ можно съ жизнію шалить
 И слезы впредь себѣ готовить;
 Еще пристало имъ любить,
 А намъ уже пора злословить!
 Февраль — мартъ.

[Александръ Львовичъ Давыдовъ былъ женатъ на французкѣ, графинѣ
 Аглаѣ Грамонъ, къ которой и относится это стихотвореніе. По смерти мужа,
 она уѣхала въ Парижъ, и тамъ вышла замужъ за генерала Себастьяни].

ЭЛЕГИЯ

(Изъ поэмъ «Кавказъ»)

Я пережилъ свои желанья,
 Я разлюбилъ свои мечты!
 Остались мнѣ одни страданья,
 Плоды сердечной пустоты.

Подъ бурями судьбы жестокой
 Увяль цвѣтущій мой вѣнецъ!
 Живу печальный, одинокій,
 И жду: придетъ ли мой конецъ?

Такъ, поздравимъ хладомъ пораженный,
 Какъ бури слышенъ зимній свистъ,
 Одинъ на вѣткѣ обнаженной
 Трепещетъ запоздалый листъ.

Каменка, 22 февраля.

[Каменка— имѣніе Давыдовыхъ и Раевскихъ въ Чигиринскомъ уѣздѣ, Киевской губ. Мать старика Раевского, урожденная графиня Самойлова, была во второмъ бракѣ за Давыдовымъ, отъ котораго имѣла двухъ сыновей, Александра и Василя Львовичей.— «Элегія» написана вслѣдъ за окончаніемъ «Кавказскаго Пльнника», помѣченнаго въ рукописи 20-мъ февраля.]

К И Н Ж А Л Ъ .

Свободы тайный стражъ, карающій кинжалъ
 Послѣдній судія позора и обиды!
 Для рукъ безсмертной Немезиды
 Лемносскій богъ тебя сковаль.

Какъ адскій лучъ, какъ молнія боговъ,
 Нѣмое лезвіе злодѣю въ очи блещеть,
 И, озираясь, онъ трепещеть
 Среди своихъ пировъ.

Вездѣ его найдетъ ударъ надежный твой:
 На сушѣ, на моряхъ, во храмѣ, подъ шатрами,
 За потаенными замками,
 На ложѣ нѣгъ, въ семьѣ родной.

Шумить подъ Кесаремъ завѣтный Рубиконъ,
 Державный Римъ упалъ, главою поникъ законъ,
 Но Брутъ возсталъ вольнолюбивый...
 Ты Кесаря сразилъ—и мертвъ объемлетъ онъ
 Помпея мраморъ горделивый.

Гдѣ Зевса громъ молчить, гдѣ дремлетъ мечъ закона,
 Свершитель ты проклятій и надеждъ;
 Таишься ты подъ сѣнью трона,
 Подъ блескомъ праздничныхъ одеждъ.

Исчадье мятежа подьметъ злобный крикъ;
 Презрѣнный, мрачный и кровавый
 Надъ трупомъ вольности безглавой
 Палачъ уродливый возникъ *).

*) Маратъ.

Апостоль гибели, усталому Аиду
 Перстомъ онъ жертвы назначалъ;
 Но высшій судъ ему послалъ
 Тебя и дѣву-Эвмениду... *)

О юный праведникъ, избранникъ роковой,
 О Зандъ **), твой вѣкъ угасъ на плахѣ;
 Но добродѣтели святой
 Остался гласъ въ казненномъ прахѣ.

Въ твоей Германіи ты вѣчной тѣнью сталъ,
 Грозя бѣдой преступной силѣ —
 И на торжественной могилѣ
 Горить безъ надписи кинжалъ.

[Написано черезъ годъ послѣ высылки поэта изъ Петербурга. Вспоминая объ этомъ стихотвореніи четыре года спустя, Пушкинъ писалъ Жуковскому: «Кинжалъ не противъ правительства писанъ, и хоть стихи и не совсѣмъ чисты въ отношеніи слога, но намѣреніе въ нихъ безгрѣшно» (см. въ VII томѣ, п. 116). Въ настоящемъ изданіи это стихотвореніе исправлено по автографу И. П. В—ки.]

П. А. КАТЕНИНУ.

Кто мнѣ пришлетъ ея портретъ,
 Черты волшебницы прекрасной?
 Талантовъ обожатель страстный,
 Я прежде былъ ея поэтъ.
 Съ досады, можетъ быть, неправой,
 Когда одна въ дыму кадилъ
 Красавица блистала славой,
 Я свистомъ гимны заглушилъ.
 Погибни, злобы мигъ единый,
 Погибни, лиры ложный звукъ:
 Она виновна, милый другъ,
 Предъ Селименой и Моиной.

*) Шарлота Кордэ.

***) Студентъ Карлъ Зандъ, убитый 23 марта 1819 г. извѣстнаго писателя
 Августа Коцебу, казненъ 26 мая 1820 г.

Такъ легкомысленной душой,
 О боги, смертный васъ поносить;
 Но вскорѣ трепетной рукой
 Вамъ жертвы новыя приносить.

5 апрѣля.

[Павель Александровичъ Катенинъ (1792—1853), одинъ изъ друзей Пушкина, извѣстный въ свое время театралъ, драматическій писатель и критикъ. Разсказъ его о первомъ знакомствѣ съ Пушкинымъ, въ 1818 г., см. въ Мат., 50—51; замѣтка Пушкина о его сочиненіяхъ—въ V томѣ настоящаго изданія, 192. Въ этомъ стихотвореніи Пушкинъ извиняется за рѣзкую эпиграмму, ко-
 торую онъ встрѣтилъ дебюта А. М. Колосовой, см. выше, стр. 213]

Ч А А Д А Е В У .

Въ странѣ, гдѣ я забылъ тревоги прежнихъ лѣтъ,
 Гдѣ прахъ Овидіевъ пустынный мой сосѣдъ,
 Гдѣ слава для меня предметъ заботы малой,
 Тебя недостаетъ душѣ моей усталой.
 Врагу стѣснительныхъ условій и оковъ,
 Нетрудно было мнѣ отвыкнуть отъ пировъ,
 Гдѣ праздный умъ блеститъ, тогда какъ сердце дремлетъ
 И правду пылкую приличій хладъ объемлетъ.
 Оставля шумный кругъ безумцевъ молодыхъ,
 Въ изгнаніи моемъ я не жалѣлъ о нихъ;
 Вдохнувъ, оставилъ я другія заблужденья,
 Враговъ моихъ предалъ проклятію забвенья,
 И сѣти разорвавъ, гдѣ бился я въ плѣну,
 Для сердца новую вкушаю тишину.
 Въ уединеніи мой своенравный геній
 Позналъ и тихій трудъ, и жажду размышлений;
 Владѣю днемъ моимъ; съ порядкомъ друженъ умъ;
 Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ;
 Ищу вознаградить въ объятіяхъ свободы
 Мятужной младостью утраченные годы,
 И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ.
 Богини мира, вновь явились музы мнѣ
 И независимымъ досугамъ улыгнулись;
 Цѣвницы брошенной уста мои коснулись;
 Старинный звукъ меня обрадовалъ — и вновь

Пою мои мечты, природу и любовь,
 И дружбу вѣрную, и милые предметы,
 Плѣнявшіе меня въ младенческія лѣты,
 Въ тѣ дни, когда еще незнаемый никѣмъ,
 Не зная ни заботъ, ни цѣли, ни системъ,
 Я пѣньемъ оглашалъ пріютъ забавъ и лѣни
 И царскосельскія хранительныя сѣни.
 Но дружбы нѣтъ со мной: печальный вижу я
 Лазурь чужихъ небесъ, полдневные края;
 Ничто не замѣнитъ единственнаго друга:
 Ни музыки, ни трудовъ, ни радости досуга.
 Ты былъ цѣлителемъ моихъ душевныхъ силъ;
 О неизмѣнный другъ, тебѣ я посвятилъ
 И краткій вѣкъ, уже испытанный судьбою,
 И чувства, можетъ быть, спасенныя тобою!
 Ты сердце зналъ мое во цвѣтѣ юныхъ дней;
 Ты видѣлъ, какъ потомъ въ волненіи страстей
 Я тайно изнывалъ, страдалецъ утомленный;
 Въ минуту гибели надъ бездною потаенной
 Ты поддержалъ меня недремлющей рукой;
 Ты другу замѣнилъ надежду и покой;
 Во глубину души вникая строгимъ взоромъ,
 Ты оживлялъ ее совѣтомъ или укоромъ;
 Твой жаръ воспламенялъ къ высокому любовь;
 Терпѣнье смѣлое во мнѣ рождалось вновь;
 Ужъ голосъ клеветы не могъ меня обидѣть:
 Умѣлъ я презирать, умѣя ненавидѣть.
 Что нужды было мнѣ въ торжественномъ судѣ
 Холопа знатнаго, невѣжды при звѣздѣ,
 Или философа, который въ прежни лѣта
 Развратомъ изумилъ четыре части свѣта,
 Но просвѣтивъ себя, загладилъ свой позоръ,
 Отвыкнулъ отъ вина и сталъ картежный воръ? *)
 Ораторъ Лужниковъ, никѣмъ не замѣчаемъ,
 Мнѣ мало досаждалъ своимъ невиннымъ лаемъ. **)

*) Относится къ гр. Ө. Толстому—американцу. Ср. выше, стр. 231.

**) М. Т. Каченовскій подписывалъ нѣкоторые свои критическія замѣтки въ Вѣсти Европы псевдонимомъ «Лужницкій старецъ» (Лужники—часть Москвы, гдѣ онъ жилъ). Этотъ псевдонимъ вызвалъ въ послѣдствіи цѣлую книгу: «Разсказы Лужницкаго старца и мои воспоминанія о немъ». М. 1828, in 12°, 125 стр. О ней см. Моск. Телегр., ч. XX, № 8, стр. 512. Въ письмѣ къ кн. П. А. Вяземскому отъ 2 января 1822 г. (см. т. VII, п. 20), Пушкинъ замѣчаетъ: «Ежели я задѣлъ Каченовскаго въ посланіи къ Чаадаеву, то это не изъ ненависти къ

Мнѣ ль было сѣтовать о толкахъ шалуновъ,
 О лепетаньѣ дамъ, зоиловъ и глупцовъ,
 И сплетней разбирать игривую затѣю, *)
 Когда гордиться могъ я дружбою твоею?
 Благодарю боговъ: прошелъ я мрачный путь;
 Печали раннія мою тѣснили грудь:
 Къ печалямъ я привыкъ, расцелся я съ судьбою,
 И жизнь перенесу стоической душою.
 Одно желаніе: останься ты со мной!
 Небесъ я не томилъ молитвою другой.
 О, скоро ли, мой другъ, настанетъ срокъ разлуки?
 Когда соединимъ слова любви и руки?
 Когда услышу я сердечный твой привѣтъ?
 Какъ обниму тебя! Увижу кабинетъ,
 Гдѣ ты всегда мудрецъ, а иногда мечтатель
 И вѣтренной толпы безстрастный наблюдатель;
 Приду, приду я вновь, мой милый домосѣдъ,
 Съ тобою вспоминать бесѣды прежнихъ лѣтъ,
 Младые вечера, пророческіе споры,
 Знакомыхъ мертвецовъ живые разговоры;
 Посмотримъ, перечтемъ, посудимъ, побранимъ,
 Вольнолюбивыя надежды оживимъ,
 И счастливъ буду я; но только, ради Бога,
 Гони ты Шёппинга отъ нашего порога.

Кишиневъ, 6 апрѣля 1821 г.

КЪ МОЕЙ ЧЕРНИЛЬНИЦѢ.

Подруга думы празднои,
 Чернильница моя!
 Мой вѣкъ однообразный
 Тобой украсилъ я.
 Какъ часто другъ веселья
 Съ тобою забывалъ
 Условный часъ похмѣлья

нему, но чтобы поставить съ нимъ въ одномъ ряду Толстого, котораго презирать мудренѣе.»

*) П. А. Катенинъ обидѣлся за этотъ стихъ, принявъ его за намекъ на свою комедію «Сплетни». См. письмо къ нему Пушкина отъ 19 іюля 1822 (т. VII, п. 26).

И праздничный бокаль!
 Подъ сѣнью хаты скромной,
 Въ часы печали томной,
 Была ты предо мной
 Съ лампадой и мечтой.
 Въ минуты вдохновенья
 Къ тебѣ я прибѣгалъ,
 И музу призывалъ
 На пиръ воображенья.
 Прозрачный легкій дымъ
 Носился надъ тобою,
 И съ трепетомъ живымъ
 Въ немъ быстрой чередою
 *)

Сокровища мои
 На днѣ твоёмъ таятся.
 Тебя я посвятилъ
 Занятіямъ досуга,
 И съ лѣнью примирилъ:
 Она — твоя подруга!
 Съ тобой успѣхъ узналъ
 Отшельникъ неизвѣстный...
 Завѣтный твой кристалъ
 Хранить огонь небесный;
 И подъ вечеръ, когда
 Перо по книжкѣ бродить,
 Безъ всякаго труда
 Оно въ тебѣ находить
 Концы моихъ стиховъ
 И вѣрность выраженья,
 То звуковъ или словъ
 Нежданное стеченье,
 То ѣдкой шутки соль,
 То (туть же) слогъ суровый,
 То странность рѣимы новой,
 Неслыханной дотоль.
 Любовьница свободы,
 Ты съ нею заодно
 Прославила вино
 И премести природы;

*) Здѣсь въ рукописи недостаетъ листа.

Ты смѣху обрекла
Пустыхъ любимцевъ моды
И рѣчи, и дѣла.
Съ глупцовъ сорвавъ одежду,
Я весело клеймилъ
Зоила и невѣжду
Пятномъ твоихъ чернилъ...
Но ихъ не разводилъ
Ни тайной злости пѣной,
Ни ядомъ клеветы —
И сердца простоты
Ни лестью, ни измѣной
Не замарала ты.
Безпечный сынъ природы,
Пока златые годы
Въ забвеньѣ трачу я,
Со мною неразлучно
Живи благополучно,
Наперсница моя!
Но здѣсь, на лонѣ лѣни
Я слышу нѣжны пени
Заботливыхъ друзей...
Ужели ихъ забуду,
Друзей души моей,
И имъ невѣренъ буду?
Оставь, оставь порой
Привычныя затѣи,
И дактиль, и хорей,
Для прозы почтовой.
Минуты хладной скуки,
Сердечной пустоты,
Уныніе разлуки,
Всегдашнія мечты,
Мои надежды, чувства
Безъ лести, безъ искусства
Бумагѣ передай...
Болтливостью небрежной
И вѣтренной, и нѣжной
Ихъ сердце утѣшай...

Когда же берегъ ада
Навѣкъ меня возьметъ,

Когда со мной заснетъ
 Перо, моя отрада,
 И ты, въ углу пустомъ
 Осиротѣвъ, остынешь
 И навсегда покинешь
 Поэта тихій домъ —
 Чадаевъ, другъ мой милый,
 Тебя возьметъ, унылый.
 Послѣдній будь привѣтъ
 Любимцу праздныхъ лѣтъ;
 Исохшая, пустая,
 Межъ двухъ его картинъ
 Останься вѣкъ нѣмая,
 Укрась его каминъ.
 Взыскательнаго свѣта
 Очей не привлекай,
 Но вѣрнаго поэта
 Дружьямъ напоминай.

Кишиневъ, 11 апрѣля.

~ ~ ~ ~ ~
 * * *

Наперсница волшебной старины,
 Другъ вымысловъ игривыхъ и печальныхъ —
 Тебя я зналъ во дни моей весны,
 Во дни утѣхъ и сновъ первоначальныхъ!
 Я ждалъ тебя. Въ вечерней тишинѣ
 Являлась ты веселою старушкой,
 И надо мной сидѣла въ шупунѣ,
 Въ большихъ очкахъ и съ рѣзвою гремушкой.
 Ты, дѣтскую качая колыбель,
 Мой юный слухъ напѣвами плѣнила,
 И межъ пеленъ оставила свирѣль,
 Которую сама заморозила!
 Младенчество прошло, какъ легкій сонъ;
 Ты отрока безпечнаго любила —
 Средь важныхъ музъ тебя лишь помнилъ онъ,
 И ты его тихонько посѣтила.
 Но тотъ ли былъ твой образъ, твой уборъ?
 Какъ мило ты, какъ быстро измѣнилась!

Какимъ огнемъ улыбка оживилась!
 Какимъ огнемъ блеснуль привѣтный взоръ!
 Покровъ, клубясь волною непослушной,
 Чуть сбѣняль твой станъ полувоздушный;
 Вся въ локонахъ, обвита въ вѣнкомъ,
 Прелестная глава благоухала;
 Грудь бѣлая подъ желтымъ жемчугомъ
 Румянилась и тихо трепетала...

С Ѣ Т О В А Н І Е.

(Д. В. Давыдову).

Недавно я, въ часы свободы,
 Уставъ Наѣздника читаль,
 И даже ясно понималь
 Его искусные доводы;
 Узналь я рѣзкія черты
 Неподражаемаго слога,
 И перевертываль листы,

 И думаль: вѣтранный пѣвецъ!
 Перебѣсилась, наконецъ,
 Твоя проказливая лира;
 И сердцемъ охладѣвъ навѣкъ,
 Ты видно сталъ, въ угоду міра,
 Благоразумный человѣкъ!
 О, горе! молвилъ я сквозь слезы,
 Кто далъ Давыдову совѣтъ
 Оставить лавръ, оставить розы?
 Какъ могъ унизиться до прозы
 Вѣнчанный музою поэтъ,
 Презрѣвъ и славу прежнихъ лѣтъ,
 И тѣни Бурцова угрозы?

[Давыдовъ напечаталъ въ 1821 г. «Опытъ теоріи партизанскаго дѣйствія»; объ этой книгѣ и идетъ рѣчь въ настоящемъ стихотвореніи. Пропущенный 8-й стихъ не восстановленъ и сыномъ Давыдова, напечатавшимъ это посланіе въ послѣднемъ изданіи сочиненій отца, М. 1860, 3 ч.]

НИКОЛАЮ СТЕП. АЛЕКСѢВУ.

Мой милый, какъ несправедливы
 Твои ревнивыя мечты:
 Я позабылъ любви призывы
 И плѣнь опасной красоты;
 Свободы другъ миролюбивый,
 Въ толпѣ красавицъ молодыхъ,
 Я, равнодушный и лѣнивый,
 Своихъ боговъ не вижу въ нихъ.
 Ихъ томный взоръ, привѣтный лепетъ
 Уже не властны надо мной.
 Забыло сердце нѣжный трепетъ
 И пламя юности живой.
 Теперь ужъ мнѣ влюбиться трудно,
 Вздыхать — неловко и смѣшно.
 Надеждѣ вѣрить — безразсудно,
 Мужей обманывать — грѣшно.
 Прошелъ веселый жизни праздникъ!
 Какъ мой задумчивый проказникъ,
 Какъ Баратынскій, я твержу:
 «Нельзя ль найти подруги нѣжной?
 Нельзя ль найти любви надежной?»
 И ничего не нахожу.
 Оставляя счастья призракъ ложный,
 Безъ упоительныхъ страстей,
 Я сталъ наперсникъ осторожный
 Моихъ неопытныхъ друзей.
 Вдали штыковъ и барабановъ
 Такъ точно старый инвалидъ
 Встрѣчаетъ молодыхъ улановъ
 И имъ о битвахъ говорить *).
 Когда любовникъ изступленный,
 Тоскуя, плачетъ предо мной,
 И для красавицы надменной
 Клянется жертвовать собой;
 Когда въ жару своихъ желаній
 Съ восторгомъ изъясняетъ онъ

*) Последнихъ четырехъ стиховъ Пушкинъ не включилъ въ печатный текстъ посланія, но въ рукописи они не зачеркнуты, почему мы и восстановили ихъ.

Неясныхъ, темныхъ ожиданій
 Обманчивый, но сладкій сонъ,
 И крѣпко руку сжавъ у друга,
 Клянеть ревниваго супруга
 Или докучливую мать:
 Его безумнымъ увѣреньямъ
 И поминутнымъ повтореньямъ
 Люблю съ участіемъ внимать;
 Я лщу слѣпой его надеждѣ,
 Я молодъ юностью чужой,
 И говорю: такъ было прежде
 Во время оно и со мной.

[Послѣ заключительнаго стиха зачеркнуто:

Я былъ рожденъ для наслажденья,
 Въ моей утраченной веснѣ
 Какъ мало нужно было мнѣ
 Для милыхъ сновъ воображенья!
 Зачѣмъ же въ цвѣтѣ юныхъ лѣтъ
 Мнѣ стало чуждо сладострастье,
 Зачѣмъ же вдругъ увяло счастье
 И ни къ чему стремленья нѣтъ?
 И что жъ? Измѣной хладнокровной
 Я ль стану дружеству вредить
 И снова тактики любовной
 Уроки хитрые твердить?
 Нѣтъ, милый! Если голосъ томный,
 Обманъ улыбки, нѣжный взоръ,
 Умильный видъ печали скромной
 Тобой владѣютъ до сихъ поръ, —
 Люби, ласкай твои желанья,
 Надеждѣ, сердцу слѣпо вѣрь...
 Увы! Пройдутъ любви мечтанья —
 И будешь то, чѣмъ я теперь!

Николай Степановичъ Алексѣевъ познакомился и близко сошелся съ Пушкинымъ въ Кишиневѣ, гдѣ онъ служилъ при ген. Инзовѣ. По словамъ И. П. Липранди («Р. Арх.» 1866, 1223), онъ изъ числа мѣстныхъ чиновниковъ былъ одинъ, въ лицѣ котораго Пушкинъ могъ видѣть въ Кишиневѣ подобіе образованнымъ столичнымъ людямъ, къ обществу которыхъ онъ привыкъ. Письма Алексѣева къ Пушкину напечатаны П. И. Бартеневымъ въ сборникѣ «А. С. Пушкинъ», I, 81—86; въ одномъ изъ нихъ Алексѣевъ сѣтуетъ на пропуски, съ какими посланіе Пушкина явилось въ печати (въ «Полярной Звѣздѣ» 1825 г., подъ заглавіемъ: «Къ А—ву»): «Я намѣренъ объяснить тебѣ давнишнее мое неудовольствіе на цензуру и на издателей: литеръ А не показываетъ еще Алексѣева, а выкинутые лучшіе стихи испортили всю песню. Именемъ всего прошу тебя, исправь эту ошибку; мое самолюбивое желаніе было, чтобъ чрезъ нѣсколько лѣтъ сказали: Пушкинъ былъ пріятель Алексѣева, который, не равняясь съ нимъ ни въ славѣ, ни въ познаніяхъ, превосходилъ всѣхъ чувствами привязанности къ нему.»]

ГРОБЪ ЮНОШИ.

. Сокрылся онъ,
 Любви, забавъ питомецъ вѣжнѣй;
 Кругомъ него глубокой сонъ
 И хладъ могилы безмятежной...

Любилъ онъ игры нашихъ дѣвъ,
 Когда весной въ тѣни деревь
 Онѣ кружились на свободѣ;
 Но нынѣ въ рѣзвомъ хороводѣ
 Не слышенъ ужъ его припѣвъ.

Давно ли старцы любовались
 Его веселостью живой,
 Полупечально улыбались
 И говорили межъ собой:
 «И мы любили хороводы,
 Блистали такъ же въ насъ умы:
 Но погоди, приспѣютъ годы,
 И будешь то, что нынѣ мы;
 Какъ намъ, о міра гость игривый,
 Тебѣ постынетъ бѣлый свѣтъ;
 Теперь играй...» Но старцы живы,
 А онъ увялъ во цвѣтѣ лѣтъ.
 И безъ него друзья пируютъ,
 Другихъ ужъ полюбить успѣвъ;
 Ужъ рѣдко, рѣдко именуютъ
 Его въ бесѣдѣ юныхъ дѣвъ.
 Изъ милыхъ женъ, его любившихъ,
 Одна, быть можетъ, слезы льетъ,
 И память радостей почившихъ
 Привычной думою зоветъ...
 Къ чему?

Надъ ясными водами
 Гробницы мирною семьей,
 Подъ наклоненными крестами,
 Таятся въ рощѣ вѣковой.
 Тамъ, на краю большой дороги,
 Гдѣ липа старая шумитъ,

Забывъ сердечныя тревоги,
Нашъ бѣдный юноша лежитъ.

Напрасно блещетъ лучъ денницы,
Иль ходитъ мѣсяцъ средь небесъ,
И вокругъ безчувственной гробницы
Ручей журчитъ и шепчетъ лѣсъ;
Напрасно утромъ за малиной
Къ ручью красавица съ корзиной
Идетъ и въ холодъ ключевой
Пугливо ногу опускаетъ:
Ничто его не вызываетъ
Изъ мирной сѣни гробовой...

[Вызвано извѣстiемъ о смерти лицейскаго товарища, Н. А. Корсакова, скончавшагося во Флоренціи.]

НАПОЛЕОНЪ.

Чудесный жребій совершился:
Угасъ великій человекъ,
Въ неволѣ мрачной закатился
Наполеона грозный вѣкъ.
Исчезъ властитель осужденный,
Могучій баловень побѣдъ,
И для изгнанника вселенной
Уже потомство настаетъ.

О ты, чьей памятью кровавой
Миръ долго, долго будетъ полнъ,
Пріосѣненъ твоею славой,
Почій среди пустынныхъ волнъ!
Великолѣпная могила...
Надъ урной, гдѣ твой прахъ лежитъ,
Народовъ ненависть почилъ,
И лучъ безсмертія горитъ.

Давно ль орлы твои летали
Надъ обезславленной землей?

Давно ли царства упали
При громахъ силы роковой?
Послушны волѣ своенравной,
Бѣдой шумѣли знамена,
И налагалъ яремъ державный
Ты на земныя племена.

Когда, надеждой озаренный,
Отъ рабства пробудился мѣръ,
И галль десницею разъяренной
Низвергнулъ ветхій свой кумирь;
Когда на площади мятежной
Во прахъ царскій трупъ лежалъ,
И день великій, неизбѣжный,
Свободы яркій день вставалъ;

Тогда, въ волненьѣ бурь народныхъ,
Предвидя чудный свой удѣлъ,
Въ его надеждахъ благородныхъ
Ты человѣчество презрѣлъ.
Въ свое погибельное счастье
Ты дерзкой вѣровалъ душой;
Тебя плѣняло самовластье
Разочарованной красой.

И обновленнаго народа
Ты буйность юную смирилъ;
Новорожденная свобода,
Вдругъ онѣмѣвъ, лишилась силъ.
Среди рабовъ до упоенья
Ты жажду власти утолилъ,
Помчалъ къ боямъ ихъ ополченья,
Ихъ цѣпи лаврами обвилъ.

И Франція, добыча славы,
Плѣненный устремила взоръ,
Забывъ надежды величавы,
На свой блистательный поворъ.
Ты вель мечи на пиръ обильный;
Все пало съ шумомъ предъ тобой:
Европа гибла; сонъ могильный
Носился надъ ея главой.

Сбылось! Въ величїи постыдномъ
 Ступилъ на грудь ея колоссъ!
 Тильзитъ—при звукѣ семъ обидномъ
 Теперь не поблѣднѣетъ россъ—
 Тильзитъ надменнаго героя
 Послѣдней славою вѣнчалъ,
 Но скучный миръ, но хладъ покоя
 Счастливица душу волновалъ.

Надменный, кто тебя подвигнулъ?
 Кто обуялъ твой дивный умъ?
 Какъ сердца русскихъ не постигнулъ
 Ты съ высоты отважныхъ думъ?
 Великодушнаго пожара
 Не предузнавъ, ужъ ты мечталъ,
 Что мира вновь мы ждемъ какъ дара;
 Но поздно русскихъ разгадалъ...

Россія, бранная царица *),
 Воспомни древнія права!
 Померкни, солнце Австерлица!
 Пылай, великая Москва!
 Настали времена другія:
 Исчезни, краткій нашъ позоръ!
 Благослови Москву, Россія! **)
 Война—по гробъ нашъ договоръ.

Оцѣпенѣлыми руками
 Схвативъ желѣзный свой вѣнецъ,
 Онъ бездну видитъ предъ очами,
 Онъ гибнетъ, гибнетъ наконецъ.
 Бѣжать Европы ополченья;
 Окровавленные снѣга
 Провозгласили ихъ паденье,
 И таетъ съ ними слѣдъ врага.

И все какъ буря закипѣло;
 Европа свой расторгла плѣвъ;
 Вослѣдъ тирану полетѣло,

*) Вар. На Русь! Возстань, племя царица!

**) Вар. Въ Москвѣ не царь, въ Москвѣ—Россія!

Какъ громъ, проклятiе племень,
И длань народной Немезиды
Подъяту видить великанъ:
И до послѣдней всѣ обиды
Отплачены тебѣ, тирант!

Искушены его стяжанья
И зло воинственныхъ чудесъ
Тоскою душнаго изгнанья,
Подъ сѣнью чуждою небесъ.
И знойный островъ заточенья
Полнощный парусъ посѣтитъ,
И путникъ слово примиренья
На ономъ камнѣ начертитъ,

Гдѣ, устремивъ на волны очи,
Изгнанникъ помнилъ звукъ мечей,
И льдистый ужасъ полуночи,
И небо Франціи своей;
Гдѣ иногда, въ своей пустынѣ
Забывъ войну, потомство, тронъ,
Одинъ, одинъ, о миломъ сынѣ
Въ уныньѣ горькомъ думалъ онъ.

Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Его развѣнчанную тѣнь!
Хвала!... Онъ русскому народу
Высокій жребій указалъ,
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ.

Іюль. 1821.

— — — — —

[Въ черновой рукописи этому стихотворенію предшествуетъ слѣдующая программа: «Народы спрашиваютъ: тотъ ли, который... Гдѣ онъ?.. Угасъ тотъ, который то и то—и Россію... Но да не упрекнетъ его русский... Россія славна — бѣдная Франція въ униженіи... Онъ объ ней мыслить... Островъ Елены—тамъ онъ думалъ объ Россіи...»

Впослѣдствіи Пушкинъ, видимо, желалъ еще разъ вернуться къ этому предмету; въ одной изъ его тетрадей 1824 года остался черновой набросокъ, начинающійся стихами:

«Зачѣмъ ты посланъ былъ, и кто тебя послалъ?
Чего, добра или зла, ты чудный былъ свершитель,
Земли чудесный посѣтитель?..»

Далѣ, на той же страницѣ находимъ слѣдующія исчерканныя и крайне неразборчивыя строки:

Дряхлѣли троны, алтари,
Надъ ними туча собиралась,
Вѣщали книжники, тревожились цари,
Свободы буря поднималась—
И вдругъ нагрянула... Упали
Въ прахъ и кровь великія скрижали,
Явился мужъ... рабы земныхъ судебъ
.....

и живо вновь

Мечи и щѣпы зазвучали.
И гордо онъ прошелъ...
Порочныя сердца застыли,
развратъ,
За злато брата продалъ братъ,
Отечество безумные забыли.
Рекли въ отчаяніи: нѣтъ свободы!
И имъ повѣрили народы...
.....
Добро и зло — все стало тѣнью..
......]

ЭЛЕГИЯ.

Умолкну скоро я. Но если въ день печали *)
Задумчивой игрой мнѣ пѣсни отвѣчали;
Но если юноши, внимая молча мнѣ,
Дивились долгому любви моей мученью;
Но если ты сама, предавшись умиленью,
Печальные стихи твердила въ тишинѣ
И сердца моего языкъ любила страстный;
Но если я любимъ: позволь, о милый другъ,
Позволь одушевить прощальный лиры звукъ
Завѣтнымъ именемъ любовницы прекрасной **).

*) Въ рукописи есть еще четыре стиха въ началѣ, зачеркнутые:

Нѣтъ! Поздно, милый другъ, узналъ я наслажденье:
Ничто души моей уже не воскреситъ,
Ей чуждо страсти упоенье,
И счастье тихое меня не веселитъ.

**) Послѣ этого стиха было написано и потомъ зачеркнуто:

Не бойся вѣтренныхъ невѣждъ,
Не бойся клеветы ревнивой,
Не обмани моихъ надеждъ
Своею скромностью пугливой.

Когда меня навѣкъ обыметъ смертный сонъ,
 Надъ урною моею промолви съ умилениемъ:
 «Онъ мною былъ любимъ; онъ мнѣ былъ одолженъ
 И пѣсенъ, и любви послѣднимъ вдохновеньемъ.»
 23 августа.

[Это и слѣдующее стихотворенія относятся къ княгинѣ Марии Аркадьевнѣ Голицыной, урожденной Суворовой.]

къ ***.

Мой другъ, забыты мной слѣды минувшихъ лѣтъ
 И младости моей мятежное теченье.
 Не спрашивай меня о томъ, чего ужъ нѣтъ,
 Что было мнѣ дано въ печаль и въ наслажденье,
 Что я любилъ, что измѣнило мнѣ.
 Пускай я радости вкушаю неполнѣ;
 Но ты, невинная, ты рождена для счастья,
 Безпечно вѣрь ему, летучій мигъ любви:
 Душа твоя жива для дружбы, для любви,
 Для поцѣлуевъ сладострастья;
 Душа твоя чиста: унынье чуждо ей;
 Свѣтла, какъ ясный день, младенческая совѣсть;
 Къ чему тебѣ внимать безумства и страстей
 Незанимательную повѣсть?
 Она твой тихій умъ невольно возмутить;
 Ты слезы будешь лить, ты сердцемъ содрогнешься;
 Довѣрчивой души безпечность улетить,
 И ты моей любви, быть можетъ, ужаснешься.
 Быть можетъ, навсегда... Нѣтъ, милая моя,
 Лишиться я боюсь послѣднихъ наслаждений.
 Не требуй отъ меня опасныхъ откровеній:
 Сегодня я люблю, сегодня счастливъ я!
 24—25 августа.

В О Й Н А.

Война!.. Подъяты наконецъ,
 Шумять знамена бранной чести!
 Увижу кровь, увижу праздникъ мести;
 Засвищеть вокругъ меня губительный свинець!
 И сколько сильныхъ впечатлѣній
 Для жаждущей души моей:
 Стремленье бурныхъ ополченій,
 Тревоги стана, звукъ мечей,
 И въ роковомъ огнѣ сраженій
 Паденье ратныхъ и вождей!
 Предметы гордыхъ пѣснопѣній
 Разбудятъ мой уснувшій геній.
 Все ново будетъ мнѣ: простая сѣнь шатра,
 Огни враговъ, ихъ чуждое зыванье,
 Вечерній барабанъ, громъ пушки, визгъ ядра
 И смерти грозной ожиданье.
 Родишься ль ты во мнѣ, слѣпая славы страсть,
 Ты, жажда гибели, свирѣпый жаръ героевъ?
 Вѣнокъ ли мнѣ двойной достанется на часть?
 Кончину ль темную судилъ мнѣ жребій боевъ,
 И все умереть со мной: надежды юныхъ дней,
 Священный сердца жаръ, къ высокому стремленье,
 Воспоминаніе и брата, и друзей,
 И мыслей творческихъ напрасное волненье,
 И ты, и ты, любовь?... Ужель ни бранный шумъ,
 Ни ратные труды, ни ропотъ гордой славы —
 Ничто не заглушитъ моихъ привычныхъ думъ?
 Я таю, жертва злой отравы:
 Покой бѣжить меня; нѣтъ власти надъ собой,
 И тягостная лѣнь душою овладѣла...
 Что жъ медлить ужасъ боевой?
 Что жъ битва первая еще не закипѣла?

29 ноября.

[Написано по поводу начинавшейся борьбы грековъ за независимость.]

КЪ ОВИДІЮ.

Овидій, я живу близъ тихихъ береговъ,
 Которымъ изгнанныхъ отеческихъ боговъ
 Ты нѣкогда принесъ и пепель свой оставилъ.
 Твой безотрадный плачь мѣста сіи прославилъ:
 И лиры нѣжный гласъ еще не онѣмѣлъ;
 Еще твоей молвой наполненъ сей предѣлъ.
 Ты живо впечатлѣлъ въ моемъ воображенѣ
 Пустыню мрачную, поэта заточенье,
 Туманный сводъ небесъ, обычные снѣга
 И краткой теплотой согрѣтые луга.
 Какъ часто, увлеченъ унылыхъ струнь игрою,
 Я сердцемъ слѣдовалъ, Овидій, за тобою:
 Я видѣлъ твой корабль игралищемъ валовъ,
 И якорь, верженный близъ дикихъ береговъ,
 Гдѣ ждетъ пѣвца любви жестокая награда.
 Тамъ нивы безъ тѣней, холмы безъ винограда;
 Рожденные въ снѣгахъ для ужасовъ войны,
 Тамъ холодной Скиѣи свирѣпые сыны,
 За Истромъ утаясь, добычи ожидаютъ,
 И селамъ каждый мигъ набѣгомъ угрожаютъ.
 Преграды нѣтъ для нихъ: въ волнахъ они плывутъ,
 И по льду звучному безтрепетно идутъ.
 Ты самъ (дивись, Назонъ, дивись судьбѣ превратной!),
 Ты, съ юныхъ лѣтъ презрѣвъ волненье жизни ратной,
 Привыкнувъ розами вѣнчать свои власы
 И въ нѣгѣ провождать безпечные часы,
 Ты будешь принужденъ взложить и шлемъ тяжелый,
 И грозный мечъ хранить близъ лиры оробѣлой.
 Ни дочерь, ни жена, ни вѣрный сонмъ друзей,
 Ни музы, легкія подруги прежнихъ дней,
 Изгнаннаго пѣвца не усладятъ печали.
 Напрасно граціи стихи твои вѣнчали,
 Напрасно юноши ихъ помнятъ наизусть:
 Ни слава, ни лѣта, ни жалобы, ни грусть,
 Ни пѣсни робкія Октавія не тронуть:
 Дни старости твоей въ забвеніи потонуть.
 Златой Итали роскошный гражданинъ,
 Въ отчизнѣ варваровъ безвѣстенъ и одинъ,
 Ты звуковъ родины вокругъ себя не слышишь;

Ты въ тяжкой горести далекой дружбѣ пишешь:
 «О, возвратите мнѣ священный градъ отцовъ
 И тѣни мирныя наслѣдственныхъ садовъ!
 О други, Августу мольбы мои несите!
 Карающую длань слезами отклоните!
 Но если гнѣвный богъ досель неумолимъ ¹⁾,
 И вѣкъ мнѣ не видать тебя, великій Римъ —
 Послѣднею мольбой смягчая рокъ ужасный,
 Приблизьте хоть мой гробъ къ Италиі прекрасной!»
 Чье сердце хладное, презрѣвшее харить,
 Твое уныніе и слезы укорить?
 Кто въ грубой гордости прочтетъ безъ умиленья
 Сіи элегіи — послѣднія творенья,
 Гдѣ ты свой тщетный стонъ потомству передалъ?

Суровый славянинъ, я слезъ не проливалъ,
 Но понимаю ихъ. Изгнанникъ самовольный,
 И свѣтомъ, и собой, и жизнью недовольный,
 Съ душой задумчивой, я нынѣ посѣтилъ
 Страну, гдѣ грустный вѣкъ ты нѣкогда влачилъ.
 Здѣсь, ожививъ тобой мечты воображенья,
 Я повторялъ твои, Овидій, пѣснопѣнья,
 И ихъ печальныя картины повѣрялъ;
 Но взоръ обманутымъ мечтаньямъ измѣнялъ.
 Изгнаніе твое плѣняло втайнѣ очи,
 Привыкшія къ снѣгамъ угрюмой полуночи.
 Здѣсь долго свѣтится небесная лазурь;
 Здѣсь кратко царствуетъ жестокость зимнихъ бурь.
 На склѣскихъ берегахъ переселенецъ новый,
 Сынъ юга, виноградъ блистаетъ пурпуровый.
 Ужъ пасмурный декабрь на русскіе луга
 Слоями разстилалъ пушистые снѣга;
 Зима дышала тамъ; а съ внешней теплотою
 Здѣсь солнце ясное катилось надо мною;
 Младую зеленью пестрѣлъ увядшій лугъ;
 Свободныя поля взрывалъ ужъ ранній плугъ;
 Чуть вѣялъ вѣтерокъ, подъ вечеръ холодѣя;
 Едва прозрачный ледъ, надъ озеромъ тускнѣя,
 Кристалломъ покрывалъ недвижныя струи.

¹⁾ Овидій провелъ 9 лѣтъ въ своемъ изгнаніи, а не 20, какъ говорятъ Шатобрианъ. (*Примѣч. Пушкина*).

Я вспомнилъ опыты несмѣлые твои,
 Сей день, замѣченный крылатымъ вдохновеньемъ,
 Когда ты въ первый разъ ввѣрялъ съ недоумѣньемъ
 Шаги свои волнамъ, окованнымъ зимой:
 И по льду новому, казалось, предо мной
 Скользила тѣнь твоя, и жалобные звуки
 Неслися издали, какъ томный стонъ разлуки.

Утѣшься: не увяль Овидіевъ вѣнецъ!
 Увы, среди толпы затерянный пѣвецъ,
 Безвѣстенъ буду я для новыхъ поколѣній,
 И, жертва темная, умереть мой слабый геній
 Съ печальной жизнію, съ минутною молвой!
 Но если обо мнѣ потомокъ поздній мой
 Узнавъ, придетъ искать въ странѣ сей отдаленной
 Близъ праха славнаго мой слѣдъ уединенный —
 Бреговъ забвенія оставя кладну сѣнь,
 Къ нему слетитъ моя признательная тѣнь,
 И будетъ мило мнѣ его воспоминанье.
 Да сохранится же завѣтное преданье:
 Какъ ты, враждующей покорствуя судьбѣ,
 Не славой, участію я равенъ былъ тебѣ.
 Здѣсь, лирой сѣверной пустыни оглашая,
 Скитался я въ тѣ дни, какъ на берега Дуная
 Великодушный грекъ свободу вызывалъ:
 И ни единый другъ мнѣ въ мірѣ не внималъ;
 Но не унижилъ ввѣкъ измѣной беззаконной
 Ни гордой совѣсти, ни лиры непреклонной.

26 декабря.

[Въ рукописи было предисловіе, не попавшее въ печать и явившееся потомъ въ примѣчаніяхъ I главы «Онѣгина», къ стиху: «Вдали Италия своей». О мѣстѣ ссылки Овидія и о свѣдѣніяхъ объ ней Пушкина см. замѣтки И. П. Липранди въ Рус. Арх. 1866, ст. 1267—1279.]

ПОДРАЖАНІЕ.

(Лѣсни Лѣсной).

Въ крови горитъ огонь желанья,
 Душа тобой уязвлена,
 Лобзай меня, твои лобзанья
 Мнѣ слаще мѣра и вина.

Склонись ко мнѣ главою нѣжной,
И да почію безмятежный,
Пока дохнетъ веселый день
И двинется ночная тѣнь.

[Прежними издателями это стихотвореніе относилось къ 1825 году; но оно находится въ кишиневской тетради 1821 года, съ слѣдующей программой: «Пѣнь Пѣсней Соломона.— Да лобзаетъ меня лобваніемъ устъ своихъ. Перси твои пріятнѣ вина. Запахъ мура твоего лучше всѣхъ ароматовъ, имя твое сладостно, какъ излитое муро, для того, юная, возлюбилъ я тебя.»]

ДЕСЯТАЯ ЗАПОВѢДЬ.

Добра чужого не желать
Ты, Боже, мнѣ повелѣваешь;
Но мѣру силъ моихъ ты знаешь —
Мнѣ ль нѣжнымъ чувствомъ управлять?
Обидѣть друга не желаю
И не хочу его села,
Не нужно мнѣ его вола:
На все спокойно я взираю.
Ни домъ его, ни скоть, ни рабъ —
Не лестна мнѣ вся благостыня...
Но ежели его рабыня
Прелестна... Господи, я слабъ!
Но ежели его подруга
Мила, какъ ангелъ во плоти —
О Боже праведный, прости
Мнѣ зависть ко блаженству друга!
Кто сердцемъ могъ повелѣвать,
Кто рабъ усилій бесполезныхъ?
Какъ можно не любить прелестныхъ?
Какъ райскихъ благъ не пожелать?
Смотрю, томлюся и вздыхаю,
Но строгій долгъ умѣю чтить:
Страшусь желаньямъ сердца льстить,
Молчу... и втайнѣ я страдаю.

КЪ ПОРТРЕТУ КН. П. А. ВЯЗЕМСКАГО.

Судьба свои дары явить желала въ немъ,
 Въ счастливомъ баловнѣ соединивъ ошибкой
 Богатство, знатный родъ съ возвышеннымъ умомъ,
 И простодушіе съ язвительной улыбкой.

[Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій (1792—1878), поэтъ, критикъ и журналистъ, познакомился и близко сошелся съ Пушкинымъ еще въ бытность послѣдняго въ Лицеѣ. Биографическія свѣдѣнія о немъ, списокъ его сочиненій и пр. см. въ Запискахъ Имп. Ак. Наукъ, т. 36. Полное собраніе его сочиненій, изд. гр. С. Д. Шереметевымъ, начало выходить съ 1878 года.]

ПАВЛУ СЕРГ. ПУЩИНУ.

И скоро, скоро смолкнетъ брань
 Среди рабскаго народа —
 Ты молотокъ возьмешь во длань
 И воззовешь: «свобода!»
 Хвалю тебя, о вѣрный братъ,
 О каменщикъ почтенный!
 О Кишиневъ, о темный градъ!
 Ликуй, имъ просвѣщенный.

[По словамъ г. Анненкова, это восьмистишіе представляетъ конецъ экспромпта, обращеннаго къ бригадному генералу П. С. Пущину, основателю въ Кишиневѣ масонской ложи «Овидіевой». О масонахъ въ Кишиневѣ того времени см. разсказъ И. П. Липранди въ Рус. Арх. 1866, ст. 1248.]

Г-ЖЪ ЭЙХФЕЛЬДТЬ.

Ни блескъ ума, ни стройность платья
 Не могутъ васъ обворожить;
 Одни двоюродные братья
 Узнали тайну васъ плѣнить.
 Лишили вы меня покоя,
 Но вы не любите меня;
 Одна моя надежда — Зоя:
 Женюсь — и буду вамъ родня...

[Марья Егоровна Эйхфельдтъ, жена оберъ-берггауптмана Ивана Ивановича, урожденная Мило. О ней и ея'мужѣ см. Рус. Арх. 1866, ст. 1125, 1157, 1224—25. Зоя—племянница г-жи Эйхфельдтъ. По словамъ В. П. Горчакова (въ его «Выдержкахъ изъ дневника о Пушкинѣ»), стихотвореніе окончивалось такими подробностями, что его уже нельзя было отдать той, кому оно навначалось.]

~~~~~

* *
* *

Лизѣ страшно полюбить —
 Полно, нѣтъ ли тутъ обмана?
 Берегитесь: можетъ быть,
 Эта новая Діана
 Притаила нѣжную страсть
 И стыдливými глазами
 Ищетъ робко между вами,
 Кто бы ей помочь упасть.

~~~~~

* *
* *

Всегда такъ будетъ и бывало,
 Таковъ издревле бѣлый свѣтъ:
 Ученыхъ много, умныхъ мало,
 Знакомыхъ тьма, а друга нѣтъ.

НА КАЧЕНОВСКАГО.

Клеветникъ безъ дарованья,
 Палокъ ищетъ онъ чутьемъ,
 А дневного пропитанья
 Ежемѣсячнымъ враньемъ.

~~~~~

* *
* *

Составленъ онъ изъ подлой спѣси;
 Я не видалъ негоднѣй смѣси:
 Въ сраженіи онъ трусь, въ трактирѣ онъ бурлакъ,
 Въ передней онъ подлець, въ гостиной онъ дуракъ.

[Рукопись П. В.—ки.]

~~~~~

ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ.

Начало посланія.

Завидую тебѣ, питомецъ моря смѣлый,
 Подъ сѣнью парусовъ и въ буряхъ посѣдѣлый!
 Спокойной пристани давно ли ты достигъ,
 Давно ли тишины вкусилъ отрадный мигъ?
 И снова ты бѣжишь Европы обветшалою:
 Ищи стихій другихъ, земли жилецъ усталый!..

Кишиневъ.

* *
 *

Я слушаю тебя и сердцемъ молодѣю,
 Пировъ и радости блистательный пѣвецъ.
 Пѣвецъ-гусарь, ты пѣлъ биваки,
 Раздолье ухарскихъ пировъ,
 И пылкую потѣху драки,
 И завитки своихъ усовъ.
 Походную сдувая пыль,
 Ты славилъ, лиру не настроя,
 Любовь и мирную бутылъ...

[Въ рукописи послѣ этихъ стиховъ снова написано:

Я слушаю тебя и сердцемъ молодѣю,
 Мнѣ сладокъ жаръ твоихъ рѣчей,
 Повѣрь, я снова пламенѣю
 Воспомянемъ прежнихъ дней...

По всей вѣроятности, это — черновой набросокъ посланія къ Д. В. Давыдову.]

* *
 *

Не тѣмъ горжусь я, мой пѣвецъ,
 Что стихами,
 Играю смѣхомъ и слезами;—
 Не тѣмъ горжусь, что иногда
 Мои коварные напѣвы
 Смиряли въ мысляхъ юной дѣвы
 Порывы страха и стыда;
 Не тѣмъ, что у столба сатиры

Развратъ и злобу я казнилъ,
 И что разящій голосъ лиры
 Виновныхъ въ ужасъ приводилъ;
 Не тѣмъ, что пламеннымъ волненьемъ
 И бурями души моей
 И жаждой воли, и гоненьемъ
 Я сталъ извѣстенъ межъ людей;—
 Иная, высшая награда
 Была мнѣ рокомъ суждена,—
 Самолюбивыхъ думъ отрада,
 Мечтанья неземного сна!..

[Рук. П. Б—ки.]

* *
 *

Въ твою свѣтлицу, другъ мой нѣжный,
 Я прихожу въ послѣдній разъ,
 Любви счастливой, безмятежной
 Дѣлю съ тобой послѣдній часъ.
 Впередъ одна въ надеждѣ томной
 Не жди меня средь ночи темной,
 До первыхъ утреннихъ лучей
 Не жги свѣчей...

* *
 *

Вотъ муза, рѣзвая болтунья,
 Которую ты такъ любилъ.
 Она раскаялась, шалунья:
 Придворный тонъ ее плѣнилъ.

* *
 *

Чугунъ Кагульскій, ты священъ
 Для русскаго, для друга славы,
 Ты средь торжественныхъ знаменъ
 Упаль, горящій и кровавый,
 Героевъ Сѣвера губя.
 Но

* * *

Въ Юрзуфѣ бѣдный мусульманъ
 Недавно жилъ, съ дѣтьми, съ женою;
 Душевно почиталъ священный Алкоранъ
 И счастливъ былъ своей судьбою.
 Мехметъ (такъ звался онъ) прилежно цѣлый день
 Смотрѣлъ за ульями, за стадомъ
 И за домашнимъ виноградомъ,
 Не зная, что такое лѣнь;
 Жену свою любилъ; Фатима это знала
 И каждый годъ дѣтей она рожала.
 Но у татаръ ужъ такъ заведено,
 По-нашему, друзья, хоть это и смѣшно.
 Фатима разъ — она была тогда брюхата — *)
 А каждый вѣдаетъ, что въ эти времена
 И даже самая степенная жена
 Имѣеть прихоти, то эти, то другія,
 И Боже упаси, какія! —
 Фатима говоритъ умильно муженьку:
 «Мой другъ, мнѣ хочется ужасно каймаку!
 «Повѣрь, теряю я рассудокъ,
 «Во мнѣ такъ и горитъ желудокъ.
 «Я не спала всю ночь, и посмотри, душа.
 «Сегодня вѣрно я совсѣмъ нехороша!
 «Всего мнѣ должно опасаться:
 «Не смѣю даже почесаться, —
 «А то родится дочь съ отмѣткой на носу...
 «Такой я муки не снесу!
 «Любезный, миленькій, красивый мой дружочекъ!
 «Достань мнѣ каймаку хоть крохотный кусочекъ!»
 Мехметъ разнѣжился, собрался,
 завязалъ,
 Поцѣловалъ жену
 И въ ближнюю деревню побѣжалъ,
 Чтобы порадовать больную...
 Не шелъ онъ, а летѣлъ. За то въ обратный путь

*) Эти слова въ рукописи исправлены, но поправка не поддается прочтенію:

Она въ то время
 Несла бремя.

Пустился по горамъ, едва-едва шагая,
 И скоро сталъ искать, совсѣмъ изнемогая,
 Мѣстечка, гдѣ бы отдохнуть.
 По счастью, на концѣ долины
 Онъ видитъ ручеекъ...
 Добрель до береговъ и легъ въ тѣни вѣтвей.
 Журчанье водъ, деревъ вершины,
 Душистая трава, прохладный вѣтерокъ, —
 Все нѣжило, все говорило:
 Люби иль почивай! люби...

[Затѣмъ, хотя отдѣльныя фразы и слова разбираются, но всѣхъ стиховъ этого исчерпаннаго наброска нѣтъ возможности возстановить: Мехметъ отдыхаетъ въ полномъ блаженствѣ, равномъ царскому; на этомъ рассказъ и обрывается.]

Изъ неоконченной сатиры.

1.

Въ Гееннѣ праздникъ. Въ тьмѣ кромѣшной
 Есть отдаленный уголокъ,
 Откуда изгнаны навѣкъ
 Надежда, миръ, любовь и сонъ,
 Гдѣ свищутъ адскіе бичи,
 Гдѣ море адское клокочетъ,
 Гдѣ, грѣшника внимая стонъ
 Ужасный, Сатана хохочетъ...

2.

«Такъ вотъ дѣтей земныхъ изгнанье?
 Какой порядокъ и молчанье!
 Какой огромный сводовъ рядъ!
 Но гдѣ же грѣшниковъ варять?
 Все тихо... Тамъ, гораздо далѣ.
 «Гдѣ мы теперь?» — Въ парадной залѣ.

3.

«Сегодня балъ у Сатаны...
 На именины всѣ званы...
 Смотри, какъ эти два бѣсенка
 На кухню тащатъ поросенка...

А этотъ бѣсъ — какъ важенъ онъ!
 Какъ чинно выметаетъ вонъ
 Опилки, сѣру, пыль и кости...
 Скажи мнѣ, скоро ль будутъ гости?»

4.

— Кто тамъ? — Здорово, господа!
 — Зачѣмъ пожаловалъ сюда?
 — Привелъ я гостя. — Ахъ, Создатель! —
 Вотъ докторъ Фрикенъ *), нашъ пріятель! —
 Живой! — Онъ живъ, да нашъ давно:
 Сегодня ль, завтра ль — все равно!
 — Объ этомъ думаютъ двояко;
 Обычай требовалъ, однако,
 Соизволенья моего...
 Но, впрочемъ, это ничего.
 Вы знаете, всегда вѣдь другу
 Я рада оказать услугу.

5.

«Что козырь?» — Черви. «Мнѣ ходить.»
 — Я бью. «Нельзя ли погодить?»
 — Беру. «Кругомъ насъ обыграла!
 Эй, смерть! ты право сплутовала.»
 — Молчи! ты глупъ и молоденець:
 Ужъ не тебѣ меня ловить!
 Вѣдь мы играемъ не для денегъ,
 А только бъ вѣчность проводить!

[Эти отрывки принадлежать къ задуманной повѣстью большой политической и общественной сатиры, дѣйствіе которой должно было происходить при дворѣ Сатаны. Г. Анненковъ полагаетъ, что въ числѣ грѣшниковъ и гостей должны были явиться нѣкоторые кишиневскіе жители и наиболѣе знаменитые политическіе дѣятели Россіи. Эта сатира была оставлена повѣстью и, по словамъ г. Анненкова, уступила мѣсто другой, «не менѣе сатанинской», программа которой появляется между этими набросками: окончена же послѣдняя была въ 1823 году.]

*) Кишиневскій врачъ.

Кишиневскія дамы.

Раззѣвавшись отъ обѣдни,
 Къ Катакази ѣду въ домъ.
 Что за греческія бредни,
 Что за греческій содомъ!
 Подогнувъ подъ платье ноги,
 За вареньемъ, средь прохладъ,
 Какъ египетскіе боги,
 Дамы прѣютъ и молчатъ.

.

Здравствуй, круглая сосѣдка.
 Ты бранчива, ты скупа,
 Ты неловкая кокетка,
 Ты плѣшива, ты глупа.
 Говорить съ тобой нѣтъ мочи.
 Все прощаю, Богъ съ тобой!
 Ты съ утра до темной ночи
 Рада въ банкъ играть со мной.

Вотъ Еврейка съ Тодорашкой...

.

Ты умна, велерѣчива,
 Кишиневская Жанлисъ,
 Ты бѣла, жирна, шутлива,
 Черноокая Тарсисъ;
 Не хочю судить я строго,
 Но къ тебѣ не льнетъ душа,
 Такъ послушай, ради Бога,
 Будь глупа, да хороша.

—

[Эти шуточные куплеты, которыхъ въ рукописи шесть, написаны разиѣромъ «джока», т. е. пѣсень, которыя пѣлись молдаванами во время этого мѣстнаго танца. См. Рус. Арх. 1866, 1158—1159, и рассказы А. Ө. Вельтмана о Кишиневѣ пушкинскихъ временъ въ Вѣстн. Евр. 1881, № 3. Конст. Ант. Катакази — кишиневскій губернаторъ; Тарсисъ — его сестра, — по словамъ Липранди, «дѣва лѣтъ сорока, не красивая, но образованная.» Еврейкой въ кишиневскомъ обществѣ прозвали М. Е. Эйхфельдтъ (см. выше, стр. 263), за ея вообразимое сходство съ Ревеккой вальтеръ-скоттовскаго романа «Айвенго»; Тодорашка — Федоръ Егоровичъ Крупянскій, братъ кишиневскаго вице-губернатора.]

* *
*

Тодорашка въ васъ влюбленъ
И для вашихъ ножекъ,
Говорять, заводитъ онъ
Родъ какихъ-то дрожекъ.
Намъ приходится нелегко!
Какъ неосторожно!
Охъ, на дрожкахъ далеко
Вамъ уѣхать можно.

* *
*

Повѣрь мнѣ, быть тебѣ Панглосомъ;
Ты боленъ: это не мечты.
И то-то, братецъ, будешь съ носомъ,
Когда безъ носу будешь ты.

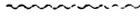

1822.

* * *

Люблю вашъ сумракъ неизвѣстный
И ваши тайные цвѣты,
О вы, поэзіи прелестной
Благословенныя мечты!
Вы насъ увѣрили, поэты,
Что тѣни легкою толпой,
Отъ береговъ холодной Леты
Слетаются на брегъ земной
И невидимо навѣщаютъ
Мѣста, гдѣ было все милѣй,
И въ сновидѣньяхъ утѣшаютъ
Сердца покинутыхъ друзей;
Онѣ, безсмертіе вкушая,
Ихъ поджидаютъ въ Элизей,
Какъ ждетъ на пиръ семья родная
Своихъ замедлившихъ гостей...
Но, можетъ быть, мечты пустыя —
Быть можетъ, съ ризой гробовой
Всѣ чувства брошу я земныя,
И чуждѣ мнѣ будетъ міръ земной;
Быть можетъ, тамъ, гдѣ все блистаетъ
Нетлѣнной славой и красой,
Гдѣ чистый пламень пожираетъ
Несовершенство бытія,

Минутныхъ жизни впечатлѣній
 Не сохранить душа моя:
 Не буду вѣдать сожалѣній,
 Тоску любви забуду я..

П Р И М Ѣ Т Ы.

Старайся наблюдать различныя примѣты.
 Пастухъ и земледѣль въ младенческія лѣты,
 Взглянувъ на небеса, на западную тѣнь,
 Умѣютъ ужъ предречь и вѣтръ, и ясный день,
 И майскіе дожди, молодыхъ полей отраду,
 И мразовъ ранній хладъ, опасный винограду.
 Такъ, если лебеди, на лонѣ тихихъ водъ
 Плескаясь вечеромъ, окличутъ твой приходъ,
 Иль солнце яркое зайдетъ въ печальны тучи,
 Знай: завтра сонныхъ дѣвъ разбудитъ дождь ревучій,
 Иль бьющій въ окна градъ, а ранній селянинъ,
 Готовясь ужъ косить высокій злакъ долины,
 Услыша бури шумъ, не выйдетъ на работу
 И погрузится вновь въ лѣнивую дремоту.

[Къ 1822 году отнесено самимъ Пушкинымъ, въ сохранившемся собственноручномъ перечнѣ стихотвореній этого года.]

Д Р У З Ъ Я М Ъ.

Вчера былъ день разлуки шумной,
 Вчера былъ Вакха буйный пиръ,
 При кликахъ юности безумной,
 При громѣ чашъ, при звукѣ лиръ.

Такъ, музы васъ благословили,
 Вѣнками свыше осѣня,
 Когда вы, други, отличили
 Почетной чашею меня.

Честолюбивой позолотой
 Не ослѣпляя нашихъ глазъ,
 Она не суетной работой,
 Не рѣзбою плѣняла насъ;

Но тѣмъ однимъ лишь отличалась,
 Что, жажду скиескую поя,
 Бутылка полная вливалась
 Въ ея широкіе края.

Я пилъ, и дуемою сердечной
 Во дни минувшіе леталъ,
 И горе жизни скоротечной,
 И сны любви воспоминалъ.

Меня смѣшила ихъ измѣна:
 И скорбь исчезла предо мной,
 Какъ исчезаетъ въ чашахъ пѣна
 Подъ закипѣвшею струей.

[Написано послѣ прощальнаго обѣда, даннаго въ Кишиневѣ, у М. А. Полторацкаго, по случаю отъѣзда одного изъ общихъ знакомыхъ, свитскаго офицера Валерія Тимофеевича Кека. См. статью В. П. Горчакова въ Моск. Вѣд. 1858, № 19. Пушкинъ отослалъ эти стихи въ Петербургъ, гдѣ они были прочитаны А. А. Бестужевымъ въ публичномъ засѣданіи Вольнаго Общества Любителей Россійской словесности, 22 мая 1823 г. См. «Труды» этого общества, ч. XXII, стр. 296—297.]

УЗНИКЪ.

Сижу за рѣшоткой въ темницѣ сырой.
 Вскормленный на волѣ орелъ молодой,
 Мой грустный товарищъ, махая крыломъ,
 Кровавую пищу клюетъ подъ окномъ.

Клюетъ и бросаетъ, и смотреть въ окно,
 Какъ будто со мною задумалъ одно;
 Зоветъ меня взглядомъ и крикомъ своимъ,
 И вымолвить хочетъ: «давай, улетимъ!»

«Мы вольныя птицы; пора, братъ, пора!
Туда, гдѣ за тучей бѣлѣетъ гора,
Туда, гдѣ синѣютъ морскіе края,
Туда, гдѣ гуляемъ... лишь вѣтеръ, да я!..»

Кишиневъ.

~~~~~

ПѢСНЬ О ВЪЩЕМЪ ОЛЕГѢ.

Какъ нынѣ собирается вѣщій Олегъ
Отмстить неразумнымъ казарамъ:
Ихъ села и нивы, за буйный набѣгъ,
Обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ.
Съ дружиной своею, въ цареградской бронѣ,
Князь по полю ѣдетъ на вѣрномъ конѣ.

Изъ темнаго лѣса, на встрѣчу ему,
Идетъ вдохновенный кудесникъ,
Покорный Перуну старикъ одному,
Завѣтовъ грядущаго вѣстникъ,
Въ мольбахъ и гаданьяхъ проведеній весь вѣкъ.
И къ мудрому старцу подъѣхалъ Олегъ.

Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ,
Что сбудется въ жизни со мною?
И скоро ль, на радость сосѣдей-враговъ,
Могильной засыплюсь землею?
Открой мнѣ всю правду, не бойся меня:
Въ награду любого возьмешь ты коня.

«Волхвы не боятся могучихъ владыкъ,
А княжескій даръ имъ не нуженъ;
Правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ
И съ волей небесною друженъ.
Грядущіе годы таятся во мглѣ;
Но вижу твой жребій на свѣтломъ челѣ.

«Запомни же нынѣ ты слово мое:
Воителю слава — отрада;

Побѣдой прославлено имя твое;
 Твой щитъ на вратахъ Цареграда *);
 И волны, и суша покорны тебѣ;
 Завидуетъ недругъ столь дивной судьбѣ.

«И синяго моря обманчивый валъ
 Въ часы роковой непогоды,
 И пращъ, и стрѣла, и лукавый кинжалъ
 Падаютъ побѣдителя годы...
 Подъ грозной броней ты не вѣдаешь ранъ;
 Незримый хранитель могущему данъ.

«Твой конь не боится опасныхъ трудовъ;
 Онъ, чуя господскую волю,
 То смиренный стоитъ подъ стрѣлами враговъ,
 То мчится по бранному полю,
 И холодъ, и сѣча ему ничего:
 Но примешь ты смерть отъ коня своего.»

Олегъ усмѣхнулся; однако чело
 И взоръ омрачилися думой.
 Въ молчаньѣ, рукой опершись на сѣдло,
 Съ коня онъ слѣзаетъ угрюмый,
 И вѣрнаго друга прощальной рукой
 И гладить, и треплеть по шеѣ крутой.

«Прощай, мой товарищъ, мой вѣрный слуга,
 Разстаться настало намъ время;
 Теперь отдыхай: ужъ не ступить нога
 Въ твое позлащенное стремя.
 Прощай, утѣшайся, да помни меня.
 Вы, отроки-друзи, возьмите коня!

«Покройте попоной, мохнатымъ ковромъ;
 Въ мой лугъ подъ уздцы отведите;

---

*) Въ черновой рукописи къ этому стиху сдѣлана выноска: «Но не съ гербомъ Россіи, какъ нѣкто сказалъ (для рѣимы къ Византіи),— во первыхъ, потому, что во времена Олега Россія не имѣла еще герба. Нашъ двуглавый орелъ есть гербъ Римской имперіи и знаменуетъ раздѣленіе ея на Западную и Восточную; у насъ же онъ ничего не значитъ.» [Ср. въ письмѣ къ брату, янв. 1823 (т. VII, н. 36); дѣло идетъ о думѣ Рылѣева «Олегъ Вѣщій» (Новости Литературы, 1822, ч. I, № 11), гдѣ говорится, что Олегъ «прибилъ свой щитъ съ гербомъ Россіи къ царьградскимъ воротамъ.»]

Купайте, кормите отборнымъ зерномъ,
Водой ключевою поите.»
И отроки тотчасъ съ конемъ отошли,
А князю другого коня подвели.

Пируетъ съ дружиною вѣщій Олегъ
При звонѣ веселомъ стакана.
И кудри ихъ бѣлы, какъ утренній снѣгъ
Надъ славной главою кургана...
Они поминаютъ минувшіе дни,
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

«А гдѣ мой товарищъ, промолвилъ Олегъ:
Скажите, гдѣ конь мой ретивый?
Здоровъ ли? Все такъ же ль легкокъ его бѣгъ?
Все тотъ же ль онъ бурный, игривый?»
И внемлетъ отвѣту: на холмѣ крутомъ
Давно ужъ почилъ непробуднымъ онъ сномъ.

Могучій Олегъ головою поникъ
И думаетъ: «что же гаданье?
Кудесникъ, ты лживый, безумный старикъ!
Презрѣть бы твое предсказанье!
Мой конь и донныѣ носилъ бы меня.»
И хочеть увидѣть онъ кости коня.

Вотъ ѣдетъ могучій Олегъ со двора,
Съ нимъ Игорь и старые гости,
И видятъ — на холмѣ, у берега Днѣпра,
Лежатъ благородныя кости;
Ихъ моютъ дожди, засыпаетъ ихъ пыль,
И вѣтеръ волнуетъ надъ ними ковыль.

Князь тихо на черепъ коня наступилъ
И молвилъ: «спи, другъ одинокій!
Твой старый хозяинъ тебя пережилъ:
На тризнѣ, уже недалекой,
Не ты подъ сѣкирой ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прахъ напоишь!

«Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя!
Мнѣ смертію кость угрожала!»

Изъ мертвой главы гробовая змія,
 Шипя, между тѣмъ, выползала;
 Какъ черная лента вокругъ ногъ обвилась,
 И вскрикнулъ внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые, залѣнясь, шипятъ
 На тривнѣ плачевной Олега:
 Князь Игорьъ и Ольга на холмѣ сидятъ;
 Дружина пируетъ у берега;
 Бойцы поминаютъ минувшіе дни
 И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.
 1 марта.

Е В Р Е Й К Ъ .

Христось воскресь, моя Ревекка!
 И нынѣ, слѣдуя душой
 Закону богочеловѣка,
 Погибшаго за міръ земной,
 Тебя цѣлую, ангель мой!
 А завтра къ вѣрѣ Моисея
 За поцѣлуй твой, не робѣя,
 Готовъ, еврейка, приступить...

12 апрѣля, Кишиневъ.

[Печатается съ пропускомъ заключительныхъ трехъ стиховъ и съ добавленіемъ четвертаго по рукописи поэта. По указанію г. Анненкова (Пушкинъ, стр. 178), относится къ содержательницѣ одного постоялаго дома.]

П Т И Ч К А .

Въ чужбинѣ свято наблюдаю
 Родной обычай старины:
 На волю птичку выпускаю
 При свѣтломъ праздникѣ весны.
 Я сталъ доступенъ утѣшенью;
 За что на Бога мнѣ роптать,
 Когда хоть одному творенью
 Я могъ свободу даровать?

13 мая.

[Напечатано въ «Литер. Листкахъ» 1828, № 2, съ выноскою Булгарина: «Сіе относится къ тѣмъ благодѣтелямъ челоѳчества, которые употребляютъ свои достатки на выкупъ изъ тюрьмы невинныхъ должниковъ и пр.» Ср. т. VII, п. 23.]

УЕДИНЕНІЕ.

Блаженъ, кто въ отдаленной сѣни,
Вдали взыскательныхъ невѣждъ,
Дни дѣлитъ межъ трудовъ и лѣни.
Воспоминаній и надеждъ;
Кому судьба друзей послала,
Кто скрытъ, по милости Творца,
Отъ усыпителя глупца,
Отъ пробудителя нахала.

ПРІЯТЕЛЮ.

Не притворяйся, милый другъ,
Соперникъ мой широкоплечій:
Тебѣ не страшень лиры звукъ,
Ни элегическія рѣчи.
Дай руку мнѣ: ты не ревнивъ,
Я слишкомъ вѣтренъ и лѣнивъ,
Твоя красавица не дура;
Я вижу все и не сержусь:
Она — прелестная Лаура,
Да я въ Петрарки не гожусь.

[Относится, вѣроятно, къ Н. С. Алексѣеву, который, въ письмѣ къ Пушкину отъ 30 окт. 1826, говоритъ: «Не смотря на названія лукаваго соперника и чернаго друга, я могу сказать, что мы были друзья-соперники и жили пріятно.»]

ВАРАТЫНСКОМУ ИЗЪ БЕССАРАВИ.

Сія пустынная страна
 Священна для души поэта:
 Она Державинымъ воспѣта
 И славой русскою полна.
 Еще донинѣ тѣнь Назона
 Дунайскихъ ищетъ береговъ;
 Она летитъ на сладкій зовъ
 Питомцевъ музъ и Аполлона,
 И съ нею часто при лунѣ
 Брожу вдоль берега крутого;
 Но, другъ, обнять милѣе мнѣ
 Въ тебѣ Овидія живого.

Е М У Ж Е.

Я жду обѣщанной тетради:
 Что жъ медлишь, милый трубадуръ!
 Пришли ее мнѣ, Феба ради,
 И награди тебя Амуръ.

[Въ бумагахъ Пушкина сохранилось слѣдующее «Примѣчаніе»: «Бессарабія, извѣстная въ самой глубокой древности, должна быть особенно любопытна для насъ:

Она Державинимъ воспѣта
 И славой русскою полна.

Отъ Олега и Святослава до Суворова и Кутузова она была театромъ нашихъ вѣчныхъ войнъ. Но донинѣ область сія намъ извѣстна по ошибочнымъ описаніямъ двухъ или трехъ путешественниковъ. Не знаю, выйдетъ ли когда нибудь Историческое и Статистическое Описаніе оной, составленное И. П. Липранди, соединяющимъ ученость истинную съ отличными достоинствами военнаго человѣка.»]

ГРЕЧАНКЪ.

Ты рождена воспламенять
 Воображеніе поэтовъ,
 Его тревожить и плѣнять
 Любезной живостью привѣтовъ,
 Восточной странностью рѣчей,

Блистаньемъ зеркальныхъ очей
 И этой ножкою нескромной;
 Ты рождена для нѣги томной,
 Для упоенія страстей.
 Скажи: когда пѣвецъ Леилы
 Въ мечтахъ небесныхъ рисовалъ
 Свой неизмѣнный идеаль,
 Ужъ не тебя ль изображалъ
 Поэтъ мучительный и милый?
 Быть можетъ, въ дальней сторонѣ,
 Подъ небомъ Греціи священной,
 Тебя страдалецъ вдохновенный
 Узналъ или видѣлъ какъ во снѣ,
 И скрылся образъ незабвенный
 Въ его сердечной глубинѣ.
 Быть можетъ, лирою счастливой
 Тебя волшебникъ искушалъ;
 Невольный трепеть возникалъ
 Въ твой груди самолюбивой:
 И ты, склонясь къ его плечу...
 Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ, мечты ревнивой
 Питать я пламя не хочу:
 Мнѣ долго счастье чуждо было,
 Мнѣ ново наслаждаться имъ,
 И тайной грустію томимъ,
 Боюсь: невѣрно все, что мило.

[Гречанка Калипсо Полихрони бѣжала изъ Константинополя сначала въ Одессу, а потомъ, съ половины 1821 года, поселилась въ Кишиневѣ вмѣстѣ съ своей матерью. По словамъ Ф. Ф. Вигеля (Восп., VI, 122—123) и И. П. Липранди (Рус. Арх. 1866, ст. 1246—1247), она была некороша собой: маленькаго роста, съ едва замѣтной грудью, съ длиннымъ, сухимъ лицомъ, всегда нарумяненнымъ, большимъ носомъ и огромными «огненными» глазами. Про нее рассказывали, будто она была когда-то любовницею Байрона. Въ рукописяхъ Пушкина остались еще двѣ строки, относящіяся, по всей вѣроятности, къ ней же:

Гречанка, я люблю тебя...
 Я твой на вѣкъ, Элеверія... *)

Пушкинъ упоминаетъ о ней въ письмѣ къ кн. Вяземскому, отъ 5 апрѣля 1823 года: «Я познакомлю тебя съ гречанкой, которая цѣловалась съ Байрономъ.» О дальнѣйшей судьбѣ Калипсо существуетъ рассказъ румынскаго писателя Негруци въ книгѣ «Racatele Fineretiloru» (Грѣхи юности), изд. въ 1857 г., переведенный въ Бессарабск. Област. Вѣд. 1866, № 44 и въ статьѣ Х. С. Кирова «Пушкинская гречанка», въ Истор. Вѣстн. 1884, № 2, стр. 337.]

*) Элеверія, свобода.

А Д Е Л И.

Играй, Адель,
 Не знай печали.
 Хариты, Лель
 Тебя вѣнчали
 И колыбель
 Твою качали.
 Твоя весна
 Тиха, ясна:
 Для наслажденья
 Ты рождена.
 Часъ упоенья
 Лови, лови!
 Младья лѣта
 Отдай любви,
 И въ шумѣ свѣта
 Люби, Адель,
 Мою свирѣль.

Ноябрь 1822.
 Каменка.

[Относится къ дочери А. Л. Давыдова, о которомъ см. выше, стр. 239.]

КЪ ОЕД. НИКОЛ. ГЛИНКЪ.

Когда средь оргій жизни шумной
 Меня постигнулъ остракизмъ,
 Увидѣль я толпы безумной
 Презрѣнный, робкій эгоизмъ;
 Безъ слезъ оставилъ я съ досадой
 Вѣнки пировъ и блескъ Аѳинъ,
 Но голосъ твой мнѣ былъ отрадой,
 Великодушный гражданинъ!
 Пускай судьба опредѣлила
 Гоненья грозныя мнѣ вновь,
 Пускай мнѣ дружба измѣнила,
 Какъ измѣнила мнѣ любовь,

Въ моемъ изгнаньѣ позабуду
 Несправедливость ихъ обидь:
 Онѣ ничтожны, если буду
 Тобой оправданъ, Аристидъ!

Кишиневъ. 1822.

[Сообщено Пушкинымъ въ письмѣ къ брату въ январѣ 1823 года, но въ составленномъ имъ спискѣ своихъ стихотвореній отнесено къ 1822 году. Это—отвѣтъ на поэтическое привѣтствіе Ѳ. Н. Глинки, напечатанное вскорѣ послѣ высылки Пушкина изъ Петербурга, въ Сынѣ Отеч. 1820 г., сент., № 38. Разсказъ Глинки о высылкѣ Пушкина—въ Рус. Арх. 1866 г., ст. 917; имъ же написано «Воспоминаніе о поэтической жизни Пушкина» (въ стихахъ), М. 1837 г. О самомъ Глинкѣ и его литературной дѣятельности см. статью Н. В. Путьяты въ Бесѣдахъ въ Общ. люб. рус. слов., I, 1867 г., стр. 33 и сл.]

ЭПИГРАММЫ.

* *
 *

У Клариссы денегъ мало,
 Ты богатъ,—иди къ вѣнцу:
 И богатство ей пристало,
 И рога тебѣ къ лицу.

22 января.

* *
 *

Нѣтъ ни въ чемъ вамъ благодати;
 Съ счастьемъ у васъ разладъ:
 И прекрасны вы не кстати,
 И умны вы не впопадъ.

Жалоба.

Вашъ дѣдъ портной, вашъ дядя поварь,
 А вы, вы знатный господинъ:
 Таковъ объ васъ народный говоръ,
 Высокородный Сѣверинъ.

Потомку предковъ благородныхъ,
 Увы, никто въ моей роднѣ
 Не шьетъ мнѣ даромъ фраковъ модныхъ
 И не варить обѣда мнѣ.

[Дмитрій Петровичъ Сѣверинъ, товарищъ Пушкина по Арзамасскому обществу (гдѣ онъ носилъ прозвище «Рѣваго kota»), служилъ въ иностранной коллегіи.]

Русскому Геснеру.

Куда ты холоденъ и сухъ!
 Какъ слогъ твой чопоренъ и блѣденъ!
 Какъ въ изобрѣтеньяхъ ты бѣденъ!
 Какъ утомляешь ты мой слухъ!
 Твоя пастушка. твой пастухъ
 Должны ходить въ овчинной шубѣ;
 Ты ихъ морозишь на-легкѣ!
 Гдѣ ты нашелъ ихъ? Въ шустеръ-клубѣ
 Или на Красномъ-кабачкѣ?

[Относится къ извѣстному въ свое время идиллику Влад. Ив. Панаеву (1792—1859). Его «Разсужденіе о пастушеской поэзи» напечатано въ «Благонамѣренномъ» 1818 г., № 10, а «Идилліи» вышли въ Спб. 1820 г. О немъ см. книжку В. М. Федорова: «В. П. Панаевъ, воспоминаніе, съ обзорѣніемъ его идиллій», Спб. 1861 г. и Записки его—въ Вѣстн. Евр. 1867 г., №№ 9 и 12.]

ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ.

Начало посланія кн. П. А. Вяземскому.

Язвительный поэтъ, острякъ замысловатый,
 И блескомъ, и умомъ, и шутками богатый,
 Счастливыи Вяземскій, завидую тебѣ!
 Ты право получилъ, благодаря судьбѣ,
 Смѣяться весело надъ злобою ревнивой,
 Невѣжество разить анаемой игрой...

Начало посланія къ брату.

Братъ милый! отрокомъ разстался ты со мной;
 Въ разлукѣ протекли медлительные годы;
 Теперь ты юноша и полною душой
 Цвѣтешь для радости, для свѣта, для свободы.
 Какое поприще отверзлось предъ тобой!
 Какъ много для тебя восторговъ, наслажденій,
 И сладостныхъ заботъ и милыхъ заблужденій...
 Какъ юный жаръ твою волнуетъ кровь!
 Ты сердце пробуешь въ надеждѣ торопливой,
 Ввѣряешься...

[Ср. письмо къ Л. С. Пушкину, т. VII. п. 27: «Скажи мнѣ, выросъ-ли ты? Я оставилъ тебя ребенкомъ, найду молодымъ человѣкомъ...»]

Изъ записки къ пріятелю.

Сегодня я поутру дома
 И жду тебя, любезный мой.
 Приди ко мнѣ на рюмку рома.
 Приди — тряхнемъ мы стариной!
 Нашъ другъ Тардифъ, любимецъ Кома,
 Поварни полный генераль,
 Достойный дружбы и похвалъ
 Ханжи, поэта, балагура,
 Тардифъ, который Коленкура
 И откормилъ и обокралъ,
 Тардифъ, полиціей гонимый
 За неоплатные долги,
 Тардифъ, умомъ неистощимый
 На entre-mets, на пироги...

[Тардифъ, извѣстный въ свое время петербургскій кухмистеръ, жилъ въ это время въ Клишиневѣ. О немъ см. Вигеля, VI, 95, и Липранди, Рус. Арх. 1866, ст. 1458—59. Коленкуръ—французскій посолъ въ Россіи 1807—1811.]

* *
 *

Мой другъ, уже три дня
 Сажу я подъ арестомъ
 И не видался я

Давно съ моимъ Орестомъ *):
 Спаситель молдаванъ,
 Бахметьева намѣстникъ,
 Законовъ провозвѣстникъ,
 Смиранный Іоаннъ **)
 За то, что яескій панъ,
 Извѣстный намъ болванъ
 Мазуркою, чалмою,
 Несносной бородою,
 И трусь, и грубіянь,
 Побить немножко мною ***)
 И что бояръ пугнулъ
 Я новою тревогой,
 Къ моей каморкѣ строгій
 Приставилъ караулъ.
 . . . . . ****).
 Невинною игрою,
 А именно — мараю
 Небрежныя черты,
 Пишу каррикатуры,
 Знакомыхъ столько лицъ,
 Восточныя фигуры
 Куконовъ, куконицъ,
 И ихъ мужей рогатыхъ,
 Обритыхъ и брадатыхъ!..

*) Къ кому обращается Пушкинъ и кого называетъ онъ своимъ Орестомъ, — сказать трудно; можетъ быть, — Н. С. Алексѣева, съ которымъ онъ близко сошелся въ Кишиневѣ.

**) Иванъ Никитичъ Инзовъ (1768—1845), ген.-лейтенантъ, главный попечитель колонистовъ Южнаго Края (въ Екатеринославѣ), подъ наблюдение котораго былъ посланъ Пушкинъ, былъ, въ началѣ 1821 г., назначенъ вмѣсто Бахметьева исправляющимъ должность намѣстника Бессарабской области (въ Кишиневѣ); съ іюля 1822 г. онъ былъ переведенъ въ Одессу, испр. д. Новороссійскаго губернатора, въ которой его смѣнилъ, черезъ годъ, гр. М. С. Воронцовъ. Біографія его помѣщена въ изданіи: «Императоръ Александръ I и его сподвижники». См. также Воспоминанія Вигеля, VI, 120, и книгу г. Анненкова «Пушкинъ», 168—169.

***) Молдаванскій бояринъ Теодоръ Балшъ. О дуэли съ нимъ Пушкина см. въ статьѣ Л. С. Пушкина въ Москвит. 1854, № 10, стр. 50—58, и Рус. Арх. 1866, ст. 1168—69, 1421—23. Пушкинъ былъ посаженъ подъ арестъ на двѣ недѣли.

****) Здѣсь въ рукописи недостаетъ листа.

Къ ***

Ты правъ, мой другъ! напрасно я презрѣлъ
 Дары природы благосклонной;
 Я зналъ досугъ — безпечныхъ музъ удѣлъ,
 И наслажденье лѣнью сонной.

Я дружбу зналъ, и жизни молодой
 Ей отдалъ вѣтренные годы,
 И вѣрилъ ей за чашей круговой
 Въ часы веселій и свободы.

Младыхъ бесѣдъ оставя блескъ и шумъ,
 Я зналъ и трудъ, и вдохновенье,
 И сладостно мнѣ было жаркихъ думъ
 Уединенное волненье!

Свою печать утратилъ рѣзвый нравъ,
 Душа часъ отъ часу нѣмѣеть.
 Въ ней чувства нѣтъ уже. Такъ легкій листъ дубравъ
 Въ ключахъ кавказскихъ каменѣть.

И свѣтъ, и дружбу, и любовь
 Въ ихъ наготѣ отнынѣ вижу, —
 Но все прошло! остыла въ сердцѣ кровь,
 Ужасный опытъ ненавижу...

—

[Далѣе можно разобрать лишь отдѣльные стихи:

Разоблачивъ плѣнительный кумиръ,
 Я вижу...
 Какъ бьется лань, пронзенная стрѣлой,
 И сижится...
 Ужели онъ казался прежде мнѣ
 Столь величавымъ и прекраснымъ?
 Ужели . . . . . глубинѣ
 Я наслаждался сердцемъ яснымъ?
 Что жъ видѣлъ въ немъ безумецъ молодой,
 Кого любить, къ чему стремился,
 Кого . . . возвышенной мечтой
 Боготворить не постыдился?..

На этомъ же листѣ, сбоку, набросана черновая программа, повидимому, имѣющая отношеніе къ той же пьесѣ: «Ко всему былъ охлажденъ, ко всему охладѣлъ; вѣтреный, я сталъ без... Теперь кого...? И это смѣшно. Хочу возобновить дружбу, какъ мертвецъ... любовь; труды, не могу.»

П. В. Анненковъ (Мат., 81—82) предполагаетъ, что мысль этого стихотворенія была дана Пушкину письмомъ, въ которомъ его упрекали въ работѣ передъ обычаями и привычками толпы и совѣтовали углубиться въ самого себя. Помѣщаемые ниже наброски представляютъ развитіе той же мысли.]

* *
*

Красы Лаисъ, завѣтные пиры
И клики радости безумной
И мирныхъ музъ минутные дары,
И лепетанье славы шумной...

Разоблачивъ плѣнительный кумиръ,
Я вижу призракъ безобразный...
Но что жь теперь тревожить хладный миръ
Души безчувственной и праздной?

Любилъ я славу и любовь
И многому я въ жизни вѣрилъ,
Когда еще кипѣла въ сердцѣ кровь
И самъ съ собой я лицемѣрилъ...

* *
*

Пиры, любовницы, друзья
Исчезли съ милыми мечтами,
Одинъ, одинъ остался я!
Померкла молодость моя
Съ ея невѣрными дарами.
Такъ свѣчи, въ долгу ночь горѣвъ
Для рѣзвыхъ юношей и дѣвъ,
Въ концѣ безумныхъ пированій
Блѣднѣютъ предъ лучами дня...

* *
*

Я говорилъ предъ хладною толпой,
Но для толпы ничтожной и глухой
Смѣшонъ гласъ сердца благородный,—
Я замолчалъ...

[Дальше все исчеркано, можно разобрать только отдѣльные слова. Внизу —
нѣчто въ родѣ программы:

Вездѣ яремъ, сѣкира или вѣнецъ,
 Вездѣ злобный или малодушный.
 Предразсужденья
 Тирани — льстецъ,
 Предразсуждений рабъ послушный.]

Т а в р и д а.

Gieb meine Jugend mir zurück.

Страсти мои утихаютъ, тишина царить въ душѣ моей, ненависть, раскаяніе, все исчезаетъ, — любовь, одушевленіе...

Покойны чувства, ясенъ умъ,
 Пью съ воздухомъ любви томленье,
 Въ душѣ утихло мрачныхъ думъ
 Однообразное волненье.

Какой-то нѣгой неизвѣстной,
 Какой-то грустью полонъ я!
 Одушевленные поля,
 Холмы Тавриды, край прелестный,
 Тебя я посѣщаю вновь,
 Пью (жадно) воздухъ сладострастья,
 Вездѣ мнѣ слышенъ тайный гласъ
 Давно затеряннаго счастья...

Счастливый край, гдѣ блещутъ воды,
 Лаская пышные берега,
 И свѣтлой роскошью природы
 Озарены холмы, луга,
 Гдѣ скаль нахмуренные своды...

* *
 *

Какъ наше сердце своевольно!
 томимый вновь *),
 Я умолялъ тебя недавно
 Обманывать мою любовь,
 Участьемъ, нѣжностью притворной
 Одушевлять свой дивный взглядъ,

*) Такъ и въ рукописи, этотъ стихъ безъ начала.

Играть душой моею покорной,
 Въ нее вливать огонь и ядъ...
 Ты согласилась, нѣгой влажной
 Наполнился твой южный взоръ,
 Твой видъ задумчивый и важный,
 Твой сладострастный разговоръ.
 И то, что позволяешь нѣжно,
 И то, что запрещаешь мнѣ,
 Все впечатлѣлось неизбежно
 Въ моей сердечной глубинѣ...

* *
 *

На тихихъ берегахъ Москвы
 Церквей, вѣнчанныя крестами,
 Сіяютъ ветхія главы
 Надъ монастырскими стѣнами;
 Кругомъ простерлись по холмамъ
 Во вѣкъ не рубленныя рощи;
 Издавна почивали тамъ
 Угодниковъ святыя мощи...

* *
 *

Зачѣмъ раздался громъ войны
 Во славномъ царствѣ Зензевей,
 Поля и села зажжены...
 . . . . .
 Въ Арменію, въ палаты Зензевей,
 Съѣзжаются могучіе цари,
 Царевичи, князья, богатыри,
 Армянскій царь ихъ ласково встрѣчаетъ
 . . . . .
 И съ ними добрый Зензевей
 Пируетъ ровно сорокъ дней.
 30 іюня.

* *
 *

Себѣ ты выбралъ, Зензевей,
 Кого союзникомъ и другомъ?
 Кто будетъ счастливымъ супругомъ

Царевны, дочери твоей?
 Она мила, какъ ландышъ мая,
 Рѣзва, какъ лань кавказскихъ горъ...

* *
 *

Кто, волны, васъ остановилъ,
 Кто оковалъ вашъ бѣгъ могучій,
 Кто въ прудъ безмолвный и дремучій
 Потокъ мятежный обратилъ?

. . . . .
 Вы, бури, вѣтры, взroyте воды,
 Разрушьте гибельный оплотъ!
 Гдѣ ты, гроза? символъ свободы,
 Промчись поверхъ невольныхъ водъ!

* *
 *

Венерѣ, Фебу и Ѡемидѣ
 Полезно посвящая дни,
 Дозоромъ ѣздить по Тавридѣ
 И проповѣдуютъ Парни.

* *
 . *

Въ голубомъ ээира полѣ
 Блещетъ мѣсяцъ золотой;
 Старый дождь плыветъ въ гондолѣ
 Съ догарессой молодой.
 Догаресса молодая...

1823.

ТЕЛѢГА ЖИЗНИ.

Хоть тяжело подчасъ въ ней бремя,
Телѣга на ходу легка;
Ямщикъ лихой, сѣдое время
Везеть, не слѣзеть съ облучка.

Съ утра садимся мы въ телѣгу;
Мы погоняемъ съ ямщикомъ
И, презирая лѣнь и нѣгу,
Кричимъ: валяй по всѣмъ по тремъ!..

Но въ полдень нѣтъ ужъ той отваги —
Порастрясло насъ, намъ страшнѣй
И косогоры, и овраги;
Кричимъ: полегче, дуралей!

Катить по прежнему телѣга.
Подъ вечеръ мы привыкли къ ней,
И дремля ѣдемъ до ночега,
А время гонить лошадей.

[Ср. т. VII, п. 82.]

ДЕМОНЪ.

(Ал. Ник. Раевскому).

Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы
 Всѣ впечатлѣнья бытія —
 И взоры дѣвъ, и шумъ дубровы,
 И ночью пѣнье соловья;
 Когда возвышенныя чувства,
 Свобода, слава и любовь,
 И вдохновенныя искусства
 Такъ сильно волновали кровь:
 Часы надеждъ и наслажденій
 Тоской внезапной осяня,
 Тогда какой-то злобный геній
 Сталъ тайно навѣщать меня.
 Печальны были наши встрѣчи:
 Его улыбка, чудный взглядъ,
 Его язвительныя рѣчи
 Вливали въ душу хладный ядъ.
 Неистоимой клеветою
 Онъ провидѣнье искушалъ;
 Онъ звалъ прекрасное мечтою,
 Онъ вдохновенье презиралъ;
 Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ,
 На жизнь насмѣшливо глядѣлъ —
 И ничего во всей природѣ
 Благословить онъ не хотѣлъ.

[При появлении своемъ въ печати, это стихотвореніе вызвало толки; многіе думали, что въ лицѣ Демона поэтъ хотѣлъ изобразить Александра Николаевича Раевского (старшій сынъ знаменитаго генерала, 1795—1868). Отголоски этого мнѣнія проникли даже въ печать, такъ что Пушкинъ приготовилъ было по этому поводу замѣтку, которую собирался послать въ журналы, безъ подписи и какъ бы отъ посторонняго лица. Приводимъ ее здѣсь, по тексту, сообщенному г. Аппенковымъ въ книгѣ «Пушкинъ» (стр. 152—153):

«...Многіе были того же мнѣнія и даже указывали на лицо, которое Пушкинъ хотѣлъ будто бы изобразить въ этомъ странномъ стихотвореніи... Кажется, они не правы; по крайней мѣрѣ, я вижу въ «Демонѣ» цѣль болѣе нравственную. Не хотѣлъ ли поэтъ олицетворить сомнѣніе? Въ лучшее время жизни—сердце, не охлажденное опытомъ, доступно для прекраснаго. Оно легковѣрно и нѣжно. Мало по малу вѣчныя противорѣчія сущности рождаютъ въ немъ сомнѣніе: чувство мучительное, но не продолжительное... Оно исчезаетъ, уничтоживъ наши лучшіе и поэтическіе предразсудки души... Недаромъ великій Гете называлъ вѣчнаго врага человѣчества—духомъ отрицающимъ... И Пуш-

кинъ не хотѣлъ ли въ своемъ «Демонѣ» олицетворить сей духъ отрицанія или сомнѣнія и начертать въ пріятной картинѣ печальное вліяніе его на нравственность нашего вѣка?»

Изъ письма къ Пушкину декабриста кн. С. Г. Волконскаго отъ 18 окт. 1824 (напеч. П. И. Бартепьевымъ въ сборникѣ «Пушкинъ», I, 145), видно, что А. Н. Раевскій самъ принималъ это стихотвореніе на свой счетъ; онъ, въ путь, сердился, зачѣмъ у Пушкина сначала было сказано: «благословить онъ не хотѣлъ,» а потомъ: «благословить онъ не умѣлъ»: первое ему больше нравилось. Въ рукописяхъ поэта осталось еще нѣсколько черновыхъ набросковъ, повидимому, имѣющихъ отношеніе къ той же пьесѣ:

Таковъ онъ былъ...
 Мое спокойное незнанье
 Страстями... возмущалъ,
 И я его существованье
 Съ своимъ, невиннымъ, сочеталъ.
 Я видѣлъ міръ его глазами...
 Онъ общалъ...
 Истоковать мнѣ все творенье
 И разгадать добро и зло...
 Непостижимое волненье
 Меня къ лукавому влекло...
 .....
 Я сталъ взирать его глазами;
 Мнѣ жизни дался бѣдный кладъ;
 Съ его неясными словами
 Моя душа звучала въ ладъ...

Ср. варианты къ XLV строфѣ I-й главы «Онѣгина».

Въ «Рус. Арх.» 1876, № 4, рассказывается, будто Пушкинъ читалъ на вечерѣ въ Москвѣ своего «Демона.» Онъ замѣтилъ, что одна изъ слушательницъ звѣнула вслѣдъ за стихами:

И ничего во всей природѣ
 Благословить онъ не хотѣлъ—

и тотчасъ же прибавилъ:

Но укротился пламень гнѣвный
 Свирѣпыхъ, злобныхъ, адскихъ силъ,
 И онъ Варвары Алексѣвны
 Зѣвоту вдругъ благословилъ.

КНЯГИНѢ М. А. ГОЛИЦЫНОЙ.

Давно объ ней воспоминанье
 Ношу въ сердечной глубинѣ;
 Ея минутное вниманье
 Отрадой долго было мнѣ.
 Твердилъ я стихъ обвороженный,
 Мой стихъ, унынья звукъ живой,
 Такъ мило ею повторенный,
 Замѣченный ея душой.

Вновь лирѣ слезъ и тайной муки
 Она съ участіемъ вняла —
 И нынѣ ей передала
 Свои плѣнительные звуки...
 Довольно! Въ гордости моей
 Я мыслить буду съ умиленьемъ:
 Я славой былъ обязанъ ей,
 А можетъ быть, и вдохновеньемъ.
 Одесса.

[О княгинѣ М. А. Голицыной см. выше, стр. 256.]

Э Л Е Г И Я.

Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты,
 Моей любви безумное волненье?
 Ты мнѣ вѣрна: зачѣмъ же любишь ты
 Всегда пугать мое воображенье?
 Окружена поклонниковъ толпой,
 Зачѣмъ для всѣхъ казаться хочешь милой,
 И всѣхъ дарить надеждою пустой
 Твой чудный взоръ, то нѣжный, то унылый?
 Мною овладѣвъ, мой разумъ омрачивъ,
 Увѣрена въ любви моей несчастной,
 Не видишь ты, когда въ толпѣ ихъ страстной,
 Бесѣды чуждъ, одинъ и молчаливъ,
 Терзаюсь я досадою одинокой;
 Ни слова мнѣ, ни взгляда... другъ жестокій!
 Хочу ль бѣжать: съ боязнью и мольбой
 Твои глаза не слѣдуютъ за мной.
 Заводитъ ли красавица другая
 Двусмысленный со мною разговоръ:
 Спокойна ты; веселый твой укоръ
 Меня мертвить, любви не выражая.
 Скажи еще: соперникъ вѣчный мой,
 Наединѣ заставъ меня съ тобой,
 Зачѣмъ тебя привѣтствуетъ лукаво?..
 Что жъ онъ тебѣ? Скажи, какое право
 Имѣеть онъ блѣднѣть и ревновать?..
 Въ нескромный часъ межъ вечера и свѣта,

Безъ матери, одна, полуодѣта,
 Зачѣмъ его должна ты принимать?
 Но я любимъ!.. Наединѣ со мною
 Ты такъ нѣжна! Лобзанія твои
 Такъ пламенны! Слова твоей любви
 Такъ искренно полны твоей душою!
 Тебѣ смѣшны мученія мои;
 Но я любимъ, тебя я понимаю.
 Мой милый другъ, не мучь меня, молю:
 Не знаешь ты, какъ сильно я люблю;
 Не знаешь ты, какъ тяжело я страдаю!

Октябрь.

[Относится, какъ и два слѣдующія стихотворенія, къ г-жѣ Ризничъ, женѣ одесскаго негоціанта. О знакомствѣ ея съ Пушкинымъ см. статью Зеленецкаго въ «Рус. Вѣстн.» 1856, № 11. Упоминаемый въ стихотвореніи «соперникъ» — нѣкто Собаньскій.]

* * *

Ненастный день потухъ, ненастной ночи мгла
 По небу стелется одеждою свинцовой;
 Какъ привидѣніе, за рощею сосновой
 Луна туманная взошла...
 Все мрачную тоску на душу мнѣ наводитъ.
 Далеко, тамъ, луна въ сіяніи восходитъ;
 Тамъ воздухъ напоенъ вечерней теплотою;
 Тамъ море движется роскошной пеленою
 Подъ голубыми небесами...
 Вотъ время: по горѣ теперь идетъ она
 Къ брегамъ, потопленнымъ шумящими волнами;
 Тамъ, подъ завѣтными скалами,
 Теперь она сидитъ печальна и одна...
 Одна... никто предъ ней не плачетъ, не тоскуетъ;
 Никто ея колѣнъ въ забвеньѣ не цѣлуетъ;
 Одна... ни чьимъ устами она не предается
 Ни плечъ, ни влажныхъ устъ, ни персей бѣлоснѣжныхъ.

.....
 .....
 .....

Никто ея любви небесной не достоинъ.
 Не правда ль: ты одна... ты плачешь... я спокоенъ;
 . . . . .
 Но если . . . . .

[Точки въ этомъ стихотвореніи поставлены самимъ Пушкинымъ.]

Н О Ч Ь.

Мой голосъ, для тебя и ласковый, и томный,
 Тревожить позднее молчанье ночи темной.
 Близъ ложа моего печальная свѣча
 Горить; мои стихи, сливаясь и журча,
 Текуть, ручьи любви, текутъ полны тобою.
 Во тѣмѣ твои глаза блистаютъ предо мною,
 Мнѣ улыбаются, и звуки слышу я:
 Мой другъ, мой вѣжнѣй другъ... люблю... твоя... твои.
 26 октября.

О Т Р Ы В О К Ъ.

Недвижный стражъ дремалъ на царственномъ порогѣ;
 Владыка Сѣвера одинъ въ своемъ чертогѣ
 Безмолвно бодрствовалъ — и жребіи земли
 Въ увѣнчанной главѣ стѣсненные лежали,
 Чредою выпадали
 И міру тихую неволю въ даръ несли.

И дѣлу своему владыка самъ дивился.
 «Се благо!» думалъ онъ — и взоръ его носился
 Отъ Гибровыхъ валовъ до Вислы и Невы,
 Отъ Царскосельскихъ липъ до башенъ Гибралтара:
 Все молча ждетъ удара —
 Все пало, подъ ярмомъ склонились всѣ главы.

«Свершилось!» молвилъ онъ. «Давно ль народы міра
 Паденье славили великаго кумира?
 . . . . . *)

*) Эта строфа осталась недописанною.

«Давно ли ветхая Европа свирѣпѣла,
 Надеждой новою Германія кипѣла,
 Шаталась Австрія, Неаполь возставалъ?
 За Пиринеями давно ль судьбой народа
     Ужъ правила свобода,
 И самовластіе лишь Сѣверъ укрывалъ?»

«Давно ль? — И гдѣ же вы, зиждители свободы?
 Ну, что жъ? Витійствуйте, ищите правъ природы,
 Волнуйте, мудрецы, безумную толпу!
 Вотъ Кесарь — гдѣ же Брутъ? О, грозные вити,
     Цѣлуйте жезлъ Россіи
 И вась поправшую желѣзную стопу!»

Онъ рекъ — и нѣкій духъ повѣялъ невидимо,
 Повѣялъ и затихъ, и вновь повѣялъ мимо.
 Владыку Сѣвера мгновенный хладъ объялъ;
 На царственный порогъ вперилъ, смутясь, онъ очи...
     Раздался бой полночи —
 И се, внезапный гость въ чертогъ царя предсталъ.

То былъ сей чудный мужъ, посланникъ провидѣнья,
 Свершитель роковой безвѣстнаго велѣнья,
 Сей всадникъ, передъ кѣмъ склонялися цари,
 Мятежной вольницы наслѣдникъ и убійца,
     Сей хладный кровопійца,
 Сей царь, исчезнувшій какъ сонъ, какъ тѣнь зари.

Ни тучной праздности лѣнивыя морщины,
 Ни поступь тяжкая, ни раннія сѣдины,
 Ни пламень гаснуцій нахмуренныхъ очей —
 Не обличали въ немъ изгнаннаго героя,
     Мученіемъ покоя
 Въ моряхъ казненнаго, по манію царей.

Нѣтъ, чудный взоръ его, живой, неуловимый,
 То вдаль затерянный, то вдругъ неотразимый,
 Какъ боевой перунъ, какъ молнія сверкалъ;
 Во цвѣтѣ здравія, и мужества, и мощи,
     Владыкъ Полунощи
 Владыка Запада грозящій предстоялъ.

Таковъ онъ былъ, когда въ равнинахъ Австерлица
 Дружины Сѣвера гнала его десница,
 И русскій въ первый разъ предъ гибелью бѣжалъ;
 Таковъ онъ былъ, когда съ побѣднымъ договоромъ
 И съ миромъ иль позоромъ
 Предъ юношей-царемъ въ Тильзитѣ предстоялъ.

~ ~ ~ ~ ~
 * * *

Возстань, о Греція, возстань!
 Не даромъ напрягаешь силы,
 Не даромъ потрясаетъ брань
 Олимпъ, и Пиндъ, и Термопилы.

Подъ сѣнью ветхой ихъ вершинъ
 Свобода древняя возникла,
 Святые мраморы Аеинъ,
 Гроба Тезея и Перикла.

Страна героевъ и боговъ,
 Расторгни рабскія вериги,
 При пѣньѣ пламенныхъ стиховъ
 Тиртея, Байрона и Риги!

[Константинь Рига (Ῥίγας) — греческій поэтъ, казненный турками въ
 Вѣлградѣ, въ 1798, за пѣсни, призывавшія грековъ къ оружію.]

* * *

Сказали разъ царю, что наконецъ
 Мятежный вождь Ріэго былъ удушенъ.
 «Я очень радъ», сказалъ усердный льстецъ:
 «Отъ одного мерзавца міръ избавленъ.»
 Всѣ смолкнули, всѣ потупили взоръ —
 Всѣхъ удивилъ нежданннй приговоръ.
 Ріэго былъ, конечно, очень грѣшенъ*),

*) Всѣхъ разсмѣшили проворный приговоръ.
 Ріэго былъ предъ Фердинандомъ грѣшенъ...

Согласенъ я — но онъ за то повѣшенъ.
 Пристойно ли, скажите, сгоряча
 Ругаться этакъ намъ надъ жертвой палача?
 Самъ государь такого добротства
 Не захотѣлъ своей улыбкой ободрить *).
 Лъстецы, лъстецы! старайтесь сохранить
 И въ самой подлости оттѣнокъ благородства **).

[Утихотвореніе вызвано восклицаніемъ гр. М. С. Воронцова по полученіи извѣстія о казни Риго, въ ноябрѣ 1823 года: «Quelle heureuse nouvelle, Sire!» См. записки Басаргина въ сборникѣ «Деятнадцатый Вѣкъ», М. 1872, I, 83. Въ подстрочныхъ выноскахъ приведены варианты по рукописямъ Пушкина.]

~ ~ ~ ~ ~
 * * *

Изъде съятель сѣяти сѣмена своя.

Свободы сѣятель пустынный,
 Я вышелъ рано, до звѣзды;
 Рукою чистой и безвинной
 Въ порабощенныя бразды
 Бросалъ живительное сѣмя;
 Но потерялъ я только время,
 Благіе мысли и труды...
 Паситесь, мирные народы,
 Васъ не пробудить чести кличъ!
 Къ чему стадамъ дары свободы?
 Ихъ должно рѣзать или стричъ;
 Наслѣдство ихъ изъ рода въ роды —
 Ярмо съ гремушками, да бичъ.

1 декабря.

[Въ черновой рукописи на той же страницѣ находятся еще слѣдующіе стихи:

Увидѣлъ ихъ надменныхъ, низкихъ,
 Глупцовъ, всегда злодѣйству близкихъ...
 Предъ боязливой ихъ толпой
 Ничто и опытъ вѣковой...
 Напрасно . . . . .]

*) Не захотѣлъ улыбкой наградить.
 **) . . . осанку благородства.

НАДГРОВНАЯ НАДПИСЬ КН. А. Н. ГОЛИЦЫНУ *).

Отраднымъ ангеломъ ты съ неба къ намъ явился,
И радость райскую принесть съ собою къ намъ;
Но, житель горнихъ мѣстъ, ты міромъ не прельстился,
И снова отлетѣлъ въ отчизну, къ небесамъ.

---

*) Сынъ кн. Никол. Борис. и кн. Елены Александровны (рожденной кн. Салтыковой), родился 22 апр. 1822, умеръ 18 мая 1823.

1824.

АЛЕКСАНДРУ ЛЬВОВИЧУ ДАВЫДОВУ.

(На приглашеніе ѣхать съ нимъ моремъ на полуденный берегъ Крима).

Нельзя, мой толстый Аристиппъ:
Хоть я люблю твои бесѣды,
Твой милый нравъ, твой милый хрипъ,
Твой вкусъ и жирные обѣды;
Но не могу съ тобою плыть
Къ брегамъ полуденной Тавриды.
Прошу меня не позабыть,
Любимецъ Вакха и Киприды!
Когда чахоточный отецъ
Немного тощей Энеиды
Пускался въ море наконецъ,
Ему Горацій, умный льстецъ,
Прислалъ торжественную оду,
Гдѣ другу Августовъ пѣвецъ
Сулилъ хорошую погоду:
Но льстивыхъ одъ я не пишу;
Ты не въ чахоткѣ, слава Богу:
У неба я тебѣ прошу
Лишь аппетита на дорогу.

ИНОСТРАНКЪ

(въ альбомъ).

На языкѣ, тебѣ не внятномъ,
 Стихи прощальные пишу;
 Но въ заблужденіи пріятномъ
 Вниманья твоего прошу:
 Мой другъ, доколѣ не увяну
 Въ разлукѣ, чувство погубя,
 Боготворить не перестану
 Тебя, мой другъ, одну тебя!
 На чуждыя черты взирая,
 Вѣрь только сердцу моему,
 Какъ прежде вѣрила ему,
 Его страстей не понимая.

Veuil-tu m'aimer? 18.19 mai 1824, pl. d. D'.

[Имя особы, къ которой относятся эти стихи, писанные въ Одессѣ, неизвѣстно. Она уважала заграницу и на прощанье Пушкинъ оставилъ въ ея альбомѣ эти строки. «Что же это значитъ?» спросила она. — Покажите это зараницей любому русскому, и онъ вамъ скажетъ, отвѣчалъ поэтъ (Анненковъ, Мат. 79). Зараницей же она и умерла.]

* *

Тимковскій царствовалъ — и всѣ твердили вслухъ,
 Что врядъ ли гдѣ слово найдешь подобныхъ двухъ.
 Явился Бируковъ, за нимъ вослѣдъ Красовскій:
 Ну, право, ихъ умнѣй покойный былъ Тимковскій.

Одесса. Іюнь 1824.

[Упоминаемыя здѣсь лица — извѣстные въ свое время цензоры, имена которыхъ часто встрѣчаются въ пушкинской перепискѣ и на заглавныхъ листахъ его сочиненій.]

НА ВОРОНЦОВА.

Полумилордъ, полукупецъ,
 Полумудрецъ, полуневѣжда,
 Полуподлецъ, но есть надежда,
 Что будетъ полнымъ наконецъ.

Іюнь.

[Объ отношеніяхъ Пушкина къ гр. Мих. Сем. Воронцову см. его письма, книгу г. Анненкова: «Пушкинъ», гл. VI и воспоминанія Липранди въ Рус. Арх. 1866, 1470—1479). Послѣдній по поводу этой эпиграммы говорить: «Пушкинъ завѣрялъ меня, что стихи эти написаны не были, но какъ-то раза два или три имъ были повторены, и такъ попали на бумагу. Услужливость нѣкоторыхъ тотчасъ распространила ихъ.»]

ЭКСПРОМТЪ

на канцелярскомъ дѣлѣ.

Саранча летѣла, летѣла
И сѣла.
Сидѣла, сидѣла — все съѣла
И вновь улетѣла.

[Липранди сообщаетъ, что Пушкинъ былъ назначенъ въ командировку противъ саранчи, чѣмъ крайне обидѣлся, принявъ это за оскорбленіе и месть со стороны гр. Воронцова за ходившія по городу эпиграммы, и написалъ ему письмо «въ сильныхъ и неумѣстныхъ выраженіяхъ», послужившее однимъ изъ поводовъ къ новой ссылке, въ с. Михайловское, Псковской губ. По назначенному маршруту, Пушкинъ, минуя Кіевъ и давъ подписку нигдѣ на пути не останавливаться, выѣхалъ изъ Одессы 30 іюля и прибылъ въ Михайловское 9 августа. Переписка гр. Воронцова съ госуд. канцлеромъ гр. Нессельроде объ этой ссылкѣ Пушкина напечатана въ Читеніяхъ Общ. Ист. 1869.]

КЪ МОРЮ.

Прощай, свободная стихія!
Въ послѣдній разъ передо мной
Ты катишь волны голубыя
И блещешь гордою красой.

Какъ друга ропоть заунывный,
Какъ зовъ его въ прощальный часъ,
Твой грустный шумъ, твой шумъ призывный
Услышала я въ послѣдній разъ.

Моей души предѣлъ желанный!
Какъ часто по брегамъ твоимъ
Бродилъ я тихій и туманный,
Завѣтнымъ умысломъ томимъ.

Какъ я любимъ твои отзывы,
Глухіе звуки, бездны гласъ,
И тишину въ вечерній часъ,
И своенравные порывы.

Смиранный парусъ рыбарей,
Твоею прихотью хранимый,
Скользить отважно средь зыбей;
Но ты выигралъ, неодолимый —
И стая тонетъ кораблей!

Не удалось навѣкъ оставить
Мнѣ скучный, неподвижный брегъ,
Тебя восторгами поздравить
И по хребтамъ твоимъ направить
Мой поэтический побѣгъ.

Ты ждалъ, ты звалъ... я былъ окованъ;
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарованъ,
У береговъ остался я.

О чемъ жалѣть? Куда бы нынѣ
Я путь безпечный устремилъ?
Одинъ предметъ въ твоей пустынѣ
Мою бы душу поразилъ.

Одна скала, гробница славы...
Тамъ погружались въ хладный сонъ
Воспоминанья величавы:
Тамъ угасалъ Наполеонъ.

Тамъ онъ почилъ среди мученій...
И вслѣдъ за нимъ, какъ бури шумъ,
Другой отъ насъ умчался геній,
Другой властитель нашихъ думъ.

Исчезъ, оплаканный свободой,
Оставляя міру свой вѣнецъ.
Шуми, взволнуйся непогодой:
Онъ былъ, о море, твой пѣвецъ.

Твой образъ былъ на немъ означень;
Онъ духомъ созданъ былъ твоимъ:
Какъ ты, могущъ, глубоко и мраченъ,
Какъ ты, ничѣмъ неукротимъ.

Миръ опустѣль... Теперь куда же
Меня бъ ты вынесъ, океанъ?
Судьба людей повсюду та же:
Гдѣ капля блага, тамъ на стражѣ
Иль просвѣщенъ, иль тиранъ.

Прощай же, море! не забуду
Твоей торжественной красы,
И долго, долго слышать буду
Твой гулъ въ вечерніе часы.

Въ лѣса, въ пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полнъ,
Твои скалы, твои заливы,
И блескъ, и тѣнь, и говоръ волнъ.
Одесса.

А К В И Л О Н Ъ.

Зачѣмъ ты, грозный аквилонъ,
Тростникъ болотный долу клонишь?
Зачѣмъ на дальній небосклонъ
Ты облако столь гнѣвно гонишь?

Недавно черныхъ тучъ грядой
Сводъ неба глухо облекался;
Недавно дубъ надъ высотой
Въ красѣ надменной величался.

Но ты поднялся, ты разыгралъ,
Ты прошумѣлъ грозой и славой—
И бурны тучи разогналъ,
И дубъ низвергнулъ величавый.

Пускай же солнца ясный ликъ
Отнынѣ радостью блистаетъ,
И облакомъ зефиръ играетъ,
И тихо зыблется тростникъ.

1824 г. Михайловское.

ПРОЗЕРПИНА.

(Подражаніе Ларни).

Шлепцуть волны Флегетона,
Своды тартара дрожать:
Кони блѣднаго Плутона
Быстро къ нимфамъ Пеліона
Изъ айда бога мчатъ.
Вдоль пустыннаго залива
Прозерпина вслѣдъ за нимъ,
Равнодушна и ревнива,
Потекла путемъ однимъ.
Предъ богинею колѣна
Робко юноша склонилъ.
И богинямъ льститъ измѣна:
Прозерпинѣ смертный милъ.
Ада гордая царица
Взоромъ юношу зоветъ,
Обняла, и колесница
Ужъ къ айду ихъ несетъ.
Мчатся, облакомъ одѣты;
Видятъ вѣчные луга,
Элизей и томной Леты
Усыпленные брега.
Тамъ безсмертье, тамъ забвенье,
Тамъ утѣхамъ нѣтъ конца.
Прозерпина въ упоеньѣ,
Безъ порфиры и вѣнца,
Повинуется желаньямъ,
Предаетъ его лобзаньямъ
Сокровенныя красы,
Въ сладострастной нѣгѣ тонетъ,
И молчить, и томно стонетъ...

Но бѣгутъ любви часы...
 Плещутъ волны Флегетона,
 Своды тартара дрожать:
 Кони блѣднаго Плутона
 Быстро мчатъ его назадъ.
 И Кереры дочь уходитъ,
 И счастливца за собой
 Изъ элизія выводитъ
 Потаенною тропой;
 И счастливецъ отпираетъ
 Осторожною рукой
 Дверь, откуда вылетаетъ
 Сновидѣнній ложный рой.

26 августа 1824.

[Вольный переводъ 28-й картины изъ поэмы Парни: «Les déguisements de Vénus», о которой см. выше, стр. 116.]

ИСПАНСКІЙ РОМАНСЪ.

Ночной зефиръ
 Струить эфиръ.
 Шумить,
 Бѣжить
 Гвадалквивиръ.

Вотъ взошла луна золотая,
 Тише... чу... гитары звонъ...
 Вотъ испанка молодая
 Оперлася на балконъ.

Ночной зефиръ
 Струить эфиръ.
 Шумить,
 Бѣжить
 Гвадалквивиръ.

Скинь мантилью, ангелъ милый,
 И явись какъ яркій день!

Сквозь чугунныя перилы
Ножку дивную продѣнь!

Ночной зефиръ
Струить эфиръ.
Шумить,
Бѣжить
Гвадалевивиръ.

КЪ ЯЗЫКОВУ.

Издравле сладостный союзъ
Поэтовъ межъ собой связуетъ .
Они жрецы единыхъ музъ,
Единый пламень ихъ волнуетъ;
Другъ другу чужды по судьбѣ,
Они родня по вдохновенью.
Клянусь Овидіевой тѣнью:
Языковъ, близокъ я тебѣ!
Давно бѣ на дерптскую дорогу
Я вышелъ утренней порой,
И къ благосклонному порогу
Понесъ тяжелый посохъ мой,
И возвратился бѣ оживленный
Картиной беззаботныхъ дней,
Бесѣдой вольно-вдохновенной
И звучной лирою твоей.
Но злобно мной играетъ счастье:
Давно безъ крова я ношусь,
Куда подуетъ самовластье;
Уснувъ, не знаю, гдѣ проснусь;
Всегда гонимъ, теперь въ изнанкѣ,
Влачу закованные дни...
Услышь, поэтъ, мое призванье,
Моихъ надеждъ не обмани:
Въ деревнѣ, гдѣ Петра питомецъ,
Царей, царицъ любимый рабъ
И ихъ забытый однодомецъ,
Скрывался прадѣдъ мой, арапъ,
Гдѣ, позабывъ Елизаветы

И дворъ, и пышные обѣты,
 Подъ сѣнью липовыхъ аллей
 Онъ думалъ въ охлажденны лѣты
 О дальней Африкѣ своей,—
 Я жду тебя. Тебя со мною
 Обниметь въ сельскомъ шалашѣ
 Мой братъ по крови, по душѣ,
 Шалунъ, замѣченный тобою;
 И музъ возвышенный пророкъ,
 Нашъ Дельвигъ все для насъ оставить,
 И наша троица прославить
 Изгнанья темный уголокъ.
 Надзоръ обманемъ караульный,
 Восхвалимъ вольности дары
 И нашей юности разгульной
 Пробудимъ шумные пиры,
 Вниманье дружное преклонимъ
 Ко звону рюмокъ и стиховъ,
 И скуку зимнихъ вечеровъ
 Виномъ и пѣснями прогонимъ.

Михайловское, 20 сентября 1824.

[Объ отношеніяхъ Пушкина къ Ник. Мих. Языкову (1803—1846), съ которыми онъ познакомился лично только въ 1826 году, черезъ общаго пріятеля, дерптскаго студента А. Н. Вульфа, см. статью Д. Н. Садовникова: «Отзывы современниковъ о Пушкинѣ», въ Ист. Вѣстн. 1883, № 12, стр. 520 и сл. Одновременно съ этимъ написало посланіе къ Вульфу, помѣщенное нами въ VII томѣ, п. 73.]

РАЗГОВОРЪ КНИГОПРОДАВЦА СЪ ПОЭТОМЪ.

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Стишки для васъ одна забава:
 Немножко стоитъ вамъ присѣсть,—
 Ужь разгласить успѣла слава
 Вездѣ пріятнѣйшую вѣсть:
 Поэма, говорятъ, готова,
 Плодъ новыхъ умственныхъ затѣй.
 Итакъ—рѣшите, жду я слова:
 Назначьте сами цѣну ей.
 Стишки любимца музъ и грацій
 Мы вмигъ рублями замѣнимъ,

И въ пукъ наличныхъ ассигнацій
Листочки ваши обратимъ.
О чемъ вздохнули такъ глубоко,
Нельзя ль узнать?

ПОЭТЪ.

Я былъ далеко:

Я время то воспоминалъ,
Когда, надеждами богатый,
Поэтъ безпечный, я писалъ
Изъ вдохновенья, не изъ платы.
И видѣлъ вновь пріюты скалъ,
И темный кровъ уединенья,
Гдѣ я на пиръ воображенья.
Бывало, музу призывалъ.
Тамъ слаще голосъ мой звучалъ;
Тамъ долѣ яркія видѣнья,
Съ неизъясною красой,
Вились, летали надо мной
Въ часы ночного вдохновенья.
Все волновало нѣжный умъ:
Цвѣтущій лугъ, луны блистанье,
Въ часовнѣ ветхой бури шумъ.
Старушки чудное преданье.
Какой-то демонъ обладалъ
Моими играми, досугомъ;
За мной повсюду онъ леталъ.
Мнѣ звуки дивныя шепталъ,
И тяжкимъ, пламеннымъ недугомъ
Была полна моя глава;
Въ ней грезы чудныя рождались;
Въ размѣры стройные стекались
Мои послушныя слова
И звонкой рямой замыкались.
Въ гармоніи соперникъ мой
Былъ шумъ лѣсовъ, иль вихорь буйный,
Иль иволги напѣвъ живой,
Иль ночью моря гулъ глухой.
Иль шопоть рѣчки тихоструйной.
Тогда, въ безмолвіи трудовъ,
Дѣлиться не былъ я готовъ
Съ толпою пламеннымъ восторгомъ,

И музы сладостныхъ даровъ
 Не унижалъ постыднымъ торгомъ;
 Я былъ хранитель ихъ скупой:
 Такъ точно, въ гордости нѣмой,
 Отъ взоровъ черни лицемѣрной
 Дары любовницы молодой
 Хранить любовникъ суетѣрный.

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Но слава замѣнила вамъ
 Мечтанья тайнаго отрады;
 Вы разошлись по рукамъ,
 Межъ тѣмъ, какъ пыльныя громады
 Лежалой прозы и стиховъ
 Напрасно ждуть себѣ чтецовъ
 И вѣтреной ея награды.

ПОЭТЪ.

Блаженъ, кто про себя таилъ
 Души высокія созданья
 И отъ людей, какъ отъ могилъ,
 Не ждалъ за чувство воздаянья!
 Блаженъ, кто молча былъ поэтъ
 И, терномъ славы не увитый,
 Презрѣнной чернью забытый,
 Безъ имени покинулъ свѣтъ!
 Обманчивѣй и сновъ надежды,
 Чтò слава? Шопотъ ли чтеца?
 Гоненье ль низкаго невѣжды?
 Иль восхищеніе глупца?

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Лордъ Байронъ былъ того же мнѣнья;
 Жуковский то же говорилъ:
 Но свѣтъ узналъ и раскупилъ
 Ихъ сладкозвучныя творенья.
 И впрямь, завиденъ вашъ удѣлъ:
 Поэтъ казнить, поэтъ вѣнчаетъ;
 Злодѣевъ громомъ вѣчныхъ стрѣлъ
 Въ потомствѣ дальнемъ поражаетъ;
 Героевъ утѣшаетъ онъ;
 Съ Коринной на киеерскій тронъ

Свою любовницу возносить.
 Хвала для васъ докучный звонъ;
 Но сердце женщинъ славы просить:
 Для нихъ пишите; ихъ упамъ
 Пріятна лестъ Анакреона:
 Въ младыя лѣта розы намъ
 Дороже лавровъ Геликона.

поэтъ.

Самолюбивыя мечты,
 Утѣхи юности безумной!
 И я, средь бури жизни шумной,
 Искаль вниманья красоты.
 Мои слова, мои напѣвы,
 Коварной силой иногда
 Смирять умѣли въ сердцѣ дѣвы
 Волненье страха и стыда;
 Глаза прелестныя читали
 Меня съ улыбкою любви;
 Уста волшебныя шептали
 Мнѣ звуки сладкіе мои!
 Но полно; въ жертву имъ свободы
 Мечтатель ужъ не принесетъ;
 Пускай ихъ юноша поетъ,
 Любезный баловень природы.
 Что мнѣ до нихъ? Теперь въ глуши
 Безмолвно жизнь моя несется;
 Стоянь лиры вѣрной не коснется
 Ихъ легкой, вѣтреной души;
 Нечисто въ нихъ воображенье,
 Не понимаетъ насъ оно,
 И, признакъ Бога, вдохновенье
 Для нихъ и чуждо, и смѣшно.
 Когда на память мнѣ невольно
 Придетъ внушенный ими стихъ,
 Я содрогаюсь, сердцу больно,
 Мнѣ стыдно идиоловъ моихъ.
 Къ чему, несчастный, я стремился?
 Предъ кѣмъ унижилъ гордый умъ?
 Кого восторгомъ чистыхъ думъ
 Боготворить не устыдился?
 Ахъ, лира, лира! что же ты

Мое безумство разгласила?
 Ахъ, если бь Лета поглотила
 Мои летучія мечты!

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Люблю вашъ гнѣвъ. Таковъ поэтъ!
 Причины вашихъ огорченій
 Мнѣ знать нельзя; но исключеній
 Для милыхъ дамъ ужели нѣтъ?
 Ужели ни одна не стоитъ
 Ни вдохновенья, ни страстей,
 И вашихъ пѣсенъ не присвоить
 Всесильной красотѣ своей?
 Молчите вы?

поэтъ.

Зачѣмъ поэту
 Тревожить сердца тяжкій сонъ?
 Бесплодно память мучить онъ.
 И что жь, какое дѣло свѣту?
 Я всёмъ чужой. Душа моя
 Хранить ли образъ незабвенный?
 Любви блаженство зналъ ли я?
 Тоскою ль долгой изнуренный,
 Таилъ я слезы въ тишинѣ?
 Гдѣ та была, которой очи,
 Какъ небо, улыбались мнѣ?
 Вся жизнь, одна ли, двѣ ли ночи?
 . . . . .
 И что жь? Докучный стонъ любви,
 Слова покажутся мои
 Безумца дикимъ лепетаньемъ.
 Тамъ сердце ихъ пойметъ одно,
 И то съ печальнымъ содроганьемъ.
 Судьбою такъ ужь рѣшено.
 Съ кѣмъ подѣлюсь я вдохновеньемъ?
 Одна была — предъ ней одной
 Дышалъ я чистымъ упоеньемъ
 Любви поэзіи святой.
 Тамъ, тамъ, гдѣ тѣнь, гдѣ листъ чудесный,
 Гдѣ льются вѣчныя струи,
 Я находилъ огонь небесный,

Сгорая жаждою любви.
 Ахъ, мысль о той души завялой
 Могла бы юность оживить,
 И сны поэзіи бывалой
 Толпою снова возмутить!
 Она одна бы разумѣла
 Стихи неясные мои;
 Одна бы въ сердцѣ пламенѣла
 Лампадой чистою любви.
 Увы, напрасныя желанья!
 Она отвергла заклинанья,
 Мольбы, тоску души моей:
 Земныхъ восторговъ изліянья,
 Какъ божеству, не нужно ей.

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

И такъ, любовью утомленный.
 Наскуча лепетомъ молвы,
 Заранѣ отказались вы
 Отъ вашей лиры вдохновенной.
 Теперь, оставя шумный свѣтъ,
 И музъ, и вѣтреную моду,
 Что жъ изберете вы?

ПОЭТЬ.

Свободу.

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Прекрасно. Вотъ же вамъ совѣтъ;
 Внемлите истинѣ полезной:
 Нашъ вѣкъ — торгашъ; въ сей вѣкъ желѣзный
 Безъ денегъ и свободы нѣтъ.
 Что слава? Яркая заплата
 На ветхомъ рубищѣ пѣвца.
 Намъ нужно злата, злата, злата;
 Кошите злато до конца!
 Предвижу ваше возраженье;
 Но васъ я знаю, господа:
 Вамъ ваше дорого творенье,
 Пока на пламени труда
 Кипитъ, бурлитъ воображенье;
 Оно застынетъ, и тогда

Постыло вамъ и сочиненье.
 Позвольте просто вамъ сказать:
 Не продается вдохновенье,
 Но можно рукопись продать.
 Что жъ медлить? Ужь ко мнѣ заходятъ
 Нетерпѣливые чтецы;
 Вкругъ лавки журналисты бродятъ,
 За ними тощіе пѣвцы:
 Кто просить пищи для сатиры,
 Кто для души, кто для пера,
 И, признаюсь, отъ вашей лиры
 Предвижу много я добра.

ПОЭТЪ.

Вы совершенно правы. Вотъ вамъ моя рукопись. Условимся.

26 сентября, въ Михайловскомъ.

[Напечатано, въ видѣ вступленія, при отдѣльномъ изданіи I главы «Опѣ-
 гина».]

ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ ЦЕНЗОРУ.

Угрюмый сторожъ музъ, гонитель давній мой,
 Сегодня разсуждать задумалъ я съ тобой.
 Не бойся, не хочу, прельщенный мыслью ложной,
 Цензуру поносить хулой неосторожной —
 Что нужно Лондону, то рано для Москвы.
 У насъ писатели я знаю каковы;
 Ихъ мыслей не тѣснить цензурная расправа,
 И чистая душа передъ тобою права.
 Вопервыхъ, искренно я признаюсь тебѣ,
 Нерѣдко о твоей жалбѣ я судьбѣ:
 Людской бессмыслицы присяжный толкователь,
 Хвостова, Буниной *) единственный читатель,
 Ты вѣчно разбирать обязанъ, за грѣхи,
 То прозу глупую, то глупые стихи.
 Россійскихъ авторовъ нелегкое встревожить:
 Тотъ англійскій романъ съ французскаго преложить,
 Тотъ оду сочинить, потѣя да крехтя,

*) Анна Петровна Бунина (1774—1829), почетный членъ Бесѣды любителей рос. словесности. Собраніе ея стихотвореній вышло въ Спб. 1819—21, въ 3 ч.

Иной трагедію напишетъ намъ шута —
 До нихъ намъ дѣла нѣтъ, а ты читай, бѣсися,
 Зѣвай, сто разъ засни, а послѣ подпишися.
 Такъ! цензоръ мученикъ! Порой захочетъ онъ
 Умъ чтеньемъ освѣжить: Руссо, Вольтеръ, Бюффонъ,
 Державинъ, Карамзинъ манятъ его желанье —
 А долженъ посвятить бесплодное вниманье
 На бредни новыя какого-то враля,
 Которому досугъ пѣть рощи, да поля...
 Да связь утрата въ нихъ, ищи ее сначала,
 Или вымарывай изъ тощаго журнала
 Насмѣшки грубыя и площадную брань, —
 Учтивыхъ остряковъ затѣйливую дань.

Но цензоръ гражданинъ, и санъ его священный!
 Онъ долженъ умъ имѣть прямой и просвѣщенный;
 Онъ сердцемъ почитать привыкъ алтарь и тронъ;
 Но мнѣнья не тѣснить и разумъ терпитъ онъ.
 Блюститель тишины, приличія и нравовъ
 Не преступаетъ самъ начертанныхъ уставовъ;
 Закону преданный, отечество любя,
 Принять отвѣтственность умѣетъ на себя;
 Полезной истинѣ путей не заграждаетъ,
 Живой поэзіи развиться не мѣшаетъ;
 Онъ другъ писателю, предъ знатю не трусливъ,
 Благоразуменъ, твердъ, свободенъ, справедливъ.
 А ты, глупецъ и трусъ! что дѣлаешь ты съ нами?
 Гдѣ должно бѣ умствовать, ты хлопаешь глазами,
 Не понимая насъ, мараешь и дерешь;
 Ты чернымъ бѣлое по прихоти зовешь,
 Сатиру — пасквилемъ, поэзію — развратомъ,
 Гласъ правды — мятежемъ, Куницына — Маратомъ,
 Рѣшилъ, — а тамъ поди, хоть на тебя проси!
 Скажи, не стыдно ли, что на святой Руси,
 Благодаря тебя, не видимъ книгъ доселѣ?
 И если говорить задумаешь о дѣлѣ,
 То, славу русскую и здравый умъ любя,
 Самъ государь велитъ печатать безъ тебя.
 Остались намъ стихи, поэмы, тріолеты,
 Баллады, басенки, элегіи, куплеты,
 Досуговъ и любви невинныя мечты,
 Воображенія минутныя цвѣты...

О, варваръ! кто изъ насъ, владѣлецъ русской лиры,
 Не проклиналъ твоей губительной сѣкиры?
 Докучнымъ евнухомъ ты бродишь между музъ:
 Ни чувства пылкія, ни блескъ ума, ни вкусъ,
 Ни слогъ пѣвца «Пировъ» *), столь чистый, благородный—
 Ничто не трогаетъ души твоей холодной!
 На все кидаешь ты косою, невѣрный взглядъ,
 Подозрѣвая всѣхъ — во всемъ ты видишь ядъ.
 Оставь, пожалуй, трудъ нимало не похвальный!
 Парнасъ не монастырь и не гаремъ печальный,
 И, право, никогда искусный коноваль
 Излишней пылкости Пегаса не лишаль.
 Чего боишься ты? Повѣрь мнѣ, чьи забавы —
 Осмѣивать законъ, правительство и нравы,
 Тотъ не подвергнется взысканью твоему,
 Тотъ не знавалъ тебя — мы знаемъ почему —
 И рукопись его, не погибая въ Лѣтѣ,
 Безъ подписи твоей разгуливаетъ въ свѣтѣ.
 Барковъ шутивыхъ одъ къ тебѣ не посылалъ,
 Радищевъ, рабства врагъ, цензуры избѣжалъ,
 И Пушкина стихи въ печати не бывали —
 Что нужды? ихъ и такъ иные прочитали.
 Но ты свое несешь — и въ нашъ премудрый вѣкъ
 Едва ли Шаликовъ не вредный человекъ **).
 Зачѣмъ себя и насъ терзаешь безъ причины?
 Скажи, читалъ ли ты «Наказъ» Екатерины?
 Прочти, пойми его, увидишь ясно въ немъ
 Свой долгъ, свои права; пойдешь инымъ путемъ;
 Въ глазахъ монархини сатирикъ превосходный
 Невѣжество казнилъ въ комедіи народной,
 Хоть въ узкой головѣ придворнаго глупца
 Кутейкинъ и Христосъ—два равныя лица;
 Державинъ, бичъ вельможъ, при звукѣ грозной лиры
 Ихъ горделивые разоблачалъ кумиры;
 Хемницеръ истину съ улыбкой говорилъ;
 Наперсникъ Душеньки ***) двусмысленно шутилъ,
 Киприду иногда являлъ безъ покрывала —
 И никому изъ нихъ цензура не мѣшала.

*) Баратынского.

***) Кн. Петръ Ив. Шаликовъ (1768—1852) стихотворецъ и издатель «Московского Зрителя» (1806), «Аглаи» (1808—12) и «Дамскаго журнала» (1823—33).

***) Богдановичъ.

Ты что же хмуришься? Признайся, въ наши дни
 Съ тобой не такъ легко бѣ раздѣлались они.
 Ты въ этомъ виноватъ. Передъ тобой зеркало —
 Дней Александровыхъ прекрасное начало:
 Провѣдай, что въ тѣ дни произвела печать!
 На поприщѣ ума нельзя намъ отступать...
 Старинной глупости мы праведно стыдимся,
 Ужели къ тѣмъ годамъ мы снова обратимся,
 Когда никто не смѣлъ отечества назвать,
 И въ рабствѣ ползали и люди, и печать!
 Нѣтъ, нѣтъ! оно прошло, губительное время,
 Когда невѣжества несла Россія бремя;
 Гдѣ славный Карамзинъ снискалъ себѣ вѣнецъ,
 Тамъ цензоромъ уже не можетъ быть глупецъ.
 Исправся жъ, будь умнѣй и примирися съ нами.
 «Все правда, скажешь ты, не стану спорить съ вами;
 Но можно ль цензору по совѣсти судить?
 Я долженъ то того, то этого щадить.
 Конечно, вамъ смѣшно, а я нерѣдко плачу,
 Читаю, да крещусь — мараю наудачу...
 На все есть мода, вкусъ. Бывало, напримѣръ,
 У насъ въ большой чести Бентамъ, Руссо, Вольтеръ,
 А нынче и Миллотъ попался въ наши сѣти *).
 Я бѣдный человекъ; къ тому жъ жена и дѣти...»
 Жена и дѣти, другъ, повѣрь — большое зло:
 Отъ нихъ все скверное у насъ произошло!
 Но дѣлать нечего! Такъ если невозможно
 Домой тебѣ скорѣй убраться осторожно
 И службою своей ты нуженъ для царя,
 Хоть умнаго себѣ возьми секретаря.

ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ ЦЕНЗОРУ.

На скользкомъ поприщѣ Тимковского наслѣдникъ,
 Позволь обнять тебя, мой прежній собесѣдникъ!
 Недавно, тяжкою цензурой угнетенъ,
 Послѣднихъ, жалкихъ правъ безъ милости лишенъ.
 Со всею братіей гонимый совокупно,

*) Всеобщая исторія аббата Миллота, 14 ч., Спб. 1820.

Я, вспыхнувъ, говорилъ тебѣ немного крупно;
 Потѣшилъ языка бранчивую свербежь;
 Но извини меня, мнѣ было невтерпежь.
 Теперь, въ моей глуши журналы раздирая,
 И бѣдной братіи стишонки разбирая
 (Теперь же мнѣ читать охота и досугъ),
 Обрадовался я, по нимъ замѣтя вдругъ
 Въ тебѣ и правила, и мыслей образъ новый.
 Ура! ты заслужилъ вѣнокъ себѣ лавровый
 И твердостью души, и смѣлостью ума.
 Какъ изумилася поэзія сама,
 Когда ты разрѣшилъ, по милости чудесной,
 Завѣтные слова: божественный, небесный —
 И ими назвалась (для риѣмы) красота,
 Не оскорбляя тѣмъ ужь Господа-Христа.
 Но что же вдругъ тебя, скажи, перемѣнило
 И нрава твоего кичливость усмирило?
 Свои посланія хоть очень я люблю,
 Хоть знаю, что прочелъ ты жалобу мою;
 Но, подразнивъ тебя, я перемѣной сею
 Приятно изумленъ, гордиться не посмѣю.
 Отнесся я къ тебѣ по долгу своему;
 Но мнѣ ль исправить васъ? Нѣтъ, вѣдаю, кому
 Сей важной новостью обязана Россія:
 Обдумавъ наконецъ намѣренья благія,
 Министра честнаго нашъ добрый царь избралъ;
 Шишковъ уже наукъ правленье воспріялъ.
 Сей старецъ дорогъ намъ: онъ блещетъ средь народа
 Священной памятью двѣнадцатаго года;
 Одинъ въ толпѣ вельможъ онъ русскихъ музъ любилъ:
 Ихъ, незамѣченныхъ, созвалъ, соединилъ;
 Отъ хлада напихъ дней укрылъ онъ лавръ единый
 Осиротѣлаго вѣнца Екатерины.
 Онъ съ нами сѣтовалъ, когда святой отецъ *),
 Омара да Гали пріявъ за образецъ,
 Въ угодность Господу, себѣ во утѣшенье,
 Усердно заглушить старался просвѣщенье.
 Благочестивая, смиренная душа
 Карала чистыхъ музъ, спасая Бантыша,
 И помогаль ему Магницкій благородный,

*) Министръ народнаго просвѣщенія (1817—1823), вл. А. Н. Голицынъ.

Мужъ твердый въ правилахъ, съ душою превосходной *),
 И даже бѣдный мой Кавелинъ-дурачекъ,
 Креститель Галича, Магницкаго дьячекъ **).
 И вотъ, за всѣ грѣхи, въ чьи пакостныя руки
 Вы были преданы, печальныя науки!
 Цензура, вотъ кому подвластна ты была!
 Но полно! мрачная година протекла,
 И ярче ужъ горить свѣтильникъ просвѣщенья.
 Я, съ переменною несчастнаго правленья,
 Отставки цензоровъ, признаться, ожидалъ;
 Но, самъ не знаю какъ, ты, видно, устоялъ.
 И такъ я поспѣшилъ пріятелей поздравить,
 А между тѣмъ совѣтъ на память имъ оставить:
 Будь строгъ, но будь уменъ. Не просячь у тебя,
 Чтобъ всѣ законныя преграды истребя,
 Все мыслить, говорить, печатать безопасно
 Ты напимъ господамъ позволилъ самовластно.
 Права свои храни по долгу своему;
 Но скромной истинѣ, но мирному уму,
 И даже глупости невинной и довольной,
 Не заграждай пути заставой своевольной.
 И если ты въ плодахъ досужнаго пера
 Порою не найдешь великаго добра,
 Когда не видишь въ нихъ безумнаго разврата,
 Престоловъ, алтарей и нравовъ супостата,
 То, славы автору желая отъ души,
 Махни, мой другъ, рукой и смѣло подпиши.

*) Мих. Леонт. Магницкій (1778 — 1844), членъ главнаго правленія училищъ, потомъ—попечитель казанскаго учебнаго округа. О немъ см. книгу Е. М. Феоктистова: «Магницкій», М. 1865, и статьи М. И. Сухомлинова: «Материалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи», въ прилож. къ Журн. Мин. Нар. Просв. 1865 и 1866, гдѣ помѣщены и его цензурные проекты.

**) Дм. Алекс. Кавелинъ (1780—1851), первый директоръ Спб. университета, принималъ дѣятельное участіе въ судѣ надъ Галичемъ и другими профессорами университета въ 1821 г. Подробности этого дѣла см. въ названныхъ выше статьяхъ Сухомлинова и въ Читеніяхъ Общ. Ист. 1866, III; о самомъ же Кавелинѣ — въ Восп. Вигеля, V, 43 — 44.

КОВАРНОСТЬ.

Когда твой другъ на гласъ твоихъ рѣчей
 Отвѣтствуетъ язвительнымъ молчаньемъ;
 Когда свою онъ отъ руки твоей,
 Какъ отъ змѣи, отдернетъ съ содроганьемъ;
 Какъ, на тебя взоръ острый пригвоздя,
 Качаетъ онъ съ презрѣньемъ головою, —
 Не говори: «онъ боленъ, онъ дитя,
 Онъ мучится безумною тоскою»;
 Не говори: «благодаренъ онъ;
 Онъ слабъ и золь, онъ дружбы недостойнъ;
 Вся жизнь его какой-то тяжкій сонъ...»
 Ужель ты правъ? Ужели ты спокоенъ?
 Ахъ, если такъ, онъ въ прахъ готовъ упасть,
 Чтобъ вымолить у друга примиренье.
 Но если ты святую дружбы власть
 Употреблялъ на злобное гоненье;
 Но если ты затѣйливо язвилъ
 Пугливое его воображенье,
 И гордую забаву находилъ
 Въ его тоскѣ, рыданьяхъ, униженъѣ;
 Но если самъ презрѣнной клеветы
 Ты про него невидимымъ былъ эхомъ;
 Но если цѣпь ему накиннулъ ты
 И соннаго врагу предалъ со смѣхомъ,
 И онъ прочелъ въ нѣмой душѣ твоей
 Все тайное своимъ печальнымъ взоромъ:
 Тогда ступай, не трать пустыхъ рѣчей —
 Ты осужденъ послѣднимъ приговоромъ.

18 октября. Михайловское.

ПОДРАЖАНІЕ А. ШЕНЬЕ.

(Jeune fille, ton coeur avec nous veut se taire...)

Ты вянешь и молчишь; печаль тебя снѣдаетъ;
 На дѣвственныхъ устахъ улыбка замираетъ.
 Давно твоей иглой узоры и цвѣты
 Не оживлялися. Безмолвно любишь ты
 Грустить. О, я знатокъ въ дѣвической печали;

Давно глаза мои въ душѣ твоей читали.
 Любви не утаишь: мы любимъ, и какъ насъ,
 Дѣвицы нѣжныя, любовь волнуешь насъ.
 Счастливы юноши! Но кто, скажи, межъ ними,
 Красавецъ молодой съ очами голубыми,
 Съ кудрями черными?.. Краснѣешь? Я молчу,
 Но знаю, знаю все: и если захочу,
 То назову его. Не онъ ли вѣчно бродитъ
 Вкругъ дома твоего и взоръ къ окну возводитъ?
 Ты втайнѣ ждешь его. Идетъ, и ты бѣжишь,
 И долго вслѣдъ за нимъ, незримая, глядишь.
 Никто на праздникъ блистательнаго мая,
 Межъ колесницами роскошными летая,
 Никто изъ юношей свободнѣй и смѣлѣй
 Не властвуетъ конемъ по прихоти своей.

[Это же стихотвореніе Шенье было переведено и Языковымъ, см. его Стихотворенія, изд. 1858, I, 122.]

ПОДРАЖАНІЯ КОРАНУ ¹⁾.

(Посвящено Лрысковъ Александръ Осипови).

I.

Клянусь четой и нечетой,
 Клянусь мечемъ и правой битвой,
 Клянуся утренней звѣздой,
 Клянусь вечернею молитвой: ²⁾

Нѣтъ, не покинуль я тебя.
 Кого же въ сѣнь успокоенья

¹⁾ «Нечестивые, пишетъ Магометъ (глава Награды), думаютъ, что Коранъ есть собраніе новой лжи и старыхъ басень.» Мнѣніе сихъ нечестивыхъ, конечно, справедливо; но, не смотря на сіе, многія нравственныя истины изложены въ Коранѣ сильнымъ и поэтическимъ образомъ. Здѣсь предлагается нѣсколько вольныхъ подражаній. Въ подлинникѣ Алла вездѣ говоритъ отъ своего имени, а о Магометѣ упоминается только во второмъ или третьемъ лицѣ.—[Примѣчаніе Пушкина, какъ и всѣ прочія].

²⁾ Въ другихъ мѣстахъ Корана, Алла клянется копытами кобылицъ, плодами смоковницы, свободою Мекки, добродѣтелью и порокомъ, ангелами и челоуѣкомъ, и проч. Странный сей риторическій оборотъ встрѣчается въ Коранѣ поминутно.

Я ввелъ, главу его любя,
И скрылъ отъ зоркаго гоненья?

Не я ль въ день жажды напоилъ
Тебя пустынными водами?
Не я ль языкъ твой одарилъ
Могучей властью надъ умами?

Мужайся жъ, презирай обманъ,
Стезю правды бодро слѣдуй,
Люби сиротъ, и мой Коранъ
Дрожащей твари проповѣдуй.

II.

О, жены чистыя пророка,
Отъ всѣхъ вы женъ отличены:
Страшна для васъ и тѣнь порока.
Подъ сладкой сѣнью тишины
Живите скромно; вамъ пристало
Безбрачной дѣвы покрывало.
Храните вѣрныя сердца
Для нѣгъ законныхъ и стыдливыхъ,
Да взоръ лукавый нечестивыхъ
Не узритъ вашего лица.

А вы, о гости Магомета!
Стекаясь къ вечери его,
Брегитесь суетами свѣта
Смутить пророка моего.
Въ пареньѣ думъ благочестивыхъ,
Не любить онъ велерѣчивыхъ,
И словъ нескромныхъ и пустыхъ;
Почтите пиръ его смиреньемъ,
И цѣломудреннымъ склоненьемъ
Его невольницъ молодыхъ ³⁾.

---

³⁾ «Мой пророкъ, прибавляетъ Алла, вамъ этого не скажетъ, ибо онъ весьма учтивъ и скромень; но я не имѣю нужды съ вами чиниться,» и проч. Ревность араба такъ и дышетъ въ сихъ заповѣдяхъ.

III.

Смутясь, нахмурился пророкъ,
 Слѣща слышавъ приближенье: ⁴⁾
 Бѣжитъ, да не дерзнетъ порокъ
 Ему являть недоумѣнье.

Съ небесной книги списокъ данъ
 Тебѣ, пророкъ, не для строптивыхъ:
 Спокойно возвѣщай коранъ,
 Не понуждая нечестивыхъ!

Почто жъ кичится человѣкъ?
 За то ль, что нагъ на свѣтъ явился,
 Что дышетъ онъ недолгій вѣкъ,
 Что слабъ умереть, какъ слабъ родился?

За то ль, что Богъ и умертвить,
 И воскресить его по волѣ?
 Что съ неба дни его хранить
 И въ радостяхъ, и въ горькой долѣ?

За то ль, что далъ ему плоды,
 И хлѣбъ, и финикъ, и оливу,
 Благословивъ его труды
 И вертоградъ, и холмъ, и ниву?

Но дважды ангель вострубить;
 На землю громъ небесный грянетъ:
 И братъ отъ брата побѣжитъ,
 И сынъ отъ матери отпрянетъ.

И всѣ предъ Бога притекутъ,
 Обезображенные страхомъ:
 И нечестивые падутъ,
 Покрыты пламенемъ и страхомъ.

---

⁴⁾ Изъ книги: Слѣпецъ. [Въ изд. 1826 г. было добавлено: «Вотъ почему слово сіе почитается у турокъ за жесточайшую брань.»]

IV.

Съ тобою древле, о всеильный,
 Могучій состязаться мнилъ,
 Безумной гордостью обильный;
 Но ты, Господь, его смирилъ.
 Ты рекъ: я міру жизнь дарую,
 Я смертью землю наказую,
 На все подъята длань моя.
 Я также, рекъ онъ, жизнь дарую,
 И также смертью наказую,
 Съ тобою, Боже, равенъ я.
 Но смолкла похвальба порока
 Отъ слова гнѣва твоего:
 Подъемлю солнце я съ востока;
 Съ заката подыми его.

V.

Земля недвижна; неба своды,
 Творецъ, поддержаны тобой,
 Да не падутъ на сущь и воды
 И не подавятъ насъ собой⁵⁾.

Зажегъ ты солнце во вселенной,
 Да свѣтитъ небу и землѣ,
 Какъ лентъ, елеемъ напоенный,
 Въ лампадномъ свѣтитъ хрусталѣ.

Творцу молитесь; онъ могучій:
 Онъ править вѣтромъ; въ знойный день
 На небо насылаетъ тучи;
 Даетъ землѣ древесну сѣнь.

Онъ милосердъ: онъ Магомету
 Открылъ сіяющій Коранъ,
 Да притечемъ и мы ко свѣту,
 И да падетъ съ очей туманъ.

⁵⁾ Плохая физика; но за то какая смѣлая поэзія!

VI.

Не даромъ вы приснились мнѣ
Въ бою, съ обритыми главами,
Съ окровавленными мечами,
Во рвахъ, на башнѣ, на стѣнѣ.

Внемлите радостному кличу,
О дѣти пламенныхъ пустынь!
Ведите въ плѣнъ молодыхъ рабынь,
Дѣлите бранную добычу!

Вы побѣдили: слава вамъ,
А малодушнымъ посмѣянье:
Они на бранное призванье
Не шли, не вѣря дивнымъ снамъ.

Прельстясь добычей боевою,
Теперь въ раскаянѣ своемъ
Рекутъ: возьмите насъ съ собою;
Но вы скажите: не возьмемъ.

Блаженны падшіе въ сраженѣ:
Теперь они вошли въ эдемъ,
И потонули въ наслажденѣ,
Неотравляемомъ ничѣмъ.

VII.

Возстань, боязливый:
Въ пещерѣ твоей
Святая лампада
До утра горить.
Сердечной молитвой,
Пророкъ, удали
Печальныя мысли,
Лукавыя сны!
До утра молитву
Смиренно твори;
Небесную книгу
До утра читай!

VIII *).

Торгуя совѣстью предъ блѣдной нищетою,
 Не сыпь своихъ даровъ разсчетливой рукою:
 Щедрота полная угодна небесамъ.
 Въ день грознаго суда, подобно нивѣ тучной,
 О сѣятель благополучный,
 Сторицею воздасть она твоимъ трудамъ.

Но если, пожалѣвъ трудовъ земныхъ стяжанья,
 Вручая нищему скупое подаянье,
 Сжимаешь ты свою завистливую длань;
 Знай: всѣ твои дары, подобно горсти пыльной,
 Что съ камня моегъ дождь обильный,
 Исчезнуть — Господомъ отверженная дань.

IX.

И путникъ усталый на Бога ропталъ,
 Онъ жаждой томился и тѣни алкалъ,
 Въ пустынѣ блуждая три дня и три ночи!
 И зноемъ и пылью тягчимыя очи
 Съ тоской безнадежной водилъ онъ вокругъ...
 И кладезь подъ пальмою видитъ онъ вдругъ.

И къ пальмѣ пустынной онъ бѣгъ устремилъ,
 И жадно холодной струей освѣжилъ
 Горѣвшіе тяжко языкъ и зѣницы,
 И легъ, и заснулъ онъ близъ вѣрной ослицы:
 И многіе годы надъ нимъ протекли,
 По волѣ владыки небесъ и земли.

Насталъ пробужденья для путника часъ;
 Встаетъ онъ и слышитъ невѣдомый гласъ:
 «Давно ли въ пустынѣ заснулъ ты глубоко?»
 И онъ отвѣчаетъ: ужъ солнце высоко
 На утреннемъ небѣ сіяло вчера;
 Съ утра я глубоко проспалъ до утра.»

*) Въ рукописи озаглавлено: «Милостыня».

Но голосъ: «о путникъ, ты долѣе спалъ;
Взгляни: легъ ты молодъ, а старцемъ возсталъ;

Ужъ пальма истлѣла, а кладезъ холодный
Изсякъ и засохнулъ въ пустынѣ безводной,
Давно занесенный песками степей;
И кости бѣдѣютъ ослицы твоей.»

И горемъ объятый, мгновенный старикъ,
Рыдая, дрожащей главою поникъ...
И чудо въ пустынѣ тогда совершилось:
Минувшее въ новой красѣ оживилось;
Вновь зыблется пальма тѣнистой главой;
Вновь кладезъ наполненъ прохладой и мглой.

И ветхія кости ослицы встаютъ,
И тѣломъ одѣлись, и ревъ издаютъ;
И чувствуетъ путникъ и силу, и радость;
Въ крови заиграла воскресшая младость;
Святыя восторги наполнили грудь;
И съ Богомъ онъ далѣ пускается въ путь.

[Прасковья Александровна Осипова, урожд. Вымдонская, по первому мужу— Вульфъ (1780—1859), которой посвящены эти стихотворенія.—сосѣдка Пушкина по имѣнью, владѣтельница села Тригорскаго, въ трехъ верстахъ отъ Михайловскаго. Семейство ея составляли: отъ перваго брака—сынъ Алексѣй Николаевичъ Вульфъ и двѣ дочери, Анна и Евпраксія (впоследствии — баронесса Вревская), и отъ втораго брака—три дочери, Александра, Екатерина и Марія Ив. Осиповы. Объ этомъ семействѣ и объ отношеніяхъ къ нему Пушкина см. статьи М. И) Семевскаго: «Прогулка въ Тригорское», въ Спб. Вѣд. 1866, и «Къ біографіи Пушкина», въ Рус. Вѣстн. 1869, № 11.]

ПРИЗНАНИЕ.

Я васъ люблю, хоть я бѣшусь,
Хоть это трудъ и стыдъ напрасный:
И въ этой глупости несчастной
У вашихъ ногъ я признаюсь!
Мнѣ не къ лицу и не по лѣтамъ...
Пора, пора мнѣ быть умнѣй!
Но узнаю по всѣмъ примѣтамъ
Болѣзнь любви въ душѣ моей:
Безъ васъ мнѣ скучно, я зѣваю;
При васъ мнѣ грустно, я терплю;

И мочи нѣтъ, сказать желаю,
 Мой ангель, какъ я васъ люблю!
 Когда я слышу изъ гостиной
 Вашъ легкій шагъ, иль платья шумъ,
 Иль голосъ дѣвственный, невинный,
 Я вдругъ теряю весь свой умъ.
 Вы улыбнетесь — мнѣ отрада;
 Вы отвернетесь — мнѣ тоска;
 За день мученія — награда
 Мнѣ ваша блѣдная рука.
 Когда за пальцами прилежно
 Сидите вы, склонясь небрежно.,
 Глаза и кудри опустя,
 Я въ умиленѣ, молча, нѣжно,
 Любуюсь вами, какъ дитя!..
 Сказать ли вамъ мое несчастье,
 Мою ревнивую печаль,
 Когда гулять, порой, въ ненастье,
 Вы собираетесь въ даль?
 И ваши слезы въ одиночку,
 И рѣчи въ уголку вдвоемъ,
 И путешествіе въ Опочку,
 И фортепяно вечеркомъ...
 Алина, сжальтесь надо мною!
 Не смѣю требовать любви:
 Быть можетъ, за грѣхи мои,
 Мой ангель, я любви не стою!
 Но притворитесь: этотъ взглядъ
 Все можетъ выразить такъ чудно!
 Ахъ, обмануть меня не трудно:
 Я самъ обманываться радъ!

[Написано къ одной изъ дочерей П. А. Осиповой, Александрѣ Ивановнѣ, вышедшей потомъ за Беклешова. Къ ней-же, можетъ быть, относится и слѣдующее стихотвореніе, сообщенное Н. П. Грековымъ въ Рус. Словѣ 1861, № 1, но принадлежность его Пушкину не доказана:

Мнѣ нѣтъ ни въ чемъ отъ васъ потачки;
 Жестоки вы, Богъ вамъ судья!
 Вы говорите: я въ горячкѣ,
 Вы говорите: брежу я.
 За что же гнѣвъ такой? Не знаю!
 Вѣдь я въ бреду, въ горячкѣ злой —
 А потому и повторяю
 Вамъ безпрестанно, что страдаю,
 Что я люблю васъ, ангель мой!]

ОДА ЕГО СІЯТЕЛЬНОМУ ГРАФУ ДМ. ИВ. ХВОСТОВУ,

съ примѣчаніями автора.

Султанъ ярится¹⁾. Кровь Эллады
И рѣзво скачетъ²⁾, и кипить.
Открылись грекамъ древни клады³⁾,
Трепещетъ въ Стиксѣ лютый Питтъ⁴⁾.
И се — летить продерзко судно
И мечетъ грома обоюдно:
Се Бейронъ, Феба образецъ,
Притекъ — но недугъ быстропарный⁵⁾,
Строптивый и неблагодарный,
Взнесъ смерти на него рѣзецъ.

Пѣвецъ безсмертный и маститый!
Тебя Эллада днесъ зоветъ
На мѣсто тѣни знаменитой,
Предъ коей Церберъ днесъ реветъ!
Какъ здѣсь ты будешь тамъ сенаторъ,
Какъ здѣсь — почтенный литераторъ;
Но новый лавръ тебя ждетъ тамъ,
Гдѣ отъ крови земля промокла:
Перикла лавръ, лавръThemistocle!
Лети туда, Хвостовъ нашъ, самъ!

Вамъ съ Бейрономъ шипѣла злоба,
Гремѣла и правдива лесть.
Онъ лордъ — графъ ты! поэты оба!
Се, мнится, явно сходство есть —
Никакъ! Ты съ вѣрною супругой⁶⁾
Подъ бременемъ судьбы упругой

¹⁾ Подражаніе г. Петрову, знаменитому нашему лирику.

²⁾ Слово, употребленное весьма счастливо Вильгельмомъ Карловичемъ Кюхельбекеромъ въ стихотворномъ его письмѣ къ г. Грибоѣдову.

³⁾ Подъ словомъ клады должно разумѣть правдивую ненависть нынѣшнихъ Леонидовъ, Ахиллесовъ и Мидьтіадовъ къ жестокимъ чалмоносцамъ.

⁴⁾ Г. Питтъ, знаменитый англійскій министръ и известный противникъ Свободы.

⁵⁾ Горячка.

⁶⁾ Графиня... Хвостова, урожденная княжна Горчакова, достойная супруга маститаго нашего пѣвца. Во многочисленныхъ своихъ стихотвореніяхъ вездѣ называетъ онъ ее Темирою. [См. послѣднее замѣч. къ одѣ: Завдравный кубокъ.]

Живешь въ любви — и наконецъ
Глубокъ онъ, но единообразенъ!
А ты глубока, игривъ и разенъ —
И въ шалостяхъ ты впрямь пѣвецъ.

А я — невѣдомый пита —
Въ восторгѣ новомъ воспую
Во слѣдъ пита знаменита
Правдиву похвалу свою,
Моляся кораблю бѣгущу,
Да Бейрона онъ узритъ кушу⁷⁾
И да блюдутъ твой мирный сонъ⁸⁾
Нептунъ, Плутонъ, Зевсъ, Цитерея,
Гебея, Псиша, Кронъ, Астрея,
Фебъ, Игры, Смѣхи, Вакхъ, Харонъ.

ЭПИГРАММЫ.

На петербургское наводненіе.

Напрасно ахнула Европа:
Не унывайте, не бѣда!
Отъ петербургскаго потопа
Спаслась «Полярная Звѣзда».
Бестужевъ, твой ковчегъ на брегѣ!

⁷⁾ Подражаніе Его Высокопревосходительству Дѣйствительному Тайному Совѣтнику Ивану Ивановичу Дмитріеву, знаменитому другу Графа Хвостова:

Къ тебѣ я руки простирала,
Уже изъ отческія кущи
Взирая на суда бѣгущи.

⁸⁾ Здѣсь поэтъ, увлекаясь воображеніемъ, видитъ уже великаго нашего лирика, погруженнаго въ сладкій сонъ и приближающагося къ берегамъ благо-словенной Эллады. Нептунъ усмиряетъ предъ нимъ продерзкія волны; Плутонъ исходитъ изъ преисподней бездны, дабы узрѣть того, кто ниспошлетъ ему въ непродолжительномъ времени богатую жатву тѣней поклонниковъ лже-пророка; Зевсъ улыбается ему съ небесъ; Цитерея (Венера) осыпаетъ цвѣтами своего любимаго пѣвца; Геба подѣмлетъ кубокъ за здравіе его; Псиша, во образѣ Ипполита Богдановича, ему завидуетъ; Кронъ удерживаетъ косу, готовую разить; Астрея предчувствуетъ возвратъ своего царствованія; Фебъ ликуетъ; Игры, Смѣхи, Вакхъ и Харонъ веселою толпою слѣдуютъ за судномъ нашего без-смертнаго пѣвца.

Парнаса блещутъ высоты —
И въ благодѣтельномъ ковчегѣ
Спаслись и люди, и скоты.

—

[Александръ Александровичъ Бестужевъ (1797—1837), известный впоследствии подъ псевдонимомъ Марлинскаго, издалъ въ 1823—25 гг., вмѣстѣ съ К. О. Рылѣвымъ, три книжки замѣчательнаго въ свое время альманаха «Поллярная Звѣзда». О немъ см. статью М. И. Семева въ Отеч. Зап. 1860, № 5—7, Рус. Стар. 1870, т. I, и Записки Греча.]

* *
*

Воспитанный подъ барабаномъ,
Нашъ Ц. лихимъ былъ капитаномъ:
Подъ Австерлицемъ онъ бѣжалъ,
Въ двѣнадцатомъ году дрожалъ,
За то былъ фрунтовой профессоръ!
Но фрунтъ герою надоѣлъ —
Теперь коллежскій онъ ассессоръ
По части иностранныхъ дѣлъ.

* *
*

Охотникъ до журнальной драки,
Сей усыпительный зомль
Разводитъ опиумъ чернилъ
Слюною бѣшеной собаки.

—

[Относится, вѣроятно, къ Каченовскому. Ср. выше, стр. 231.]

* *
*

Лихой товарищъ нашихъ дѣдовъ,
Онъ другъ Венеры и пировъ,
Онъ на обѣдахъ — богъ обѣдовъ,
Въ своихъ садахъ — онъ богъ садовъ.

~ ~ ~

ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ.

* *
*

Презрѣвъ и шопоть укоризны,
 И зовъ обманутыхъ надеждъ,
 Иду въ чужбину, прахъ отчизны
 Съ дорожныхъ отряхнувъ одеждъ.
 Умолкни, сердца шопоть сонный,
 Привычки и довольства гласъ!
 Прости, предѣль неблагосклонный,
 Гдѣ свѣтъ узрѣлъ я въ первый разъ!
 Простите, сумрачныя сѣни,
 Гдѣ дни мои прошли въ тиши,
 Исполнены страстей и лѣни
 И сновъ задумчивыхъ души...
 А ты, въ опасный день разлуки,
 Забылъ для брата о себѣ;
 Соединимъ же братски руки
 И покоримся мы судьбѣ.
 Благослови побѣгъ поэта...

.....
 .....

Умолкнетъ онъ подъ небомъ дальнимъ,
 Умолкнетъ въ чуждой сторонѣ...

.....

[Относится къ планамъ бѣгства за границу, которые въ это время обещалъ Пушкинъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ Львомъ Сергѣевичемъ и А. Н. Вульфомъ. См. Анненкова, Пушк., 285 и сл.]

* *
*

Едва уста краснорѣчивы
 Тебя коснулись — и вмигъ
 Его ума огонь игривый
 Въ тебя таинственно проникъ.

Кристалль, поэтомъ обновленный,
 Укрась мой тихій уголокъ,

Залогъ поэзіи священной
И дружбы сладостный залогъ.

Въ тебѣ таится жаръ цѣлебный...

[Дальше отрѣзано.]

* *
*

Все кончено: межъ нами связи нѣтъ.
Въ послѣдній разъ обнявъ твои колѣни,
Произношу я горестныя пени;
Все кончено—я слышу твой отвѣтъ.
Обманывать себя не стану,
Тебя роптаніемъ преслѣдовать не буду
И невозвратное, быть можетъ, позабуду.
Я зналъ: не для меня блаженство,
Не для меня сотворена любовь...
Ты молода, душа твоя прекрасна,
И многими любима будешь ты...

(Февр.).

Графу О...

Пѣвецъ! издревле межъ собою
Враждуютъ наши племена,
То наша стонетъ сторона,
То гибнетъ ваша подъ грозою.
И вы, бывало, пировали
Кремля плѣнь,
И мы о камень падшихъ стѣнь
Младенцевъ вашихъ разбивали,
Когда топтали
Красу Костюшкиныхъ знаменъ...
И тотъ не нашъ, кто съ дѣвой вашей
Кольцомъ завѣтнымъ сопряженъ;
Не выпьемъ мы завѣтной чашей
Здоровье вашихъ красныхъ женъ,
И наша дѣва молодая,
Привлекши сердце поляка.
Отвергнетъ . . . . .

Любовь народного врага.
 Но огонь поэзіи чудесный
 Сердца враждебныя дружитьъ...

.....

[Исчерканное и совершенно неотдѣланное начало посланія, первые стихи котораго впоследствии, въ 1831 г., повторены Пушкинымъ въ стихотвореніи «Клеветникамъ Россіи».]

* *
 *

Въ пещерѣ тайной, въ день гоненья,
 Читаль я сладостный коранъ;
 Внезапно ангелъ утѣшенья,
 Влетѣвъ, принесъ мнѣ талисманъ.
 Его таинственная сила
 .....
 Слова святыя начертила
 На немъ безвѣстная рука.

* *
 *

Надо мной въ лазури ясной
 Свѣтитъ звѣздочка одна;
 Справа западъ темнокрасный,
 Слѣва блѣдная луна.

* *
 *

Стою печально на кладбищѣ,
 Гляжу — кругомъ обнажено
 Святое смерти пепелище
 И степью лишь окружено.
 И мимо вѣчнаго ночлега
 Дорога сельская лежитъ:
 ..... телѣга
 ..... стучить.

* *
*

Два чувства равно близки къ намъ,
Въ нихъ обрѣтаетъ сердце пищу:
Любовь къ родному пепелищу,
Любовь къ отеческимъ гробамъ.

* *
*

Забывъ и рошу, и свободу,
Невольникъ чижикиъ надо мной
Зерно клюетъ и брызжетъ воду,
И пѣсню тѣшитъ живою.

Младенцу.

Дитя, не смѣю надъ тобой
Произносить благословенья;
Ты тихій ангелъ утѣшенья,
Да будетъ ясенъ жребій твой...

[Дальше все исчеркано. Въ серединѣ стихотворенія можно разобрать еще:

Прощай, прелестное дитя,
Я не скажу тебѣ причины...

Затѣмъ:

Быть можетъ, о судьбѣ моей
Она современемъ услышитъ...]

* *
*

Мнѣ жаль великія жены,
Жены, которая любила
И дымъ [убійственной] войны,
И дымъ парижскаго кадила.
Въ аллеяхъ Царскаго Села
Она съ Потемкинымъ, съ Орловымъ
Бесѣды [мудрыя] вела . . .

[Дальше все исчеркано. Конецъ этого наброска представляетъ извѣстную эпиграмму, изъ которой приводимъ заключительное четверостишіе:

И съ той поры въ Россіи — мгла;
Россія — бѣдная держава:
Съ Екатериной умерла
Екатерининская слава!]

1825.

АНДРЕЙ ШЕНЬЕ.

(Посвящено Н. Н. Раевскому).

Ainsi, triste et captif, ma lyre toutefois
S'éveillait...

Межъ тѣмъ какъ изумленный міръ
На урну Байрона взираетъ,
И хору европейскихъ лиръ
Близъ Данте тѣнь его внимаетъ,

Зоветь меня другая тѣнь,
Давно, безъ пѣсенъ, безъ рыданій,
Съ кровавой плахи, въ дни страданій,
Сошедшая въ могильну сѣнь.

Пѣвцу любви, дубравъ и мира,
Пѣвцу возвышенной мечты
Звучить незнаемая лира.
Пою. Мнѣ внемлетъ онъ и ты.

*

Поднялась вновь усталая сѣкира
И жертву новую зоветь.
Пѣвецъ готовъ; задумчивая лира
Въ послѣдній разъ ему поетъ ¹⁾).

¹⁾ Comme un dernier rayon, comme un dernier zéphyr
Anime le soir d'un beau jour.

Au pied de l'échafaud j'essaie encore ma lyre.

(V. Les derniers vers d'André Chénier).

Заутра казнь — привычный пирь народу;
 Но лира юнаго пѣвца
 О чемъ поеть? Поеть она свободу —
 Не измѣнилась до конца!

«Привѣтствую тебя, мое свѣтило!
 Я славиль твой небесный ликъ,
 Когда онъ искрою возникъ,
 Когда ты въ бурѣ восходило;
 Я славиль твой священный громъ,
 Когда онъ разметалъ позорную твердыню
 И власти древнюю гордыню
 Разсѣялъ пепломъ и стыдомъ;
 Я зрѣлъ твоихъ сыновъ гражданскую отвагу,
 Я слышалъ братскій ихъ обѣтъ,
 Великодушную присягу
 И самовластію безтрепетный отвѣтъ;
 Я зрѣлъ, какъ ихъ могучи волны
 Все ниспровергли, увлекли,
 И пламенный трибунъ предрекъ, восторга полный,
 Перерожденіе земли.
 Уже въ безсмертный пантеонъ
 Святыихъ изгнанниковъ всходили славны тѣни;
 Отъ пелены предубѣжденій
 Разоблачался ветхій тронъ;
 Оковы падали. Законъ,
 На вольность опершись, провозгласилъ равенство,
 И мы воскликнули: «блаженство!»...
 О горе! о безумный сонъ!
 Гдѣ вольность и законъ? Надъ нами
 Единый властвуетъ топоръ.
 Мы свергнули царей? Убійцу съ палачами
 Избрали мы въ цари! О ужась, о позоръ!..
 Но ты, священная свобода,
 Богиня чистая! нѣтъ, не виновна ты:
 Въ порывахъ буйной слѣпоты,
 Въ презрѣнномъ бѣшенствѣ народа —
 Сокрылась ты отъ насъ. Цѣлебный твой сосудъ
 Завѣшенъ пеленой кровавой...
 Но ты придешь опять со мщеніемъ и славой —
 И вновь твои враги падутъ.
 Народъ, вкусившій разъ твой нектаръ освященный,

Все ищетъ вновь ушиться имъ;
 Какъ будто Вакхомъ разъяренный,
 Онъ бредить, жаждою томимъ...
 Такъ! онъ найдетъ тебя. Подъ сѣнію равенства
 Въ объятіяхъ твоихъ онъ сладко отдохнетъ,
 И буря мрачная минетъ...

«Но я не узрю васъ, дни славы, дни блаженства:
 Я плахѣ обреченъ. Послѣдніе часы
 Влачу. Заутра казнъ. Торжественной рукою
 Палачъ мою главу подыметъ за власы

Надъ равнодушною толпою.

Простите, о друзья! Мой безпріютный прахъ
 Не будетъ почивать въ саду, гдѣ провождали
 Мы дни безпечные въ наукахъ и въ пирахъ,
 И мѣсто нашихъ урнъ заранѣ назначали.

Но, други, если обо мнѣ

Священно вамъ воспоминанье,

Исполните мое послѣднее желанье:

Оплачьте, милые, мой жребій въ типинѣ;
 Страшитесь возбудить слезами подозрѣнье;
 Въ нашъ вѣкъ, вы знаете, и слезы — преступленье:
 О братѣ сожалѣть не смѣетъ нынѣ братъ.
 Еще жъ одна мольба: вы слушали стократъ
 Стихи, легучихъ думъ небрежныя созданья,
 Разнообразныя, завѣтныя преданья
 Всей младости моей. Надежды, и мечты,
 И слезы, и любовь, друзья, сіи листы
 Всю жизнь мою хранить. У Авеля, у Фанни²⁾,
 Молю, найдите ихъ; невинной музы дани
 Сберите. Строгій свѣтъ, надменная молва
 Не будутъ вѣдать ихъ. Увы, моя глава
 Безвременно падеть: мой недозрѣлый геній
 Для славы не свершилъ возвышенныхъ твореній;
 Я скоро весь умру. Но, тѣнь мою любя,
 Храните рукопись, о други, для себя!
 Когда грова пройдетъ, толпою суевѣрной
 Сбирайтесь иногда читать мой свитокъ вѣрный,

²⁾ У Авеля, у Фанни. Abel, doux confident de mes jeunes mistères (El. I):
 одинъ изъ друзей А. Ш; Fanni, l'une des maitresses d'An. Ch. Voyez les odes
 qui lui sont adressées.

И долго слушая, скажите: «это онъ!
 Вотъ рѣчь его!» А я, забывъ могильный сонъ,
 Взойду невидимо и сяду между вами,
 И самъ заслушаюсь, и вашими слезами
 Уплюсь... И, можетъ быть, утѣшенъ буду я
 Любовью; можетъ быть, и Узница моя³⁾,
 Уныла и блѣдна, стихамъ любви внимая...»

Но пѣсни нѣжныя мгновенно прерывая,
 Младой пѣвецъ поникъ задумчивой главой.
 Пора весны его съ любовью, тоской
 Промчалась передъ нимъ... Красавицъ томны очи,
 И пѣсни, и пиры, и пламенные ночи,
 Все вмѣстѣ ожило; и сердце понеслось
 Далече... и стиховъ журчанье излилось:

«Куда, куда завлекъ меня враждебный геній?
 Рожденный для любви, для мирныхъ искушеній,
 Зачѣмъ я покидалъ безвѣстной жизни сѣнь,
 Свободу и друзей, и сладостную лѣнь?
 Судьба лелѣяла мою златую младость,
 Безпечною рукой меня вѣнчала радость,
 И муза чистая дѣлила мой досугъ*);
 На шумныхъ вечерахъ друзей любимый другъ,
 Я сладко оглашала и смѣхомъ, и стихами
 Сѣнь, охраненную домашними богами.
 Когда жъ вакхической тревогой утомясь
 И новымъ пламенемъ внезапно воспалась,
 Я утормъ, наконецъ, являлся къ милой дѣвѣ
 И находилъ ее въ смятеніи и гнѣвѣ;
 Когда съ угрозами, и слезы на глазахъ,
 Мой проклиная вѣкъ, утраченный въ пирахъ,
 Она меня гнала, бранила и прощала,
 Какъ сладко жизнь моя лилась и утекала!
 Зачѣмъ отъ жизни сей, лѣнивой и простой,
 Я кинулся туда, гдѣ ужасъ роковой,
 Гдѣ страсти дикія, гдѣ буйные невѣжды,
 И злоба, и корысть? Куда, мои надежды,

³⁾ И Узница моя. V. La jeune captive (Mlle de Coigny).

*) На листѣ, гдѣ набросаны эти стихи, сбоку приписано: «Кхбкр (т. е. Кюхельбекеръ). Да сохранить тебя твой добрый геній подъ бурей.»

Вы завлекли меня? Что дѣлать было мнѣ,
 Мнѣ, вѣрному любви, стихамъ и тишинѣ,
 На низкомъ поприщѣ съ презрѣнными бойцами?
 Мнѣ ль было управлять строптивыми конями
 И круто напрягать безсильныя бразды?
 И что жъ оставлю я? Забытые слѣды
 Безумной ревности и дерзости ничтожной!
 Погибни, голосъ мой, и ты, о призракъ ложный,
 Ты, слово, звукъ пустой...

О, нѣтъ!

Умолкни, ропотъ малодушный!
 Гордись и радуйся, поэтъ:
 Ты не поникъ главою послушной
 Передъ позоромъ нашихъ лѣтъ;
 Ты презрѣлъ мощнаго злодѣя;
 Твой свѣточъ, грозно пламенѣя,
 Жестокимъ блескомъ озарилъ
 Совѣтъ правителей безславныхъ ⁴⁾;
 Твой бичъ настигнулъ ихъ, казнилъ
 Сихъ палачей самодержавныхъ;
 Твой стихъ свисталь по ихъ главамъ;
 Ты звалъ на нихъ, ты славилъ Немезиду;
 Ты пѣлъ Маратовымъ жрецамъ
 Кинжалъ и дѣву-эвмениду!
 Когда святой старикъ отъ плахи отрывалъ
 Вѣнчанную главу рукой оцѣпенѣлой,
 Ты смѣло имъ обоимъ руку далъ,
 И передъ вами трепеталъ
 Ареопажъ остервенѣлый.
 Гордись, гордись, пѣвецъ! а ты, свирѣпый звѣрь,
 Моей главою играй теперъ:
 Она въ твоихъ когтяхъ. Но слушай, знай, безбожный:
 Мой крикъ, мой ярый смѣхъ преслѣдуетъ тебя!
 Пей нашу кровь, живи губя:
 Ты все пигмей, пигмей ничтожный.
 И часъ придетъ... и онъ ужъ недалекъ:
 Падешь, тиранъ! Негодованье

⁴⁾ Voyez ses fiances. — Chénier avait mérité la haine des factieux. Il avait célébré Charlotte Corday, fêtré Collot d'Herbois, attaqué Robespierre. — On sait que le roi avait demandé à l'Assemblée, par une lettre pleine de calme et de dignité, le droit d'appeler au peuple du jugement qui le condamnait. Cette lettre signée dans la nuit du 17 au 18 janvier est d'André Chénier. (H. de la Touche).

Воспрянетъ наконецъ. Отечества рыданье
 Разбудить утомленный рокъ.
 Теперь иду... пора... но ты ступай за мною;
 Я жду тебя!»

Такъ пѣлъ восторженный поэтъ.
 И все покоилось. Лампады тихій свѣтъ
 Блѣднѣлъ предъ утренней зарею,
 И утро вѣяло въ темницу. И поэтъ
 Къ рѣшеткѣ поднялъ важны взоры...
 Вдругъ шумъ. Пришли, зовуть. Они! Надежды нѣтъ!
 Звучать ключи, замки, запоры.
 Зовуть... Постой, постой; день только, день одинъ:
 И казней нѣтъ, и вѣкъ свобода,
 И живъ великій гражданинъ
 Среди великаго народа ⁵⁾.
 Не слышать. Шествіе безмолвно. Ждетъ палачъ.
 Но дружба смертный путь поэта очаруетъ ⁶⁾.
 Вотъ плаха. Онъ взомель. Онъ славу именуешь... ⁷⁾
 Плачь, муза, плачь!..

[Николай Николаевичъ Раевскій, которому Пушкинъ посвятилъ это стихотвореніе и поэму «Кавказскій Пѣвникъ»,—младшій сынъ знаменитаго генерала (1801—1843). Послѣ войны 1812 г., гдѣ онъ участвовалъ, вмѣстѣ съ отцомъ, въ сраженіи при Дашковой, онъ служилъ нѣкоторое время въ л.-гв. гусарскомъ полку, стоявшемъ въ Царскомъ Селѣ, и тамъ подружился съ Пушкинымъ. Въ 1825 г. онъ былъ эскадроннымъ командиромъ Ольвиопольскаго уланскаго полка. Въ персидскую войну онъ участвовалъ въ елисаветпольскомъ дѣлѣ, а потомъ, получивъ Нижегородскій драгунскій полкъ, дѣйствовалъ подъ Ахалцыхомъ и Карсомъ. Преслѣдованія военнаго министра Чернышева и ссора съ Паскевичемъ заставили его выйти въ отставку и поселиться въ своемъ имѣніи. Одно письмо его къ Пушкину напечатано въ сборникѣ П. И. Бартечева «Пушкинъ», I, 79.

Объ Андрей Шенье въ бумагахъ Пушкина осталась слѣдующая замѣтка, которую онъ, вѣроятно, хотѣлъ помѣстить въ примѣчаніяхъ къ своему стихотворенію: «A. Chénier погибъ жертвою французской революціи, на 31-мъ году отъ рожденія. Долго славу его составляли нѣсколько элегій и два или три отрывка. Общее сожалѣніе объ утратѣ всего прочаго. Наконецъ, творенія его

⁵⁾ Онъ былъ казненъ 8 термидора, т. е. наканунѣ низверженія Робеспьера.

⁶⁾ На роковой телегѣ везли на казнь съ Ан. Шенье и поэта Руссе, его друга. Ils parlèrent de poésie à leurs derniers moments: pour eux après l'amitié c'était la plus belle chose de la terre. Racine fut l'objet de leur entretien et de leur dernière admiration. Ils voulurent réciter ses vers. Ils choisirent la première scène d'Andromaque. (H. de la Touche).

⁷⁾ На мѣстѣ казни онъ ударилъ себя въ голову и сказалъ: pourtant j'avais quelque chose là.

были отысканы и вышли въ свѣтъ въ 1819 году. Нельзя воздержаться отъ горестнаго чувства...»

Въ 1827 г., уже годъ спустя послѣ напечатанія этого стихотворенія (въ изданіи 1826 г., съ пропускомъ 44 стиховъ), списокъ его былъ отобранъ у кандидата московскаго университета Андрея Леопольдова, сдѣлавшаго на рукописи помѣту, что эти стихи написаны «на 14 декабря 1825 г.» Возникло цѣлое «дѣло», къ которому, кромѣ Леопольдова, были привлечены два гвардейскіе офицера, шт.-капитанъ Алексѣевъ и прапорщикъ Молчановъ, и которое окончилось только въ 1828 году. По высоч. утвержденному рѣшенію аудиторіатскаго департамента, Алексѣевъ и Молчановъ были выписаны изъ гвардіи тѣми же чинами въ армейскіе полки; сверхъ того, первый просидѣлъ мѣсяцъ въ Шлиссельбургской крѣпости. Леопольдову же вмѣнено въ наказаніе содержаніе болѣе одного года въ острогѣ и подтверждено, чтобы впредь въ поступкахъ своихъ былъ осмотрительнѣе.

Сенатъ призналъ стихотвореніе Пушкина «очень соблазнительнымъ и служившимъ къ распространенію въ неблагонамѣренныхъ людяхъ того пагубнаго духа, который правительство обнаружило во всемъ его пространствѣ», и постановилъ, что «хотя титулярнаго совѣтника Пушкина надлежало бы подвергнуть отвѣту передъ судомъ, но какъ преступленіе сдѣлано имъ до всемилостивѣйшаго манифеста 22 августа 1826 г., то, избавя его отъ суда и сѣдствія, обязать подпискою, чтобы впредь никакихъ своихъ твореній безъ разсмотрѣнія цензуры не осмѣливался выпускать въ свѣтъ, подъ опасеніемъ строгаго по законамъ взысканія.» Государственный совѣтъ прибавилъ къ этому, чтобы за Пушкинымъ «по неприличному выраженію его въ отвѣтахъ насчетъ происшествія 14 декабря 1825 г. и по духу самаго сочиненія его», былъ учрежденъ секретный полицейскій надзоръ. Пушкинъ «доказывалъ, что стихи написаны имъ гораздо раньше 14 декабря, что они явно относятся къ французской революціи, въ которой Шенье погибъ, и никакъ, безъ совершенной безсмыслицы, не могутъ быть относимы къ 14 декабря; что онъ не знаетъ, кѣмъ надъ этими стихами поставлено ошибочное заглавіе, и не помнитъ, кому онъ могъ передать элегію. Далѣе, объясняя, что въ этомъ отрывкѣ Шенье говорить о взытіи Бастиліи, о клятвѣ *du jeu de raime*, о перенесеніи тѣлъ славныхъ изгнанниковъ въ Пантеонъ, о побѣдѣ революціонныхъ идей, о торжественномъ провозглашеніи равенства, объ уничтоженіи царей», Пушкинъ заключилъ свои объясненія вопросомъ: «Что же тутъ общаго съ несчастнымъ бунтомъ 14 декабря, уничтоженнымъ тремя выстрѣлами картечи и взытіемъ подъ стражу всѣхъ заговорщиковъ?» См. изложеніе всего этого дѣла, съ подлинными документами, въ Рус. Старинѣ 1874, т. X, стр. 693—694, XI, стр. 584—588, и 1882, февр., стр. 465—468. «Дѣло о учрежденіи надзора за поведеніемъ извѣстнаго поэта титулярнаго совѣтника Пушкина» — въ Рус. Стар. 1881, январь, стр. 223. Біографія Андрея Филиповича Леопольдова—въ «Очеркахъ исторіи города Саратова» (Саратовъ, 1884), стр. 57 и сл.]

СОЖЖЕННОЕ ПИСЬМО.

Прощай, письмо любви, прощай! Она велѣла...
 Какъ долго медлилъ я, какъ долго не хотѣла
 Рука предать огню всѣ радости мои!..
 Но полно, часъ насталь: гори, письмо любви!
 Готовъ я; ничему душа моя не внемлетъ.

Ужь пламя жадное листы твои пріемлетъ...
 Минуту!.. Вспыхнули... пылаютъ... легкой дымъ,
 Віась, теряется съ моленіемъ моимъ.
 Ужь перстня вѣрнаго утрата впечатлѣнье,
 Растопленный сургучъ кипитъ... О, провидѣнье!
 Свершилось! Темные свернулись листы;
 На легкомъ пеплѣ ихъ завѣтныя черты
 Бѣлѣютъ... Грудь моя стѣснилась. Пепель милый,
 Отрада бѣдная въ судьбѣ моей унылой,
 Останься вѣкъ со мной на горестной груди...

[Мысль Пушкина — говорить по поводу этого стихотворенія г. Анненковъ (Пушк., 283) — постоянно живетъ не въ Тригорскомъ, а гдѣ-то въ другомъ, далеко, недавно покинутомъ краѣ. Полученіе письма изъ Одессы всегда становится событіемъ въ уединенномъ Михайловскомъ. Послѣ XXXII строфы 3-й главы «Онѣгипа» Пушкинъ дѣлаетъ приписку: «5 сентября 1824 года—ше lettre de ***.» Сестра поэта, О. С. Павлицева, говорила намъ, что когда приходило изъ Одессы письмо съ печатью, изукрашенною точно такими же кабалистическими знаками, какіе находились и на перстнѣ ея брата (извѣстный «талисманъ»),— послѣдній заперался въ своей комнатѣ, никуда не выходилъ и никого не принималъ къ себѣ. Памятникомъ его благоговѣйнаго настроенія при такихъ случаяхъ и осталось это стихотвореніе.» Особа, къ которой относится это стихотвореніе, такъ же, какъ и два позднѣйшихъ: «Ангель» и «Талисманъ» и портреты которой—строгий женскій профиль съ головой, нѣсколько наклоненной внизъ («Въ дверяхъ эдема ангель нѣжный главою поникшею сіялъ») такъ часто набрасывались поэтомъ на страницахъ его тетрадей,— графиня Елизавета Ксаверіевна Воронцова (урожденная Враницкая, супруга гр. Мих. Сем.). До конца своей долгой жизни († 1880) она сохраняла о Пушкинѣ теплое воспоминаніе и ежедневно читала его сочиненія. Когда зрѣніе совсѣмъ ей измѣнилось, она приказывала читать ихъ себѣ вслухъ, и притомъ подъ рядъ, такъ что когда кончались всѣ томы, чтеніе возобновлялось съ перваго. См. сборникъ П. И. Бартенева «Пушкинъ», II, 97 — 98.]

ВАКХИЧЕСКАЯ ПѢСНЯ.

Что смолкнулъ веселія гласъ?
 Раздайтесь, вакхальны припѣвы!
 Да здравствуютъ нѣжныя дѣвы
 И юныя жены, любившія насъ!
 Полнѣе стаканъ наливайте!
 На звонкое дно,
 Въ густое вино
 Завѣтныя кольца бросайте!
 Поднимемъ стаканы, содвинемъ ихъ разомъ!

Да здравствуютъ музы, да здравствуетъ разумъ!
 Ты, солнце святое, гори!
 Какъ эта лампада блѣднѣетъ
 Предъ яснымъ восходомъ зари,
 Такъ ложная мудрость мерцаетъ и тлѣетъ
 Предъ солнцемъ безсмертнымъ ума.
 Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!

ПОДРАЖАНІЕ.

(Лѣсни Лѣсной).

Гл. IV, ст. 12—17.

«Вертоградъ моей сестры,
 Вертоградъ уединенный;
 Чистый ключъ у ней съ горы
 Не бѣжитъ запечатлѣнный.»

— У меня плоды блестятъ
 Наливные, золотые;
 У меня бѣгутъ, шумятъ
 Воды чистыя, живыя.
 Нардъ, алой и киннамонъ
 Благовоніемъ богаты:
 Лишь повѣетъ аквилонъ,
 И закаплютъ ароматы.

[Ср. выше, стр. 260.]

ПРІЯТЕЛЯМЪ.

Враги мои, покажѣсть я ни слова...
 И, кажется, мой быстрый гнѣвъ угасъ;
 Но изъ виду не выпускаю васъ,
 И выберу когда нибудь любого:
 Не избѣжитъ пронзительныхъ когтей,
 Какъ налечу нежданный, беспощадный —
 Такъ въ облакахъ кружится ястребъ жадный
 И сторожитъ индѣекъ и гусей.

25 января.

КЪ ИМЕНИННИЦЪ.

Хотя стишки на именины
 Натальи, Софьи, Катерины
 Уже не въ модѣ, можетъ быть;
 Но я, вашъ обожатель вѣрный,
 Я въ знакъ послушности примѣрной
 Готовъ и ими вамъ служить...
 Но предаю себя проклятью,
 Когда я знаю, почему
 Васъ окрестили благодатью!
 Нѣтъ, нѣтъ, по мнѣнью моему,
 И ваша рѣчь, и взоръ унылый,
 И ножка (смѣю вамъ сказать) —
 Все это чрезвычайно мило,
 Но пагуба, не благодать.

[Написано, по всей вѣроятности, на именины Анны Николаевны Вульфъ. Въ ея же альбомѣ Пушкинъ написалъ и слѣдующіе стихи:

Увы! напрасно дѣвѣ гордой
 Я предлагалъ свою любовь:
 Ни наша жизнь, ни наша кровь
 Ея души не тронетъ твердой!
 Однимъ страдаемъ буду сътъ,
 И пусть мнѣ сердце скорбь расколетъ...

.....
 .....

Два послѣдніе стиха самъ Пушкинъ означилъ точками и никакъ не хотѣлъ объяснить, что означаютъ эти точки.]

* * *

(Евпр. Никол. Вульфъ).

Если жизнь тебя обманетъ,
 Не печалься, не сердись!
 Въ день унынія смирись:
 День веселья, вѣрь, настанетъ.

Сердце въ будущемъ живеть;
 Настоящее уныло:
 Все мгновенно, все пройдетъ;
 Что пройдетъ, то будетъ мило.

[Евпраксія Николаевна Вульфъ вышла впоследствии за барона Б. А. Вревскаго, см. выше, стр. 328. Въ семействѣ Осиповыхъ ее называли Зиной или Зиви. Ср. Евг. Онѣгинъ, V, 32.]

САФО.

Счастливымъ юноша, ты всѣмъ меня плѣнилъ:
Душою гордою, и пылкой, и незлобной,
И первой младости красой женоподобной.

* * *

Тамъ, гдѣ Семеновскій полкъ, въ пятой ротѣ, въ домикѣ низкомъ,
Жилъ поэтъ Баратынскій съ Дельвигомъ, тоже поэтомъ.
Тихо жили они, за квартиру платили не много,
Въ лавочку были должны, дома обѣдали рѣдко.
Часто, когда покрывалось небо осеннею тучей,
Шли они въ дождикъ пѣшкомъ, въ панталонахъ трикотовыхъ
тонкихъ,
Руки спрятавъ въ карманъ (перчатокъ они не имѣли!)
Шли и твердили, шутя: какое въ россиянахъ чувство!

[Евгеній Абрамовичъ Баратынскій (1800—1844) познакомился съ Пушкинымъ и Дельвигомъ въ 1818—19 гг., когда онъ былъ рядовымъ въ л.-гв. егерскомъ полку; въ 1825 же году, выйдя въ отставку, онъ жилъ вмѣстѣ съ Дельвигомъ до августа, когда послѣдній женился на С. М. Салтыковой. Шуточное стихотвореніе это написано, вѣроятно, весною 1825 г., когда Дельвигъ посетилъ Пушкина въ Михайловскомъ, куда ждали и Баратынскаго. Оно напечатано, съ автографа, принадлежащаго П. Я. Дашкову, въ Ист. Вѣстн. 1883, февр., 468.]

ЖИВЪ, ЖИВЪ КУРИЛКА!

(На М. Т. Каченовскаго).

Какъ, живъ еще курилка-журналистъ?—
Живехонекъ! все такъ же сухъ и скученъ,
И грубъ, и глупъ, и завистью размученъ:
Все тискаетъ въ свой непотребный листъ
И старый вздоръ, и вздорную новинку.—

Фу! надоѣлъ курилка-журналистъ!
 Какъ загасить вонючую лучинку?
 Какъ уморить курилку моего?
 Дай мнѣ совѣтъ.—Да... плюнуть на него.

Мая.

[Эпиграмма эта вызвана критикою М. А. Дмитриева на «Бахчисарайскій Фонтанъ», напечатанною въ Вѣстн. Европы 1825, № 8. (см. примѣчанія къ этой поэмѣ.)]

КОЗЛОВУ.

(По полученіи отъ него Чрънаго)

Пѣвецъ, когда передъ тобой
 Во мглѣ сокрылся міръ земной,
 Мгновенно твой проснулся геній,
 На все минувшее возрѣлъ,
 И въ хорѣ свѣтлыхъ привидѣній
 Онъ пѣсни дивныя запѣлъ.

О милый братъ, какіе звуки!
 Въ слезахъ восторга внемлю имъ:
 Чудеснымъ пѣніемъ своимъ
 Онъ усыпилъ земныя муки.
 Тебѣ онъ создалъ новый міръ:
 Ты въ немъ и видишь, и летаешь,
 И вновь живешь, и обнимаешь
 Разбитый юности кумиръ.

А я, коль стихъ единый мой
 Тебѣ мгновенье далъ отрады,
 Я не хочу другой награды:
 Недаромъ темною стезей
 Я проходилъ пустыню міра,
 О нѣтъ, недаромъ жизнь и лира
 Мнѣ были ввѣрены судьбой!

Мая.

[Иванъ Ивановичъ Козловъ (1779—1840), авторъ «Чернеца», «Княгини Н. Долгорукой», переводчикъ Байрона, Мицкевича и пр., съ 29-лѣтняго возраста былъ пораженъ параличемъ и затѣмъ лишился зрѣнія. Стихотворенія его вышли въ Спб. 1833, 1840, 1855 (изд. Смирдина). О немъ см. Соврем. 1840, т. 18, стр. 43 и Сѣв. Пчелу 1840, № 29.]

ИЗЪ ПИСЬМА КЪ А. Г. РОДЗЯНКО.

Наперсникъ Феба или Пріапа,
Твоя соломенная шляпа
Завиднѣй, чѣмъ иной вѣнецъ,
Твоя деревня—Римъ, ты—папа,
Благослови жъ меня, пѣвецъ!
Май.

[Аркадій Гавриловичъ Родзянко († 1831), посредственный стихотворецъ, знакомый съ Пушкинымъ еще по Петербургу. См. ниже, отрывокъ изъ другого письма къ нему.]

EX UNGUE LEONEM.

Недавно я стихами какъ-то свистнулъ
И выдалъ ихъ безъ подписи моей;
Журнальный шутъ о нихъ статейку тиснулъ,
Безъ подписи жъ пустивъ ее, злодѣй.
Но что жъ? Ни мнѣ, ни площадному шуту
Не удалось прикрыть своихъ проказъ:
Онъ по когтямъ узналъ меня въ минуту,
Я по ушамъ узналъ его какъ-разъ.
Юнь.

[Вызвано разборомъ эпиграммы Пушкина «Къ пріятелямъ», въ Благонамѣренномъ 1825.]

П. А. ОСИПОВОЙ.

Быть можетъ, ужъ недолго мнѣ
Въ изгнаньѣ мирномъ оставаться,
Вздыхать о милой старинѣ,
И сельской музѣ въ тишинѣ
Душой безпечной предаваться.

Но и вдали, въ краю чужомъ,
 Я буду мыслию всегдашней
 Бродить Тригорскаго кругомъ,
 Въ лугахъ, у рѣчки, надъ холмомъ,
 Въ саду, подъ сѣнью липъ домашней.

Когда померкнетъ ясный день,
 Одна, изъ глубины могильной,
 Такъ иногда въ родную сѣнь
 Летитъ тоскующая тѣнь
 На милыхъ бросить взоръ умильный.

Село Михайловское. 25 іюня 1825.

ЖЕЛАНІЕ СЛАВЫ.

Когда, любовію и нѣгой упоенный,
 Безмолвно предъ тобой колѣнопреклоненный,
 Я на тебя глядѣлъ и думалъ: ты моя,
 Ты знаешь, милая, желалъ ли славы я;
 Ты знаешь: удаленъ отъ вѣтренаго свѣта,
 Скучая суетнымъ прозваніемъ поэта,
 Уставъ отъ долгихъ бурь, я вовсе не внималъ
 Жужжанью дальнему упрековъ и похвалъ.
 Могли ль меня молвы тревожить приговоры,
 Когда, склонивъ ко мнѣ томительные взоры,
 И руку на главу мнѣ тихо наложивъ,
 Шептала ты: скажи, ты любишь, ты счастливъ?
 Другую, какъ меня, скажи, любить не будешь?
 Ты никогда, мой другъ, меня не позабудешь?
 А я стѣсненное молчаніе хранилъ,
 Я наслажденіемъ весь полонъ былъ, я мнилъ,
 Что нѣтъ грядущаго, что грозный день разлуки
 Не придетъ никогда... И что же? Слезы, муки,
 Измѣны, клевета, все на главу мою
 Обрушилося вдругъ... Что я, гдѣ я? Стою,
 Какъ путникъ, молніей постигнутый въ пустынь,
 И все передо мной затмилося! И нынѣ
 Я новымъ для меня желаніемъ томимъ:
 Желая славы я, чтобъ именемъ моимъ

Твой слухъ былъ пораженъ всечасно; чтобъ ты мною
 Окружена была; чтобъ громкою молвою
 Все, все вокругъ тебя звучало обо мнѣ;
 Чтобъ, гласу вѣрному внимая въ тишинѣ,
 Ты помнила мои послѣднія моленья
 Въ саду, во тѣмѣ ночной, въ минуту разлученья.
 7 іюля.

КЪ А. П. КЕРНЪ.

Я помню чудное мгновенье:
 Передо мной явилась ты,
 Какъ мимолетное видѣнье,
 Какъ геній чистой красоты.

Въ томленьяхъ грусти безнадежной,
 Въ тревогахъ шумной суеты,
 Звучалъ мнѣ долго голосъ нѣжный,
 И снились милыя черты.

Шли годы. Бурь порывъ мятежный
 Разсѣялъ прежнія мечты,
 И я забылъ твой голосъ нѣжный,
 Твои небесныя черты.

Въ глуши, во мракѣ заточенья,
 Тянулись тихо дни мои
 Безъ божества, безъ вдохновенья,
 Безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви.

Душѣ настало пробужденье:
 И вотъ опять явилась ты,
 Какъ мимолетное видѣнье,
 Какъ геній чистой красоты.

И сердце бьется въ упоеньѣ,
 И для него воскресли вновь
 И божество, и вдохновенье,
 И жизнь, и слезы, и любовь.

Михайловское. 1825. XIX іюля.

[Анна Петровна Кернъ, дочь Петра Марковича Полторацкаго и племянница Елиз. Марк. Олениной (жены известнаго А. Н. Оленина), въ ранней молодости была выдана за стараго генерала Е. Ѳ. Керна. Лѣто 1825 года она проводила въ Тригорскомъ, у своей тетки П. А. Осиповой, и Пушкинъ въ этомъ стихотвореніи припоминаетъ первую встрѣчу съ ней у Олениныхъ въ 1819 году. Воспоминанія ея о Пушкинѣ напечатаны въ «Библ. для Чтенія» 1859 г., № 3 и 4; о ней же самой см. Рус. Стар. 1870, т. I, Варш. Дневникъ 1880, № 159, и письма Пушкина въ VII томѣ настоящаго изданія.]

КЪ А. Г. РОДЗЯНКО.

Ты общалъ о романтизмѣ,
 О семь парнасскомъ аеизмѣ,
 Потолковать еще со мной,
 Полтавскихъ музъ повѣдать тайны,
 А пишешь лишь о ней одной.
 Нѣтъ, это ясно, милый мой,
 Нѣтъ, ты влюбленъ, Пиронъ Украйны.

Ты правъ: что можетъ быть важнѣй
 На свѣтѣ женщины прекрасной?
 Улыбка, взоръ ея очей,
 Дороже злата и честей,
 Дороже славы разногласной;
 Поговоримъ опять о ней.

Хвалю, мой другъ, ея охоту,
 Поотдохнувъ, рожать дѣтей,
 Подобныхъ матери своей...
 И счастливъ, кто раздѣлитъ съ ней
 Сію пріятную заботу:
 Не наведетъ она зѣвоту.
 Дай Богъ, чтобъ только Гименей
 Межъ тѣмъ продлилъ свою дремоту!
 Но не согласенъ я съ тобой,
 Не одобряю я развода:
 Во-первыхъ, вѣры долгъ святой,
 Законъ и самая природа...
 А во-вторыхъ, замѣчу я,
 Благопристойные мужья
 Для умныхъ женъ необходимы:

При нихъ домашніе друзья
Иль чуть замѣтны, иль незримы:
Повѣрьте, милые мои,
Одно другому помогаетъ
И солнце брака затмѣваетъ
Звѣзду стыдливую любви!

Іюль.

[Дѣло идетъ объ А. П. Кернѣ, которая, не смотря на свою дружбу съ Родзянкой, уѣхала въ это время въ Ригу, къ мужу. См. письмо Родзянки къ Пушкину въ сборникѣ Бартечева: «Пушкинъ», II, 125, гдѣ Р., между прочимъ, говоритъ: «Вотъ, теперь вздумала мириться съ Ермолаемъ Ѳедоровичемъ (Кернѣ): снова пришло остывшее давно желаніе имѣть законныхъ дѣтей, и я пропасть.»]

ПРОЗАИКЪ И ПОЭТЪ.

О чемъ, прозаикъ, ты хлопочешь?
Давай мнѣ мысль, какую хочешь:
Ее съ конца я заострю,
Летучей риемой оперю,
Взложу на тетиву тугую,
Послушный лукъ согну въ дугу,
А тамъ пошлю наудалую —
И горе нашему врагу!

[Кн. П. А. Вяземскій (см. соч., I, 321—322) полагаетъ, что эта эпиграмма была написана Пушкинымъ въ отместку за его, несовсѣмъ благопріятный, отзывъ о «Цыганахъ».]

Д В И Ж Е Н І Е.

Движенья нѣтъ, сказали мудрецъ брадатый.
Другой смолчалъ и сталъ предъ нимъ ходить.
Сильнѣе бы не могъ онъ возразить:
Хвалили всѣ отвѣтъ замысловатый.
Но, господа, забавный случай сей
Другой примѣръ на память мнѣ приводитъ:
Вѣдь каждый день предъ нами солнце ходитъ,
Однакожь правъ упрямый Галилей.

[Къ этому стихотворенію Пушкинъ сдѣлалъ слѣдующую приписку, которая и послужила для него темою: «On a admiré le cynique qui marcha devant celui qui niait le mouvement. Le soleil fait tous les jours la même chose que Diogène, mais ne persuade personne.»]

Д Р У Ж Б А.

Что дружба? Легкій пылъ похмѣлья,
Обиды вольный разговоръ,
Обмѣнъ тщеславія, бездѣлья,
Иль покровительства поворъ.

СОЛОВЕЙ И КУКУШКА.

Въ лѣсахъ, во мракѣ ночи праздной,
Весны пѣвецъ разнообразный
Урчить, и свищетъ, и гремитъ;
Но безтолковая кукушка,
Самолюбивая болтушка,
Одно куку свое твердить.
И эхо вслѣдъ за нею тоже:
Накуковали намъ тоску.
Хоть убѣжать! Избавь насъ, Боже,
Отъ элегическихъ куку!

[Ср. письмо Баратынскаго къ Пушкину, въ Соч. Бар., изд. 1885, стр. 505.]

С О В Ѣ Т Ъ.

Повѣрь: когда слѣпней и комаровъ
Вокругъ тебя летаетъ рой журнальный,
Не разсуждай, не трать учтивыхъ словъ,
Не возражай на пискъ и шумъ нахальный:
Ни логивой, ни вѣсомъ, милый другъ,
Никакъ нельзя смирить ихъ родъ упрямый;
Сердиться грѣхъ — но замахнишь и вдругъ
Прихлопни ихъ проворно эпиграммой.

ПОСЛѢДНІЕ ЦВѢТЫ.

(Въ альбомѣ Л. А. Росиповой).

Цвѣты послѣдніе милѣй
 Роскошныхъ первенцевъ полей.
 Они унылыя мечтанья
 Живѣе пробуждаютъ въ насъ:
 Такъ иногда разлуки часъ
 Живѣе самаго свиданья.

16 октября 1825.

19 ОКТЯБРЯ 1825.

1.

Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ;
 Сребритъ морозъ увянувшее поле;
 Проглянетъ день, какъ будто поневолѣ,
 И скроется за край окружныхъ горъ.
 Пылай, каминъ, въ моей пустынной кельѣ;
 А ты, вино, осенней стужи другъ,
 Пролей мнѣ въ грудь отрадное похмѣлье,
 Минутное забвенье горькихъ мукъ *).

*) Далѣе въ рукописи слѣдовало:

Товарищи, сегодня праздникъ нашъ,
 Завѣтнй срокъ! сегодня тамъ, далече,
 На пиръ любви, на сладостное вѣче
 Стеклися вы. При звонѣ мирныхъ чашъ
 Вы собрались, мгновенно молодѣя,
 Усталый духъ въ минувшемъ обновить,
 Поговорить на языкѣ Лицея
 И съ жизнью вновь свободно пошालить.

На пиръ любви душой стремлюся я...
 Вотъ вижу васъ, вотъ милыхъ обнимаю,
 И праздника порядковъ учреждаю...
 Я вдохновенъ... О, слушайте, друзья:
 Чтобъ тридцать мѣстъ насъ ожидали снова!
 Садитесь, какъ вы сажались тамъ,
 Когда мѣста, въ тѣни святого крова,
 Отличіе предписывало намъ.

Спартанскою душой плѣняя насъ,
 Воспитанный суровою Минервой,

2.

Печаленъ я: со мною друга нѣтъ,
 Съ кѣмъ долгую запыль бы я разлуку,
 Кому бы могъ пожать отъ сердца руку
 И пожелать веселыхъ много дѣтъ.
 Я пью одинъ; вотще воображенье
 Вокругъ меня товарищей зоветъ;
 Знакомое не слышно приближенье,
 И милого душа моя не ждетъ.

3.

Я пью одинъ, и на берегахъ Невы
 Меня друзья сегодня именуютъ...
 Но многіе ль и тамъ изъ васъ пируютъ?
 Еще кого не досчитались вы?
 Кто измѣнилъ плѣнительной привычекъ?
 Кого отъ васъ увлекъ холодный свѣтъ?
 Чей гласъ умолкъ на братской переключкѣ?
 Кто не пришелъ? Кого межъ вами нѣтъ?

4.

Онъ не пришелъ, кудрявый нашъ пѣвецъ,
 Съ огнемъ въ очахъ, съ гитарой сладкогласной:
 Подъ миртами Италіи прекрасной
 Онъ тихо спитъ, и дружескій рѣвецъ
 Не начерталъ надъ русскою могилой
 Словъ нѣсколько на языке родномъ,
 Чтобъ нѣкогда нашелъ привѣтъ унылый
 Сынъ сѣвера, бродя въ краю чужомъ *).

Пускай опять Вольховскій сядетъ первый,
 Последнимъ я, иль Брогльо, иль Данзасъ;
 Но многіе не явятся межъ нами...
 Пускай, друзья, пустьъветъ мѣсто ихъ.
 Они придутъ! конечно, надъ водами,
 Иль на холмѣ, подъ сѣнью липъ густыхъ,

Они твердятъ томительный урокъ,
 Или романъ украдкой пожираютъ,
 Или стихи влюбленные слагаютъ,
 Забывъ межъ тѣмъ полуденный звонокъ.
 Они придутъ! за правдные приборы
 Усядутся; наполнять свой стаканъ;
 Въ нестройный хоръ сольются разговоры,
 И загремитъ веселый нашъ пенакъ.

*) Н. А. Корсаковъ.

5.

Сидишь ли ты въ кругу своихъ друзей,
 Чужихъ небесъ любовникъ безпокойный?
 Иль снова ты проходишь тропикъ знойный
 И вѣчный ледъ полуночныхъ морей?
 Счастливый путь!.. съ лицейскаго порога
 Ты на корабль перешагнулъ пути,
 И съ той поры въ моряхъ твоя дорога,
 О волнъ и буръ любимое дитя! *)

6.

Ты сохранилъ въ блуждающей судьбѣ
 Прекрасныхъ лѣтъ первоначальны нравы:
 Лицейскій шумъ, лицейскія забавы
 Средь бурныхъ волнъ мечталися тебѣ;
 Ты простиралъ изъ-за моря намъ руку,
 Ты насъ однихъ въ молодой душѣ носилъ
 И повторялъ: на долгую разлуку
 Насъ тайный рокъ, быть можетъ, осудилъ! **)

7.

Друзья мои, прекрасенъ нашъ союзъ!
 Онъ, какъ душа, нераздѣлимъ и вѣченъ—
 Неколебимъ, свободенъ и безпеченъ,
 Сростался онъ подъ сѣнью дружныхъ музъ.
 Куда бы насъ ни бросила судьбина,
 И счастье куда бъ ни повело,
 Все тѣ же мы: намъ цѣлый мiръ чужбина;
 Отечество намъ Царское Село.

8.

Изъ края въ край преслѣдуемъ гройды,
 Запутанный въ сѣтяхъ судьбы суровой,
 Я съ трепетомъ на лоно дружбы новой,
 Уставъ, приникъ ласкающей главой...
 Съ мольбой моей печальной и мятежной,
 Съ довѣрчивой надеждой первыхъ лѣтъ,

*) О. О. Матюшкинъ, впоследствии—адмиралъ (ум. 1872).

**) Эти слова взяты изъ прощальной пѣсни лицейскихъ воспитанниковъ, сочиненной бар. Дельвигомъ и начинающейся словами: «Шесть лѣтъ минуло, какъ мечтанье.»

Друзьямъ инымъ душой предался нѣжной;
Но горекъ былъ небратскій ихъ привѣтъ.

9.

И нынѣ здѣсь, въ забытой сей глуши,
Въ обители пустынныхъ вьюгъ и клада,
Мнѣ сладкая готовилась отрада:
Троихъ изъ васъ, друзей моей души,
Здѣсь обнялъ я. Поэта домъ опальный,
О Пушкинъ мой, ты первый посѣтилъ;
Ты усладилъ изгнанья день печальный,
Ты въ день его лица превратилъ!*)

10.

Ты, Горчаковъ, счастливецъ съ первыхъ дней,
Хвала тебѣ—Фортуны блескъ холодный
Не измѣнилъ души твоей свободной:
Все тотъ же ты для чести и друзей.
Намъ разный путь судьбой назначенъ строгой;
Ступая въ жизнь, мы быстро разошлись,
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встрѣтились и братски обнялись.

---

*) Пушкинъ былъ въ Михайловскомъ 11 января 1825 г.—Далѣе въ рукописи слѣдовало:

Мы вспомнили, какъ Вязьму приносили
Безмолвную мы жертву въ первый разъ,
Какъ мы одну всѣ трое полюбили—
Наперсники, товарищи проказы!..
И все прошло—проказы, заблужденья!
Ты освятилъ тобой избранный санъ,
Ему въ очахъ общественнаго мнѣнья
Завоевалъ почтеніе гражданъ.

[Пушкинъ былъ судьей въ уголовномъ департаментѣ московскаго надворнаго суда.]

Потомъ четыре послѣдніе стиха были исключены, а первые перенесены во вторую половину строфы, и она начиналась обращеніемъ къ Малиновскому:

Что жъ я тебя не встрѣтилъ тутъ же съ нимъ,
Ты, нашъ казакъ, и пылкій, и неглобный,
Зачѣмъ и ты моей сѣни надгробной
Не оварилъ присутствіемъ своимъ?
Мы вспомнили бъ и пр.

11.

Когда постигъ меня судьбины гнѣвъ,
 Для всѣхъ чужой, какъ сирота бездомный
 Подъ бурю главою поникъ я томной,
 И ждалъ тебя, вѣщунъ пермесскихъ дѣвъ.
 И ты пришелъ, сынъ лѣни вдохновенный,
 О Дельвигъ мой! твой голосъ пробудилъ
 Сердечный жаръ, такъ долго усыпленный,
 И бодро я судьбу благословилъ.

12.

Съ младенчества духъ пѣсенъ въ насъ горѣлъ
 И дивное волненье мы познали;
 Съ младенчества двѣ музы къ намъ летали,
 И сладокъ былъ ихъ лаской нашъ удѣлъ;
 Но я любилъ уже рукоплесканья,—
 Ты, гордый, пѣлъ для музъ и для души;
 Свой даръ, какъ жизнь, я тратилъ безъ вниманья,—
 Ты гений свой воспитывалъ въ тиши.

13.

Служенье музъ не терпитъ суеты:
 Прекрасное должно быть величаво;
 Но юность намъ совѣтуетъ лукаво,
 И шумныя насъ радуютъ мечты...
 Опомнися—но прздно! и уныло
 Глядимъ навадъ, слѣдовъ не видя тамъ.
 Скажи, Вильгельмъ *), не то ль и съ нами было,
 Мой братъ родной по музѣ, по судьбамъ?

14.

Пора, пора! душевныхъ нашихъ музъ
 Не стоить мѣрь; оставимъ заблужденья!
 Сокроемъ жизнь подъ сѣнь уединенья!
 Я жду тебя, мой запоздалый другъ —

---

*) Кюхельбекеръ.

Приди: огнемъ волшебнаго разсказа
 Сердечныя преданья оживи;
 Поговоримъ о бурныхъ дняхъ Кавказа,
 О Шиллерѣ, о славѣ, о любви.

15.

Пора и мгнѣ... пируйте, о друзья!
 Предчувствую отрадное свиданье;
 Запомните жъ поэта предсказанье:
 Промчится годъ—и съ вами снова я!
 Исполнится завѣтъ моихъ мечтаній;
 Промчится годъ — и я явлюся къ вамъ!
 О, сколько слезъ, и сколько восклицаній,
 И сколько чашъ, подъятыхъ къ небесамъ!

16.

И первую полнѣй, друзья, полнѣй!
 И всю до дна въ честь нашего союза!
 Благослови, ликующая муза,
 Благослови: да здравствуетъ Лицей! *)
 Наставникамъ, хранившимъ юность нашу,
 Всѣмъ честію, и мертвымъ, и живымъ,
 Къ устамъ подъявъ признательную чашу,
 Не помня зла, за благо воздадимъ.

*) Далѣе слѣдовало:

Златые дни, уроки и забавы,
 И черный столъ, и бунты вечеровъ,
 И нашъ словарь, и плески мирной славы,
 И критики лицейскихъ мудрецовъ!

О, други, съ мѣстъ! вторую наливайте!
 Полнѣй, полнѣй — и сердцемъ возгоря,
 Опять до дна, до капли выпивайте,
 Но за кого жъ?.. О, други! угадайте?
 Ура, нашъ Царь! Такъ выпьемъ за Царя!
 Онъ человекъ, имъ властвуетъ мгновенье;
 Онъ рабъ молвы, сомнѣнья и страстей;
 Но, такъ и быть, простимъ ему гоненье:
 Онъ взялъ Парижъ, и содалъ нашъ Лицей.

Куняцину дань сердца и вина!
 Онъ содалъ насъ, онъ воспиталъ нашъ пламень...
 Поставленъ имъ краеугольный камень,
 Имъ чистая лампада возжена...

17.

Пируйте же, пока еще мы тутъ!
 Увы, нашъ кругъ часъ отъ часу рѣдѣеть;
 Кто въ гробѣ спитъ, кто дальный сиротѣеть;
 Судьба глядитъ, мы вянемъ; дни бѣгутъ;
 Невидимо склоняясь и хладѣя,
 Мы близимся къ началу своему...
 Кому жъ изъ насъ подѣ старость день Лицея
 Торжествовать придется одному?

18.

Несчастный другъ! средь новыхъ поколѣннй
 Докучный гость, и лишнй, и чужой,
 Онъ вспомнить насъ и дни соединенй,
 Закрывъ глаза дрожащею рукой...
 Пускай же онъ съ отрадой хоть печальной
 Тогда сей день за чашей проведетъ,
 Какъ нынѣ я, затворникъ вашъ опальный,
 Его провелъ безъ горя и заботъ.

[При печатаніи этого стихотворенія въ «Сѣв. Цвѣтахъ» 1827 г. Пушкинымъ было откинуто нѣсколько строфъ, которыя мы привели въ подстрочныхъ выноскахъ. Упоминаемая въ этихъ строфахъ подробности лицейской жизни требуютъ нѣкоторыхъ поясненій. Тридцать мѣстъ указываютъ на число воспитанниковъ перваго (пушкинскаго) выпуска; собственно, ихъ было 29, за удаленіемъ одного изъ товарищей Пушкина еще до окончанія курса. За столомъ воспитанники сидѣли по поведенію; первое мѣсто занималъ Вл. Дм. Вольховскій, получившій при выпускѣ изъ Лицея первую золотую медаль (впоследствии онъ былъ начальникомъ штаба на Кавказѣ и умеръ въ 1841 г.). Ему приписана спартанская душа, потому что онъ добровольно налагалъ на себя всякія лишенія, напр., по цѣлымъ днямъ не ѣлъ и не пилъ, и т. п. Черный столъ находился въ столовой отдѣльно отъ общаго стола и служилъ трапезою наказанныхъ. Словарь составлялся воспитанниками и заключалъ въ себѣ характеристики воѣхъ лицъ, принадлежавшихъ къ составу Лицея. Лицейскій Мудрецъ—заглавіе называвшагося лицейскими рукописнаго журнала. См. статью Я. К. Грота: «Первенцы Лицея и его преданія», въ Складчикѣ 1874, стр. 339—376.

Александръ Петровичъ Куницынъ (1783—1840), одинъ изъ талантливейшихъ и образованнѣйшихъ преподавателей своего времени, занималъ въ Лицеѣ съ 1811 по 1816 г. катедру нравственной философіи и правовѣдѣнія. Изъ его сочиненій извѣстны: «Наставленіе воспитанникамъ, читанное при открытіи Царскосельскаго Лицея», Спб. 1811; «Изображеніе взаимной связи государственныхъ свѣдѣній», Спб. 1817, и «Право естественное», 2 ч., Спб. 1818—20. Последнее сочиненіе было осуждено къ сожженію и авторъ былъ преданъ за него суду. См. Селезнева, Историч. очеркъ Алекс. Лицея, Спб. 1861, стр. 122—127, и Гаевскаго, Пушкинъ въ Лицеѣ, Совр. 1863, № 7, стр. 135.]

ИЗЪ А. ШЕНЬЕ.

Покровъ, упитанный язвительною кровью,
 Кентавра мстящій даръ, ревнивою любовью
 Алкиду переданъ. Алкидъ его пріялъ.
 Въ божественной крови ядъ быстрый побѣждалъ.
 Се — ярый мученикъ, въ ночи скитаясь, воетъ;
 Стопами тяжкими вершину Эты роетъ;
 Гнетъ, ломить древесна; исторженные пни
 Высоко громоздитъ; его рукой они
 Въ костеръ навалены; онъ ихъ зажегъ; онъ всходитъ;
 Недвижимъ на кострѣ, онъ въ небо взоръ возводитъ.
 Подъ мышцей палица, въ ногахъ немейскій левъ
 Разостланъ. Дунуль вѣтръ; поднялся свистъ и ревъ;
 Трещи, горитъ костеръ, и вскорѣ пламя, воя,
 Уноситъ къ небесамъ безсмертный духъ героя.

1825.

[Довольно близкій переводъ стихотворенія Шенье: «Oeta, mont ennoblî par cette nuit ardente.»]

ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ.

Буря мглою небо кроетъ,
 Вихри свѣжныя крутя:
 То какъ звѣрь она завоеетъ,
 То заплачетъ какъ дитя,
 То по кровлѣ обветшалой
 Вдругъ соломой зашумитъ,
 То, какъ путникъ запоздалый,
 Къ намъ въ окошко застучитъ.

Наша ветхая лачужка
 И печальна, и темна.
 Что же ты, моя старушка,
 Приумолкла у окна?
 Или бури завываньемъ
 Ты, мой другъ, утомлена,
 Или дремлешь подъ жуужаньемъ
 Своего веретена?

Выпьемъ, добрая подружка
 Бѣдной юности моей,
 Выпьемъ съ горя; гдѣ же кружка?
 Сердцу будетъ веселѣй.
 Спой мнѣ пѣсню, какъ синица
 Тихо за моремъ жила;
 Спой мнѣ пѣсню, какъ дѣвица
 За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроетъ,
 Вихри снѣжные крутя:
 То какъ звѣрь она завоетъ,
 То заплачетъ какъ дитя.
 Выпьемъ, добрая подружка
 Бѣдной юности моей,
 Выпьемъ съ горя; гдѣ же кружка?
 Сердцу будетъ веселѣй!

1825.

~~~~~

Н. Н.

При посылкѣ ей Невскаго Альманаха.

Примите Невскій Альманахъ,
 Онъ милъ и въ провѣ, и въ стихахъ:
 Вы тутъ найдете Полевова,
 Великопольскаго, Хвостова;
 Княжевичъ, дальній вашъ родня,
 Украсилъ также книжку эту;
 Но не найдете вы меня:
 Мои стихи скользнули въ Лету.
 Что слава міра?.. Дымъ и прахъ.
 Ахъ, сердце ваше мнѣ дороже!..
 Но, кажется, мнѣ трудно тоже
 Попасть и въ этотъ альманахъ.

[«Невскій Альманахъ» издавался, начиная съ 1825 г., Ег. Вас. Аладьинымъ († 1860). Дм. Макс. Княжевичъ, печатавшій свои статьи въ разныхъ журналахъ и составившій, между прочимъ, «Полное собраніе русскихъ пословицъ» (Спб. 1822), издавалъ «Библіотеку для Чтенія» при «Сынѣ Отечества» 1822—24. Ив. Ерм. Велікодольскій († 1868)—авторъ «Сатиры на игроковъ», вызвавшей посланіе Пушкина 1828 г.]

~~~~~

КЪ БАРАТЫНСКОМУ.

Стихъ каждый повѣсти твоей
Звучить и блещеть какъ червонецъ.
Твоя чухоночка, ей-ей,
Гречанокъ Байрона милѣй,
А твой зоиль — прямой чухонецъ.

[Написано по поводу поэмы Баратынскаго: «Эда» и неблагоприятныхъ отзывовъ о ней критики. Ср. V, 154.]

Б У Р Я.

Ты видѣль дѣву на скалѣ,
Въ одеждѣ бѣлой, надъ волнами,
Когда, бушуя въ бурной мглѣ,
Играло море съ берегами,
Когда лучъ молній озарялъ
Ее всечасно блескомъ алымъ,
И вѣтеръ бился и леталъ
Съ ея летучимъ покрываломъ?

Прекрасно море въ бурной мглѣ,
И небо въ блескахъ, безъ лазури;
Но вѣрь мнѣ: дѣва на скалѣ
Прекраснѣй волнъ, небесъ и бури.

Н. С. МОРДВИНОВУ.

(Отрывокъ).

Подъ хладомъ старости угрюмо угасалъ
Единый изъ сѣдыхъ орловъ Екатерины.
Въ крылахъ отяжелѣвъ, онъ небо забывалъ
И Пинда острыя вершины.

Въ то время ты вставалъ; твой лучъ его согрѣлъ:
Онъ поднялъ къ небесамъ и крылья, и зѣницы —

И съ шумной радостью взыгралъ и полетѣлъ
Во срѣтенье твоей денницы.

Мордвиновъ! не вотще Петровъ тебя любилъ:
Тобой гордится онъ и на брегахъ Коцита.
Ты лиру оправдалъ: ты вѣкъ не измѣнилъ
Надеждамъ вѣщаго пѣта!..

Какъ славно ты сдержалъ пророчество его!
Сіяя доблестью, и славой, и наукой,
Въ совѣтахъ, недвижимъ у мѣста своего,
Стоишь ты, новый Долгорукой!

Такъ, въ пѣну волнъ съ вершины горъ скатясь,
Стоить сѣдой утесъ. Вотще берега трепещуть,
Вотще грохочетъ громъ, и волны вокругъ мутясь
И увиваются, и плещуть.

Одинъ на рамена подъявши мощный трудъ,
Ты зорко бодрствуешь надъ царскою казною;
Вдовицы бѣдный лептъ и дань сибирскихъ рудъ
Равно священны предъ тобою...

[Николай Семеновичъ Мордвиновъ (адмиралъ, впоследствии графъ, 1754—1845), известный своими замѣчательными мнѣніями и докладами по разнымъ юридическимъ и экономическимъ вопросамъ, отличавшимися просвѣщеннымъ взглядомъ на нужды Россіи, былъ въ то время, къ которому относится это стихотвореніе, однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ государственнаго совѣта. По словамъ Пушкина въ одномъ письмѣ къ кн. Вяземскому, Мордвиновъ «включалъ въ себя одною всю русскую оппозицію.» Подробная его біографія составлена В. С. Иконниковымъ («Графъ Н. С. Мордвиновъ, историч. монографія», Спб. 1873). Вас. Петр. Петровъ (1733—1799), стихотворецъ екатеринскихъ временъ, написалъ въ 1796 г. оду «Его Высокопревосходительству адмиралу Н. С. Мордвинову» (Соч. Петрова, М. 1811, II, 182), въ которой, между прочимъ, говорить:

Твоя, о другъ, еще во цвѣтѣ раннемъ младость,
Обильный обѣщая плодъ,
Лила во мысли мнѣ живу, предвѣстну радость:
Ты будешь отчества оплотъ!
Свершеніе надежды
Моими зря днесъ вѣжды
И славу сбытія,
Не возыграю-ль я?

Объ этой одѣ П. А. Плетневъ напечаталъ въ Трудахъ воли. общ. люб. рос. слов. 1824 г. особую статью (см. его Соч., I, 121); онъ же посвятилъ Мордвинову большое стихотвореніе «Долгъ гражданина», (Соч., III, 300).

О Петровѣ см. статью И. А. Шляпкина въ Ист. Вѣстн. 1885, № 11, стр. 381—405.]

ПЕРЕВОДЫ.

I.

Изъ Ариостова Orlando Furioso.

(Пѣснь XXIII, октавы 100—112).

100.

Предъ рыцаремъ блестить вода,
Ручей прозрачнѣ стекла.
Природа милыми цвѣтами
Тѣнистый берегъ убрала
И обсадила древесами.

101.

Луга палить полдневный зной,
Пастухъ убогій спить у стада;
Усталъ подъ латами герой:
Его манить ручья прохлада.
Здѣсь мыслить онъ найти покой.
О черный день, о день несчастный!
Приютъ несносный и ужасный
Онъ здѣсь нашель...

102.

Гуляя, онъ на деревьяхъ
Повсюду надписи встрѣчаетъ;
Онъ съ изумленьемъ въ сихъ чертахъ
Знакомый почеркъ замѣчаетъ.
Невольный страхъ его влечетъ:
Онъ ружу милой узнаетъ.
И въ самомъ дѣлѣ, въ жаръ полдневный,
Медоръ съ Китайскою царевной
Изъ хаты пастыря сюда
Самъ-другъ являлся иногда.

103.

Орландъ ихъ имена читаетъ,
Соединенны вензелѣмъ;
Ихъ буква каждая гвоздемъ

Герою сердце пробиваетъ.
 Стараясь горестъ усыпить,
 Онъ самъ съ собою лицемѣритъ,
 Не вѣрить хочетъ онъ, хотъ вѣрить:
 Онъ силится вообразить,
 Что вензеля въ сей роцѣ дикой
 Начертаны всѣ, можетъ быть,
 Другой, не этой Анджеликой.

104.

Но вскорѣ, витязь, молвилъ ты:
 «Однакожь, эти мнѣ черты
 Знакомы очень... разумѣю:
 Медоръ сей выдуманъ лишь ею.
 Подъ этимъ прозвищемъ меня
 Царевна славилъ, быть можетъ...»
 Такъ, басней правду замѣня,
 Онъ мыслить, что судьбѣ поможетъ.

105.

Но чѣмъ онъ болѣе хитритъ,
 Чтобъ утушить свое мученье,
 Тѣмъ пуще злое подозрѣнье
 Возобновляется, горитъ.
 Такъ въ сѣткѣ птичка, другъ свободы,
 Чѣмъ больше бьется, тѣмъ сильнѣй,
 Тѣмъ крѣпче путается въ ней;
 Орландъ идетъ туда, гдѣ своды
 Гора склонила на ручей.

106.

Кривой, бродящей повиликой
 Завѣшонъ берегъ тѣнистыхъ волнь.
 Медоръ съ прелестной Анджеликой
 Любили здѣсь, у свѣжихъ водъ,
 Въ день жаркій, въ тихій часъ досуга,
 Дышать въ объятіяхъ другъ друга.
 И здѣсь ихъ имена кругомъ
 Древа и камни сохраняли:
 Ихъ мѣломъ, углемъ иль ножомъ
 Вездѣ счастливыцы написали.

107.

Туда пѣшкомъ печальный графъ
Идетъ, и надъ пещерой темной
Зритъ надпись — въ похвалу забавъ.
Медоръ ее рукою томной
Въ тѣ дни стихами начерталь —
Стихи, чувствъ нѣжныхъ вдохновенье,
Онъ по-арабски написалъ —
И вотъ ихъ точное значенье:

108.

«Цвѣты, луга, ручей живой,
Счастливыи гротъ, прохладны тѣни —
Приютъ любви, забавъ и лѣни,
Гдѣ съ Анджеликой молодой,
Съ прелестной дочерью Голофрона,
Любимой многими — порой
Я зналъ утѣхи Купидона!..
Чѣмъ, бѣдный, васъ я награжу,
Такъ часто вами охраненный?
Однимъ лишь только услужу —
Хвалою и просьбою смиренной!

109.

«Господь любовниковъ молю,
И дамъ, и рыцарей вельможныхъ,
Пришельцевъ здѣшнихъ или дорожныхъ,
Которыхъ въ сторону сію
Фортуна заведетъ случайно,
На воды, лугъ, на тѣнь и лѣсъ,
Зовите благодать небесъ:
Чтобъ нимфы ихъ любили тайно,
Чтобъ пастухи къ нимъ никогда
Не гнали жадныя стада.»

110.

Графъ точно такъ, какъ по-латынѣ,
Зналъ по-арабски; онъ не разъ
Спасался тѣмъ отъ злыхъ проказъ,
Но отъ бѣды не спасся нынѣ!

111.

Два, три разà, и пять, и шесть
 Онъ хочетъ надпись перечестъ;
 Несчастнй силится напрасно
 Сказать, что нѣтъ того, что есть.
 Онъ правду видитъ [очень] ясно
 И нестерпимая тоска,
 Какъ бы холодная рука,
 Сжимаетъ сердце въ немъ ужасно —
 И наконецъ на свой позоръ
 Вперилъ онъ равнодушнй взоръ.

112.

Готовъ онъ въ горести безгласной
 Лишиться чувствъ, оставить свѣтъ;
 Ахъ, вѣрите мнѣ, что муки нѣтъ,
 Подобной мукѣ сей ужасной!
 На грудь опершись бородой,
 Склонивъ чело, убитый, блѣдный,
 Найти не можетъ рыцарь бѣдный
 Ни вопля, ни слезы одной.

[См. Анненкова, Мат., 159.]

II.

Съ португальскаго.

Тамъ звѣзда зари взошла,
 Пышно роза процвѣла:
 Это время насъ, бывало,
 Другъ ко другу призывало.

На постелѣ пуховой
 Дѣва сонною рукой
 Протирала томны очи,
 Удаляя грезы ночи,

И являлася она
 У дверей, иль у окна,

Ранней звѣздочки свѣтлѣ,
Розы утренней свѣжѣ.

Лишь ее завизжу я,
Мнилось, легче вкругъ меня
Воздухъ утренній струился;
Я вольнѣ становился.

Я красавицы моей,
Межъ овецъ деревни всей,
Зналъ любимую овечку
И водилъ ее на рѣчку,

На тѣнистые брега,
На зеленые луга;
Я поилъ ее, лелѣяль,
Передъ ней цвѣточки сѣяль.

Дѣва издали ко мнѣ
Приближалась въ тишинѣ,
И я пѣлъ, ее встрѣчая,
Пѣлъ, гитарою бряцаая.

Дѣвы радости моей
Нѣтъ—на свѣтѣ нѣтъ милѣй!
Кто посмѣетъ подѣ луною
Спорить въ счастіи со мною?

Не завидую царямъ,
Не завидую богамъ,
Какъ увижу очи томны,
[Тонкій] станъ и косы темны.

Такъ я пѣлъ, бывало, ей
И красавицы моей
Сердце пѣснью любовалось...
Но блаженство миновалось!

Гдѣ красавица моя?
Одинокій плачу я,
Замѣнили пѣсни нѣжны
Стонъ и слезы безнадежны.

(Gonzago).

III.

Начало I-й пѣсни «Дѣвственницы».

Я не рожденъ святыню славословить,
 Мой слабый гласъ не взыдетъ до небесь;
 Но долженъ васъ я нынѣ приготовить
 Къ услышанью Иоанниныхъ чудесь.
 Она спасла французскія лилеи,
 Въ бояхъ ея дѣвической рукой
 Поражены заморскіе злодѣи;
 Могучею блистая красотой,
 Она была подъ юбкою герой.
 Я признаюсь, вечернею порой
 Милѣ мнѣ смиренная дѣвица,
 Послушная, какъ агнецъ полевой;
 Иоанна же была душою львица,
 Среди трудовъ и бранныхъ непогодъ
 Являлася всѣхъ витязей славѣ
 И — что всего чудеснѣе, труднѣе, —
 Цвѣтъ дѣвственный хранила круглый годъ.

О ты, пѣвецъ сей чудотворной дѣвы,
 Съдой пѣвецъ, чьи хриплые нагѣвы,
 Нестройный умъ и чудотворный вкусъ
 Въ былые дни бѣсили нѣжныхъ музъ,
 Хотѣлъ бы ты, о стихотворецъ хилый,
 Почтить меня скрипицею своей,
 Да не хочу. Отдай ее, мой милый,
 Комунибудь изъ модныхъ риемачей.

[Первые 17 стиховъ этого отрывка представляютъ довольно близкій переводъ начала поэмы Вольтера «Pucelle d'Orléans». Далѣе слѣдуетъ обращеніе къ самому Вольтеру.]

~ ~ ~ ~ ~

ПѢСНИ, ЗАПИСАННЫЯ ПУШКИНЫМЪ.

1.

Какъ за церковью, за нѣмецкою,
 Добрый молодець Богу молится:
 «Какъ не дай, Боже, хорошу жену:
 Хорошу жену — въ честной пиръ зовуть,
 Меня молодца не примолвили;
 Мою жену — въ новы саночки,
 Меня молодца на запяточки;
 Мою жену — на широкій дворъ,
 Меня молодца за вороточки.»

2.

Во лѣсахъ дремучихъ
 Тутъ брала дѣвка ягоды,
 Брамши-то она въ лѣсу заблудилася;
 Заблудимши, она приаукнулася:
 «Ты ау, ау, мой любезный другъ,
 Мой любезный другъ, жизнь-душа моя!»
 — Ужь я радъ бы тебѣ откликнулся, —
 За мной ходять трое сторожей:
 Первый сторожь — родимый батюшка,
 Второй сторожь — моя матушка,
 А третій сторожь — молода жена! —

3.

Изъ цикла легендъ о Стенькѣ Разинѣ.

Во городѣ то было во Астрахани,
 Проявился дѣтина, незнамой человекъ:
 Онъ щеголемъ по городу похаживаетъ,
 Черный бархатный кафтанъ на размашечку надѣтъ,
 Черна шляпа пуховая на его русыхъ кудряхъ,
 Свой персидскій кушачекъ во правой рукѣ несетъ.
 Онъ боярамъ государевымъ не кланяется,
 Къ астраханскому воеводѣ подь судъ нейдетъ.

Какъ увидѣлъ молодца воевода со крыльца,
 Закричалъ онъ, воевода, громкимъ голосомъ своимъ:
 — «Ой, есть ли у меня слуги вѣрны молодцы?
 Вы сходите, приведите удалого молодца.»
 Какъ поймали молодца во царевѣ кабацѣ,
 Приводили удалого къ воеводѣ на дворъ;
 А какъ сталъ воевода его спрашивати:
 — «Ты скажи, скажи, дѣтина, незнамой человѣкъ!
 Чьего рода, чьего племени, чей отеческій сынъ?
 Иль изъ нашего городу изъ Астрахани,
 Или со Дону казакъ, иль казацкій сынъ?»
 — «Я не съ вашего городу, не съ Астрахани,
 Я не со Дону казакъ, не казацкій сынъ.
 Я со Камы со рѣки, Сеньки Разина сынокъ.
 Взялся батюшка у васъ завтра въ гости побывать:
 Ты умѣй его принять, умѣй подчивати.»
 Разсердился воевода на удалого молодца,
 Закричалъ тутъ воевода громкимъ голосомъ своимъ:
 — «Что есть ли у меня слуги вѣрны молодцы?
 Вы возьмите, отведите удалого молодца,
 Посадите удалого въ бѣлу-каменну тюрьму.»

* *
*

Какъ на утренней зарѣ, вдоль по Камѣ по рѣкѣ,
 Вдоль по Камѣ по рѣкѣ легка лодочка идетъ,
 Во лодочкѣ гребцовъ ровно двѣсти молодцовъ,
 Посреди лодки хозяинъ, Сенька Разинъ атаманъ.
 Закричалъ тутъ атаманъ громкимъ голосомъ своимъ:
 «А мы счерпнемте воды изо Камы со рѣки.»
 Мы исчерпнули воды изо Камы со рѣки,
 Припечалился хозяинъ, Сенька Разинъ атаманъ:
 «Знать-то знать, что мой сыночекъ во неволюшкѣ сидитъ,
 Во неволюшкѣ сидитъ, въ бѣлокаменной тюрьмѣ.»
 — «Не печалься, нашъ хозяинъ, Сенька Разинъ атаманъ:
 Бѣлокаменну тюрьму по кирпичику разберемъ,
 Твоего милаго сыночка изъ неволи уведемъ,
 Астраханскаго воеводу подѣ судъ возьмемъ.»

[Въ рукописи Пушкинъ замѣнилъ словомъ воевода прежде написанное: губернаторъ.]

4.

Изъ быта поволжскихъ разбойниковъ.

Во славномъ городѣ во [Кіевѣ],
 У славнаго царя у Владиміра
 Жила-была молода вдова;
 У вдовушки было девять сыновъ —
 Десятая дочь любезная:
 Поили, кормили, пелегали. *)
 Девять сыновъ подъ разбой пошли,
 Десятую дочь замужъ выдали,
 По край моря, за Марьянина.
 Они прижили малаго дѣтища;
 Она годъ живетъ и другой живетъ,
 На третій годъ стосковалася.
 Стала она Марьянина въ гости звать:
 «Пойдемъ, Марьянинъ-свѣтъ,
 Ты къ тещѣ, а я къ матери,
 Ты къ шурьямъ, а я къ милымъ братьямъ.»
 Они день идутъ и другой идутъ —
 На третій день становилися,
 Нарубили огонечекъ малешенекъ,
 Пустили дымочекъ тонешенекъ;
 Напали воры-разбойники,
 Они Марьянина зарѣзали,
 Марьянинка въ воду бросили,
 Марьянинку во полонъ взяли...
 Какъ всѣ-то разбойнички стали пить и ѣсть,
 Одинъ-то разбойничекъ не пьетъ, не ѣсть —
 Не пьетъ, не ѣсть, Богу молится.
 Всѣ разбойнички спать легли,
 Одинъ-то разбойничекъ не спитъ, не лежитъ,
 Не спитъ, не лежитъ, Богу молится.
 И сталь онъ у Марьянинки разспрашивать:
 «Ты скажи, скажи, Марьянинка,
 Съ какого ты села-города,
 И котораго отца-матери?»
 Стала ему Марьянинка рассказывать:
 «У славнаго царя у Владиміра

*) Къ этому слову Пушкинъ приписалъ сбоку: лелѣяли.

Жила-была молода вдова,
 У вдовушки было девять сыновъ —
 Десятая дочь любезная:
 Поили, кормили, пелегали.
 Девять сыновъ подъ разбой пошли,
 Десятую дочь замужъ выдали,
 По край моря, за Марьянина.»
 — «Вставайте, братцы родимые!
 Не Марьянина мы зарѣзали,
 Не Марьянинка въ воду бросили,
 Не Марьянинку во полонъ взяли:
 Мы зарѣзали зятя любезнаго,
 Въ воду бросили племянника,
 Родну сестру взяли во полонъ!»
 Вставали братцы родимые —
 Просили у сестры прощеньица:
 «Отчего ты намъ не сказалася,
 Что ты намъ родна сестра?»
 Пошли... къ родной матушкѣ,
 Становились на колѣнки всѣ
 И просили у нея прощеньица:
 «Прости насъ, родная матушка,
 Не знаяши, зарѣзали зятя любезнаго,
 Въ воду бросили племянника,
 Родну сестру взяли во полонъ!»

[По поводу этихъ пѣсенъ см. замѣтки Я. К. Грота и П. Голохвостова
 въ «Руси» 1861, № 11, 13, 16.]

* * *

Только что на проталинахъ весеннихъ
 Показались ранніе цвѣточки,
 Какъ изъ царства воскового,
 Изъ душистой келейки медовой
 Вылетаетъ первая пчелка.
 Полетѣла по раннимъ цвѣточкамъ
 О красной веснѣ развѣдать:
 Скоро ль будетъ гостя дорогая,
 Скоро ли луга зазеленѣютъ,
 Распустятся клейкіе листочки,
 Зацвѣтетъ черемуха душиста?..

* * *

Колокольчики звенять,
 Барабанчики гремять,
 А люди-то, люди —
 Ай люшеньки-люли! —
 А люди-то, люди
 На цыганочку глядятъ;
 А цыганочка-то пляшетъ,
 Въ барабанчики-то бьетъ,
 И шириночкой-то машетъ,
 Заливается-поетъ:
 «Я пѣвунья, я пѣвица,
 Врожитъ я мастерица.»

* * *

Черный воронъ выбиралъ бѣлую лебедушку, —
 Какъ жениться задумалъ царскій арапъ,
 Межъ боярынь арапъ похаживаетъ,
 На боярышень арапъ поглядываетъ.
 Что выбралъ арапъ себѣ сударушку,
 Черный воронъ — бѣлую лебедушку,
 А какъ онъ, арапъ, чернешенежъ,
 А она-то, душа, бѣлешенька...

[Ср. повѣсть «Арапъ Петра Великаго», IV, 1.]

ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ.

* * *

Стрекотунья бѣлобока
 Подъ калиткою моею
 Скачетъ пестрая сорока
 И пророчитъ мнѣ гостей.
 Колокольчикъ небывалый

У меня звенить въ ухахъ...
 Лучъ зари сіяетъ алый...
 Серебрится снѣжный прахъ...

[Относится, можетъ быть, къ пріѣзду въ Михайловское И. И. Пущина,
 11 января 1825.]

* *
 *

Лишь розы увядаютъ,
 Амвросіей дыша,
 Въ Элизій улетаеъ
 Ихъ легкая душа,
 И тамъ, гдѣ волны сонны
 Забвеніе несутъ,
 Ихъ тѣни благовонны
 Надъ Летою цвѣтутъ...

* *
 *

Пока супругъ тебя, красавицу младую,
 Между шести другихъ еще не заключилъ,
 Ходи къ фонтану близъ могилъ
 И черпай воду ключевую,
 И думай, милая моя:
 Какъ невозвратная струя
 Блестить, бѣжить и исчезаетъ,
 Такъ жизнь и юность убѣгаетъ,
 Въ гаремѣ такъ исчезну я.

* *
 *

Я былъ свидѣтелемъ златой твоей весны;
 Тогда напрасенъ умъ, искусства не нужны
 И самой красотѣ — семнадцать лѣтъ замѣна.
 Но время протекло, настала переѣна,
 Ты приближаешься къ сомнительной порѣ,
 Какъ больше жениховъ въ мечтахъ, чѣмъ на дворѣ,
 Какъ милый [сонъ] твой слухъ обворожаетъ,
 А зеркало сильнѣй грозить и увлекаетъ.
 . . . . . утѣшься и смиришь,
 Отъ милыхъ прежнихъ сновъ заранѣ откажись.

Ищи другихъ побѣдъ; успѣхи предъ тобой;
 Я счастья тебѣ желаю всей душой,
 . . . . . и опытовъ моихъ,
 Мой дидактическій, благоразумный стихъ.

* *
 *

Любимецъ моды легкокрылой,
 Хоть не британецъ, не французъ,
 Ты вновь создалъ, волшебникъ милый,
 Меня, питомца скромныхъ музъ,
 И я смѣюся надъ могилой,
 Ушедъ навѣкъ отъ смертныхъ узъ.
 Себя какъ въ зеркалѣ я вижу,
 Но — чудо! — зеркало мнѣ льститъ.
 Такъ Риму, Дрездену, Парижу
 Извѣстенъ впредъ мой будетъ видъ?
 . . . . .
 Оно гласитъ, что не утрачу
 Пристрастья [вѣрныхъ] Аонидъ.

[Можетъ быть, это посланіе къ лицу, переведшему что-либо изъ сочиненій
 Пушкина.]

* *
 *

Глядитъ на свѣтлые края,
 Глядитъ на синій сводъ небесный
 И на далекіе брега,
 Вѣнчанны чащею древесной...
 Шумитъ кустарникъ... На утесъ
 Олень веселый выбѣгаетъ,
 Недвижимъ, онъ подножный лѣсъ
 Съ вершины острой озираетъ
 И чуткимъ ухомъ шевелить...
 Но вздрогнулъ онъ, — недалній звукъ
 Его коснулся...

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНИЕ I-го ТОМА *).

	СТР.
Предисловіе	I
1812 г.	
Пѣсня	1
Деція	2
Извѣны	—
1814 г.	
Къ сестрѣ	5
Къ другу стихотворцу	8
Кольна. (Подражаніе Оссіану)	12
Эвлега. (Изъ поэмы Парни: Isnel et Asléga)	15
Осгаръ. (Подражаніе Парни)	17
Леда. (Кантата, подражаніе Парни)	20
Венерѣ отъ Лайсы, при посвященіи ей зеркала. (Изъ Вольтера)	22
* Красавицѣ, которая нюхала табакъ	—
Stances. (Княжнѣ Е. М. Горчаковой) :	23
Къ Натальѣ	24
Къ молодой актрисѣ	26
Опытность	28
Блаженство	29
* Пирующіе студенты	31
Къ Ватюшкову	34
Къ Николаю Григорьевичу Ломоносову	37
Романсъ	38
* Mon portrait	39
Городокъ. (Къ ***)	40
Эпиграммы:	
1. Аристъ намъ обѣщаль трагедію такую	51
2. Подражаніе французскому	52
3. Несчастье Клита. (На Кюхельбекера)	—
4. На гр. А. К. Разумовскаго	—

*) Звѣздочкой отмѣчены стихотворенія, напечатанныя въ исправленномъ видѣ; двумя звѣздочками — въ первый разъ являющіяся въ печати.

1815 г.

	СТР.
Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ	53
Казакъ	58
Вишня	60
Бова. (Отрывокъ)	62
Наполеонъ на Эльбѣ	68
Лицинію	71
Къ Александру Ивановичу Галичу	73
Старикъ. (Изъ Марота)	75
Къ Ив. Ив. Пущину	—
Къ Батюшкову	77
Вода и вино	78
Погребъ	79
Воспоминаніе. (Къ Пущину)	—
Мечтатель	81
Князю Александру Михайловичу Горчакову	83
Посланіе къ Галичу	84
Къ Дельвигу	88
Разсудокъ и любовь	90
Сраженный рыцарь	91
* Мое завѣщаніе. (Друзьямъ)	92
* Къ живописцу	94
Роза	95
Гробъ Анакреона. (Изъ Парни)	96
* Посланіе къ Юдину	97
На возвращеніе Государя Императора изъ Парижа, въ 1815 году	103
Къ баронессѣ Марьѣ Антоновнѣ Дельвигъ	105
Моя эпитафія	106
Эпиграмма	—
* Моему Аристарху	—

1816 г.

Фавнъ и пастушка. Картины. (Подражаніе Парни)	110
Къ Морфею. (Изъ Парни)	117
Къ Машѣ. (Сестрѣ Дельвига)	—
Пуншевая пѣсня. (Изъ Шиллера)	118
* Завдравный кубокъ	119
* Усы. Философическая ода	120
Желаніе. (В. Л. Пушкину)	121
Посланіе Лидѣ	122
* Слово милой	124
Лидѣ	—
Амуръ и Гименей. Сказка	—
Истина	126
* Фіаль Анакреона	—
* Наѣздники	127
Посланіе къ князю А. М. Горчакову	130
Сонъ. (Отрывокъ)	132
Къ принцу Оранскому	137
Къ Наташѣ. (Горничной княжны Волконской)	139
Желаніе	—
Осеннее утро	140
Разлука	141

	СТР.
Элегія	142
* Элегія	144
Наслажденіе	—
Окно	145
* Мѣсяцъ	146
Надпись къ бесѣдкѣ	147
Завѣщаніе	—
Къ ней	—
Слеза. (К. П. Бакуниной)	148
Элегія	—
Любовь одна веселье жизни хладной	149
* Подражаніе. Элегія	151
Друзьямъ	152
Пробужденіе	—
Пѣвецъ	153
А. А. Шишкову	154
Боже, царя храни	155
Письмо къ В. Л. Пушкину	156
Къ письму	158
Эпиграммы:	
Скажи, что новаго	—
Больны вы, дядюшка	159
Твой и мой	—
Экспромтъ на А.	—
На Пучкову	—
Надпись на мой портретъ	160
На Кюхельбекера	—
Она	—
Эпитафія	161
На лицейскаго дядьку Сазонова, оказавшагося убійцей	—

1817 г.

* Къ молодой вдовѣ	162
Къ Жуковскому	163
Дельвигу	167
Стансы. (Изъ Вольтера)	—
Сновидѣніе. (Изъ Вольтера)	169
Письмо къ Лидѣ. (Подражаніе Парни)	—
Именины	170
* Бевѣріе	—
Къ П. П. Каверину	172
Посланіе къ В. Л. Пушкину	173
Добрый совѣтъ. (Изъ Парни)	176
* Къ товарищамъ	—
Въ альбомъ А. Д. Илличевскому	177
Въ альбомъ Ив. Ив. Пущину	178
Разлука. (В. К. Кюхельбекеру)	179
* Въ альбомъ А. Н. Зубову	—
Къ портрету П. Я. Чаадаева	180
Къ портрету Каверина	—
К. П. Бакуниной	—
Къ ней	—
Торжество Вахха	181
Прощаніе съ Тригорскимъ	184

	стр.
Е. С. Огаревой, которой М—ъ прислалъ плодовъ изъ своего сада	—
Княгинѣ Е. И. Голицыной	185
Исторія стихотворца	—
Эпиграммы:	
Какъ брань тебѣ не надоѣла	186
Хоть впрочемъ онъ поэтъ изрядный	—
Добрый человекъ	—

1818 г.

Къ Ѳ. Ф. Юрьеву	187
Къ Щербинину	188
Н. И. Кривцову. При посылкѣ Вольтеровой поэмы	189
Къ Чаадаеву	190
Препестницѣ. (Штейнгель)	—
Выздоровленіе	191
Мечтателю. (В. К. Кюхельбекеру)	192
Къ портрету Жуковского	193
Жуковскому. (На изданіе книжекъ его: «Для немногихъ»)	—
Въ альбомъ Ел. Як. Сосницкой	195
Эпиграммы:	
На Карамзина	—
На кн. А. Н. Голицына	—
На Фотія	196
Про себя	—
Наденькѣ	—
Черновые наброски:	
Позволь душѣ моей открыться предъ тобою	—
Какъ сладостно,— но, боги, какъ опасно	197
И я слышалъ, что бѣдный свѣтъ	—

1819 г.

Ѳ. Ф. Юрьеву	198
Вас. Вас. Энгельгардту	—
Н. И. Кривцову	200
Стансы. (Я. Н. Толстому)	—
Уныніе. (Къ ***)	201
Орлову	202
Русалка	203
Деревня	205
Домовому	207
Недоконченная картина	—
Возрожденіе	208
Отвѣтъ на вызовъ написать стихи въ честь государыни императрицы Елизаветы Алексѣевны	—
Никитѣ Всеволод. Всеволожскому	209
Кн. А. М. Горчакову	211
Къ нему же. (Отрывокъ)	212
Веселый ширь	—
На А. М. Колосову	213
Черновые наброски:	
Напрасно, милый другъ, я мыслить утантъ	—
Воспомянемъ упоенный	—
Скажи, какія заклинанья	214
Все призракъ, суета	—

1820 г.

	стр.
Дорида	216
Доридѣ. (Подражаніе А. Шенье)	—
Оленькѣ Массонѣ	217
Платонизмъ	—
* Мнѣ бой знакомъ	219
* Ода вольность. (Отрывки)	—
На Аракчеева	221
Погасло дневное свѣтило	222
Элегія	223
О дѣва-роза, я въ оковахъ	224
Виноградъ	—
Нерерида	225
Рѣдѣть облаковъ летучая гряда	—
Чаадаеву	226
Фонтану Бахчисарайскаго дворца	—
Дочери Карагеоргія	227
Черная шаль. Молдавская пѣсня	228
** Мнѣ васъ не жаль, года весны моей	230
Эпиграммы:	
1. На Каченовскаго	—
2. Когда бъ писать ты началъ сдуру	—
3. На Ѳ. И. Толстого	231
Черновые наброски:	
Въ лѣсахъ Гаргаріи счастливой	—
На берегу, гдѣ дремлетъ лѣсъ священный	232
И чувствую, душа моя	—
Счастливъ, кто близъ тебя, любовникъ упоенный	—

1821 г.

Земля и море. (Идиллія Моска).	233
Дѣва	234
Дионея	—
Красавица передъ зеркаломъ	235
Муза	—
* Желаніе	—
* Къ Аглаѣ	237
Элегія. (Изъ поэмы «Кавказъ»).	238
* Кинжалъ	239
П. А. Катенину	240
Чаадаеву	241
* Къ моей чернильницѣ	243
Наперсница волшебной старины	246
Сѣтованіе. (Д. В. Давыдову)	247
* Николаю Степан. Алексѣеву	248
Гробъ юноши	250
Наполеонъ	251
Элегія	255
Къ ***	256
Война	257
Къ Овидію	258
Подражаніе (Пѣсни Пѣсней)	260
Десятая заповѣдь	261

	стр.
Къ портрету кн. П. А. Вяземскаго	262
Павлу Серг. Пушкину	—
Г-жѣ Эйхфельдтѣ	—
Лизѣ страшно полюбить	263
Всегда такъ будетъ и бывало	—
На Каченовскаго	—
** Составленъ онъ изъ подлой спѣси	—
Черновые наброски:	
Начало посланія	264
Я слушаю тебя и сердцемъ молодѣю	—
** Не тѣмъ горжусь я, мой пѣвецъ	—
Въ твою свѣтицу, другъ мой нѣжный	265
Вотъ муза, рѣзвая болтуня	—
Чутунъ Кагульскій, ты священъ	—
Въ Юрзюфѣ бѣдный мусульманъ	266
Изъ неоконченной сатиры	267
Кишиневскія дамы	269
Тодорашка въ васъ влюбленъ	270
Повѣрь мнѣ, быть тебѣ Панглосомъ	—

1822 г.

Люблю вашъ сумракъ неизвѣстный	271
Примѣты	272
Друзьямъ	—
Узникъ	273
Пѣсь о вѣщемъ Олегѣ	274
* Еврейкѣ	277
Птичка	—
Уединеніе	278
Пріятели	—
Баратынскому изъ Бессарабін	279
Ему же	—
Гречапкѣ	—
Адели	281
Къ Ѳед. Никол. Глинкѣ	—
Эпиграммы:	
У Клариссы денегъ мало	282
Нѣтъ ни въ чемъ вамъ благодати	—
* Жалоба	—
Русскому Геснеру	283
Черновые наброски:	
Начало посланія кн. П. А. Вяземскому	—
Начало посланія къ брату	284
Изъ записки къ пріятели	—
Мой другъ, уже три дня	—
Къ ***	286
Красы Лалисъ, завѣтные пиры	287
Пиры, любовницы, друзья	—
Я говорилъ предъ хладною толпой	—
Таврида	288
Какъ наше сердце своенравно	—
На тихихъ берегахъ Москвы	289
Зачѣмъ раздался громъ войны	—
Себѣ ты выбралъ, Зензевей	—

Кто, волны, вась остановидь	стр. 290
Венеръ, Фебу и Фемидъ	—
* Въ голубомъ зеира полъ	—

1823 г.

Телѣга жизни	291
Демонъ. (Ал. Ник. Раевскому)	292
Княгиня М. А. Голицыной	293
Элегія	294
Непастный день потухъ	295
Ночь	296
Отрывокъ	—
Возстанъ, о Греція, возстанъ	298
Сказали разъ царю	—
Свободы сѣятель пустынный	299
Надгробная надпись кн. А. Н. Голицыну	300

1824 г.

Александрѣ Львовичу Давыдову. (На приглашеніе ѣхать съ нимъ моремъ на полуденный берегъ Крыма)	301
Иностранецъ (въ альбомъ)	302
Тимковскій царствовалъ—и всё твердили вслухъ	—
На Воронцова	—
Экспромтъ на канцелярскомъ дѣлѣ	303
* Къ морю	—
Аввильонъ	305
Проверпина. (Подражаніе Парни)	306
Испанскій романсъ	307
Къ Языкову	308
Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ	309
Первое посланіе цензору	315
Второе посланіе цензору	318
Коварность	321
Подражаніе А. Шенье	—
Подражанія Корану. (Посвящено Прасковѣ Александр. Осиповой)	322
Признаніе	328
Ода его сіятельству графу Дм. Ив. Хвостову, съ примѣчаніями автора	330
Эпиграммы:	
На петербургское наводненіе	331
Воспитанный подъ барабаномъ	332
Охотникъ до журнальной драки	—
Лихой товарищъ нашихъ дѣдовъ	—
Черновые наброски:	
Презрѣвъ и шопоть укорижны	333
Едва уста краснорѣчивы	—
Все кончено: межъ нами связи нѣтъ	334
* Графу О...	—
Въ пещерѣ тайной, въ день гоненья	335
Надо мной въ лазури ясной	—
Стою печально на кладбищѣ	—
Два чувства равно близки къ намъ	336
Забывъ и роцѣ, и свободу	—
Младенцу	—
* Мнѣ жаль великія жены	—

1825 г.

	СТР.
Андрей Шенье. (Посвящено Н. Н. Раевскому).	337
Сожженное письмо	343
Вакхическая пѣсня	344
Подражаніе (Пѣсни Пѣсней).	345
Пріятелямъ	—
Къ именинницѣ.	346
Если жизнь тебя обманетъ.	—
Сафо	347
Тамъ, гдѣ Семеновскій полкъ	—
Живъ, живъ Курилка! (На М. Т. Каченовскаго)	—
Ковлову. (По полученіи отъ него «Чернеца»).	348
Изъ письма къ А. Г. Родзянко.	349
Eх ungue leopard	—
П. А. Осиповой	—
Желаніе славы	350
Къ А. П. Кернъ.	351
Къ А. Г. Родзянко	352
Прозаніе и поэтъ	353
Движеніе	—
Дружба.	354
Соловей и кукушка	—
Совѣтъ	—
Послѣдніе цвѣты. (Въ альбомѣ П. А. Осиповой).	355
19 октября 1825.	—
Изъ А. Шенье	362
Зимній вечеръ	—
Н. Н. При посылкѣ ей Невскаго Альманаха.	363
Къ Варатынскому.	364
Буря	—
Н. С. Мордвинову. (Отрывокъ).	—
Переводы:	
I. Изъ Аріостова Orlando Furioso	366
II. * Съ португальскаго.	369
III. Начало I-й пѣсни «Дѣвственницы».	371
Пѣсни, записанныя Пушкинымъ:	
1. Какъ за церковью, за кѣмцеюю	372
2. Во лѣсахъ дремучихъ.	—
3. * Изъ цикла легендъ о Стенькѣ Разинѣ	—
4. * Изъ быта поволжскихъ разбойниковъ	374
Только что на проталинахъ весеннихъ	375
Колокольчики звенятъ	376
Черный воронъ выбиралъ бѣдую лебедушку	—
Черновые наброски:	
Стрекотуня бѣлобока	—
* Лишь розы увядаютъ	377
Пока супругъ тебя, красавицу младую	—
Я былъ свидѣтелемъ влатой твоей весны	—
Любимецъ моды легкокрылой.	378
Глядитъ на свѣтлые врая	—

О П Е Ч А Т К И.

Страница.	Строка.		Напечатано.	Слѣдуетъ.
23	10	снизу	Еленѣ Мих.	Евдокии Мих.
95	16	сверху	А. В. Илличевскій	А. Д. Илличевскій
105		въ колонцифрѣ	Дальвигъ	Дельвигъ
114	10	снизу	Малютку-бѣдокура	Малютку-бѣдокура
133	17	сверху	Не бѣшеной	На бѣшеной
238	13	>	ихъ	имъ
255	8	>	Въ прахъ	Во прахъ
270	1	>	влюблен	влюбленъ,
280	19	>	Въ твой	Въ твоей
361	11	снизу	называвшагося	издававшатося
